БИБЛИОТЕКА
МОСК. НѢМЕЦКАГО КЛУБА

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. НОЯБРЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Статьи, подлежащія напечатанію въ будущемъ году** I

II. **Берлинскій Конгрессъ 1878 года.** (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 221—238

III. **Въ долинѣ Дуная въ 1877 г.** Г. И. Бобрикова. 239—255

IV. **Встрѣчи и столкновенія.** (И. И. Тутчекъ, И. А. Гончаровъ). Р. И. Сементковскаго. . . . . 256—268

V. **Н. Г. Чернышевскій.** (Наброски по неиздан. матеріаламъ). А. А. Лебедева. 269—282

VI. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Раговиной. . . . 283—295

VII. **Дневникъ академика В. П. Безобразова.** 1887. Сообщ. М. В. Безобразова. . . . . 296—302

VIII. **Великій Князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I** (Опытъ историческаго изслѣдованія). В. Т. . . . . 303—321

IX. **Сто лѣтъ назадъ.** Письма И. И. Одинталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . . 322—339

X. **Къ дѣлу Мировича.** П. Юдина. . . . . 340—341

XI. **Изъ бумагъ архіепископа воронежскаго Парѳенія, относящихся къ 1812 году.** Т. М. Олейникова. . . . . 342—345

XII. **Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерѣ „Африка“.** В. Руднева. . . 346—361

XIII. **Депутатъ отъ Россіи.** (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 362—377

XIV. **Стендаль въ Москвѣ и въ Смоленскѣ.** Сообщ. А. Хоментовская . . . . 378—390

XV. **М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа.** (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. . 391—400

XVI. **Лунное явленіе, видѣнное въ Москвѣ 1812 г., ноября 28-го дня.** П. П. Веніаминова. . . . . 401—405

XVII. **Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.** Е. А. Альбовскаго. . . . . 406—415

XVIII. **Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына.** Сообщ. Н. Д. Романовъ. . 416—422

XIX. **Андрей Денисьевичъ Виніусъ.** (Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ). Е. Вильчинскаго. . . 425—441

XX. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 8 сентября по 6 октября 1911 г.** 444—450

XXI. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **Волшебство противъ мельницы (1613 г.).** Сообщ. Ив. Суворовъ. . 423—424

б) **Мужикъ на царскомъ дворѣ ночью (1686 г.).** Изъ архивныхъ документовъ . . . . . 442—443

XXII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложеніе: Эпизодъ изъ боевъ подъ Краснымъ съ 3 по 6 ноября 1812 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1913 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1912.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1912 года.

Библіографическій листокъ.

Труды Псковскаго археологическаго общества, 1911—1912 г.г. Выпускъ 8-й Псковъ. 1912.

Въ восьмомъ выпускѣ работъ псковскаго общества помѣщено нѣсколько интересныхъ изслѣдованій и матеріаловъ: „Походы Стефана Баторія на Россію и осада Псковъ въ 1551 г." (П. Орлова); „Русское дворянство въ событіяхъ 1730 года" (М. Помяловскаго очеркъ событій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны записки Е. П. Назимова о шведской войнѣ 1808—1809 г.г.; „Обитатели Тригорскаго в 1850-хъ годахъ" (сообщеніе Н. Окулича-Казарина о П. А. Осиповой и ея семьѣ, извѣстныхъ по отношеніямъ къ нимъ А. С. Пушкина), записанныя К. Іеропольскимъ, И. Копаневичемъ и П. Николаевымъ въ Псковской губерніи народныя пѣсни, поговорки, послов вицы и др. Псковское археологическое общество уже много лѣтъ старательно изучаетъ охраняетъ псковскую старину, несмотря на самыя неблагопріятныя матеріальныя и бы товыя условія. О послѣднихъ краснорѣчиво говорятъ слѣдующія простыя, немногословны строки: „на свой счетъ наше общество сдѣлало и размѣстило по башнямъ и стѣнамъ Кремля желѣзныя доски съ надписями о времени сооруженія и историческомъ значеніи этихъ памятниковъ. Эти доски постигла печальная участь: часть ихъ тотчасъ же была разстрѣляна камнями, переломана и сбита на землю. Общество замѣнило ихъ новыми досками, съ которыми опять повторилась та же исторія; теперь мы возобновили ихъ в третій разъ"... Лишь недавно общество добилось изданія административныхъ обязательныхъ постановленій о неприкосновенности древнихъ стѣнъ и башенъ.

Дѣйствія Нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XII. Вы пуски I, II. Томъ XIII. Выпускъ III. Нижній-Новгородъ. 1912.

Отнынѣ „дѣйствія" выходятъ отдѣльными выпусками, которые предполагается вы пускать по нѣскольку разъ въ годъ. По содержанію они дѣлятся на три отдѣла: статьи и сообщенія членовъ комиссіи, описи дѣлъ и историческіе документы. Какъ всѣ изданія комиссіи, и эти составлены интересно и разнообразно. По экономической исторіи Нижняго-Новгорода отмѣтимъ статьи Е. Д. Сташевскаго „Замѣтка о торговлѣ Нижняго-Новгорода въ первой половинѣ XVII вѣка" и А. Дахновича „Нижній-Новгородъ въ первой половинѣ XVII в. по писцовой книгѣ". Много матеріаловъ относится къ церковной, юридической и бытовой старинѣ.

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1908—1911 годы.

Эти интересныя, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ краткія, лѣтописи жизни замѣчательнаго хранилища историческихъ сокровищъ, которымъ гордится Москва, свидѣтельствуютъ о непрерывномъ ростѣ и процвѣтаніи Музея. Онъ все отчетное время обогащался дарами жертвователей и удачными покупками, гостепріимно открывалъ свои двери всѣмъ интересующимся разнообразными отраслями археологіи, искусства и исторіи, устраивалъ юбилейныя выставки въ память выдающихся историческихъ событій (напр., двухсотлѣтія Полтавскаго боя, пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ) и по случаю литературныхъ поминокъ (по С. Т. Аксаковѣ, Гоголѣ, Кольцовѣ, Бѣлинскомъ и друг.). Въ 1908 г. Музей посѣтили почти сорокъ тысячъ человѣкъ; въ 1911 г. посѣтителей было уже болѣе пяти десяти восьми съ половиною тысячъ.

Александръ Ермоловъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861. С.-Петербургъ. 1912.

Русскому народу присуще замѣчательное свойство мало заботиться о составленіи жизнеописаній великихъ и выдающихся людей своей родины. Поэтому появленіе подобныхъ обстоятельныхъ біографій должно быть привѣтствуемо съ особымъ удовольствіемъ.

Авторъ книги, потомокъ А. П. Ермолова, даетъ высоко-интересное и крайне поучительное жизнеописаніе своего знаменитаго предка. Выяснивъ характеръ его воспитанія авторъ картинно излагаетъ энергичное участіе 17 лѣтняго капитана Ермолова при штурмѣ Праги подъ начальствомъ Суворова въ царствованіе Великой Екатерины, а затѣмъ при Императорѣ Павлѣ I заключеніе А. П. въ Петропавловскую крѣпость и ссылку и вѣчное пребываніе въ Костромѣ, и поступленіе вновь на службу при Императорѣ Александрѣ I. Ермоловъ участвовалъ въ персидскомъ походѣ Зубова, въ войнахъ 1805, 1806, 1807, 1812, 1813, 1814 годовъ. Во всѣхъ этихъ походахъ А. П. обнаружилъ блестящія военныя и административныя дарованія. Участіе А. П. въ сраженіяхъ подъ Варшавой, Прейсишъ-Эйлау, р. Посаргѣ, подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, Малоярославцемъ при преслѣдованіи арміи Наполеона въ 1812 году, въ сраженіяхъ подъ Бауценомъ, Кульмомъ и Парижемъ составляютъ блестящія страницы нашей военной исторіи.

Тонкіе знатоки людей Суворовъ, Кутузовъ и Императоръ Александръ I отличали блестящія военныя и административныя дарованія Ермолова. Послѣ Прейсишъ-Эйлау Ермоловъ сталъ извѣстенъ всей арміи, а отечественная война выдвинула его впере

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Эпизодъ изъ боевъ подъ Краснымъ съ 3 по 6 ноября 1812 года.

Статьи, подлежащія напечатанію въ будущемъ году
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1913 году въ сорокъ четвертый годъ своего существованія, **„Русская Старина"** предполагаетъ напечатать въ будущемъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **П. Д. Боборыкина. Е. С. Шумигорскаго.**—„Родители Великаго Князя Павла Петровича". „1800 годъ". **Н. А. Вилламова.** — Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **В. К. Случевскаго.**—„Борьба съ антихристомъ у Тирасполя". **Г. И. Бобрикова.**—Воспоминанія, касающіяся дѣятельности автора въ Румыніи, въ дѣйствующей арміи, въ Сербіи, въ Берлинѣ на конгрессѣ, въ Константинополѣ послѣ войны. **Е. А. Рагозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается войны съ Черногоріей, Сербіей, Черняева, настроенія въ Константинополѣ послѣ объявленія войны Россіей Турціи, вспышки масульманскаго фанатизма и др. **А. Александрова.**—Неизданныя письма Ѳ. М. Достоевскаго. **В. А. Алексѣева.**—Два неизданныхъ стихотворенія Некрасова. **Кн. М. В. Волконской.**—„Памяти М. А. Балакирева"—„за 38 лѣтъ". **Е. Фридерикса.**—Мое знакомство съ семьей Бѣлинскаго. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія. **А. А. Половцевой.** — Записки А. А. Половцева (касаются графа Киселева, М. И. Муравьева, Г. А. Валуева и Д. П. Блудова). **М. И. Грекова.**—„Атака лейбъ-казаковъ въ бою подъ Лейпцигомъ, по разсказу участника боя". **К. Владиславлевъ.**—Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры: „На развѣдку".—„Набѣгъ".—„На призовомъ пароходѣ".—„Въ бою".—„Послѣ боя". **В. Лайминга.**—Женатая рота. **Елисаветы Шаховой.**—„Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности". **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства „Павелъ Конюкевичъ, митрополитъ Сибирскій". „Дѣло по прошенію іеромонаха Іосифа". **Е. К. Андреевскаго.**—Наброски портретовъ: В. К. Плеве, Д. С. Сипягинъ, И. Н. Дурново, Б. А. Шванебахъ, М. Д. Скобелевъ, кн. А. К. Имеретинскій, Ѳ. А. Радецкій, Н. Г. Столѣтовъ, І. В. Гурко, К. В. Левицкій, А. А. Непокойчицкій, А. Р. Дрентельнъ. **Баронесса Елизавета Менгденъ.**—Изъ дневника внучки. **М. А. Сафонова.**—„За рѣшеткой". **П. А. Соколова.**—„Межевой". **Н. И. Морозова.**—Люди и нравы за полвѣка (Митрополитъ Филаретъ, гр. М. И. Муравьевъ, кн. Юр. Голицынъ, кн. Урусовъ и др.). **В. Г. Смородинова.**—Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. **В. С. Маркова.** — Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ. **Е. В. Коршъ.**—Далекое прошлое. **Н. А. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія: между прочимъ, будутъ помѣщены воспоминанія о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Вышнеградскомъ, Витте, крушеніе Императорскаго поѣзда близъ ст. Борки, Сибирская желѣзная дорога, 1805 годъ и др. **В. А. Алексѣева.**—Письма Н. П. Ломакина генералу А. А. Бакулину. **Е. К. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **Ѳ. М. Ильинскаго.**—Московскій митрополитъ Пронтій. **Изъ бумагъ А. К. Попова.** — Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. **Е. А. Альбовскаго.** — Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **Сообщ. Е. С. М.**—Депутатъ отъ Россіи. Воспоминаніе и переписка **О. А. Новиковой. И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **Е. К. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. **Г. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Суббота 17/29 іюня. Вчера вечеромъ было новое засѣданіе у Шувалова съ Черногорцами; я, какъ незнакомый съ мѣстностью, не былъ на совѣщаніи; были Бобриковъ и Боголюбовъ.

Черногорскій вопросъ можетъ очень расхолодить наши отношенія къ Австріи, которая, какъ всегда, порядочно насолила намъ, опираясь на Англію, передъ которою пѣла Лазаря. Думаю, что рано или поздно, но часъ расплаты придетъ, и тогда плохо будетъ Австріи, а до того времени ея политики живутъ настоящимъ и прохаживаются на нашъ счетъ. Венгрія, въ лицѣ Андраши, отплачиваетъ намъ за 1849 годъ.

Кажется, жара, преслѣдовавшая насъ, начинаетъ спадать. Сегодня уже можно было спать спокойно, а къ утру стало даже свѣжо. Вчера, не зная, что дѣлать отъ жары, я сбѣжалъ въ другой №, окна котораго выходятъ во дворъ (№ 48) и хотя лишенъ теперь вида на Behrnstrasse, но за то нѣтъ жары, прежде же солнце было съ ранняго утра до поздняго вечера, и некуда было отъ него укрыться.

Былъ у Шувалова въ 11 ч. Онъ уѣхалъ уже на предварительное совѣщаніе въ залу Конгресса и взялъ съ собою Бобрикова. Дѣло въ томъ, что вчера, на 8-мъ засѣданіи Конгресса, рѣшили образовать особую комиссію разграниченія изъ уполномоченныхъ, по

---

[1]) См. „Русск. Старину“ май 1912 г.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

одному отъ каждой державы, для формулированія окончательнаго направленія границъ, при чемъ австрійцы представили проектъ границъ Сербіи, а Мегеметъ-Али-Паша—границы Черногоріи. Предположили снова собрать нашу военную комиссію, усиливъ ее офицерами отъ Пруссіи, Италіи, Франціи и Турціи. Окончательное соглашеніе по этому должно было состояться сегодня передъ или послѣ Конгресса. Чтобы скорѣе передать намъ объ этомъ рѣшеніи, графъ Шуваловъ и взялъ съ собою Бобрикова. Почему-то соглашеніе затянулось, и Бобриковъ ушелъ изъ залы Конгресса, не дождавшись рѣшенія. Между тѣмъ я, узнавъ о предположенномъ созваніи нашей комиссіи, вернулся домой.

Вскорѣ мнѣ дали знать изъ посольства, что созывъ комиссіи рѣшенъ и собираютъ насъ немедленно. Пошли къ Бобрикову—нѣтъ дома. Секретарь Шувалова, Бутеневъ пришелъ въ посольство и сказалъ, что Бобрикова тамъ нѣтъ. Совѣтникъ посольства Араповъ ѣздилъ по всему городу и не нашелъ его нигдѣ, а между тѣмъ онъ преспокойно сидѣлъ у Шувалова, ожидая его возвращенія, а такъкакъ самъ Шуваловъ былъ на Конгрессѣ, то и не предполагали возможнымъ, чтобы кто-нибудь оставался у него въ квартирѣ. Въ то же время ко мнѣ приходилъ австріецъ Тёммель узнать, когда будетъ наше собраніе; оказалось, что и у нихъ идетъ та же суматоха. Англичанъ едва разыскали. Наконецъ, собралась, наша старая комиссія въ прежнемъ составѣ и, подождавъ до 1/26 рѣшила разойтись въ томъ предположеніи, что новые наши товарищи едва-ли успѣютъ явиться сегодня. Однако, успѣли потолковать о границахъ Сербіи и Болгаріи. Англичане какъ-то сговорчивѣе. Что-то будетъ завтра; собираемся въ 2½ ч. дня.

Потомъ обѣдали всѣ одновременно, но не вмѣстѣ въ Кайзергофѣ, гдѣ нѣтъ уже болѣе table-d'hote, а садятся за отдѣльными столиками: обѣдъ по картѣ стоитъ 4½ марки. Обѣдъ дали прекрасный, отличные артишоки и чудесный рейнвейнъ. Въ залѣ Кайзергофа видѣлъ румынскихъ министровъ Братіано и Кагальничеано. На насъ, русскихъ, смотрятъ косо.

Послѣ обѣда, передъ тѣмъ какъ идти къ Шувалову и узнать у него, что было на засѣданіи, я зашелъ къ Бобрикову. Вдругъ являются туда разыскивать... самого Шувалова! Все это цѣлые дни бѣгаетъ отъ одного къ другому; каждый другъ друга ищетъ. Суматоха невѣроятная. Всѣ члены Конгресса измучились. Говорятъ, что къ 8/20 іюля (почему именно къ 8/20?) Конгрессъ кончится. Неужели еще столько времени будемъ ждать здѣсь.

На-дняхъ ѣдетъ въ Царское Село Бобриковъ, а за нимъ, вѣроятно, придется ѣхать мнѣ. Въ Царскомъ происходитъ только докладъ Государю и сейчасъ же немедленная отсылка обратно, такъ что нельзя даже ѣхать въ Петербургъ. Мнѣ еще Шуваловъ ничего не говорилъ, но думаю, что не избѣжать поѣздки, которую ожидаю ежедневно.

Въ комиссію разграниченія при Конгрессѣ (Commission de délimitation) вошли:

отъ Германіи—князь Гогенлоэ.
„ Австріи—баронъ Гаймерле.
„ Франціи—графъ Сенъ-Валье.
„ Англіи—лордъ Одо-Россель.
„ Италіи—графъ Де-Лонэ.
„ Россіи—графъ Шуваловъ.
„ Турціи—Мегеметъ-Али-Паша.

Боснія и Герцеговина преподнесены вчера Австріи. Предложеніе сдѣлалъ Салисбюри, а передъ тѣмъ Андраши сказалъ іезуитскую рѣчь, выставляя на видъ безобразія, происходившія въ Босніи, и сказалъ, что самые жизненные интересы Австріи требуютъ установленія на этотъ предметъ такого рѣшенія, которое способно было бы умиротворить край и предупредить возобновленіе безпорядковъ, столько стоившихъ Австріи.

Горчаковъ сказалъ, что въ вопросѣ о Босніи и Герцеговинѣ Россія не заинтересована ?!! Шуваловъ ничего не говорилъ.

Понедѣльникъ 19 іюня (1 іюля). Вчера 18/30, въ воскресенье, мы одержали въ нашей комиссіи если не полную, то весьма значительную побѣду, а англичане провалились совсѣмъ.

Комиссія наша, которую называютъ „la commission des délégués spéciaux de délimitation“, состоитъ теперь изъ двѣнадцати членовъ. Заявленія наши о невозможности вести дѣло только съ австрійцами и англичанами—были уважены, и комиссію усилили новыми членами. Поименовываю ихъ всѣхъ, выписывая названія державъ въ алфавитномъ порядкѣ, принятомъ вообще на Конгрессѣ. Въ этомъ порядкѣ подавались и голоса въ нашей комиссіи.

Allemagne—Блюме (Blume), генеральнаго штаба подполковникъ и начальникъ отдѣленія въ военномъ министерствѣ.

Autriche—баронъ Швёгель (Schwegel), начальникъ отдѣленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и фонъ Тёммель (von Thoemmel), подполковникъ генеральнаго штаба, бывшій долгое время въ Черногоріи.

France—графъ де-Семезонъ (de Sesmaisons), полковникъ генеральнаго штаба и военный агентъ въ Берлинѣ.

Grande Bretagne—генералъ Симмонсъ (Simmons) и Ардагъ (Ardagh), инженеръ-капитанъ.

Italie—графъ дель-Майно (Del-Mayno), подполковникъ генеральнаго штаба и военный агентъ въ Берлинѣ.

Russie—генеральнаго штаба: генералъ-лейтенантъ Анучинъ; генералъ-маіоръ Бобриковъ и полковникъ Боголюбовъ; Боголюбовъ бывалъ на засѣданіяхъ преимущественно по дѣламъ Черногоріи, а я на такія засѣданія (о Черногоріи) не приходилъ.

Turquie—маіоръ Нури Еффенди (Nouri Effendi), военный агентъ въ Берлинѣ и Гуссейнъ Назимъ (Hussein Nazim)—эскадронный командиръ генеральнаго штаба.

Приступая къ опредѣленію окончательныхъ границъ Сербіи, намъ приходится считаться со слѣдующими фактами:

а.) Боснія и Герцоговина уступлены Австріи съ оставленіемъ Сербіи Малаго Зворника и Захара.

б.) Австрія отказалась отъ занятія Enclave, но оговорила себѣ право, впослѣдствіи, занять Ново-Базарскій санджакъ, т. е. ту часть Enclave, которая прежде входила въ составъ Боснійскаго вилайэта; слѣдовательно, Австрія употребитъ всѣ усилія, чтобы сохранить за Турціею западную часть прирѣзки къ Сербіи по Санъ-Стефанскому договору, прирѣзки, которая подходила къ самой Митровицѣ и желѣзной дорогѣ отъ Митровицы въ Салоники.

в.) Аналогичнымъ заявленіемъ Турціи о необходимости расширить, по возможности, промежутокъ между Сербіею и Черногоріею; это заявленіе должно будетъ особенно невыгодно отразиться на сохраненіи Санъ-Стефанской границы Черногоріи, такъ какъ на большей части этого пространства сербскія границы оставались старыя, а впередъ выдавались границы Черногоріи.

Словомъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ такъ названною Игнатьевымъ и всѣми въ Санъ-Стефано *„скотопрогонною дорогой“*, т. е. узкой полосой между Сербіей и Черногоріей, оставленной для Турціи въ видѣ дороги для сообщенія между искалѣченными западными провинціями. Игнатьевъ особенно хвалился этою „скотопрогонною дорогою“, хотя въ дѣйствительности едва-ли она была нужна послѣ того, какъ Россія заранѣе предоставляла Австріи право занять Боснію и Герцеговину. Депеша Государя отъ 15/27 іюня (см. выше подъ 16/28 іюня) ясно показываетъ, что онъ не имѣлъ въ виду отказываться отъ своего слова. Зачѣмъ же было и оставлять эту скотопрогонную дорогу къ чужимъ владѣніямъ?

Здѣсь же, въ Берлинѣ, мы неоднократно убѣждались, что именно эта скотопрогонная дорога приводила въ ярость и Австрію, и Турцію. Мнѣ кажется, что если бы, при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, мы вспомнили объ условіяхъ нашихъ съ Австріей и прямо заявили о предоставленіи ей права занять Боснію и Герцеговину—съ предварительнаго ея на такое заявленіе соглашенія—то мы не имѣли бы теперь противъ себя Австрію, и пожалуй Черногорія примкнула бы къ границамъ Сербіи.

Заявленія Турціи и Австріи, розданныя намъ въ печатныхъ экземплярахъ, у сего прилагаются [1]).

Поддерживая Турцію въ видахъ расширенія скотопрогонной дороги, Австрія потребовала уступки западной части прирѣзки къ Сербіи, отодвинувъ эту границу къ востоку, параллельно желѣзной дорогѣ и начиная новую границу у Приштины. Не желая обидѣть Сербію, Австрія за эту отрѣзку требовала прирѣзки къ Сербіи—на счетъ Болгаріи—Врани, Трна и Пирота съ ихъ округами и части Брезницкаго округа.

Полагая сперва разсмотрѣть только границу Сербіи отъ Турціи и разсчитывая, что проведеніе границы собственно между Сербіей и Болгаріей не вызоветъ затрудненій, Россія согласилась въ принципѣ принять австрійскую линію, выговоривъ только въ пользу Сербіи—Преполацкое ущелье и вершины р. Медвѣдьей.

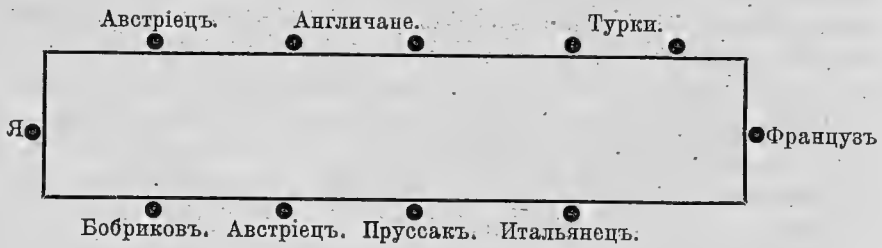
Все вышенаписанное подробно изображаетъ основанія, которыхъ мы рѣшились держаться и которыя были выработаны на совѣщаніяхъ у Шувалова.

Мы (я и Бобриковъ) пришли въ засѣданіе, когда всѣ уже собрались кромѣ австрійцевъ. Познакомились и разговорились. Оказалось, что новые члены еще наканунѣ, вечеромъ въ субботу, видѣлись съ англичанами и австрійцами и узнали отъ нихъ объ ихъ желаніи на счетъ проведенія сербской границы. Рѣшили заняться этимъ вопросомъ. Во всѣхъ комиссіяхъ, состоявшихъ при Конгрессѣ, предсѣдательствовали члены отъ Германіи. А потому я и Симмонсъ, какъ старшіе по чинамъ, обратились къ подполковнику Блюме съ предложеніемъ взять на себя предсѣдательство. Онъ долго отказывался, ссылался на свой чинъ, но мы его убѣдили согласиться, такъ какъ старшинство здѣсь не могло что-либо значить, тѣмъ болѣе, что случайно представители двухъ противныхъ партій—генералы; ни одному изъ нихъ неудобно было быть въ одно и то же время и предсѣдателемъ, и защитникомъ крайняго мнѣнія.

---

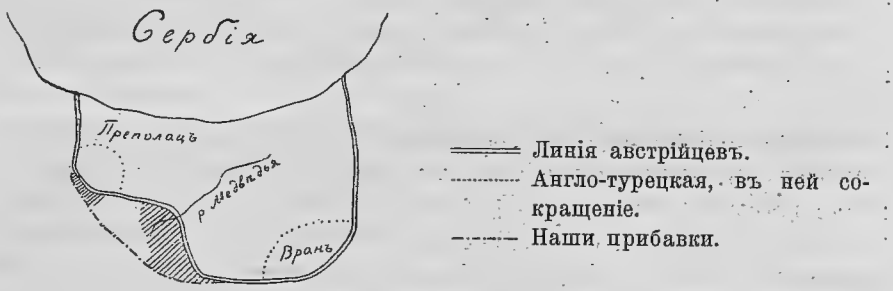
[1]) Приложеніе № 4.

Когда Блюме согласился, мы усѣлись за столъ въ такомъ порядкѣ:



Приступили къ работамъ. Прежде всего предсѣдатель (Блюме) предложилъ условиться на счетъ того, какъ выражать граничную черту. На установленіи этого особенно настаивали мы, ссылаясь на недоразумѣнія бывшихъ уже нашихъ совѣщаній. Условились при направленіи границы: по хребтамъ горъ—брать ихъ гребни (erête); по рѣкамъ—ихъ русло (thalweg); по бассейнамъ рѣкъ—водораздѣлы (la ligne de partage des eaux). Это принято единогласно; англичане и на этотъ разъ немало говорили о зонахъ, но должны были уступить общему голосу, чтобы не остаться въ одиночествѣ.

Затѣмъ австрійцы прочитали свое заявленіе. Мы заявили согласіе съ ними, оставя за собою право объяснить при самыхъ дебатахъ, нѣкоторыя измѣненія въ пользу Сербіи. Англія, за себя и Турцію, высказалась тоже въ пользу австрійской линіи, но оставляла за Турціей Враню и ея округъ.



Итакъ оказались три линіи: австрійская, турецко-англійская и наша. Каждая сторона объяснила свое направленіе, приводя принятыя къ тому основанія. Англичане (турки были нѣмы) прямо говорили, что желаютъ оградить бѣдную Турцію отъ Сербіи. Австрійцы выставляли впередъ необходимость поддержать ихъ тор-

говлю и прикрыть Митровицо-Салоникскую желѣзную дорогу. Мы заявили совсѣмъ другое. Для насъ, говорили мы, нѣтъ ни сербовъ, ни турокъ. Мы хотимъ провести границы по возможности естественныя, которыя не были бы явно ни въ пользу одной, ни въ пользу другой стороны, и полагаемъ, что если на одной дорогѣ черезъ пограничные хребты есть два ущелья, напр. Любча и Преполацъ, то слѣдуетъ одно отдать Турціи, а другое оставить за Сербіей. Если одно ущелье, то его надо раздѣлить поперекъ, чтобы оно было общимъ и чтобы каждая сторона оберегала свой выходъ. Наконецъ, мы сказали, что наша граница примыкаетъ къ большимъ хребтамъ, составляющимъ безспорную и непроходимую линію въ верховьяхъ р. Медвѣдьей.

Вновь введенные въ комиссію элементы, т. е. представители Германіи, Франціи и Италіи, попросили разрѣшенія обмѣняться между собою взглядами и придти къ одному заключенію, которое могло бы быть выраженіемъ мнѣнія державъ, незаинтересованныхъ въ дѣлѣ непосредственно и потому болѣе безпристрастныхъ. По окончаніи этого совѣщанія, довольно продолжительнаго, графъ де-Семезонъ, отъ себя и отъ имени двухъ своихъ товарищей, заявилъ, что они признаютъ необходимымъ принять среднія рѣшенія и предлагаютъ поставить слѣдующіе вопросы:

1) Слѣдуетъ ли отдать Сербіи проходъ Любча?

2) Слѣдуетъ ли отдать Сербіи весь проходъ Преполацъ (такъ какъ Любча остается за Турціей), прибавя къ австрійской линіи пространство въ тысячу метровъ?

3) Слѣдуетъ ли предоставить Сербіи верховья р. Медвѣдьей, приблизившись къ русской линіи, и

4) слѣдуетъ ли сохранить за Сербіей округъ Враня?

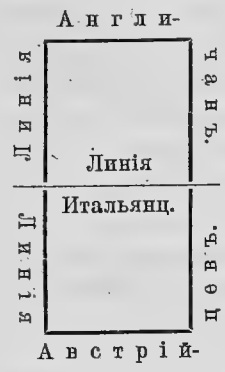
Постановка нейтральными членами всѣхъ вопросовъ была благопріятна нашему заявленію и въ пользу Сербіи. Комиссія согласилась на постановку этихъ вопросовъ. Началось голосованіе.

По первому вопросу, кромѣ насъ, всѣ сказали *нѣтъ*, и Любча осталась за Турціей.

По второму было *3 нѣтъ* и *4 да*; Преполацъ съ присоединеніемъ территоріи въ тысячу метровъ впередъ—достался Сербіи.

По третьему было *3 нѣтъ* (Австрія, Англія и Турція) и *4 да*— верховья р. Медвѣдьей достались Сербіи и принята наша линія. Австрійцы разсердились. „Кому принадлежитъ линія водораздѣла? спрашиваетъ баронъ Швегель, такъ какъ бассейнъ ничего еще не опредѣляетъ на счетъ линіи водораздѣла“. Хорошъ! Ему замѣтили, что вопросъ этотъ разрѣшенъ въ самомъ началѣ засѣданія и возвращаться къ нему нельзя.

По вопросу четвертому о Вранѣ пришлось много толковать.



Мы были, разумѣется, за линію Враня австрійскую; она хотя и обижала Болгарію, но вознаграждала Сербію за сдѣланную у нея отрѣзку новой границы на западъ. Считая необходимымъ дать ей что-либо въ замѣнъ, надо было начать съ уступки ей Врани. Англичане же хотѣли отхватить отъ Сербіи, въ пользу Турціи, весь Вранскій округъ съ великолѣпнѣйшимъ Гредецицкимъ ущельемъ.

Представитель Италіи графъ дель-Майно предложилъ среднюю линію, съ которою на предварительномъ совѣщаніи согласились Франція и Германія.

Опять явилось три линіи — англійская, австрійская и итальянская. Съ которой начать голосованіе? Очевидно, что пруссакъ, французъ и итальянецъ, предлагая среднюю линію, сомнѣвались въ возможности сохранить для Сербіи линію австрійскую и находили справедливымъ отрѣзать менѣе, чѣмъ хотѣли взять англичане. Поэтому выгоднѣе было для насъ начать съ англійской линіи, которую едва-ли бы кто могъ защищать кромѣ англичанъ и турокъ.

Предсѣдатель спрашиваетъ: „съ какой линіи начать голосованіе?“ Мы говоримъ, что все равно, лишь бы не съ средней, которая должна быть второй. Предсѣдатель: „итакъ англійская или австрійская? кто за англійскую, поднять руки, кто за австрійскую, не поднимать“.

Большинство и въ томъ числѣ *англичане* и турки и, разумѣется, мы, подняли руки. Австріецъ Швёгель, сидѣвшій между мною и англійскимъ генераломъ, говоритъ: „что они дѣлаютъ, не понимаютъ послѣдствій“ и, обращаясь къ англійскому генералу—„да развѣ вы не догадываетесь, что сдѣлали капитальную ошибку!“ Тотъ смотритъ удивленно.

При голосованіи за англійскую линію подали голоса: 2 *да* (Англія и Турція) и 5 *нѣтъ*. Линія и англичане съ турками провалились. Надо было видѣть ихъ досаду. Тогда они начали говорить, что прежде чѣмъ голосовать среднюю, итальянскую линію, ее надо исправить, приблизивъ къ англійской. Начались споры.

„Позвольте, заявляемъ мы: вѣдь эта линія была уже изучена; мы потратили на нее болѣе часу времени и, наконецъ, всѣ вопросы были поставлены безъ малѣйшихъ протестовъ. Надо продолжать“. Австрійцы, раздосадованные рѣшеніемъ первыхъ вопросовъ въ нашу пользу, приняли сторону англо-турокъ, но безуспѣшно.

По итальянской линіи, т. е. слѣдуетъ ли ее принять за границу Сербіи, получилось 4 *нѣтъ* и 3 *да*, т. е. турки, англичане и предатели австрійцы, которые, чтобы поддержать турокъ, сказали *да*, отступаясь такимъ образомъ отъ своей линіи. Вотъ плуты? Провалилась и эта линія.

За третью линію, австрійскую, было 5 *да* и 2 *нѣтъ*, т. е. турки и англичане. Итакъ они провалились со скандаломъ. Всѣ ихъ предложенія безусловно отклонены, а большая часть нашей прирѣзки получена. Мы на это даже и не разсчитывали, такъ какъ Сербія и безъ того получаетъ совершенно достаточно и даже больше, чѣмъ предполагалось ей дать по Санъ-Стефанскому договору.

Рѣшенія наши мы резюмировали слѣдующимъ протоколомъ:

„Военная комиссія, въ своемъ засѣданіи 30-го іюня, высказалась большинствомъ голосовъ въ пользу прилагаемаго у сего предложенія Австро-Венгріи относительно сербскихъ границъ съ тѣми измѣненіями:

„1) что будетъ назначенъ районъ въ тысячу метровъ къ югу отъ пункта, въ которомъ линія водораздѣла перерѣзывается дорогою изъ Куршумле въ Приштину,

„2) что верхній бассейнъ Медвѣджи останется за Сербіей.

„Вопросъ о томъ, должны ли Пиротъ и Трнъ составить часть Сербіи или нѣтъ—комиссіею отложенъ“.

Я съ удовольствіемъ пообѣдалъ въ Кайзергофѣ и два раза былъ у Шувалова, чтобы передать ему о происшедшемъ, но, не заставъ его дома и въ послѣдній разъ, написалъ ему записку, чтобы онъ, придя домой, узналъ о хорошихъ результатахъ.

Въ этомъ же составѣ, комиссія наша будетъ заниматься и болгарскими границами. Шансы отстоять наши предложенія увеличиваются, и есть надежда, что пограничные вопросы будутъ рѣшены недурно. Должно отстоять Шипку, и на это будетъ обращено самое большое вниманіе; наша позиція, наши кладбища не могутъ быть профанированы турками.

Я въ хорошемъ расположеніи духа—а это такъ рѣдко теперь бываетъ со мною—и въ восторгѣ, что англичане съ носомъ. Поддержка Пруссіи, Франціи и Италіи тѣмъ важнѣе, что она устранила всѣ вопросы, кромѣ военныхъ, т. е. стали на нашу точку зрѣнія, а слѣдовательно, соглашеніе возможно, и для насъ выгоднѣе, чѣмъ прежде.

Сегодня утромъ былъ у Шувалова. Тамъ былъ Ристичъ. Онъ сильно агитируетъ въ пользу отдѣленія къ Сербіи, кромѣ отданной уже ей Врани, еще Пирота и Трна. Въ своемъ разглагольствованіи онъ увлекся до того, что заявилъ о желаніи населенія этихъ городовъ съ ихъ округами сдѣлаться сербскими. Къ нему оттуда, будто бы, поступило множество подобныхъ заявленій и что если устроить плебисцитъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ мѣстные жители поголовно выскажутся за присоединеніе къ Сербіи. Какъ хорошо знакомый съ обстоятельствами, я опровергъ это фактами, сказавъ, что если и есть голоса за Сербію, то только потому, что мѣстности эти, къ сожалѣнію, заняты сербскими войсками, и что тамъ устроена не наша, а сербская гражданская администрація, производящая страшныя безобразія и потребовавшая, чтобы духовенство на эктеніяхъ поминало имя князя Милана. Пиротскій митрополитъ, заявившій протесты противъ сербскихъ порядковъ, былъ схваченъ и увезенъ въ Нишъ, гдѣ его держатъ плѣнникомъ. Можно ли при подобныхъ условіяхъ говорить о плебесцитѣ—это была бы постыдная комедія, разыгранная по камертону сербскихъ начальниковъ, хозяйничающихъ въ краѣ только потому, что мы не заняли его своими войсками. Ристичъ былъ крайно недоволенъ, но опровергнуть моихъ доводовъ не могъ, такъ какъ я прямо сказалъ, что по телеграфу можно немедленно получить отъ нашего главнокомандующаго полное подтвержденіе моихъ словъ.

Вторникъ, 20 іюня/2 іюля, 10 ч. утра. Здѣсь идутъ дожди, но воздухъ мало посвѣжѣлъ. Едва сдѣлаешь нѣсколько шаговъ, какъ уже весь мокрый; только по вечерамъ пріятно проѣхаться по Тиргартену, но и онъ, несмотря на всю свою прелесть, становится однообразнымъ.

Что было рѣшено на вчерашнемъ засѣданіи Конгресса по поводу возвращенія намъ части Бессарабіи—не знаю еще, такъ какъ не видалъ Шувалова. Онъ цѣлый день разъѣзжаетъ и трудится много; на его долю за болѣзнью Горчакова выпала вся работа и при томъ тѣмъ болѣе трудная, что приходится нерѣдко исправлять то, что старикъ сболтнетъ по старости и малому знакомству съ дѣломъ. Послѣднее обстоятельство ужасно. Весь букетъ его выдохся, если и былъ,—и осталось умѣнье говорить звучныя, отборныя фразы безъ малѣйшаго содержанія и иногда, увы, ни къ чему не относящіяся изъ того, о чемъ идетъ разговоръ. Это очень печальное положеніе, и старикъ не понимаетъ его, а иначе не напросился бы пріѣхать сюда.

По теперешнему ходу дѣлъ на Конгрессѣ, обѣщаютъ скорое его окончаніе; далъ бы Богъ, а то тяжело живется здѣсь. Цѣлый день бѣгаешь, бѣгаешь, ждешь, спрашиваешь или споришь и волнуешься. Самолюбіе наше и честь Россіи оскорбляются на каждомъ шагу; каждое засѣданіе Конгресса приноситъ новую каверзу, новую дерзость. Жаль, что я не былъ въ Петербургѣ передъ объявленіемъ войны; будь это, можно бы сказать, что присутствовалъ при всѣхъ перипетіяхъ восточнаго вопроса.

Ежечасно ожидаемъ приглашенія въ Магдебургъ: почему-то все откладываютъ. Во всякомъ случаѣ поѣду, очень интересно будетъ видѣть маневры прусскихъ войскъ—но, пожалуй, занятія въ комиссіи помѣшаютъ.

9 ч. вечера. Утромъ у Шувалова. Онъ разсказалъ, что вчера, 19-го, въ комиссіи уполномоченныхъ обсуждалось наше рѣшеніе о сербскихъ границахъ. Англичане и турки сильно возстаютъ противъ уступокъ Сербіи Преполаца и Врани, т. е. противъ того, что они проиграли въ нашей комиссіи, по большинству голосовъ. Большіе тоже споры вышли изъ-за округовъ Пиротъ и Трнъ, которые хотятъ отдать Сербіи. Сегодня конгрессу Шуваловъ предложитъ передать въ commission de délimitation вопросъ о болгарской границѣ. Опять, слѣдовательно, придется работать и нашей военной комиссіи.

Тамъ же онъ увидалъ у Одо-Росселя карту, на которой назначены предполагаемыя англичанами границы Софійскаго санджака, т. е. ту самую карту, которую мы уже видѣли у англичанъ съ границами бассейна Искура. Шуваловъ попросилъ, чтобы подобной карты даже и не клали на столъ комиссіи, такъ какъ онъ никогда и ни за что не согласится на что-либо подобное. Вообще бывшіе споры и вновь готовящіяся заявленія англичанъ такъ его разстроили, что онъ не могъ долѣе говорить и ушелъ изъ комиссіи.

При выходѣ Салисбюри говоритъ ему: „что это вы такъ разстроились; будемъ разсуждать хладнокровно, все можно уладить“.

Въ 6½ ч. Убри давалъ намъ обѣдъ. Былъ Шуваловъ, всѣ мы, пріѣхавшіе изъ Петербурга, и нашъ министръ-резидентъ въ Гамбургѣ (Гольтке?)—сухая физіономія. Обѣдъ былъ въ 6½, и всѣ мы были во фракахъ. Обѣдъ прекрасный, хотя щи были только по названію щами, а смахивали на какую-то похлебку, но все равно всѣ были довольны и похваливали.

Шуваловъ удивительный разсказчикъ. Говоритъ прелестно и съ большимъ одушевленіемъ. Разсказывалъ разныя разности и про

Конгрессъ, и вообще разные случаи. На Конгрессѣ, около залы засѣданій устроенъ буфетъ, на счетъ германскаго правительства, гдѣ завтракаютъ члены Конгресса, и такъ какъ зало въ квартирѣ Бисмарка, то туда, пользуясь случаемъ, является и семейство его, до засѣданій, разумѣется, и уписываетъ даровыя прелести. Шуваловъ говоритъ, что самъ видѣлъ такое кормленіе, на которое собрались не только папа Бисмаркъ съ чадами, но и цѣлая куча разныхъ тетушекъ, кузинъ и проч. Буфетъ держитъ здѣшній Елисѣевъ—Борхартъ, у котораго лучшій магазинъ винъ и деликатесовъ.

Сегодня вечеромъ въ 9 ч. засѣданіе нашей комиссіи по черногорскому вопросу. Гогенлоэ просилъ Шувалова не присылать на засѣданіе троихъ, а только двоихъ, иначе силы неравны. Поэтому пойдутъ только Бобриковъ и Боголюбовъ, оба бывшіе въ Черногоріи. Передъ обѣдомъ у Убри, мы втроемъ (я, Бобриковъ, Боголюбовъ) писали записку о границахъ Софійскаго санджака и дали ее послѣ обѣда Шувалову, который тутъ же сдѣлалъ изъ нея извлеченіе по-французски для передачи въ комиссію разграниченія. Въ Софійскомъ санджакѣ въ сущности важны рѣшенія о западныхъ и юго-западныхъ его границахъ, т. е. желательно, по возможности, менѣе отдавать тамъ Турціи. Что же касается до восточной границы—между Болгаріей и Румеліей, то тамъ едва-ли могутъ много намъ попортить. Правда, туркамъ дозволено охранять границы Румеліи и занять ихъ войсками, но гдѣ же у Турціи войска, и гдѣ средства построить крѣпости и массу казармъ, потому что туркамъ воспрещено располагаться, въ какомъ бы то ни было случаѣ, по обывательскимъ квартирамъ. На организацію войскъ, постройку крѣпостей и казармъ потребуются милліоны; у турокъ ихъ нѣтъ, а друзья ихъ едва-ли дадутъ имъ на это средства. Кромѣ того, мы имѣемъ право на громадное вознагражденіе. Захотятъ турки строить крѣпости, а мы имъ скажемъ: „у васъ есть свободныя деньги? пожалуйте ихъ намъ въ счетъ военной контрибуціи“. Поэтому, введеніе въ Румелію турецкихъ войскъ просто немыслимо и все, что въ этомъ смыслѣ друзьями Турціи выговаривается на Конгрессѣ въ ея пользу, едва-ли практично. Дѣло въ томъ, что просто хотятъ унижать Россію и пакостить ей, гдѣ можно. Ну, а если въ Румеліи турецкихъ войскъ не будетъ, мыслимо ли, чтобы искусственное ея отдѣленіе отъ Болгаріи продержалось долго? Если Молдавія и Валахія слились въ одно государство, то развѣ то же самое не ожидаетъ Болгарію и Румелію? Лично я думаю, что спорить о восточной границѣ Софійскаго санджака придется много; спорить будетъ

надо, но споръ этотъ, въ сущности, будетъ академическимъ, чего бы ни выдумала злоба—дѣйствительность восторжествуетъ и возьметъ свое.

На сегодняшнемъ засѣданіи, Каратеодори-Паша, возражая противъ уплаты Россіи военнаго вознагражденія, сказалъ, что ничто не вызывало войны, и что Россія воевала изъ-за „sentiments“. Шуваловъ напалъ на него, и тотъ просилъ, чтобы отвѣтъ его не записывали въ протоколъ, но Шуваловъ отвѣчалъ—возьмите свою записку, и я возьму мой отвѣтъ.

Что касается до денежнаго намъ вознагражденія, выговореннаго Санъ-Стефанскимъ договоромъ въ 310 милліоновъ рублей (пункты с и д ст. XIX договора), то о немъ много и долго толковали, вытянули отъ нашихъ уполномоченныхъ заявленіе, что мы не потребуемъ взамѣнъ его территоріальныхъ уступокъ и не будемъ взыскивать съ Порты этой контрибуціи въ ущербъ ея европейскимъ кредиторамъ, и въ концѣ концовъ постановили, что это дѣло частнаго соглашенія между Россіей и Турціей, а потому и нѣтъ надобности помѣщать что-либо объ этомъ въ договорѣ, которымъ будетъ замѣненъ Санъ-Стефанскій. Это удивительно, всѣ выгоды для себя выговорили, въ протоколъ записали, а о нашихъ правахъ предоставили намъ самимъ вѣдаться съ султаномъ! [1]).

Говорятъ, 28 іюня будетъ послѣднее засѣданіе Конгресса, послѣ котораго разъѣдутся главные уполномоченные, а остальные будутъ кончать дѣла Конгресса, приведеніемъ всего въ порядокъ.

Присоединеніе къ Россіи Бессарабіи окончено и рѣшено Конгрессомъ третьяго дня, 19-го іюня. Румынскіе министры Братіано и Кагальничеано, были введены въ зало Конгресса и прочли заявленіе, коимъ просили:

а.) признать независимость Румыніи;

б.) не отдѣлять отъ нея части Бессарабіи, присоединенной въ 1856 г.

в.) воспретить Россіи, во время оккупаціи Болгаріи, проходить черезъ Румынію—у русскихъ есть для этого Дунай и море.

г.) дать имъ дельту Дуная съ Змѣинымъ островомъ, и

д.) дать имъ часть получаемаго Россіей денежнаго съ Турціи вознагражденія.

---

[1]) Курьезныя подробности этихъ дебатовъ занесены въ протоколъ № 11.

Независимость Румыніи была уже совершившимся фактомъ еще съ прошлаго года; Дунайскую дельту съ Змѣинымъ островомъ ей давали по Санъ-Стефанскому договору, слѣдовательно, заявленія Румыніи состояли въ протестѣ противу отторженія части Бессарабіи, въ запрещеніи намъ проходить черезъ Румынію и въ назначеніи части военнаго вознагражденія. Конгрессъ призналъ независимость Румыніи и уступку Бессарабіи, при чемъ Россія обѣщала нѣсколько прирѣзать къ Тульчинскому санджаку, чтобы захватить румынъ, живущихъ къ югу отъ юго-западной границы Добруджи. Итакъ дѣло возвращенія Бессарабіи—столь желанное Государемъ—сдѣлано, но дорого мы за него заплатили.

Среда 21 іюня/3 іюля. Сегодня утромъ ходилъ гулять съ графомъ Шуваловымъ въ Тиргартенъ. Онъ говоритъ, что еще ни разу не прошелся въ Берлинѣ свободно, и пригласилъ меня и Бобрикова въ Тиргартенъ, чтобы дорогою перецать намъ разныя свѣдѣнія.

Прежде всего онъ сказалъ, что его очень заботятъ пренія по нашимъ азіатскимъ дѣламъ. Салисбюри заявилъ ему, что если Россія не уступитъ по вопросу о Батумѣ, то Англія потребуетъ свободы проливовъ. Объ этомъ Шуваловъ телеграфировалъ сегодня въ Петербургъ, спрашивая окончательныхъ инструкцій на счетъ Батума.

По дѣлу о Софійскомъ санджакѣ, Салисбюри все твердитъ, что уступка его была сдѣлана имъ легкомысленно, и предложилъ даже возвратиться къ присоединенію къ Румеліи части Македоніи. По словамъ Салисбюри, общественное мнѣніе въ Англіи сильно возбуждено уступкою Софійскаго санджака, и вотъ почему они обязаны здѣсь усиленно хлопотать объ урѣзкѣ его съ цѣлью получить хотя бы Ихтеманскій проходъ. На одномъ изъ послѣднихъ совѣщаній уполномоченныхъ въ комиссіи de délimitation, когда Салисбюри предложилъ возвратиться къ старому проекту, т.-е. ко включенію части Македоніи въ Румелію, Шуваловъ говоритъ: хорошо, по-моему уже лучше дать границу по Балканамъ, но съ выводомъ турецкихъ войскъ изъ Румеліи. „J'assepte, кричитъ Мегеметъ Али-Паша, съ одними милиціонерами я бы справился въ Румеліи, если бы былъ тамъ генералъ-губернаторомъ“.

Изъ-за чего же мы спорили о пребываніи войскъ, когда это, какъ заявляетъ фельдмаршалъ Турціи, несущественно важно. Слѣдовательно, все дѣло только шло объ отобраніи части земель отъ Болгаріи, а отнюдь не о стратегическихъ выгодахъ и необходимостяхъ.

Совѣщаніе Шувалова по Софійскимъ границамъ не привело ни къ какимъ выгоднымъ для насъ результатамъ. Англичане упираются. Засѣданіе нашей комиссіи назначено сегодня въ 9 ч. вечера.

Вчера на обѣдѣ у Убри, мнѣ передавали, что Лорисъ-Меликовъ искалъ меня въ H. de Rome и, не найдя меня тамъ, поѣхалъ въ Brittich Hôtel, на который ошибочно ему указали. Онъ просилъ мнѣ передать, что видѣлъ моихъ дѣтей и М. Пушкину послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, и что всѣ они здоровы. Онъ (Лорисъ) поѣхалъ въ Эмсъ, кажется. Встрѣтилъ здѣсь Гершельмана съ женою и дочерью—тоже поѣхали въ Эмсъ.

Странно, что на этотъ разъ не видалъ еще въ Берлинѣ ни одного знакомаго поляка, всегда, бывало, встрѣчалъ ихъ не мало.

Четвергъ 22 іюня/4 іюля. Вчера наша комиссія разошлась въ 1/4 1-го ночи. Работали мы въ залѣ Конгресса, гдѣ, впрочемъ, насъ угостили только зельтерской водой, а какъ ее почти никто не пилъ, то все ограничилось хлопаніемъ пробокъ, которыя, наскучивъ сидѣть въ согрѣвшихся 4 бутылкахъ, вылетали съ громкими звуками.

25399

Занятія наши, послѣ долгихъ споровъ, окончились постановкою трехъ вопросовъ:

1) будетъ ли бассейнъ Камчика принадлежать Болгаріи или нѣтъ?

2) какія исправленія слѣдуетъ сдѣлать въ границахъ Софійскаго санджака?

3) гдѣ южная граница Румеліи примыкаетъ къ Черному морю?

Оказалось необходимымъ еще разъ просить указаній Конгресса, что вѣроятно будетъ сдѣлано сегодня утромъ, а на вечеръ опять засѣданіе въ 9 ч.

Не знаю, помогутъ ли намъ итальянецъ и французъ съ пруссакомъ. Пруссакъ уже, впрочемъ, отлично разбиралъ стратегическое значеніе границъ и, можетъ быть, что-нибудь мы выторгуемъ. Австрійцы сердятся на сербскія границы, гадили ужасно и наводили на новыя требованія.

Утромъ былъ у Шувалова; разсказалъ ему о результатахъ вчерашняго засѣданія и узналъ, что сегодня у уполномоченныхъ (commission de délimitation) не будетъ собранія, а потому вѣроятно они сойдутся особо, чтобы переговорить о встрѣченныхъ нами затрудненіяхъ.

Кронъ-принцъ выразилъ желаніе, чтобы всѣ мы, прибывшіе на Конгрессъ, дали ему свои фотографическія карточки (кабинетныя) съ подписями. Пришлось сегодня сниматься у Haase. Заказалъ дю-

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

жину маленькихъ карточекъ (въ поясъ) и дюжину кабинетныхъ (во весь ростъ).

Сегодня 12-ое засѣданіе Конгресса; будутъ разсуждать о границахъ Черногоріи, аѳонскихъ монастыряхъ и греческомъ вопросѣ.

Мнѣ здѣсь невыносимо тяжело; съ какимъ восторгомъ вырвусь отсюда. Положеніе Россіи съ каждымъ днемъ не лучше, а хуже. Теперь начинается малоазіатскій вопросъ и неизвѣстно, что придется сдѣлать съ Батумомъ. Едва-ли онъ не потерянъ для насъ. *Боже мой, сколько ужасныхъ результатовъ отъ незанятія своевременно Галлиполи и Константинополя, а также отъ оставленія въ рукахъ турокъ—Шумлы, Варны и Батума. Варну уже пришлось купить на Конгрессѣ цѣною Македоніи, чего требуютъ за Батумъ?*

Пятница 23 іюня/5 іюля. Вчера вернулся домой въ 2 ч. ночи! Засидѣлись до невозможности, однако половину дѣла сдѣлали. Сегодня собираемся въ 2 часа и, вѣроятно, успѣемъ согласиться окончательно.

Предметомъ нашихъ занятій было окончательное проектированіе границъ Болгаріи и Румеліи. Такъ какъ о границѣ между Софійскимъ и Филиппопольскимъ санджаками все еще не достигнуто соглашеніе въ большой комиссіи, то мы рѣшили заняться южными границами Болгаріи и Румеліи. Обѣ границы были нами изучены еще прежде, 7/19 іюня, въ первоначальномъ составѣ нашей комиссіи. Относительно южной границы Румеліи и тогда было достигнуто соглашеніе почти на все ея протяженіе за исключеніемъ только точки упора ея въ Черное море. Мы представили свою границу, англичане—свою. Разница была незначительна. Итальянскій военный агентъ, графъ Дель-Майно, предложилъ среднюю линію, и всѣ приняли ее единогласно.

Вотъ эта граница:

„*Предложеніе спеціальной комиссіи.* Начиная отъ р. Арды у деревни Ада-Чали, граница поднимается до гребня Бештепе-Дагъ, по которому тянется до пункта, лежащаго на Маричѣ въ пяти километрахъ выше моста Мустафа-паши; направляется къ сѣверу по водораздѣлу между Демирханли и мелкими притоками Марицы до Кюделеръ-Боира; оттуда она пересѣкаетъ долину Тунджи, направляясь прямо къ Буюкъ-Дербенту, оставляя его на сѣверъ такъ же, какъ и Суджакъ. Изъ Буюкъ-Дере она идетъ снова по водораздѣлу между притоками Тунджи на сѣверѣ и Марицы на югѣ на высотѣ Кайбиляра, который остается къ сѣверу; переходитъ къ югу отъ Алмала между бассейномъ Марицы на югѣ и разными рѣчками, впадающими прямо въ Черное море между деревнями Белевронъ и

Алатли; она слѣдуетъ къ сѣверу отъ Каранлика по гребнямъ Косны, Сувакъ, Илія, по линіи, отдѣляющей воды Дуки отъ водъ Карагачь-су, и примыкаетъ къ Черному морю между двумя рѣками, носящими тѣ же названія“ [1]).

Не то было съ южной границей Болгаріи. Тамъ на пространствѣ отъ Демиръ-Капу (къ западу отъ г. Котла) до Чернаго моря осталось прежнее разногласіе съ англичанами. Они хотѣли вести линіи по правому берегу Камчика, а мы—значительно южнѣе. Въ виду успѣшности посредничества графа Дель-Майно, мы, русскіе, обратились къ нему съ просьбой проектировать среднюю, согласительную линію. Подобное предложеніе было выгодно для насъ, а потому понятно, что англичане вовсе отклонились отъ участія въ проектированіи новой линіи; австрійцы держались пассивно. Когда итальянская линія была готова, англичане потребовали баллотировать ихъ старую линію. Голоса раздѣлились; четыре—мы, Пруссія, Франція и Италія,—сказали *нѣтъ* и отвергли англійскую линію, три голоса—Англія, Турція и Австрія—сказали *да*. Большинство голосовъ было на нашей сторонѣ, почему англійская линія была отвергнута и безъ баллотировки принята итальянская.

Англичане однако не сочли себя побитыми окончательно и требовали внесенія въ протоколъ ихъ предложенія о предоставленіи въ пользу Турціи оборонительной зоны въ пять километровъ ширины къ сѣверу отъ Демиръ-Капу да Чаликавака.

Предложеніе нашей комиссіи приняло такой видъ.

„*Предложеніе спеціальной комиссіи.* Оставляя по заявленію англійскаго уполномоченнаго дальнѣйшему обсужденію право опредѣленія оборонительной зоны въ пять километровъ къ сѣверу между Демиръ-Капу и Чаликавакомъ, комиссія предлагаетъ:

„Направить линію по гребню Балканъ отъ Демиръ-Капу черезъ Казанъ-Балканъ къ сѣверу отъ Котла, Пришевицъ-Балканъ, Карнабадъ-Балканъ и гребню, тамъ съ нимъ соединяющемуся, до пункта, лежащаго къ востоку отъ сліянія рѣки Дели-Камчикъ и ручья Балабанъ; далѣе линія косвенно пересѣкаетъ долину Дели-Камчика, проходитъ къ сѣверу отъ Хаджимагале и къ югу отъ Кемчелика и Белибе и слѣдуетъ по руслу ручья, на которомъ находятся деревни Суджулукъ, Кулебе, Айваджикъ, Селамъ-кіой, Хаджи-кіой до Чернаго моря, оставляя Болгаріи деревни, лежащія по сѣверному берегу, и Румеліи, по южному берегу“ [2]).

---

[1]) Эта самая линія и вошла потомъ въ Берлинскій трактатъ ст. XIV.

[2]) Эта самая граница вошла въ Берлинскій трактатъ, статьи II и XIV, только тамъ подробнѣе означенъ пунктъ перехода Камчика—въ 2½ верстахъ выше Ченгеля. См. дальше подъ 26 іюня (8 іюля).

Былъ уже второй часъ ночи, какъ турецкіе офицеры, переговоривъ между собою, предложили новое направленіе съ цѣлью предоставить Турціи Ваково. Несмотря на позднее время, пришлось голосовать. Вышло: 6 *нѣтъ* и 1 *да*. Даже англичане и австрійцы не захотѣли согласиться съ своими кліентами—это очень курьезно. Турки не сконфузились, хотя это было единственное ихъ предложеніе во все время нашихъ работъ: всѣ заботы о нихъ приняли на себя англичане и австрійцы.

Сегодня утромъ я еще спалъ—стучатся. Отворяю—карточка молодого Трепова, бывшаго у насъ на Дунаѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ вчера пріѣхалъ сюда и сегодня уѣзжаетъ. Спрашиваетъ, когда можно меня видѣть... Я сказалъ, что буду сейчасъ самъ и пошелъ въ $10^1/_2$ ч., но уже было поздно, онъ поѣхалъ къ Шувалову. У Шувалова тоже не засталъ; придется зайти въ $^1/_2$ 2-го передъ нашимъ совѣщаніемъ, а если и это не удастся, то поѣду проводить его на желѣзную дорогу. Онъ, говорятъ, совершенно поправился, ходитъ безъ палки, однако рана не зажила, и кромѣ того пуля сидитъ еще въ немъ, неизвѣстно гдѣ. Юноша же совсѣмъ поправился.

Утромъ былъ у Шувалова и нашелъ его весьма озабоченнымъ. Отвѣта изъ Петербурга на счетъ Батума все еще нѣтъ и опять нельзя о немъ говорить на Конгрессѣ. Биконсфильдъ сердится и сказалъ, что если до субботы не будетъ отвѣта, то онъ дальше не останется здѣсь и въ понедѣльникъ уѣдетъ. Бисмаркъ тоже недоволенъ замедленіемъ, говоря, что наши азіатскія дѣла малоинтересны для него и для Европы.

Послѣдніе два дня свѣжо, и по вечерамъ приходится надѣвать пальто.

Сообщила А. С. Анучина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ долинѣ Дуная въ 1877 году [1]).

V.

Едва-ли можно признать цѣлесообразною нагрузку главной квартиры предметами вѣдѣнія, не прямо относящимися до чисто боевыхъ операцій войскъ. Главнокомандующій долженъ быть избавленъ отъ такихъ обязанностей, совокупность которыхъ составляетъ заботу тыла арміи. Организація послѣдняго должна быть соображена заблаговременно и немедленно осуществляться, какъ только армія вступаетъ на театръ военныхъ дѣйствій. Дѣятельность полевого штаба арміи не должна ни отвлекаться, ни затѣняться, ничѣмъ постороннимъ боевому его назначенію.

Во имя прекраснаго во многихъ случаяхъ единовластія нельзя обременять сверхъ силъ хотя-бы и высокаго по своимъ дарованіямъ лица. Вмѣсто желаемой пользы получится неисправимый вредъ, ничѣмъ не оправдываемый. По кореннымъ вопросамъ въ свое время должны быть преподаны руководящія начала, только видоизмѣняемыя по мѣрѣ развитія военныхъ операцій и измѣненія ихъ характера. Работа главной квартиры, сосредоточенной главнымъ образомъ въ полевомъ штабѣ арміи, и труды тыловыхъ учрежденій, хотя и имѣютъ много общаго, но въ то же время и различаются самымъ существеннымъ образомъ.

Армія, живой организмъ, требующій для сохраненія своей силы полнаго удовлетворенія всѣхъ видовъ своего довольствія. Въ то

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

время какъ главная квартира призывается къ наиболѣе производительному ихъ расходованію для достиженія государственныхъ цѣлей войны, всѣ заботы тыла сосредоточиваются не только къ ихъ сохраненію, но и развитію, улучшенію, увеличенію. Опытъ войны указываетъ, что наиболѣе труднымъ является благопріятное разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи потребностей арміи продовольствіемъ и фуражемъ. Въ какомъ же состояніи было положеніе войскъ въ этомъ отношеніи? Въ отправленіи выполненія своихъ прямыхъ обязанностей интендантство было отъ дѣла отстранено и замѣнено еврейскимъ товариществомъ; т. е. то, что было въ мирное время организовано, на военное время сразу отбрасывалось, какъ негодная ветошь, и замѣнялось сомнительною комбинаціею. Въ основаніе такого импровизованнаго рѣшенія было положено убѣжденіе въ томъ, что интендантство неминуемо окажется несостоятельнымъ, а все дѣло сдѣлаютъ три товарища.

„Пусть товарищи истратятъ нѣсколько лишнихъ милліоновъ, да войска будутъ въ исправности и сыты, чѣмъ оставаться съ интендантствомъ, т. е. съ голодными войсками и безъ тѣхъ же милліоновъ“, какъ говорили иниціаторы неожиданнаго никѣмъ новаго мѣропріятія.

Безъ колебанія можно утверждать, что такая фантазія никогда не была бы осуществлена, если бы не исходила изъ сферъ высшаго командованія и не была бы подкрѣплена авторитетомъ главнокомандующаго. Если бы даже эта сдѣлка не оказалась на дѣлѣ такою невыгодною, сколько драгоцѣннаго времени ея обдумываніе отняло отъ тѣхъ, которые въ этомъ періодѣ войны должны были быть заняты заботою о болѣе важныхъ предметахъ. Мы уже видѣли, какъ въ Румыніи войска чуть не остались безъ фуража только потому, что товарищи проглядѣли его запасы въ Малой Валахіи. Упомянутый выше случай заготовки продовольствія и фуража для колонны генерала барона Дризена въ томъ мѣстѣ, гдѣ его войска и найти не могли, и много подобныхъ съ непосредственнымъ участіемъ въ нихъ начальства полевого штаба до очевидности доказывали непригодность новаго способа, но измѣнять было поздно, такъ какъ условіе съ товариществомъ уже было заключено и обезпечено большою неустойкою.

По мѣрѣ того, какъ войска проникали вѣеромъ въ глубь страны, положеніе товарищей становилось все болѣе и болѣе безвыходнымъ. Заблаговременно приготовить запасы они, очевидно, не могли ни на Дунаѣ, ни въ Румыніи, уже успѣвшей свой хлѣбъ спустить по теченію рѣки за границу, устроить правильный подвозъ изъ Россіи представляло неимовѣрныя затрудненія, въ особенности для част-

ныхъ лицъ, хотя-бы и оффиціальныхъ поставщиковъ. Волею—неволею пришлось прибѣгнуть къ мѣстнымъ средствамъ страны, что для нихъ уже не могло быть прикрытымъ законною формою реквизиціи. Товарищи принялись косить встрѣчавшіеся на занятомъ пространствѣ страны посѣвы, но были пріостановлены, уже начинавшими проявлять свою дѣятельность, новыми органами гражданскаго управленія. Казалось, неудачно вводимый новый способъ довольствія арміи долженъ былъ самъ собою ликвидироваться. Остается только удивляться, какимъ способомъ плачевное товарищество очутилось кредиторомъ казны на многія сотни милліоновъ.

Обстановка благопріятствовала товарищамъ собирать жатву, гдѣ не сѣяли. Лучшія поля принадлежали турецкой части населенія магометанскаго закона, въ страхѣ возмездія бѣжавшаго изъ своихъ селеній. А товарищи ставили себѣ въ особую заслугу, представляя войскамъ фуражъ, такимъ легкимъ способомъ добытый. Не слѣдуетъ скрывать, что легкою добычею пользовалась значительная часть сосѣдняго болгарскаго населенія, и что на такой незаконный способъ хищенія находилось начальство, смотрѣвшее сквозь пальцы. При этомъ не только уносилось все съѣдобное и полезное, но уничтожалась мебель и разбивались бочки съ виномъ.

Услѣдить за каждымъ шагомъ лихихъ товарищей было не подъ силу гражданскимъ властямъ, вновь назначеннымъ и потому мало знакомымъ съ мѣстными условіями. Хотя главнымъ объектомъ войны служила защита христіанскаго славянства отъ неистовства ислама, а непосредственная цѣль заключалась въ организаціи болгарства на новыхъ государственныхъ началахъ, къ этому высокому дѣлу къ началу войны мы были совершенно не подготовлены. Много пришлось потрудиться князю Черкасскому, съ необыкновенною энергіею успѣвшему организовать дѣло, разработать положенія и создать личный составъ при чрезвычайно трудной обстановкѣ. За то сколько пришлось претерпѣть ему затрудненій, противодѣйствій, недоброжелательства. Князь прежде всего служилъ дѣлу, и это ему не прощалось. Его осуждали за все: за обремененіе работой, за продолжительные доклады у главнокомандующаго, за суровое обращеніе съ болгарами. Да, правда, онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ большой работы, но и себя не щадилъ, собственною жизнью запечатлѣвъ свое высокое служеніе долгу. Что же касается до строго-дѣлового обращенія съ болгарскими представителями, то въ этомъ отношеніи его слѣдовало ставить всѣмъ въ примѣръ, а не осуждать. Его поведеніе было въ тысячу разъ цѣлесообразнѣе и благороднѣе слащаво-приторнаго обращенія, вскорѣ перешедшаго въ презрительно-покровительственное.

Здѣсь кстати отмѣтить, что проницательность князя Черкасскаго скоро стала распознавать характерныя черты болгарской среды, въ которой болѣе страдательную роль играло сплошное сельское населеніе, эксплоататорами были наиболѣе богатыя „чорбаджіи“, нерѣдко угнетатели своихъ братьевъ и только небольшая группа получившихъ образованіе были истинными народолюбцами. Вотъ между этими послѣдними князь искалъ себѣ помощниковъ въ дѣлѣ управленія страной, чорбаджіевъ держалъ въ рукахъ, а сельскому населенію старался по возможности облегчить тяжелое экономическое положеніе. Положеніе было чрезвычайно трудное, такъ какъ организація требовала большихъ средствъ, а ихъ въ наличности совсѣмъ не было. Страна при туркахъ платила десятиной, въ дѣйствительности обращавшейся въ $^1/_5$, даже въ $^1/_3$; способъ взиманія былъ откупной, а административная касса ушла изъ страны вмѣстѣ съ османскою администраціею. На мѣстѣ осталось христіанское населеніе, въ большинствѣ случаевъ ограбленное и своими правителями, и турецкими войсками.

Мое ложное положеніе въ главной квартирѣ не укрылось отъ вниманія такого умнаго человѣка, какимъ былъ князь Черкасскій. Не говоря мнѣ ни слова, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и испросилъ у главнокомандующаго мое назначеніе филиппопольскимъ губернаторомъ. При первой со мною встрѣчѣ съ лестною улыбкою онъ объявляетъ мнѣ о состоявшемся назначеніи, хорошо понимая, что я не далъ бы своего согласія, если бы предварительно меня спросили о моемъ желаніи.

Я былъ совершенно озадаченъ. Какъ, что, почему? меня на гражданскую должность, когда я исключительно былъ подготовленъ къ военнымъ операціямъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ смятеніи направляюсь къ ставкѣ главнокомандующаго.

„Ваше Высочество! За что такая немилость, почему я признаюсь такимъ безполезнымъ въ главной квартирѣ, когда послѣдніе года я посвятилъ себя изученію болгарскаго театра военныхъ дѣйствій. За что такой суровый приговоръ?“

„Что съ тобою, что ты такъ взволнованъ? въ свою очередь спрашиваетъ меня Великій Князь.

„А мое назначеніе гражданскимъ губернаторомъ развѣ не осужденіе меня въ военномъ отношеніи!“

„Совсѣмъ нѣтъ. Ты не такъ понимаешь это обстоятельство. Вотъ какъ это произошло. На-дняхъ у меня было обсужденіе о ближайшихъ распоряженіяхъ. Остановились на необходимости сформированія самостоятельнаго отряда достаточной силы, чтобы могъ охранять движеніе арміи къ Адріанополю съ праваго фланга. Такъ

какъ этотъ отрядъ подъ твоимъ начальствомъ пріурочивался къ расположенію примѣрно въ окрестностяхъ Филиппополя, то князь Черкасскій и просилъ къ обязанностямъ и власти военной возложить на тебя и временныя обязанности губернатора. Находя, что для дѣла это можетъ принести одну пользу, я согласился на назначеніе тебя филиппопольскимъ военнымъ губернаторомъ".

„Ваше Высочество! простите, я усумнился, думалъ, что это почетное удаленіе отъ военнаго дѣла".

„Совсѣмъ нѣтъ, голубчикъ! Ты видишь теперь, что совсѣмъ обратно; и я увѣренъ, что ты съ успѣхомъ выполнишь возлагаемыя на тебя обязанности. Я очень на тебя разсчитываю".

Отъ сердца отлегло, и я отъ души благодарилъ князя Черкасскаго за хорошее обо мнѣ мнѣніе. Князь больше улыбался и говорилъ о постороннихъ предметахъ.

Незавидное было мое положеніе во время тырновскаго сидѣнія, быть въ водоворотѣ событій и не принимать въ нихъ никакого участія. Общее настроеніе было угнетенное. Всѣ прислушивались къ тому, что дѣлалось подъ Плевной, а вѣсти оттуда приходили все хуже и хуже. Только невозмутимый начальникъ штаба выдерживалъ характеръ; на остальныхъ каждая вѣсть производила сильное впечатлѣніе. Трудно было даже предположить, до какой степени падали духомъ отъ малѣйшихъ неудачъ, ликовали отъ признака возможной побѣды.

Помню разсказъ одного изъ ординарцевъ.

Молодой гвардейскій штабъ-офицеръ, незадолго до обѣденнаго времени прибывшій отъ Плевны, былъ сильно взволнованъ. Онъ говорилъ безъ умолку, часто повторяя одно и то же по нѣсколько разъ, сильно жестикулировалъ и рѣзко переходилъ отъ прерывистаго выкрикиванья до сдавленнаго полушопота.

„Я самъ былъ свидѣтелемъ, какую массу пуль и снарядовъ посылаютъ турки въ расположеніе нашихъ войскъ. Если не прикрываться брустверами и не передвигаться съ мѣста на мѣсто, скоро у насъ не останется ни одного человѣка..."

„Ну, ужъ будто турки такъ страшны", осмѣлился прервать его рѣчь одинъ изъ кружка тѣхъ, которые относились къ преувеличенію очевидцевъ съ нескрываемою подозрительностью.

„Смѣю васъ увѣрить, какъ очевидецъ, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія, что впечатлѣніе, полученное на мѣстѣ, сильно смягчилось дорогой, что опасность велика, и гроза растетъ съ каждымъ часомъ".

„Что же по-вашему слѣдуетъ дѣлать?" не унимался все тотъ же безпокойный слушатель.

„Что дѣлать, что слѣдуетъ дѣлать! Какъ что слѣдуетъ дѣлать? Конечно, нужно принимать самыя рѣшительныя мѣры, такъ какъ опасность страшно велика. Чтобы парировать ударъ, который турки могутъ нанести всѣмъ частямъ арміи, нужно прикрыться отъ Османа-паши непрерывнымъ рядомъ редутовъ отъ самыхъ Балканъ и до Дуная".

Могъ ли я тогда предполагать, смущенный рѣзкимъ заявленіемъ человѣка въ паникѣ, что въ ту же войну мнѣ придется прочесть въ распоряженіи одного изъ талантливѣйшихъ офицеровъ выраженіе: „ужъ если учиться у турокъ, то учиться до конца, редуты, редуты, редуты".

Глубоко убѣжденъ, что ничего подобнаго, что было сказано въ первомъ случаѣ, и написано во второмъ, не случилось бы, если бы объединяющій духъ арміи престижъ полководца успѣлъ проявиться въ болѣе положительной формѣ. Изученіе военныхъ наукъ даетъ знаніе, развиваетъ способности, но, сообщая богатый разработанный матеріалъ изъ исторіи войнъ, не въ силахъ наставить готовыми рѣшеніями для всякаго случая, не можетъ замѣнить собою таланта полководца. Дарованія послѣдняго составляютъ высшую степень искусства, все объединяя и направляя къ конечной цѣли побѣды. Одѣнки мирнаго и боевого времени, обыкновенно, расходятся. Схоластически вырабатываются масштабы, отъ которыхъ такъ трудно отдѣлаться въ періодъ войны.

Пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ и такой въ высшей степени печальной сцены. Спускаюсь разъ изъ своихъ садовъ къ столовому шатру главной квартиры и по дорогѣ встрѣчаю начальника штаба.

„Пойдемте къ К. В., бѣдняга заболѣлъ и, кажется, очень разстроенъ, нужно навѣстить".

Когда привычною рукою начальникъ штаба отворилъ дверь въ низкое, небольшое помѣщеніе спальни К. В., на насъ пахнулъ тяжелый больничный запахъ долго непровѣтренной комнаты. На желѣзной походной кровати лежалъ К. В. и стоналъ.

„Здравствуйте, К. В., что съ вами?"

„Я совсѣмъ боленъ, страшно болитъ голова, очень слабъ и рѣзь въ животѣ", послышался отвѣтъ дрожащимъ голосомъ, разстроеннымъ, но не слабымъ.

„Мнѣ докторъ передавалъ, что у васъ маленькое разстройство и ничего опаснаго. Соберитесь съ силами, одѣньтесь и приходите обѣдать, хотя бы только для вида. Ваше отсутствіе будетъ замѣчено и перетолковано".

„Я право не могу, у меня не хватитъ силъ, сдѣлается дурно".

„Ну, полноте, К. В., не расклеивайтесь, мужайтесь, ничего дурного не случится".

„Одѣвать барина", обращается начальникъ штаба къ денщику, и мы отправились въ столовую.

Много чрезъ четверть часа К. В. уже былъ въ шатрѣ, подтянутый, и приглаженный. Глядя на такъ бодро выглядывавшаго генерала и слушая его бойкую, авторитетную рѣчь, никому не могло бы придти въ голову представленіе о томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ четверть часа тому назадъ.

VI.

Несмотря на обстановку войны, я проводилъ лѣто 1877 года подъ Тырновымъ въ отличныхъ условіяхъ. Съ нѣсколькими товарищами мы забрались высоко надъ долиной, внѣ оцѣпленія, и расположились въ чудныхъ садахъ болгарскихъ чорбаджіевъ г. Тырнова. Излюбленное мною мѣсто было на площадкѣ развѣтвленія гигантскаго платана, нависшаго надъ долиной. Дни стояли чудные. Днемъ было жарко, но утра и вечера были восхитительны.

Внизу мы навѣдывались о новостяхъ и рѣдко появлялись въ велико-княжескомъ шатрѣ за обѣденнымъ столомъ, которому предпочитали щи собственнаго приготовленія. Во время утренней прогулки верхомъ спускались къ городу на базаръ, гдѣ покупали мясо, барашковъ, птицу, овощи и пр.; а на верху заправляли принадлежности щей въ казенномъ котелкѣ, все солили, заливали водой и ставили на медленный огонь. Чудо вкусными выходили щи. Досыта наѣдались ими и отъ другой пищи отказывались. И теперь пріятно вспомнить, какъ все это было вкусно.

События развертывались предъ нами картинами, нужно признаться, весьма случайными. Въ мирное время мы ихъ представляли себѣ совсѣмъ иными. Проникнутые высокимъ уваженіемъ къ тому, что намъ называли военною наукою, мы готовились не только къ усиленной дѣятельности, но и къ высшей степени разумной, мозговой, при которой панорама войны должна была развертываться въ направленіи, нами ей даннымъ. Великую боевую симфонію мы собирались разыграть, какъ по нотамъ. И вдругъ совершенно другое, какія-то неожиданно появившіяся событія, опрокинувшія нашу стратегію вверхъ дномъ, просто кошмаръ какой-то...

То чувство, которое зародилось во мнѣ еще въ вагонѣ желѣзной дороги, не разсѣялось, а наоборотъ все сильнѣе крѣпло. Пріискивая ему подходящее названіе, не могу иначе о немъ выразиться,

какъ о чувствѣ сиротливости. То, что должно было спаять духъ арміи, воодушевить всѣхъ на боевые подвиги, какъ-то растаяло въ воздухѣ, не успѣвъ окрѣпнуть. Оставалось много хорошаго, по временамъ несомнѣнно геройское, но все не то, что, какъ мнѣ представлялось, было въ рядахъ суворовскихъ чудо-богатырей или сподвижниковъ Румянцова. Много было знакомаго, но не изъ міра боевыхъ грезъ, а изъ схоластической красносельской сутолоки. Тамъ, въ штабномъ верху, послѣ усиленныхъ трудовъ сколачиванія еврейскаго товарищества, перенесли свою трудовую энергію на командованіе баталіонами, эскадронами и батареями, и скоро до того перепутали между собою войсковыя части, что разобраться въ нихъ уже не представлялось возможности въ короткій срокъ. Замѣчательно, что при этомъ все сильнѣе и сильнѣе стала проникать въ сознаніе недостаточность войсковой силы. Явленіе, для опытныхъ людей служащее показателемъ пошатнувшейся нравственной устойчивости.

Большая премудрость заключается въ истинномъ полководцѣ. А ее такъ мало цѣнятъ, и съ такимъ усердіемъ стараются гасить проблески боевого таланта. Между тѣмъ полководца не можетъ создать никакая академія въ мірѣ. Таланты рождаются, быть можетъ, вѣками. Они способны къ большому совершенствованію, но искусственно создать ихъ невозможно.

Мнѣ уже пришлось говорить ранѣе о томъ, что если и существовала руководящая мысль общаго стратегическаго наступленія, то во-первыхъ она была не достаточно для всѣхъ очевидною, и во вторыхъ ею былъ проникнутъ, главнымъ образомъ, и больше всѣхъ самъ главнокомандующій. Большинство изъ окружавшихъ его лицъ не отдавало себѣ разумнаго отчета въ положеніи вещей, находило смѣлое наступленіе крайне рискованнымъ, и потому пользовалось всякою на каждомъ шагу случайностью, чтобы задержать движеніе впередъ. Создавались два теченія, изъ которыхъ, къ величайшему сожалѣнію, въ концѣ концовъ одержало верхъ болѣе инертное, пассивное, безвольное. Нельзя утверждать, что положеніе было заурядно. Было много, надъ чѣмъ нужно было очень и очень подумать и усердно поработать. Но оно не было и слишкомъ сложнымъ. Не находилось только мастеровъ по этому дѣлу.

Великій Князь, главнокомандующій, долго выдерживалъ характеръ, не желая отказываться отъ разъ принятаго плана войны. Его Высочество очень надѣялся, что затянутый узелъ подъ Плевной будетъ развязанъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Когда же дѣла тамъ, видимо, все болѣе и болѣе запутывались и грозили серьезными осложненіями, онъ счелъ необходимымъ личнымъ присут-

ствіемъ исправить сдѣланные пропахи. Отъѣзжая изъ Тырнова налегкѣ, Великій Князь разсчитывалъ на кратковременное отсутствіе и на продолженіе кампаніи въ томъ же направленіи, въ которомъ развивались военныя операціи ранѣе.

Съ отъѣздомъ главнокомандующаго съ лицами ближайшей свиты, квартирное расположеніе подъ Тырновымъ сильно порѣдѣло. Въ нашихъ нагорныхъ садахъ стало жутко. Мысль о возможности неожиданнаго появленія баши-бузуковъ и въ особенности черкесовъ приходила въ голову чаще. Но здоровыя ли условія обстановки или вообще сила молодости, но спалось такъ же крѣпко, какъ и раньше, и съ прежнею же беззаботностью занимались кулинарнымъ искусствомъ.

Хотя и прежде появленіе въ расположеніи главной квартиры новаго лица, ординарца, воинской части, привлекало вообще вниманіе; но теперь къ малѣйшему событію, сколько-нибудь выходившему изъ ряда обыденныхъ, стали относиться съ большою нервностью. Источникомъ нашего знанія о военныхъ операціяхъ и концомъ къ разгадкѣ ихъ служилъ нашъ командиръ 8 корпуса, генералъ Ѳ. Ѳ. Радецкій, личность въ высшей степени замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ. Несомнѣнныя большія военныя дарованія отъ рожденія; онъ пріобрѣлъ на Кавказѣ большой боевой опытъ, прошелъ тамъ хорошую школу, и представлялся намъ тѣмъ образцомъ военноначальника, котораго слѣдовало изучать, на котораго нужно было стремиться походить, и пріемы котораго слѣдовало усваивать. Всегда сдержанный, обходительный и внимательный, совершенно простой въ обращеніи, но постоянно серьезный, генералъ Радецкій, по равновѣсію ума и характера, знанія и боевого опыта, по способности быстро схватывать суть дѣла изъ докладовъ и фактовъ, по точности отдаваемыхъ распоряженій и стремительности приведенія въ исполненіе разъ принятаго рѣшенія, былъ дѣйствительно личностью выдающеюся.

Помню, какъ разъ, во время прогулки верхомъ, мы встрѣтили генерала Драгомирова, тоже верхомъ и со свитой. Обыкновенно словоохотливый и остроумный, теперь онъ былъ серьезенъ и молчаливъ. На наши разспросы не отвѣчалъ и только заявилъ, что направляется къ корпусному командиру. Заинтересованные, что это могло значить, мы пустились вслѣдъ за нимъ тоже къ домику, занимаемому генераломъ Радецкимъ. Остановились внизу, сдали коней казакамъ и полѣзли за генераломъ Драгомировымъ по наружной деревянной лѣстницѣ наверхъ, обычное пребываніе гостепріимнаго хозяина.

Когда мы взошли и поздоровались, генералъ Радецкій стоялъ посреди комнаты и внимательно слушалъ обстоятельный докладъ генерала Драгомирова. Краснорѣчивый профессоръ былъ въ ударѣ. Изложивъ положеніе дѣлъ въ прибалканскомъ раіонѣ къ востоку до Османбазара, онъ особенно долго остановился на совокупности разнаго рода примѣтъ и приходилъ къ заключенію о серьезной и неминуемой опасности, намъ грозившей отъ турокъ съ этой стороны. Содержанію доклада чрезвычайно гармонировали выраженія и самый тонъ лектора. Интересъ минуты росъ, и мы съ величайшимъ напряженіемъ ожидали, что скажетъ на все это Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Михаилъ Ивановичъ замолчалъ. Послѣ краткой паузы Радецкій коротко командуетъ: „столъ“ и нѣсколько спустя „карты“.

Кажется, и Драгомировъ, какъ мы, подумалъ, что столъ потребованъ, чтобы разложить карты, а затѣмъ начнется разборъ положенія. Но мы всѣ ошиблись. Карты появились, но не мѣстности, а игральныя.

— Что же, Михаилъ Ивановичъ, обращается Радецкій къ Драгомирову, пока что, а мы еще успѣемъ сыграть.—Какъ-то сразу всѣмъ стало легко, свободнѣе дышать, приподнятое настроеніе благополучно разрѣшилось, при томъ такъ просто и быстро. Драгомировъ даже повеселѣлъ.

Радецкому принадлежитъ слава плѣненія 40 тысячной турецкой арміи Вессель-паши. Эта блистательная побѣда напоминаетъ наши подвиги прежнихъ временъ и выдвигаетъ побѣдителя сразу въ первый рядъ полководцевъ. Сдача Османа-паши подъ Плевной устранила задержку наступленія, Шейновская побѣда открыла доступъ къ Царьграду. Но какими громадными жертвами оплатился первый успѣхъ и какъ неожиданъ, ярокъ и дешевъ былъ второй!

Переваломъ главными силами черезъ Балканы въ зимнее время и побѣдоноснымъ наступленіемъ къ Константинополю мы, преимущественно, обязаны прозорливости, настойчивости и энергіи самого главнокомандующаго. Къ величайшему сожалѣнію, дѣло не было доведено до конца и не увѣнчалось ударомъ по Стамбулу; но винить въ этомъ слѣдуетъ не столько вождя, сколько окружавшую его среду, и на этотъ разъ выказавшую чрезмѣрную боязливость и нерѣшительность. При этомъ общее политическое положеніе сыграло печальную роль, но смущаться этимъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Никакія застращиванія, какъ угроза англійскимъ флотомъ и пр., не должны были вліять на рѣшенія военноначальника. Авторитетъ государственной политики громаденъ, но онъ не можетъ вмѣшиваться въ военныя операціи, разъ имъ данъ полный

ходъ. Строго осуждать нельзя никого, такъ какъ для всѣхъ существуетъ предѣлъ нервнаго напряженія.

Видя меня не у дѣлъ, князь Черкасскій предложилъ мнѣ побывать въ Систово, гдѣ по дошедшимъ до него слухамъ томились въ неволѣ передовые народники изъ филиппопольскихъ уроженцевъ. Необходимо было выяснить истинную или мнимую вину заключенныхъ. Дѣйствительно ли это люди, которымъ нельзя дать свободу во имя общественной безопасности, или это лучшіе болгары, которые были неудобны только для турецкаго режима и оставались въ заточеніи лишь по недоразумѣнію.

— Вамъ, какъ будущему военному губернатору, иронизировалъ князь, будетъ интересно познакомиться съ болгарскою жизнью, какова она въ дѣйствительности. При томъ Вамъ очень будетъ кстати зарекомендовать себя предъ населеніемъ освободителемъ ихъ сограждан.—Какъ бы то ни было, но отъ командировки я не отказался и на другой же день поднялся и двинулся въ путь со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Въ Систовѣ я познакомился съ Драганъ Цанковымъ и Геровымъ, оказавшими мнѣ полное содѣйствіе въ ознакомленіи съ общимъ административнымъ управленіемъ; но пріютилъ меня у себя Маринъ Драновъ, профессоръ Харьковскаго университета, съ которымъ я раньше имѣлъ случай познакомиться и полюбить за прямизну его характера и вообще высокія душевныя качества. Подъ затворомъ, дѣйствительно, оказались лица по недоразумѣнію, почему я ихъ тотчасъ освободилъ съ обязательствомъ немедленнаго возвращенія на родину. День былъ знойный. При ходьбѣ внизъ и вверхъ по улицамъ и учрежденіямъ, мнѣ страшно было жарко. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ всего видѣннаго и слышаннаго, я съ наслажденіемъ вскочилъ подъ душъ, мнѣ любезно предложенный Цѣнинымъ. Но послѣ обѣда, когда я вернулся къ Дринову, голова пошла кругомъ и я, какъ подкошенный снопъ, свалился на постель.

VII.

Развертывавшаяся картина войны представляла во всѣхъ отношеніяхъ высокій интересъ. Классическій театръ военныхъ дѣйствій, нами изученный на дѣлѣ, давалъ полную возможность дѣйствовать съ большимъ разсчетомъ, такъ сказать, учитывая всякую случайность. Если, при всѣхъ этихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ, мы колебались между противоположными рѣшеніями, переходя отъ активнаго способа дѣйствія къ пассивному,

допускали себя до крупныхъ промаховъ, терпѣли неудачи и никакъ не могли себѣ отдать отчета въ истинномъ положеніи обстановки, то въ чемъ же главная тому причина?

Какъ всегда бываетъ въ крупныхъ событіяхъ, причинъ много. Большей ихъ части не существовало бы, если бы въ мирное время помнили о войнѣ и разумнѣе къ ней готовились. Сколько на томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій было нашихъ войнъ, сколько развилось въ нашей арміи боевыхъ талантовъ, сколько великихъ мастеровъ военнаго дѣла преподали способы одержанія блистательныхъ побѣдъ. Все напрасно. Опять приходилось начинать съ азовъ, перемѣшивая теорію съ практикою, оплачивая малѣйшій успѣхъ дорогою цѣной обильно проливаемой крови. Въ чемъ же дѣло? Нельзя же не признавать факта желанія обезпечить успѣхъ войны всевозможными способами. Слѣдовательно, высокія намѣренія не были осуществлены только по невѣрности способовъ къ осуществленію.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ, правильно ли былъ составленъ основной планъ кампаніи съ переправой у Систова и направленіемъ черезъ Шипкинскій перевалъ на Адріанополь и далѣе къ Константинополю? Безусловно правильно, такъ какъ послѣ послѣдней войны нашей возникшіе желѣзно-дорожные и шоссированные пути въ сильной степени измѣнили условія операцій, давъ обезпеченное соединеніе съ серединой Дуная и сильно сокративъ разстоянія на болгарской сторонѣ. Благодаря вѣрно намѣченному плану, мы сразу очутились въ серединѣ всего пространства, т. е. заняли въ высшей степени выгодное для себя положеніе. Но, получивъ правильный директивъ, мы не сумѣли его разработать въ подробностяхъ и сбились съ пути, увлекшись прежними примѣрами, подражать которымъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Измѣнились общія условія войны,—должна была измѣниться и оцѣнка всѣхъ обстоятельствъ. Духъ все тотъ же, форма—другая.

Въ мирное время говорятъ, что время деньги, а въ военное, что тайна побѣдъ—въ ногахъ. Не значитъ ли это, что успѣхъ на войнѣ въ значительной степени зависитъ отъ быстроты и неожиданности для непріятеля наносимыхъ ему ударовъ. Въ началѣ войны этотъ принципъ примѣнялся въ полной мѣрѣ, почему же не продолжали въ томъ же духѣ? Не потому ли, что основной директивъ былъ данъ одними, а исполнители его не уразумѣли и не оцѣнили, почему и не были въ состояніи осуществить?

Рѣшеніе великой задачи оказалось не подъ силу современнымъ дѣятелямъ. Вотъ почему, вмѣсто кипучей дѣятельности, на первыхъ же порахъ оказалось безсиліе, выразившееся въ требованіи все

большаго и большаго числа войскъ. Признакъ, всегда обнаруживающій крайне сомнительное состояніе нравственной устойчивости. Число корпусовъ, назначенныхъ въ составъ дѣйствующей арміи, было вполнѣ достаточно для достиженія цѣли войны; но нельзя было примиряться, чтобы на нихъ же были возлагаемы другія задачи, какъ службы тыла, охраненія болгарскаго населенія и пр. Если составъ арміи признавался недостаточно сильнымъ, то почему было допущено отдѣленіе отъ нея значительной части для переправы на нижнемъ Дунаѣ, произведенной въ пустую.

Мы выступили на защиту славянства и непосредственно въ защиту Сербіи, неосторожно втянувшейся въ войну и погибавшей подъ ударами турокъ. Несмотря на многочисленныя наши консульства, мы палецъ о палецъ не ударили, чтобы держать подъ наблюденіемъ ту страну, на которой собирались воевать. Простое соображеніе фактовъ указывало на группировку турецкихъ войскъ на сербской границѣ. Но мы шаблонно желали оттянуть воображаемаго противника отъ избраннаго пункта для переправы и не дали себѣ труда заняться развѣдками даже черезъ посредство лицъ, какъ инженеръ Юліусъ, которыя могли бы намъ принести чрезвычайную пользу. На агентуру отпускались гроши. Вмѣсто того, чтобы затянуть въ Добруджу часть турецкой арміи, мы сами отсѣкли отъ себя значительную часть нашихъ войскъ, которую позднѣе притянуть обратно уже были не въ состояніи.

Нельзя не волноваться, вспоминая всѣ промахи и недочеты, сопровождавшіе наши операціи на классическомъ театрѣ нашихъ блестящихъ войнъ. Съ тѣхъ поръ прошла цѣлая треть вѣка, что же поучительнаго мы изъ нихъ извлекли? Ничего. Въ японскую войну они были повторены еще въ болѣе грубой и непростительной формѣ. Въ обоихъ случаяхъ мы не подготовлялись къ войнамъ и явились на нихъ дурно вооруженными, соотвѣтственно не снаряженными и съ понятіями, не имѣвшими ничего общаго съ мѣстными условіями. Вырисовывается необходимость для каждаго пограничнаго театра войны представителя боевого начала, который радѣлъ бы о своемъ дѣлѣ и несъ бы за него отвѣтственность предъ Верховнымъ Вождемъ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ строкъ, вырвавшихся у меня подъ гнетомъ тяжелыхъ воспоминаній, продолжаю. Какъ и слѣдовало ожидать, барометръ нравственной устойчивости командованія продолжалъ опускаться и вскорѣ достигъ до крайнихъ предѣловъ призывомъ себѣ на помощь даже слабыхъ союзниковъ, оказавшихся подъ рукой. Князю Карлу румынскому была послана телеграмма,

а призывъ Сербіи былъ переданъ черезъ полковника Катарджи, представителя князя Милана. Непосредственное распоряженіе сербскими войсками Великій Князь поручалъ мнѣ.

Когда я явился въ Горномъ Студенѣ къ Великому Князю Главнокомандующему, Его Императорскому Высочеству угодно было мнѣ высказать:

„Я рѣшился послать тебя въ Сербію, чтобы ты тамъ хорошенько выяснилъ, хотятъ ли и могутъ ли сербы воевать. Ты знаешь, что князь Миланъ пріѣзжалъ въ Плоэшти, чтобы просить разрѣшеніе принять участіе въ войнѣ, только что-то ужъ очень сильно напиралъ на затруднительное экономическое положеніе страны. Тогда мы не отвѣчали ни да, ни нѣтъ, не желая усложнять своего политическаго положенія по отношенію къ Австріи; да и не желали выдачею денежной субсидіи какъ бы вызывать ихъ на такое дѣло, которое должно было бы быть естественнымъ результатомъ ихъ національнаго порыва. Къ тому же вопросъ о сербской кооперації, какъ тебѣ извѣстно, уже неоднократно обсуждался еще въ Кишиневѣ, когда пришли къ заключенію, на основаніи мнѣній Черняева и Зеленаго, что содѣйствіе сербовъ можетъ быть полезно только при непремѣнномъ условіи совмѣстнаго ихъ дѣйствія съ нашими войсками. Попытка поднять ихъ упавшій духъ посылкою въ Бѣлградъ миссіи генерала Никитина, какъ тебѣ извѣстно, совершенно не удалась. Теперь мы задержались подъ Плевной, вѣроятно, на продолжительное время, и намъ, пожалуй, было бы очень съ руки, если бы сербы успѣли оттянуть на себя часть силъ турецкой арміи. Отсюда ты понимаешь, что чѣмъ скорѣе это было бы выполнено, тѣмъ лучше; но съ другой стороны надо дѣйствовать осмотрительно, чтобы не навязать себѣ на шею такого союзника, котораго бы мы сами были принуждены въ концѣ концовъ спасать отъ гибели. Поѣзжай же съ Богомъ, полагаюсь на тебя, что ты сумѣешь привести дѣло къ лучшему результату".

Я весь обратился въ слухъ, каждое слово рѣзко запечатлѣвалось въ моей памяти и глубоко западало въ сердце.

„Я просилъ бы Ваше Императорское Высочество не поскупиться въ Вашемъ мнѣ полномочіи, чтобы я имѣлъ возможность"...

„Все уже сдѣлано, голубчикъ, и я надѣюсь, что ты останешься имъ вполнѣ доволенъ. Кстати, на военныя нужды имъ выдается полмилліона, а дальше ты тамъ уже самъ сообразишь, вмѣстѣ съ Персіани, и сообщишь, въ какую форму облечь субсидію. О своихъ впечатлѣніяхъ и выводахъ сообщай мнѣ подробнѣе и почаще".

Я откланялся.

„Скоро ли вы намѣрены вернуться къ намъ обратно?", обратился

ко мнѣ за обѣдомъ князь Черкасскій. „Не опоздайте на вашъ постъ филиппопольскаго военнаго губернатора. Отъ души желаю вамъ живо окончить ваши дѣла въ Бѣлградѣ и поскорѣе возвратиться".

„Что за досада", говорилъ мнѣ въ тотъ же день вечеромъ А. И. Нелидовъ, „что, если простоимъ подъ Плевной до глубокой зимы, да тѣмъ и окончится кампанія настоящаго года; какъ тутъ предъявлять требованіе о самостоятельности Болгаріи хотя бы до Балканъ".

На мою просьбу дать оцѣнку современнаго положенія дѣлъ въ Сербіи и охарактеризовать нашего дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ, Александръ Ивановичъ мнѣ сказалъ:

„А. И. Персіани преданъ службѣ до педантизма, человѣкъ прекраснѣйшей души и благороднѣйшаго сердца. Съ нимъ вамъ будетъ очень легко. Но въ отношеніи правительственныхъ лицъ Сербіи рекомендую вамъ сдержанность и осторожность. Въ особенности не довѣряйте словамъ князя Милана. Сами по себѣ сербы—хорошій народъ и намъ искренно преданы; но преждевременная представительная форма правленія породила у нихъ самыя невозможныя политическія партіи и развела вредный въ государственномъ смыслѣ пролетаріатъ. Если попробуете согласиться сегодня съ одной фракціей, завтра будете имѣть противъ себя всѣ остальныя; чтобы при такихъ условіяхъ можно было тамъ что-нибудь сдѣлать, нужно дѣйствовать самостоятельно, независимо и твердо. Что тамъ работать трудно, доказываютъ примѣры всѣхъ вашихъ предшественниковъ".

Я былъ очень доволенъ самостоятельною ролью, выпавшею на мою долю, какъ руководителя военныхъ операцій на сербскомъ театрѣ войны. Оставаясь въ арміи, я былъ лишенъ возможности доказать на дѣлѣ вѣрность моего мнѣнія о способахъ дѣйствія противъ турокъ. Теперь я пріобрѣталъ возможность повести сербскія войска впередъ съ обходомъ турецкихъ крѣпостей, избѣгая атакъ непріятельскихъ позицій безъ вѣрнаго разсчета на успѣхъ.

Дѣло, мнѣ порученное, я хорошо сознавалъ, было не изъ легкихъ, такъ какъ лучше идти въ бой съ людьми, совершенно не бывшими на войнѣ, чѣмъ распоряжаться войсками, испытавшими на себѣ тяжесть непріятельскихъ ударовъ. Крайне слабый составъ постоянныхъ войскъ въ Сербіи сообщалъ ея мобилизованной арміи характеръ народнаго ополченія, при отсутствіи учебныхъ сборовъ, почти безъ всякой военной подготовки. Природная воинственность населенія обусловливала надежный контингентъ новобранцевъ; но испытанныя неудачи сильно уронили нравственный духъ. Командо-

вавшій сербскими войсками, одинъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ, М. Г. Черняевъ, и нашъ военный агентъ, генеральнаго штаба полковникъ Зеленой, одинаково высказались, на запросъ главнокомандующаго, о невозможности самостоятельнаго участія княжества въ войнѣ, безъ непосредственной поддержки нашими войсками. Существовало даже предположеніе, позднѣе оставленное, послать одну пѣхотную дивизію съ артиллеріею и кавалерійскою бригадою черезъ Турнъ-Северинъ и Кладово въ Неготинскій округъ для совмѣстныхъ операцій съ сербскими войсками.

Съ нашими войсками можно было дѣйствовать смѣло. Оставя четыре корпуса пока въ Придунайской Болгаріи, съ тремя и сильною кавалеріею можно было перейти Балканы и черезъ Адріанополь идти къ Царьграду. Только не слѣдовало давать волю нервамъ и нужно было ни на минуту не забывать главной цѣли войны. Съ сербскою народною милиціею нужно было быть гораздо осторожнѣе.

Основываясь на опытѣ предшествовавшихъ войнъ нашихъ съ турками, я пріобрѣлъ глубокую вѣру въ силу удара за Балканами, непосредственнымъ послѣдствіемъ котораго должно было быть если не полное очищеніе турецкими войсками придунайскаго театра военныхъ дѣйствій, то во всякомъ случаѣ крайнее ослабленіе здѣсь ихъ силы сопротивленія. Теперь мнѣ предстояло разрѣшить этотъ вопросъ на сербскомъ театрѣ войны, въ болѣе трудныхъ условіяхъ распоряженія милиціоннымъ войскомъ, но съ преимуществомъ дѣйствія на второстепенной въ военномъ отношеніи мѣстности. Но какъ было рѣшиться на смѣлое наступленіе, въ разсчетѣ на впечатлительность противника, когда впечатлительность своихъ войскъ отъ пустой случайности легко могла обратиться въ общую панику?!

Полученная мною въ главной квартирѣ инструкція гласила:

„Изъ полученныхъ изъ Бѣлграда извѣстій явствуетъ, что сербское правительство далеко не такъ готово къ дѣйствію, а народъ не такъ расположенъ къ войнѣ, какъ о томъ заявлялъ отъ имени князя Милана полковникъ Катарджи. Вступленіе княжескихъ войскъ въ Турцію *черезъ мѣсяцъ* даже въ количествѣ 40.000, предполагаемомъ сербами, не принесетъ существенной пользы нашимъ операціямъ. Въ настоящее время нападеніе даже половиннаго числа можетъ одно содѣйствовать нашимъ предпріятіямъ и возмѣстить до извѣстной степени приносимыя нами для сербовъ матеріальныя пожертвованія и могущія возникнуть для насъ изъ ихъ содѣйствія политическія усложненія, въ особенности при заключеніи мира. А потому является крайне необходимымъ удостовѣриться на мѣстѣ, сколь можно скоро, въ какой степени и съ какими силами сербы могутъ дѣйствительно начать войну съ Турціею и въ какой именно

срокъ, но безъ всякой съ нашей стороны военной поддержки, какъ въ теченіе военныхъ дѣйствій, такъ и въ случаѣ неудачи. Если сербы къ этому готовы, то отъ нихъ слѣдуетъ настойчиво требовать энергическихъ распоряженій для вступленія въ дѣйствіе безотлагательно. Въ такомъ случаѣ немедленно по открытіи кампаніи имъ будетъ выданъ второй полумилліонъ. Если же окажется, что они къ тому не способны, то считается предпочтительнымъ пригласить ихъ, при позднемъ времени года, не объявлять войны Турціи и отнюдь не прерывать съ нею сношеній, но впредь до указанія Императорскаго правительства поддерживать натянутыя отношенія и держать Порту подъ угрозою разрыва, и вмѣстѣ съ тѣмъ для возмѣщенія выданнаго имъ полумилліона рублей выставить на турецкую границу, на пункты, указанные подробностями нашихъ военныхъ дѣйствій, обсерваціонные отряды и тѣмъ оттягивать отъ насъ часть непріятельскихъ силъ. А потому, освѣдомясь предварительно въ Бѣлградѣ у правительственныхъ органовъ объ оффиціальныхъ нуждахъ и состояніи сербской арміи, вамъ необходимо будетъ осмотрѣть ихъ отдѣльныя части и склады на мѣстѣ, донося постепенно въ возможно скорѣйшемъ времени о заключеніяхъ, къ которымъ вы будете приходить, по телеграфу черезъ посредство генеральнаго консульства, имѣя однако постоянно въ виду, что главнымъ условіемъ для насъ является возможность скораго вступленія въ дѣйствіе сербскихъ войскъ или по крайней мѣрѣ ихъ сосредоточеніе на границѣ, но не забывая и того, что при малѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій мы можемъ при извѣстныхъ условіяхъ нуждаться и въ ихъ матеріальной открытой поддержкѣ. Горный Студень 21 августа 1877 г.“.

Какая громадная разница между тѣмъ, что мнѣ лично сказалъ главнокомандующій, и этою многорѣчивою и увертливою инструкціею. Насколько ясно и опредѣленно мнѣ было сдѣлано напутствіе, настолько же инструкція отличалась неопредѣленностью, желаніемъ охватить недосягаемое, заранѣе себя обѣлить отъ всякихъ случайностей.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(И. И. Тутчекъ, И. А. Гончаровъ).

И. И. Тутчекъ.

Хотя я всегда въ своей литературной дѣятельности придерживался либеральныхъ началъ, свободу люблю и въ нее вѣрю, однако наши лѣвые, помню, уже на университетской скамьѣ внушали мнѣ инстинктивное нерасположеніе, и виновникомъ этого моего грѣха несомнѣнно отчасти былъ мой незабвенный опекунъ и воспитатель, генералъ-отъ-инфантеріи Иванъ Ивановичъ Тутчекъ.

Въ университетѣ товарищи мнѣ постоянно толковали о косности, отсталости, невѣжествѣ правительственныхъ дѣятелей, генераловъ и бюрократовъ всякаго рода, а я вспоминалъ опекуна и лицъ, его окружавшихъ... и невольно на языкъ напрашивалось горацiевское: „Risum tenecatis, amici!“

Мой опекунъ прослужилъ около 60 лѣтъ, изъ нихъ 32 года на поляхъ сраженія въ Россіи, Германіи, Персіи, Турціи, Польшѣ, а остальныя 26 лѣтъ варшавскимъ комендантомъ. Вышелъ онъ въ отставку въ 1861 г., слѣдовательно, былъ дѣятелемъ эпохи Александра I, участникомъ Отечественной войны и кампаній 1813 и 1814 г.г. (послѣднюю онъ совершилъ уже въ капитанскомъ чинѣ). Но болѣе отвѣтственныя должности онъ, какъ боевой офицеръ и администраторъ, занималъ при Императорѣ Николаѣ I, и поэтому его слѣдуетъ назвать дѣятелемъ по преимуществу николаевскимъ. И вотъ, когда мои товарищи называли этихъ дѣятелей фрунтови-

---

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1912 г.

ками, людьми безъ всякой иниціативы, слѣпыми исполнителями предначертаній своекорыстнаго и бездушнаго правительства, я и въ этомъ отношеніи, вспоминая моего опекуна, съ моими товарищами никакъ согласиться не могъ.

Но, можетъ быть, я былъ пристрастенъ. Этимъ вопросомъ я уже тогда задавался. Но передъ моимъ умственнымъ окомъ стояли друзья моего опекуна, также дѣятели преимущественно эпохи николаевской, и судъ моихъ товарищей казался мнѣ уже лишеннымъ всякаго фактическаго основанія.

Дѣйствительно, между этими дѣятелями на первомъ мѣстѣ стоялъ Фундуклей, Иванъ Ивановичъ, тёзка моего опекуна, человѣкъ, обладавшій большимъ состояніемъ и пожертвовавшій часть его, чтобы основать въ Кіевѣ первую въ Россіи женскую гимназію, задолго до того, какъ возникли въ Петербургѣ женскія гимназіи по иниціативѣ Н. А. Вышнеградскаго. Фундуклей былъ администраторъ, какихъ вообще мало. Всюду онъ вносилъ свѣтъ науки, всюду достигалъ замѣтныхъ результатовъ въ смыслѣ обезпеченія духовнаго благосостоянія управляемыхъ. Самъ страстный археологъ и экономистъ, онъ, кромѣ того, оставилъ послѣ себя рядъ капитальныхъ трудовъ по изученію мѣстностей, которыми онъ управлялъ и въ которыхъ служилъ (Кіевская губернія и Царство Польское)[1]. А другіе друзья моего опекуна, въ обществѣ которыхъ онъ любилъ проводить свои досуги? Надо ли указывать на заслуги Теннера, Карла Ивановича, бывшаго боевого офицера, стяжавшаго себѣ лавры и какъ астрономъ, и какъ геодезистъ; на Павлищева, Николая Ивановича, извѣстнаго историка, преподавателя и редактора, женатаго на сестрѣ Пушкина, домъ которой былъ центромъ своеобразной умственной жизни въ Варшавѣ; на Муханова, Павла Александровича, промѣнявшаго мечъ на книгу, извѣстнаго автора „Портфелей для хозяевъ“ и не менѣе извѣстнаго издателя историческихъ матеріаловъ, которые онъ собиралъ съ большою любовью и не меньшею компетентностью (за его сына вышла замужъ М. Ф. Калерджи, о которой я уже писалъ въ „Русской Старинѣ“). Но не буду удлинять этотъ списокъ николаевскихъ администраторовъ, управлявшихъ такъ называемымъ Царствомъ Польскимъ, среди которыхъ я росъ въ дѣтствѣ и юности. Какъ ни относиться къ нимъ, все-таки никому не можетъ придти на умъ, что они похожи на невѣжественныя и слѣпыя орудія въ рукахъ жестокаго правительства.

---

[1]) Нѣкоторыя черты наружности и духовнаго облика этого замѣчательнаго человѣка я старался олицетворить въ старикѣ Ромейкѣ въ моей повѣсти „Депутатъ“ („Павла“).

Но возвратимся къ моему опекуну. И его личность въ моемъ представленіи совсѣмъ не мирилась съ отрицательнымъ судомъ моихъ товарищей о правительственныхъ дѣятеляхъ. Напротивъ, я въ дѣтствѣ и юности восторгался его справедливостью, гуманностью, честностью, сочувствовалъ его взглядамъ и продолжаю имъ сочувствовать и теперь, сорокъ лѣтъ слишкомъ послѣ его смерти. Вотъ нѣкоторые факты, которые лучше всякихъ словъ дадутъ представленіе объ его умственномъ и нравственномъ обликѣ.

Мы живемъ на дачѣ. Мнѣ идетъ восьмой годъ. Въ погожій день за утреннимъ чаемъ опекунъ мой велитъ позвать Микиту, одного изъ двухъ вѣстовыхъ, неотлучно состоящихъ при его особѣ.

Микита, рослый казакъ, вытянувшись въ струнку, стоитъ въ дверяхъ.

— Что, барчукъ плаваетъ?

— Знать не могу, ваше превосходительство.

— Чтобы плавалъ! Пора!

— Слушаю, ваше превосходительство.

Знакъ опекуна. Микита дѣлаетъ налѣво кругомъ и уходитъ, а мнѣ страшно, но въ то же время мнѣ хочется умѣть плавать, конечно не такъ, какъ плаваетъ Микита—куда ужъ! онъ нырнетъ и выплыветъ за версту—а все-таки немножко, чтобы держаться на водѣ. Какое ужъ въ самомъ дѣлѣ удовольствіе купаться на отмели да еще съ лентой вокругъ тѣла! Конецъ этой ленты въ рукѣ у моей гувернантки, фрейлейнъ Клары, которая сидитъ на берегу, читаетъ книгу и, чуть пойдешь дальше въ воду, тотчасъ тянетъ назадъ.

Я торжественно докладываю фрейлейнъ Кларѣ, что сегодня пойду купаться не съ нею, а съ Микитой, и очень радуюсь, когда вижу, что она удивлена и какъ будто испугана. Я чувствую себя немножко героемъ.

Вскорѣ является Микита. До берега далеко: надо идти съ полверсты. Я не трушу. Иногда только сердце слегка замретъ. Но куда же мы собственно идемъ? Не туда, куда я хожу съ фрейлейнъ, а туда, гдѣ купается самъ Микита.

— Микита, ты меня будешь держать?

— Зачѣмъ держать? Барчукъ самъ поплыветъ.

Тутъ я начинаю серьезно трусить. Но я не подаю виду. Пришли къ глубокому мѣсту. Берегъ высокій. Микита быстро сбрасываетъ съ себя одежду. Я медлю. Хочется оттянуть рѣшительный моментъ. Наконецъ, и я раздѣтъ.

— Ты сперва пойдешь въ воду?—спрашиваю я Микиту.

Но онъ меня беретъ, широко осклабясь, въ свои сильныя, лов-

кія руки. Я хочу что-то сказать, но не успѣваю и—бултыхъ—ногами внизъ въ воду! Глубоко погружаюсь въ нее, начинаю неистово барахтаться, выплываю на поверхность, безпомощно озираюсь кругомъ и вижу тутъ же рядомъ съ собою доброе, улыбающееся лицо Микиты. Я успокаиваюсь: онъ не выдастъ, ни за что не выдастъ!

Когда опекунъ выходитъ къ обѣду, онъ зоветъ опять Микиту:

— Умѣетъ плавать?—спрашиваетъ онъ, указывая на меня.

— Держится, ваше превосходительство.

— Послѣ завтра я самъ посмотрю.

Послѣ завтра я удостаиваюсь похвалы за успѣхи: я уже плаваю на груди, на боку, на спинѣ.

Съ этого дня я во всякую погоду долженъ былъ утромъ выкупаться.

Въ это же лѣто началось для насъ съ сестрой закаливаніе иного рода. Хотя о пресловутомъ насторѣ Кнейпѣ не было тогда и рѣчи (его книжки начали выходить лишь 30 лѣтъ спустя), мы ежедневно, вставъ съ постели, должны были пробѣжаться босикомъ по двору, не обращая вниманія на погоду. Привыкнувъ къ этому съ лѣта, мы осенью и даже зимою нисколько ни тяготились этими странными утренними прогулками или, точнѣе говоря, быстрымъ бѣгомъ, послѣ котораго ноги обыкновенно такъ пріятно горѣли. Вѣроятно, послѣдствіемъ этого закаливанія было то, что я только на четвертомъ десяткѣ сталъ носить калоши, а до того обходился безъ нихъ даже въ трескучіе морозы.

По понятіямъ нынѣшнихъ сердобольныхъ родителей все это какъ будто походитъ на истязаніе ребенка. Но окончательно я ихъ приведу вѣроятно въ ужасъ, сообщивъ, что меня даже разъ высѣкли и, такъ какъ я очень отчетливо помню все, что я перечувствовалъ въ эту непріятную минуту моей жизни, то изложу здѣсь это происшествіе къ свѣдѣнію нашихъ теоретиковъ-педагоговъ.

Врачъ предписалъ мнѣ рыбій жиръ, который въ то далекое время (1854 г.) не очищался такъ искусно, какъ теперь, и имѣлъ противнѣйшій вкусъ. Въ первый разъ я проглотилъ ложку, не моргнувъ глазомъ, но на слѣдующій день рѣшительно отказался принять рыбій жиръ. Фрейлейнъ Клара меня всячески уговаривала, но я оставался непреклоннымъ. Пришлось прибѣгнуть къ авторитету опекуна. Онъ явился и со своей стороны предложилъ мнѣ принять жиръ. Я отказался не менѣе рѣшительно, и всѣ убѣжденія, что это необходимо для здоровья, ни къ чему не привели. Тогда мнѣ предложено было выбрать между двумя непріятностями: розгами и рыбьимъ жиромъ. Я имѣлъ слабое представленіе о томъ, какую непріятность

причиняютъ человѣку розги (у насъ въ домѣ и помину о нихъ не было), а о вкусѣ рыбьяго жира я имѣлъ очень ясное представленіе. Поэтому я промолчалъ. Тогда опекунъ позвалъ лакея и велѣлъ нарѣзать въ саду прутьевъ (при варшавскомъ ордонансгаузѣ, какъ тогда назывались комендантскія управленія, былъ со стороны Королевской улицы порядочный садикъ, въ которомъ мы, дѣти, провели много хорошихъ дней). Когда прутья были принесены, опекунъ еще разъ предложилъ мнѣ выбрать изъ двухъ золъ меньшее. Я снова промолчалъ. Тогда я оказался на колѣнкѣ у опекуна. Онъ мнѣ нанесъ первый ударъ, который мнѣ не причинилъ ровно никакой непріятности, и я на новое предложеніе выбрать изъ двухъ золъ меньшее, отвѣтилъ совершенно спокойно, что предпочитаю розги. Послѣдовалъ новый ударъ, на этотъ разъ болѣе чувствительный, но и онъ не убѣдилъ меня, что розги непріятнѣе рыбьяго жира. Тогда послѣдовалъ третій ударъ, послѣ котораго я безъ всякихъ колебаній рѣшительно заявилъ, что предпочитаю рыбій жиръ, и съ тѣхъ поръ глоталъ его аккуратно ежедневно безъ всякаго протеста, а потомъ даже и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

Ну, а чувство собственнаго достоинства? Странно: оно у меня не пострадало,—должно быть, оно находится у меня въ другой, болѣе благородной части тѣла, но что оно у меня не было атрофировано, показываетъ слѣдующій фактъ.

Къ намъ въ домъ пріѣхалъ изъ Петербурга погостить родственникъ съ сыномъ—мальчикомъ постарше меня года на три или четыре, который уже гдѣ-то научился курить. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ онъ куритъ. Онъ началъ меня соблазнять, но табачный дымъ былъ мнѣ противенъ. Тогда онъ сталъ стыдить меня: „Какая баба! Даже затянуться не можетъ!“ Я затянулся—послѣдствія были ужасны, но тѣмъ не менѣе самолюбіе мое такъ страдало, мнѣ такъ хотѣлось не быть „бабой“, что я постепенно пріучилъ себя дѣлать видъ, будто бы курю. Папиросъ тогда въ Варшавѣ не было, курили сигары и трубки. Я обзавелся трубочкой, и мнѣ доставляло особенное удовольствіе подражать опекуну, который всегда на ночь, уже въ постели, выкуривалъ трубку изъ длиннаго чубука. Длиннаго чубука у меня не было, но я свою трубочку непремѣнно на сонъ грядущій посасывалъ, кладя ее потомъ подъ подушку. Случилось однако такъ, что я, не успѣвъ ее припрятать, заснулъ.

Утромъ просыпаюсь,—трубки нѣтъ. Куда она дѣвалась? Я подумалъ, что взялъ ее опекунъ, тѣмъ болѣе, что ни фрейлейнъ Клара, ни сестра мнѣ о трубкѣ ничего не сказали. Натерпѣлся же я страха. Что-то будетъ, что-то будетъ! А предстояло тотчасъ же идти къ

опекуну, чтобы, какъ было заведено, съ нимъ поздороваться. Пріоткрываю дверь и вижу на самомъ верху этажерки-подставки для длинныхъ трубокъ красуется моя трубочка—такъ и бросается, подлая, въ глаза. Я готовъ сквозь землю провалиться, во рту сухо, ноги подкашиваются, но иду здороваться. Приближаюсь, а старикъ, по обыкновенію, протягиваетъ мнѣ руку для поцѣлуя, потомъ подставляетъ щеку, но предварительно смотритъ на меня, и взглядъ его такой укоризненно-печальный, что у меня слезы вдругъ брызнули изъ глазъ. Онъ спокойно сказалъ:

— Ну, что же, идешь чай пить?

Затѣмъ отвернулся и углубился въ свои бумаги. Я вышелъ изъ комнаты, выпилъ свой стаканъ, взялъ положенные уроки у фрейленъ и у домашняго учителя, но былъ разсѣянъ: все мерещился печальный взглядъ опекуна. Этотъ взглядъ остался у меня въ памяти на всю жизнь, и отъ многаго дурного онъ меня потомъ удерживалъ. Должно быть, въ человѣкѣ есть болѣе чувствительное мѣсто, чѣмъ то, по которому я получилъ удары за упорный отказъ пить рыбій жиръ.

Впослѣдствіи я часто по поводу разныхъ педагогическихъ вопросовъ спрашивалъ себя, почему вліяніе моего опекуна на меня было такъ сильно. За исключеніемъ тѣхъ розогъ, которыя я получилъ за отказъ принимать рыбій жиръ, онъ меня никогда въ жизни не наказывалъ, да и эти розги въ сущности не были наказаніемъ, а средствомъ убѣдить меня, что есть сила болѣе значительная, чѣмъ мое упрямство. Чтобы между моимъ опекуномъ и мною существовали особенно нѣжныя отношенія, я тоже не могу сказать: они съ виду скорѣе были сухи, хотя я чувствовалъ, что онъ меня глубоко любитъ и что, если онъ со мною обращается сравнительно холодно, то только потому, что опасается быть несправедливымъ по отношенію къ сестрѣ, которую онъ больше ласкалъ именно потому, что меньше любилъ. Но не эта взаимная любовь заставляла меня его безгранично уважать и безусловно довѣрять нравственному его существу, даже когда я признавалъ его сужденія невѣрными. То, что составляло истинный нервъ моего къ нему уваженія, коренилось въ чемъ-то другомъ: сколько я теперь ни припоминаю, я не могу вспомнить ни малѣйшаго его уклоненія отъ того, что онъ признавалъ своимъ долгомъ.

Работникъ онъ былъ изумительный. До отставки я его отдыхающимъ не запомню. Чай онъ пилъ, завтракалъ, обѣдалъ на ходу. Бумаги, пріемы, разъѣзды наполняли весь его день, и только вечеромъ онъ иногда урветъ часъ-другой для чтенія въ вольтеровскомъ креслѣ любимыхъ книгъ, преимущественно историческихъ или политическихъ, или газетъ и журналовъ, которыхъ онъ получалъ много

(въ томъ числѣ и „Колоколъ“). Особенно кипуча была его дѣятельность, когда онъ замѣщалъ варшавскаго генералъ-губернатора, а это случалось нерѣдко: тогда у него не было ни минуты свободной. Но и въ обыкновенное время онъ вѣчно горѣлъ, какъ въ огнѣ, и даже ночью часто не имѣлъ покоя, потому что въ его служебныя обязанности входило быть на всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ пожарахъ, и когда они случались ночью, онъ срывался съ постели и стремглавъ, въ сопровожденіи своихъ двухъ казаковъ, летѣлъ на мѣсто пожара. Разъ случилось, что, когда онъ ночью садился на свою неизмѣнную пролетку, чтобы мчаться на пожаръ, кучеръ его предупредилъ, что экипажъ какъ будто не совсѣмъ въ порядкѣ послѣ вчерашней усиленной ѣзды.

— Пошелъ!—скомандовалъ старикъ (ему было тогда 72 года).— Чинить будемъ, что-ли?

Не успѣлъ онъ однако доскакать до Новаго Свѣта, какъ вслѣдствіе порчи экипажа на всемъ скаку грохнулся о мостовую, въ безсознательномъ состояніи былъ принесенъ домой, пролежалъ шесть недѣль въ постели, но еще не оправился окончательно, какъ снова стремглавъ летѣлъ, куда его призывалъ долгъ службы.

Когда я впослѣдствіи присматривался къ разнымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, иногда съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ я въ дѣтствѣ и юности присматривался къ моему опекуну и его друзьямъ: Фундуклею, Павлищеву, Муханову, гр. Нессельроде, Дьякову, Теннеру и др., мнѣ все казалось, что постепенно происходитъ какая-то перемѣна, что прежніе дѣятели были другіе люди, что въ нихъ была сила духа, какую я чѣмъ позже, тѣмъ рѣже встрѣчалъ. Невольно напрашивался на умъ лермонтовскій стихъ:

Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы.

Чѣмъ же позднѣйшее „племя“ отличалось отъ прежняго? Одинъ эпитетъ „богатыри“ вѣдь еще немного выясняетъ. Мои наблюденія привели меня къ выводу, что постепенно центръ тяжести духовнаго существа человѣка все болѣе перемѣщался изъ общественной и государственной жизни въ жизнь личную. Вѣковѣчный вопросъ о томъ, существуетъ ли общество и государство для индивида или наоборотъ индивидъ—для общества и государства, рѣшался у прежняго „племени“ въ пользу общества и государства, а у позднѣйшаго все больше въ пользу индивида. Прежнее „племя“ примыкало всей душой къ крупному, великому, каковымъ были для него обществен-

ныя и государственныя задачи, выработанныя вѣками и цѣлымъ рядомъ поколѣній. Въ этихъ историческихъ задачахъ оно находило центръ тяжести своего духовнаго существа. Ему не приходилось вѣчно спрашивать себя о цѣли своего существованія. Оно твердо знало, куда и зачѣмъ идетъ. Поэтому отличительными его чертами были: спокойствіе, уравновѣшенность, увѣренность въ себѣ, иногда величавость, но чѣмъ дальше отъ прежняго „племени“, тѣмъ сильнѣе чувствовалась напряженность, лихорадочность, внутренняя тревога, показная самоувѣренность. У прежняго „племени“ человѣкъ стушевывался, выдвигалось дѣло. У позднѣйшихъ поколѣній индивидъ все больше выдвигался на первый планъ, а дѣло все больше отодвигалось на второй: человѣкъ переставалъ себя чувствовать частью цѣлаго, онъ уходилъ все болѣе въ себя, въ свое личное счастье, а такъ какъ личное счастье—почва очень зыбкая, то вся жизнь его становилась неустойчивой, противорѣчивой. Онъ часто самъ не зналъ, къ чему стремится, мѣнялъ жизненныя цѣли и вѣчно чувствовалъ неудовлетворенность. Чѣмъ сильнѣе онъ стремился къ личному счастью, тѣмъ меньше его находилъ. Вся его жизнь превращалась въ вѣчную тревогу за себя, за свое здоровье, за свое благополучіе, за своихъ дѣтей, ибо все это пріобрѣтало для него какое-то чрезвычайное значеніе. Собственная личность, иногда мизерная, заслоняла все остальное. Но не ясно ли, что даже значеніе видныхъ дѣятелей—въ сущности не Богъ вѣсть какое, и что въ жизни достигаются крупные успѣхи только соединенными усиліями многихъ людей, сплоченныхъ и дружныхъ?

У прежнихъ дѣятелей собственная личность играла второстепенную роль, теперь же индивидуализмъ все заѣдаетъ.

Поясню мою мысль примѣромъ. Мой опекунъ меня горячо любилъ. Это краснорѣчиво подтверждается кипою его писемъ ко мнѣ, которыя я свято храню. Въ особенности подъ конецъ жизни онъ, такъ-сказать, дышалъ только мною, и всѣ его помыслы были обращены на меня. Казалось бы, при такихъ условіяхъ было вполнѣ естественно ожидать, что онъ мнѣ оставитъ свое состояніе. Всѣ такъ и думали, а друзья настойчиво совѣтовали ему усыновить меня, чтобы я могъ наслѣдовать маіоратъ, уже въ то время дававшій до 3.000 ежегоднаго дохода и переходившій, въ противномъ случаѣ, въ виду бездѣтности моего опекуна, къ потомству старшей его сестры, единственный солидный представитель котораго, офицеръ Кекскольмскаго императора австрійскаго полка, умеръ въ 1863 г. Друзья, повторяю, настойчиво ему совѣтовали меня усыновить, къ этому побуждала его и нѣжная любовь ко мнѣ, но онъ рѣшилъ иначе, и хотя мнѣ всю жизнь пришлось бороться съ мате-

ріальной нуждой, и иногда скудный хлѣбъ русскаго писателя мнѣ доставался съ напряженіемъ всѣхъ силъ и съ большими лишеніями, я, какъ тогда, такъ и теперь, вполнѣ понимаю и одобряю его рѣшеніе.

Въ немъ боролись два чувства: любовь ко мнѣ побуждала его внять голосу друзей и собственнаго сердца, но его потребность и привычка служить вѣрой и правдой обществу и государству рѣшительно удерживала его отъ шага, который могъ быть истолкованъ въ смыслѣ предпочтенія, оказаннаго личнымъ стремленіямъ предъ общественнымъ долгомъ. Какое дѣло было другимъ, что онъ вздумалъ взять воспитанника и привязаться къ нему? Это—его капризъ, его фантазія. Могъ ли онъ, ради удовлетворенія этой фантазіи, забыть о своемъ долгѣ передъ родомъ (родовое начало было еще очень сильно въ немъ) и государствомъ? Всю свою жизнь онъ заботился о своемъ родѣ, который оказывалъ ему уваженіе и послушаніе, какъ старшему своему члену; всю свою жизнь онъ служилъ вѣрой и правдой государству, и вдругъ завершить ее обходомъ закона, воспользоваться своими связями, своимъ вліяніемъ на Государя, чтобы нарушить то, что обязательно для другихъ. Это казалось ему своего рода измѣною. И онъ съ тяжелымъ сердцемъ (я это знаю) принесъ личное чувство въ жертву общественному долгу. Честь и слава ему за это!

И. А. Гончаровъ.

У моего опекуна были три сестры: Екатерина, Елизавета и Марія, изъ нихъ вторая, по мужу Жуковская, была матерью извѣстнаго въ свое время поэта, Александра Кирилловича Жуковскаго, писавшаго подъ псевдонимомъ Бернетъ (о поэзіи его Бѣлинскій выразился, что она „благоухаетъ ароматнымъ цвѣтомъ прекрасной внутренней жизни“), а первая была бабкой Ивана Ивановича Льховскаго, въ качествѣ переводчика совершившаго вмѣстѣ съ Гончаровымъ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ „Паллада“ и напечатавшаго свои путевыя впечатлѣнія въ томъ же „Морскомъ Сборникѣ“ (1861 и 1862 г.г.) [1]).

[1]) На внучкѣ той же Екатерины Ивановны былъ женатъ Иванъ Петровичъ Ларіоновъ, собиратель народныхъ пѣсенъ въ Поволжьи и авторъ оперы: „Барышня-крестьянка“. Въ той или другой степени родства или свойства съ Тутчеками находились: Еремины, Жуковскіе, Дамперовы, Подбароновы, жившіе всѣ въ приволжскихъ губерніяхъ, хотя семья Тутчековъ, чешско-нѣмецкаго происхожденія, жила въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи.

Вотъ въ домѣ этого Ивана Ивановича Льховскаго и его матери, вдовѣвшей уже тогда, я и встрѣчалъ Гончарова. Они занимали казенную квартиру (Льховскій управлялъ тогда типографіей морского вѣдомства) въ зданіи Адмиралтейства. Входъ въ квартиру Льховскихъ былъ со стороны Зимняго дворца. Надо было открыть двѣ тяжелыя двери, выйти на затѣненную двумя стѣнами набережную засыпанной теперь уже канавки (нынѣшній Черноморскій переулокъ), перейти мостикъ и открыть третью дверь, которая вела въ квартиру Льховскихъ. Здѣсь почти всегда царилъ таинственный полу-мракъ, въ самой квартирѣ было много причудливыхъ вещей, вывезенныхъ Льховскимъ съ Дальняго Востока; самъ хозяинъ, черный, высокій, худой, ходилъ дома въ какомъ-то длинноломъ одѣяніи, не то халатѣ, не то кимоно, и все это, понятно, сильно дѣйствовало на воображеніе 16-лѣтняго гимназиста, какимъ я былъ тогда. Льховскій рѣдко удостоивалъ меня сколько-нибудь продолжительной бесѣды, но я не былъ въ претензіи, потому, во-первыхъ, что онъ мнѣ казался ужъ черезчуръ серьезнымъ, а во-вторыхъ, еще и потому, что за его пренебреженіе съ лихвою меня вознаграждала его мать, Елизавета Тимоѳеевна. Она меня почему-то сразу полюбила и не только охотно бесѣдовала со мною, но и угощала меня на славу.—Мнѣ старуха также очень полюбилась, и я охотно бывалъ у нея по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (съ нея я списалъ мать героя моей повѣсти: „Леонтина“).

Кромѣ меня по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ Льховскимъ иногда заходилъ и Гончаровъ. Онъ былъ тогда членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати и редакторомъ „Сѣверной Почты“,—мужчина лѣтъ 50, небольшого роста, съ пробритымъ подбородкомъ, съ начинавшими уже сѣдѣть густыми усами, бакенбардами и волосами, тщательно приглаженными. Костюмъ сидѣлъ на немъ мѣшковато, но все было опрятно, только помню (я самъ любилъ тогда пощеголять), что половинки воротника рубашки были постоянно у него плохо пригнаны и какъ-то безпорядочно расходились. Я успѣлъ уже прочесть „Обломова“ очень внимательно, безъ ума влюбился въ Ольгу, и меня занималъ вопросъ, который такъ сильно занималъ впослѣдствіи критиковъ,—не изобразилъ ли Гончаровъ въ лицѣ Обломова самого себя. Поэтому я съ большимъ любопытствомъ его разглядывалъ, даже изучалъ. И я сразу пришелъ къ отрицательному отвѣту. Конечно, герой Ольги не могъ быть такимъ молодымъ, какъ я,—въ такого Ольга не могла влюбиться, но и къ такому старику, какъ Гончаровъ, она не могла, конечно, воспылать страстью, и, стараясь отдать себѣ въ этомъ отчетъ, я внимательнѣйшимъ образомъ присматривался и къ его костюму, и

къ его манерамъ, и къ его лицу. И тутъ-то меня кое-что смущало. Я невольно любовался его тонкимъ, правильнымъ, благороднымъ носомъ, а главное, его глазами, умными, вдумчивыми и въ то же время такими печальными, что самому вдругъ грустно станетъ. Въ эти глаза Ольга безъ сомнѣнія могла влюбиться и, пожалуй,—помню, меня эта мысль самого тогда сильно поразила—забыть объ остальномъ. Мнѣ такъ и хотѣлось подойти къ Гончарову и сказать ему что-нибудь теплое, доброе, хорошее, чтобы онъ не былъ такимъ грустнымъ и чтобы онъ не дошелъ до того, до чего дошелъ Обломовъ... Да, я Ольгу понималъ!

Гончарову, надо было, чтобы пройти въ кабинетъ къ Льховскому, миновать небольшую гостиную, въ которой я обыкновенно засѣдалъ съ Елизаветой Тимоѳеевной. Онъ считалъ долгомъ вѣжливости обмѣняться съ нею нѣсколькими словами, при чемъ на ея приглашеніе сѣсть неизмѣнно отвѣчалъ вопросомъ:

— А Иванъ Ивановичъ дома?

Тотъ всегда оказывался дома, и Гончаровъ, отвѣсивъ почтительный поклонъ Елизаветѣ Тимоѳеевнѣ и дружелюбно кивнувъ мнѣ, направлялся въ кабинетъ къ Ивану Ивановичу.

Что тамъ происходило, или, точнѣе говоря, о чемъ тамъ бесѣдовали бывшіе товарищи по кругосвѣтному плаванію, я не знаю, но помню, когда дверь отворялась, чтобы пропустить горничную приносившую Гончарову стаканъ сельтерской воды съ вареньемъ, тщательно приготовленный самою старушкой, до меня доносились разныя дальневосточныя названія, свидѣтельствовавшія о томъ, что собесѣдники все еще предаются воспоминаніямъ о своемъ путешествіи, о которомъ вообще часто говорилось въ домѣ Льховскихъ, доносился и ароматный дымъ манильскихъ сигаръ, и я видѣлъ, какъ Гончаровъ неизмѣнно полулежалъ на широкомъ мягкомъ диванѣ, окружавшемъ кабинетъ, а высокая фигура самого Льховскаго виднѣлась у письменнаго стола, легко наклоненная къ полулежавшему писателю. Затѣмъ дверь захлопывалась, и все исчезало. Гончаровъ обыкновенно уходилъ до обѣда или же я уходилъ раньше, такъ что я видѣлъ его только въ то время, когда онъ проходилъ черезъ гостиную, направляясь въ кабинетъ Льховскаго. Краткія бесѣды, которыя онъ велъ съ Льховской, проходя черезъ гостиную, были такъ незначительны, что ни одна не осталась у меня въ памяти, равнымъ образомъ и вопросы, съ которыми онъ иногда обращался ко мнѣ, ничѣмъ не отличались отъ вопросовъ, съ какими старшіе обращаются къ подросткамъ-мальчикамъ, такъ что и ихъ я не запомнилъ, но одинъ разговоръ Гончарова такъ врѣзался мнѣ въ память, что, вспоминая о немъ, я какъ теперь вижу и комнату,

въ которой онъ происходилъ, и Елизавету Тимоѳеевну, и самого Гончарова.

Я забылъ упомянуть, что Гончаровъ приводилъ къ Льховскимъ неизмѣнно свою собачку. Это былъ не то мохнатый пинчеръ, не то шпицъ (я плохо тогда различалъ породы собакъ), во всякомъ случаѣ собака небольшая, мохнатая, чистенькая, съ умными глазами. Она ни на шагъ не отходила отъ своего хозяина, стояла около него, когда онъ стоялъ, ложилась, когда онъ садился, свертывалась калачикомъ, когда онъ велъ продолжительную бесѣду: въ кабинетѣ у Льховскаго, когда дверь открывалась, я видѣлъ ее всегда мирно спавшую у ногъ своего хозяина, въ гостиной она всегда была на чеку, хотя признаковъ какого-нибудь безпокойства никогда не проявляла.

Когда Гончаровъ въ это воскресенье вошелъ въ гостиную, Елизавета Тимоѳеевна, лукаво взглянувъ на него исподлобья, спросила:

— Ой, не пора ли? Вѣдь и опоздать можно.

Разговоръ, очевидно, касался темы, уже раньше между ними затронутой.

Улыбка, игравшая на подбородкѣ Гончарова, исчезла, красивые его глаза стали печальными.

— Давно опоздалъ, Елизавета Тимоѳеевна,—отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ, какъ женщинѣ, виднѣе,—возразила Льховская:—но терять времени не слѣдуетъ.

По лицу Гончарова пробѣжала такая густая тѣнь, что Елизавета Тимоѳеевна была озадачена — я это ясно видѣлъ — а мнѣ стало какъ-то жутко. Тѣнь быстро смѣнилась печальною улыбкою, и Гончаровъ сказалъ, указывая на свою собачку:

— Вотъ вѣрный другъ! Онъ не измѣнитъ... не обидитъ.

И, словно устыдясь чего-то, онъ быстрѣе обыкновеннаго поклонился Елизаветѣ Тимофеевнѣ и исчезъ вмѣстѣ съ своей собачкой за дверью кабинета.

Елизавета Тимоѳеевна послѣ его ухода сидѣла въ задумчивости, а я не смѣлъ прерывать молчанія.

Эта сценка навсегда запечатлѣлась въ моей памяти, но особенно отчетливо я ее вспомнилъ лѣтъ семь спустя, когда, кончая курсъ въ университетѣ, дочитывалъ „Обрывъ“.

Я вспомнилъ тутъ сразу и Наденьку изъ „Обыкновенной исторіи“, исключительно озабоченную тѣмъ, чтобы подцѣпить выгоднаго жениха, и безотвѣтную, хотя столь симпатичную Лизавету Александровну изъ того же романа, и Ольгу изъ „Обломова“, умную, увлекательную Ольгу, но озабоченную единственно личнымъ своимъ

счастьемъ; и, наконецъ, вотъ эту Вѣру, съ трагедіей жизни которой я только-что познакомился, то восторгаясь, то волнуясь до внутренней дрожи, то негодуя,—ту трагедію жизни, которая вызывается борьбою между жаждою личнаго счастья и сознаніемъ общественнаго долга. Могли ли пустыя Наденьки, безотвѣтныя Лизаветы Александровны, жаждавшія только личнаго счастья Ольги, еще не пришедшія къ сознанію своего общественнаго долга Вѣры быть избранницами, подругами жизни того, кто такъ ясно, какъ Гончаровъ, созналъ свой долгъ передъ страною? Каждая строчка его произведеній служила мнѣ теперь, уже умственно окрѣпшему юношѣ, свидѣтельствомъ возвышенности его общественныхъ идеаловъ, и легко ли человѣку, съ такимъ возвышеннымъ душевнымъ строемъ, найти себѣ товарища на всю жизнь, жену, призваніе которой и состоитъ въ томъ, чтобы быть если не единственнымъ, то вѣрнѣйшимъ другомъ своего мужа въ лучшихъ его помыслахъ и дѣлахъ?

Теперь я уже не спрашивалъ себя, можетъ ли Ольга влюбиться въ Гончарова, я спрашивалъ себя, могутъ ли его героини сами оказаться достойными его любви, я проникался къ нему чувствомъ глубокаго уваженія, почти почитанія, тѣмъ чувствомъ, которымъ я былъ проникнутъ къ только-что утраченному мною моему опекуну (онъ умеръ въ годъ появленія „Обрыва“), также ставившему общественный долгъ, долгъ передъ страною, выше всего, и жаждалъ, и въ то же время страшился принять на свои слабыя плечи крупицу тяжелаго, но и великаго наслѣдія исчезавшихъ поколѣній.

Р. Сементковскій.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій [1]).

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

X. Домой.

Дѣти Чернышевскаго долго просили правительство возвратить отца въ Россію. Наконецъ, эта просьба была уважена. Николаю Гавриловичу дозволили возвратиться въ Россію и жить въ Астрахани.

По предположеніямъ и разнымъ соображеніямъ, онъ могъ пріѣхать въ Астрахань только къ Рождеству, но Ольга Сократовна не вытерпѣла и въ октябрѣ мѣсяцѣ отправилась въ Саратовъ.

Радостное извѣстіе о своемъ возвращеніи Н. Г. получилъ въ Вилюйскѣ 30 августа 1883 г., и въ этотъ же день уѣхалъ оттуда. Такъ какъ онъ о Сибири вообще не любилъ говорить, то о своей жизни тамъ Н. Г. упоминалъ лишь къ слову. Дорогой онъ нигдѣ не останавливался на продолжительное время, — ѣхалъ безостановочно. Одинъ губернаторъ предложилъ было ему отдохнуть у него нѣсколько дней, но „я“, говорилъ Н. Г., „только пообѣдалъ у него“. Между тѣмъ, путешествіе было не изъ пріятныхъ. Въ одномъ мѣстѣ можно было ѣхать только верхомъ, а Николай Гавриловичъ никогда не путешествовалъ такимъ образомъ, онъ не умѣлъ даже сидѣть на лошади. Тогда для него сдѣлали нѣчто въ родѣ дровней, что напоминало Чернышевскому юношескіе годы, когда Н. Г. катался зимой съ горъ на салазкахъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ, которые ожидали ссыльнаго. Буду говоритъ словами двоюродной сестры Чернышевскаго.

Николай Гавриловичъ долженъ былъ проѣхать черезъ Саратовъ. „Наканунѣ праздника (Казанской Божіей Матери), 21 октября, вечеромъ, часовъ около семи, сидимъ мы дома. Приходитъ горничная и подаетъ записку Ольгѣ Сократовнѣ. Та прочитала записку, взволновалась, хватаетъ вещи. Она даетъ мнѣ читать эту записку, писанную Николаемъ Гавриловичемъ: „Пріѣзжай ко мнѣ, но никому не говори".

Обычно О. С. никогда не выѣзжала такъ поздно вечеромъ. Всѣ слышали, что она куда-то поѣхала въ такое время, въ какое она никогда не выѣзжаетъ, и потому обратили на это вниманіе. Я успокоила домашнихъ, сказавъ имъ, что изъ Петербурга пріѣхала одна знакомая, которая и попросила къ себѣ Ольгу Сократовну. Въ это время была больна моя мать (Александра Егоровна, тетка Н. Г., которая вскорѣ и умерла), и я не хотѣла ее тревожить, зная, какъ ей было тяжело не видѣться съ Николаемъ Гавриловичемъ.

Черезъ часъ та же горничная пріѣзжаетъ и за мной, съ запиской отъ Ольги Сократовны. Я тоже взволновалась. Пріѣзжаю. Тамъ (у жандарма П. И. Гусева) уже было готово угощеніе: на столѣ стояли чай и фрукты. Увидѣвъ его (Н. Г—ча), я разрыдалась: со мной—истерика отъ волненія. „Безсовѣстная" говорю Ольгѣ Сократовнѣ, зачѣмъ лишаете другихъ видѣть его?!..

Ольга Сократовна была несравненно спокойнѣе, но я была огорчена и за себя, и за мать, которая рискуетъ совсѣмъ не видѣть его. Каково это ей? Прійти сюда или пріѣхать мать не можетъ,—она больна. Н. Г. взялъ меня въ другую комнату, посадилъ себѣ на колѣни и успокоилъ.

П. И. Гусевъ, человѣкъ въ высшей степени добрый, постоянно то входилъ, то выходилъ изъ комнаты, въ которой мы были, и все время угощалъ насъ и Николая Гавриловича. Видя наше огорченіе, онъ сказалъ, что не зналъ всѣхъ обстоятельствъ. „Я не зналъ", говорилъ онъ, „что у васъ есть родные, которые желаютъ васъ видѣть. Мнѣ дано было предписаніе, чтобы свиданіе произошло безъ огласки, чтобы не былъ оглашенъ пріѣздъ Н. Г. въ Саратовъ. Согласно инструкціи, я и попросилъ Ольгу Сократовну пріѣхать сюда. Мы рисковали встрѣтить у васъ общество, а нашъ мундиръ—такого рода, что невольно обращаетъ на себя вниманіе".

Гусеву сказали: „Мы ведемъ такой образъ жизни, что вы не рисковали никого встрѣтить у насъ". Тотъ предложилъ, что можно устроить свиданіе и съ Александрой Егоровной, но Н. Г. не хотѣлъ воспользоваться любезнымъ предложеніемъ П. И. Дѣло въ

томъ, что Николай Гавриловичъ опасался повредить состоянію своей больной тетки своимъ непродолжительнымъ пребываніемъ въ сопровожденіи жандармовъ. Поэтому онъ и отказался отъ свиданія съ ней. Н. Г. просилъ П. И. Гусева, чтобы тотъ поступалъ согласно инструкціи.

Гусевъ приготовилъ было для Николая Гавриловича постель и ужинъ, но онъ не хотѣлъ оставаться ночевать: ему хотѣлось ѣхать безостановочно. Чтобы никого не стѣснять, онъ рѣшилъ уѣхать изъ Саратова тутъ же, лишь только уйдутъ жена и двоюродная сестра.

П. И. говорилъ ему: „Останьтесь, отдохните!“ Но Н. Г. просилъ поскорѣе распорядиться на счетъ лошадей. Онъ соглашался остаться на ночь въ Саратовѣ подъ однимъ условіемъ,—если у него просидятъ жена и двоюродная сестра. Но онѣ не могли этого сдѣлать: отсутствіе ихъ въ продолженіе цѣлой ночи сильно потревожило бы больную. Къ тому же, О. С. нужно было скорѣе собираться ѣхать въ Астрахань: пароходы въ это время уже кончали навигацію. До Астрахани ходили одни волжскіе пароходы, да и тѣ дѣлали уже послѣдніе рейсы.

Когда мы вышли на улицу, то вслѣдъ за нами уѣхалъ и Николай Гавриловичъ. Тутъ же извѣстили дѣтей, жившихъ въ Петербургѣ, о проѣздѣ Н. Г. въ Астрахань, а на другой день сообщили имъ о желаніи отца, чтобы они ѣхали весной къ нему для свиданія. Но дѣти, по полученіи телеграммы, тутъ же выѣхали изъ Петербурга въ Астрахань“.

XI. Астрахань.

Н. Г. пріѣхалъ въ Астрахань. „Я“, говоритъ Ольга Сократовна, „отправилась къ нему изъ Саратова, взявъ съ собой около ста рублей, полученныхъ съ квартирантовъ (дома Чернышевскихъ), но эти деньги скоро вышли. Н. Г. мнѣ очень обрадовался.

„Первое время помѣщались въ номерахъ, что стоило очень дорого, а затѣмъ наняли квартиру и обставили ее мебелью,—вотъ почему деньги вышли такъ скоро. Знакомыхъ у насъ тамъ не было, занять (деньги)—не у кого. А Николай Гавриловичъ пріѣхалъ безъ гроша. Сначала у насъ ничего не было: ни мебели, ни посуды, а у Н. Г. не было и одежды. Онъ хотѣлъ работать, но никакой работы не было и даже не предвидѣлось. А. Н. Пыпинъ выручилъ насъ,—прислалъ денегъ, но Н. Г—чу хотѣлось работать. Пыпинъ прислалъ ему книгу для перевода, но она показалась Николаю Гавриловичу слишкомъ ничтожной, чтобы ее пе-

реводить. Онъ хотѣлъ серьезной работы. Будучи въ высшей степени хладнокровнымъ и деликатнымъ, Н. Г. часто вскрикивалъ при чтеніи книги: „Чортъ знаетъ, какая книга! Мнѣ не такую чушь надо переводить!“

Скоро пріѣхали къ намъ и дѣти, пріѣздъ которыхъ обрадовалъ Н. Г.

Въ это время съ нимъ была сильнѣйшая ажитація; бывало, спишь ночью, — проснешься, слышишь: онъ декламируетъ стихи, потомъ сдѣлается истерика,—разрыдается. Я тоже разрыдаюсь: жалко его. Въ обычное время — онъ веселъ, анекдотами такъ и сыплетъ, постоянно остритъ и хохочетъ,—потѣшается надо мной. И онъ, и я— нервные. Впослѣдствіи онъ сдѣлался раздражительнымъ, недовольнымъ, и я стала раздражаться. Ну, онъ и сердится на меня. „Ахъ, оставьте меня въ покоѣ“, скажетъ.

Пищею для Н. Г. служили: кашица, молоко и чай. Онъ любилъ простоту въ всемъ: фуражка у него была простая, онъ не носилъ ни палки, ни зонтика никогда не имѣлъ. Только для визитовъ онъ имѣлъ въ Петербургѣ цилиндръ и фракъ; зонтъ я пріобрѣла ему въ Саратовѣ“.

XII. Саратовъ.

Николай Гавриловичъ получилъ разрѣшеніе жить, гдѣ ему угодно; уѣзжать изъ Астрахани, гдѣ онъ сошелся со многими, ему не хотѣлось, но Ольга Сократовна пожелала жить на родинѣ.

Поселившись въ Саратовѣ послѣ переѣзда изъ Астрахани 28 іюня 1889 г., Н. Г. снялъ квартиру въ домѣ Никольскаго, противъ бульвара. Собственный же домъ Н. Г., существующій и теперь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при Николаѣ Гавриловичѣ, былъ сданъ, по контракту на нѣсколько лѣтъ, присяжному повѣренному Токарскому.

Саратовъ тогда находился подъ усиленной охраной. Всѣ пріѣзжающіе или перемѣняющіе квартиры обязательно должны были записываться на особомъ листѣ, который отсылался для записи въ полицію. Но какъ записать Николая Гавриловича, лишеннаго правъ и состоянія? Этотъ вопросъ очень озадачилъ Ольгу Сократовну. Для его разрѣшенія она обратилась къ полицеймейстеру, У. М. Готовицкому, человѣку доброй души; онъ возвратилъ Н. Г—чу чинъ титулярнаго совѣтника, который онъ носилъ до ссылки въ Сибирь, и съ такимъ чиномъ былъ записанъ въ полиціи.

Самъ Н. Г. не любилъ имѣть дѣла съ полиціей, самое имя ко-

торой приводило его, всегда кроткаго и смирнаго, въ гнѣвъ, раздраженіе и возмущеніе.

Въ Саратовѣ онъ велъ жизнь кабинетнаго ученаго, замкнутую, занимаясь переводомъ исторіи Вебера. Хотя у него и были здѣсь родные и знакомые, живы были даже товарищи его дѣтства,—Н. Г. не возстановлялъ прежнихъ знакомствъ, изъ чувства осторожности и боязни вызвать безпокойство полиціи и жандармовъ; къ тому же, работа поглощала все его время. Когда же онъ случайно встрѣтился на земской выставкѣ въ сентябрѣ 1889 г. съ товарищемъ своего дѣтства, К. П. Трушкинымъ, то былъ ему очень радъ, упросилъ прійти къ себѣ, на что Трушкинъ, не желая отвлекать Н. Г. отъ его занятій, согласился только послѣ усиленной просьбы. Онъ сказалъ, чтобы Николай Гавриловичъ прислалъ къ нему свою служанку, съ извѣстіемъ, когда у него будетъ свободное время.

Недѣли черезъ двѣ-три, Н. Г. прислалъ записку, и Трушкинъ пробылъ у него цѣлый вечеръ. Писатель съ громаднымъ удовольствіемъ вспоминалъ о прошломъ. Вообще, Н. Г. любилъ, когда его навѣщали родные и знакомые; онъ, давая себѣ отдыхъ отъ занятій, любезно и радушно принималъ гостей, при чемъ, прямо очаровывалъ всѣхъ своею любезностью и лаской. Но посѣщенія незнакомыхъ, желавшихъ узнать его взгляды на современную жизнь, очень стѣсняли Николая Гавриловича, и онъ отдѣлывался обычно тѣмъ, что заговаривалъ съ ними о старинѣ. Ольга Сократовна также предпринимала всевозможныя средства, чтобы избавить мужа отъ посѣтителей, мѣшавшихъ ему заниматься. Чтобы не принимать такихъ гостей, которые являлись только съ цѣлью посмотрѣть Чернышевскаго, на дверяхъ его квартиры было вывѣшено такое объявленіе: „Н. Г. Чернышевскій принимаетъ только по самымъ нужнымъ дѣламъ“. Быть у Н. Г—ча можно было до девяти часовъ вечера. Дольше этого времени ни одинъ гость не могъ сидѣть. Приходила Ольга Сократовна, и прямо говорила, что дольше девяти часовъ сидѣть нельзя. Если же гость засиживался, то Н. Г. наверстывалъ потерянное время тѣмъ, что просиживалъ за работой далеко за полночь.

Самъ же Н. Г. ни у кого не бывалъ, кромѣ родственниковъ—И. Н. Виноградова и Н. Д. Пыпина, несмотря ни на какія упрашиванія. „Погодите“, говорилъ онъ обычно, „пріѣду и я къ вамъ; дайте только освоиться мнѣ съ Саратовомъ, а главное—нужно дать приглядѣться на себя“.

Съ гигіеническими цѣлями, Н. Г. каждый день выходилъ на свѣжій воздухъ. Въ одиннадцать часовъ утра онъ отправлялся на почту, а послѣ обѣда, часа въ четыре или въ пять, почти постоянно

гулялъ по бульвару, находившемуся противъ его квартиры; въ это время здѣсь гуляетъ обычно мало народу. Было замѣтно, что Николай Гавриловичъ любилъ, на старости лѣтъ, сидѣть въ этомъ саду, гдѣ когда-то онъ гулялъ въ молодости. Въ отсутствіе Чернышевскаго бульваръ очень измѣнился. На многолюдныхъ гуляньяхъ онъ показывался раза два—не больше: былъ на саратовской выставкѣ и на концертѣ въ саду Сервье.

Не зная Николая Гавриловича, многіе, замѣчая его интеллигентное лицо, высказывали предположеніе, что этотъ почтенный старикъ и есть Чернышевскій, но полицейскіе чины, къ которымъ обращались за разрѣшеніемъ сомнѣнія, обыкновенно увѣряли публику, что Чернышевскій имѣетъ совершенно другія примѣты [1]).

Раза два-три въ недѣлю Н. Г. катался на извозчикѣ по горной части Саратова, заселенной бѣднымъ людомъ. Здѣсь онъ могъ ходить и ѣздить совершенно свободно, не обращая на себя ничьего вниманія. Тамъ онъ иногда посѣщалъ своего родственника, отставного учителя Саратовскаго духовнаго училища, И. Н. Виноградова, съ которымъ у нихъ были самыя дружескія отношенія. Получая тринадцатирублевую пенсію (въ мѣсяцъ), И. Н. жилъ въ маленькой хибаркѣ, въ которой находилась и кухонная печка; больной ногами, онъ не могъ ходить и нуждался въ очень теплой температурѣ. Но Николай Гавриловичъ не стѣснялся ни убогой обстановкой Виноградова, ни духотой атмосферы, которой требовали старческіе годы Ивана Николаевича, и всегда просиживалъ у него часа полтора; только впослѣдствіи двадцати-пяти-градусная температура заставляла Н. Г—ча просиживать здѣсь недолго, хотя онъ и старался охлаждать себя, избирая для сидѣнія мѣсто около окна.

По возвращеніи изъ ссылки, Н. Г. не любилъ говорить о Сибири. Даже слово Сибирь онъ замѣнялъ—*тамъ*. Вообще, все, что напоминало его тяжелые дни, было непріятно Николаю Гавриловичу. Обыкновенно тихій, скромный, онъ приходилъ въ изступленіе при каждомъ разспросѣ объ его званіи. Когда онъ, пріѣхавши въ Саратовъ, въ первый разъ пошелъ на почту получить деньги, и почтовый чиновникъ, на зная Чернышевскаго, попросилъ удостовѣренія его личности и сталъ спрашивать, отъ кого онъ получаетъ денежное письмо,—раздраженный Н. Г. сказалъ: „Эти допросы очень надоѣли мнѣ. На-те удостовѣреніе полицеймейстера, а если не вѣрите—обратитесь къ синимъ брюкамъ и полиціи. Мнѣ все это опротивѣло“.

---

[1]) Писемскій въ своемъ романѣ „Взбаломученное море“ придалъ Проскриптскому многія черты, присущія Чернышевскому, почему и говорили прежде, что Проскриптскій Писемскаго въ дѣйствительности—Чернышевскій.

Сказавъ это, онъ выбѣжалъ безъ фуражки изъ зданія почты. Когда же его попросили вернуться, Н. Г. замѣтилъ чиновнику: „Вы извините меня,—я поступилъ, какъ мальчишка“. Когда же ему предложили вскрыть пакетъ, — то эта формальность очень разсердила Н. Г—ча. Но затѣмъ онъ сошелся со всѣми почтовыми чиновниками, съ которыми былъ очень любезенъ. Эта любезность проявлялась, впрочемъ, у него всегда: имѣлъ ли Н. Г. дѣло съ товарищами, врагами,—онъ былъ необыкновенно предупредителенъ.

Домашнимъ удовольствіемъ Николая Гавриловича были кошки, которыхъ онъ очень любилъ, какъ и Магометъ. Кошки его очень забавляли, и Н. Г. часто занимался съ ними. Привяжетъ, бывало, нитки къ шарикамъ и смотритъ, какъ кошки играютъ съ ними. Для каждой кошки у него было свое блюдечко, которое она хорошо знала и изъ котораго ѣла. Одна любимая кошка была у Ольги Сократовны, а Н. Г—чъ имѣлъ свою кошку, очень къ нему привязанную. Кошки жили очень недружелюбно, и О. С. часто изгоняла изъ комнаты кошку-забіяку, любимицу Н. Г—ча. Когда же кошка Ольги Сократовны пропала, и у Чернышевскихъ, въ концѣ-концовъ, осталась одна кошка-любимица Н. Г.,—послѣдняя очень привязалась къ писателю: она бывала съ нимъ всегда, даже въ то время, когда онъ работалъ. Когда же Н. Г. въ одиннадцать часовъ утра, вмѣсто прогулки, шелъ на почту, получать или отправлять что-нибудь, то бралъ съ собою и кошку, которую сажалъ себѣ на плечи. Дойдя до угла улицы, онъ бросалъ ее, и она уходила домой.

Интересно отмѣтить, что, когда Николай Гавриловичъ умеръ и уже лежалъ на столѣ, — эта кошка пыталась нѣсколько разъ проникнуть къ нему.

Другое удовольствіе, которое доставлялъ себѣ Чернышевскій, было неумѣренное куреніе папиросъ. При разговорѣ съ кѣмъ-либо онъ постоянно курилъ, а такъ какъ готовыхъ папиросъ у него не было, то онъ едва успѣетъ выкурить одну папиросу, какъ уже набиваетъ другую.

XIII. Болѣзнь.

Николай Гавриловичъ обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ. Почти никогда не обращался онъ къ докторамъ, къ тому же, и самъ имѣлъ нѣкоторыя познанія въ медицинѣ, съ которой познакомился въ университетѣ, живя на одной квартирѣ съ студентомъ-медикомъ.

Когда Н. Г. переѣхалъ въ Саратовъ,—его здоровье уже ослабѣло, онъ потѣлъ не только при подъемѣ на гору, но даже и при

скорой ходьбѣ. Комнатная температура въ 15° для него уже была недостаточна. „Я такъ постарѣлъ“, говорилъ онъ, „что чувствую холодъ при 16° температурѣ“.

Осень 1889 г. въ Саратовѣ стояла теплая, но обманчивая. Прохладный вѣтеръ съ Волги иногда давалъ себя чувствовать саратовской публикѣ, одѣтой въ лѣтніе костюмы; поэтому, въ эту осень было очень много простудныхъ заболѣваній.

Къ зимѣ этого года Чернышевскій сталъ чувствовать упадокъ силъ. Онъ часто жаловался на головныя боли, къ тому же у него былъ катарръ желудка, отъ котораго Н. Г. лѣчился діэтой, а иногда и голодомъ. „Самое лучшее средство избавиться отъ катарра желудка“, говорилъ онъ,—„это—поститься, не ѣсть ничего; я и не ѣмъ иногда день, два, а иногда—пять дней, и только этимъ вылѣчиваюсь“. Разговорясь съ однимъ своимъ знакомымъ товарищемъ дѣтства, о катаррѣ, отъ котораго умерла жена этого знакомаго, Н. Г—чъ сказалъ: „Если катарръ осложнится другими болѣзнями, то и моя смерть неизбѣжна“.

Н. Г. считалъ необходимыми для себя ежедневныя прогулки. Его прогулки-поѣздки по саратовскимъ „горамъ“ могли сослужить ему плохую службу. Надо знать, что горная часть Саратова отдѣляется отъ остального города Глѣбучевымъ оврагомъ, по которому осенью дуютъ порывистые вѣтры. Проѣзжая по оврагу отъ Виноградова, Н. Г—чъ, потный послѣ черезчуръ теплой температуры его квартиры, часто простуживался. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ часто принималъ хину, чувствуя недомоганіе. Но, несмотря на свое нездоровье, онъ по-прежнему ежедневно ходилъ самъ на почту (хотя вполнѣ могъ посылать туда своего секретаря); возвращаясь однажды съ почты, по Армянской улицѣ, онъ пропотѣлъ и распахнулся, отъ чего его продуло вѣтромъ, и Н. Г. слегъ въ постель.

Ольга Сократовна (въ половинѣ сентября 1889 г.) пригласила доктора А. В. Брюзгина, совсѣмъ незнакомаго Николаю Гавриловичу; съ О. С. онъ познакомился случайно, встрѣтившись у общихъ знакомыхъ, во время визитаціи Брюзгина къ больному. Несмотря на мимолетность знакомства, О. С. встрѣтила доктора, какъ родного еще въ передней.

На вопросъ Брюзгина, чѣмъ боленъ Николай Гавриловичъ, О. С., попросивъ его сѣсть въ залѣ (Н. Г. былъ въ это время въ кабинетѣ, дверь оттуда выходила въ залъ и была затворена), взволнованная, стала просить Брюзгина получше обслѣдовать ея мужа. „Николай Гавриловичъ“, говорила она, „страдаетъ ракомъ, съ нимъ рвота,—ясный признакъ этой болѣзни. Подробнымъ изслѣдованіемъ болѣзни вы сдѣлаете доброе дѣло и для него, и для меня“.

Брюзгинъ спросилъ, когда заболѣлъ Н. Г.? Ольга Сократовна отвѣтила, что Н. Г. захворалъ вчера; на дворѣ было свѣжо, а Н. Г. былъ на прогулкѣ, прозябъ и заболѣлъ. „Николай Гавриловичъ“, жаловалась О. С. доктору, „очень упорный, но его непремѣнно нужно заставить лѣчиться. За нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, нужно наблюдать даже тогда, когда онъ ходитъ. Какъ-то пошелъ онъ одинъ, наткнулся на тумбочку и очень ушибся“.

(Дѣйствительно, многіе факты убѣдили Ольгу Сократовну, что оставлять Н. Г—ча одного иногда даже не совсѣмъ безопасно. Онъ иногда такъ бывалъ углубленъ въ свои думы, что не обращалъ никакого вниманія на окружающіе предметы. Сходя, напр., по лѣстницѣ, онъ, задумавшись, могъ бы упасть и разбиться, если бы кто-нибудь не поспѣшилъ къ нему на помощь. Случалось нѣсколько разъ, что въ такомъ состояніи Н. Г. часто проходилъ мимо своей квартиры и, когда приходилъ въ себя, то съ изумленіемъ замѣчалъ это. До какой степени былъ онъ разсѣянъ, говоритъ слѣдующій фактъ изъ его астраханской жизни. Одна барышня, которая часто посѣщала Чернышевскихъ, разъ сѣла на мѣсто Ольги Сократовны и стала разливать чай. Вышедши изъ своей комнаты, Н. Г. принялъ ее за О. С—ну и поцѣловалъ ее въ щеку. Одиночныя прогулки Н. Г—ча были очень чувствительны для кармана писателя, всегда почти тощаго. Онъ никогда не отказывалъ бѣднымъ, если они обращались къ нему съ просьбой о помощи. Разъ, во время безденежья, приходитъ Николай Гавриловичъ домой безъ верхняго пальто. Когда спросили, гдѣ его пальто,—онъ отвѣтилъ, что во время купанья на открытомъ берегу Волги у него утащили пальто. Только уже послѣ узнали истинную причину его исчезновенія: Н. Г. самъ отдалъ пальто одному нуждающемуся чиновнику).

Произошло большое замѣшательство, когда Брюзгинъ вмѣстѣ съ О. С—ной вошли въ кабинетъ; оказалось, что О. С. призвала доктора противъ желанія Н. Г—ча совѣтоваться съ какимъ бы то ни было врачемъ и даже не предупредила о приходѣ доктора. Узнавъ о причинѣ прихода Брюзгина, который долженъ былъ отрекомендоваться и сказать: „Ваша жена просила меня изслѣдовать вашу болѣзнь“, Н. Г. чрезвычайно удивился его приходу и рѣшительно отказался позволить себя изслѣдовать, хотя, по обычаю, принялъ Брюзгина очень любезно.

Врачъ очутился въ неловкомъ положеніи.

При взглядѣ на Николая Гавриловича, можно было замѣтить, что онъ находился въ сильно возбужденномъ состояніи, температура была, повидимому, около 40°, его знобило, пробирала дрожь; говоритъ быстро, нервно.

Н. Г. полулежалъ на турецкомъ диванѣ. Часто свертывалъ и курилъ папиросы.

Когда Брюзгинъ, спустя нѣкоторое время, уже не какъ врачъ, а просто знакомый Н. Г—ча и любезно имъ принятый, посовѣтовалъ ему не избѣгать докторскаго изслѣдованія и лѣченія,—Н. Г. замѣтилъ ему: „Я очень радъ нашему знакомству и прошу васъ бывать у меня, но въ настоящее время, если вы хотите сдѣлать мнѣ пріятное,—прошу васъ не изслѣдовать меня: я не нуждаюсь въ медицинскомъ пособіи. Я самъ хорошо знаю и медицину, и свою болѣзнь и никогда не прибѣгаю къ пособію докторовъ. Только разъ во всю мою жизнь свидѣтельствовалъ меня мой другъ, докторъ Боковъ (ординаторъ С. П. Боткина), и то только послѣ усиленной просьбы".

— „Я не совсѣмъ васъ понимаю. Однако, жена ваша сильно за васъ безпокоится; у васъ, по ея словамъ, бываетъ даже кровавая рвота. Вы непонятно для меня относитесь къ докторамъ и врачебной помощи", сказалъ ему на это Брюзгинъ, „даже лучшіе доктора сами не лѣчатъ себя. Здѣсь ошибка всегда возможна. Они не могутъ изслѣдовать себя".

— „Я глубоко уважаю, какъ врачей, такъ и медицину, но въ настоящее время въ вашемъ изслѣдованіи я вижу только одно безцѣльное и надоѣдливое ухаживаніе за собою жены", отвѣтилъ Николай Гавриловичъ; „полжизни идетъ на это ухаживаніе. Вы вынуждаете меня сказать то, чего я не хотѣлъ. Повторяю, я хорошо знаю, что я страдаю гастрическою лихорадкою. Со мной это часто было. Я большую часть жизни провелъ въ дикой странѣ (Вилюйскъ); чтобъ дать вамъ понять, какъ тамъ живутъ люди и чѣмъ питаются, я укажу на слѣдующее. Мясо, которое мы съ вами, живущіе здѣсь, считаемъ за недожаренное, тамъ принимаютъ за пережаренное, поэтому, я питался тамъ почти исключительно молокомъ и кашицей, да и съ дѣтства привыкъ къ пищѣ простой,—гастрономическихъ кушаній для меня не существуетъ. Для меня хороши только кашица да молоко, а жена то и дѣло твердитъ мнѣ: „Ты себя истощаешь" и пристаетъ ко мнѣ: „Отчего ты не ѣшь?" Ну, я и ѣмъ.... а послѣ ѣды искусственно вызываю рвоту, чтобы мнѣ не было худо. Теперь же моя нервная жена заставляетъ меня ѣсть даже то, что мнѣ вредитъ. Она думаетъ, что я буду здоровѣй отъ той пищи, которой она пичкаетъ меня. На самомъ же дѣлѣ отъ подобной пищи я и заболѣлъ теперь. Подобное питаніе и вредитъ мнѣ. Послѣ ѣды—со мной „фридрихъ-ераусъ". Не далѣе, какъ вчера, варили почки, которыя жена заставила меня ѣсть; въ угоду ей... я ѣлъ почки, но, сознавая, что подобная пища мнѣ вредна, я вынужденъ былъ ис-

кусственно пальцемъ произвести себѣ рвоту; вотъ, и причина той рвоты, о которой передавала вамъ моя жена; крови же въ рвотѣ никогда не встрѣчалось. Какъ видите, я противъ своей воли и желанія, питаюсь не тѣмъ, что принимаетъ мой желудокъ. Я глубоко убѣжденъ, что я выздоровѣю, если я только буду освобожденъ отъ этого и соблюду діэту. Для успокоенія жены я буду принимать какія угодно лѣкарства, сказалъ Н. Г. на прощанье доктору. „Ради Бога, передайте женѣ, что вы меня изслѣдовали“...

Такая откровенность поразила Брюзгина, слышавшаго о скрытномъ характерѣ Чернышевскаго. „Я“, говоритъ Брюзгинъ, „не ожидалъ такого дѣйствія, которое произвели на него мои слова. Онъ, противъ обыкновенія, пустился на такую откровенность, какую не каждый выскажетъ. Онъ выложилъ предо мной всѣ свои неудовольствія“. Въ то же время Брюзгинъ замѣтилъ полное нежеланіе Николая Гавриловича пользоваться какимъ бы то ни было докторскимъ пособіемъ. Онъ, какъ было видно по тону разговора и выраженію лица, былъ такъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ своихъ словъ, что уговаривать его болѣе на подробное медицинское изслѣдованіе не представлялось никакой возможности. Volens-nolens нужно было оказать ему и Ольгѣ Сократовнѣ посильную помощь. Къ этому побуждала врача и несерьезность, по мнѣнію послѣдняго, болѣзни Николая Гавриловича.

Общій видъ больного, его недавнее заболѣваніе, высокая температура, нечастое и глубокое дыханіе, отчасти разсказъ Н. Г—ча о своей болѣзни и своей жизни въ Сибири, странѣ болотистой, заставляли врача смотрѣть на Н. Г., какъ на неопасно больного; Брюзгинъ діагностицировалъ приступъ малярійной лихорадки. Впослѣдствіи діагнозъ показалъ увеличеніе селезенки, что ясно показывало на застарѣлость маляріи. Да и безъ подробнаго изслѣдованія, уже по одному внѣшнему виду больного было видно, что онъ страдаетъ маляріей.

Въ Саратовѣ, особенно въ августѣ и сентябрѣ, бываетъ масса страждущихъ приступами маляріи; вѣроятно, это объясняется спадомъ воды на Волгѣ. Пароксизмы маляріи сопровождаются сильнымъ жаромъ и иногда бредомъ. Иногда дѣйствіе малярійнаго яда сосредоточивается только на желудкѣ и выражается только явленіями со стороны послѣдняго; это—такъ называемая гастрическая лихорадка старыхъ авторовъ, которую находилъ у себя Николай Гавриловичъ. Но „завѣреніе Н. Г.“, говоритъ д-ръ Брюзгинъ, „что съ нимъ гастрическая лихорадка,—хотя оно и было сказано самоувѣренно,—не выдерживало ни малѣйшей критики, а равно и то, что онъ знакомъ съ медициной“.

Успокоивъ жену Н. Г—ча, переведя разговоръ на посторонніе предметы, врачъ посовѣтовалъ дать пріемъ хинина въ десять гранъ, Оказалось, что хининъ, былъ въ квартирѣ Чернышевскихъ въ большомъ количествѣ, и Н. Г., по словамъ жены, очень часто принималъ его и выздоравливалъ. Хининъ, по просьбѣ О. С—ны, былъ принятъ Николаемъ Гавриловичемъ въ присутствіи врача. Послѣ этого Н. Г. любезно простился съ врачемъ и вторично просилъ его бывать у себя, но только не какъ врача, а какъ знакомаго.

Ночью Н. Г. потѣлъ, и на другой день былъ здоровъ, что служило яснымъ доказательствомъ вѣрности діагноза болѣзни Н. Г—ча; но все-таки О. С. не повѣрила доктору, что съ мужемъ—малярія,—она настаивала, что онъ боленъ ракомъ.

Четырнадцатаго октября, въ семь или восемь часовъ вечера, д-ра Брюзгина вторично приглашаютъ къ Чернышевскому. Встрѣчаетъ О. С—на, опять нервная и очень взволнованная, проситъ изслѣдовать Н. Г—ча и прямо опредѣляетъ его болѣзнь, которая, по ея убѣжденію, уже не ракъ, а воспаленіе мозга. Какихъ-либо фактовъ въ пользу своего опредѣленія болѣзни, кромѣ указанія на бредъ Н. Г—ча, она привести не можетъ.

Прежде, чѣмъ войти въ кабинетъ, Ольга Сократовна просила доктора сѣсть опять въ залѣ и послушать, „сядьте и послушайте“, какъ Н. Г. бредитъ. Дѣйствительно, въ залѣ отчетливо было слышно, какъ кто-то твердо и отчетливо, связно и краснорѣчиво диктуетъ какія-то историческія свѣдѣнія. Н. Г. бредилъ переводомъ исторіи Вебера. Бредъ былъ настолько отчетливъ, что его весь можно было записать. Если бы не было тѣхъ паузъ, которыя обыкновенно дѣлаются диктующими, и если бы врачъ не былъ предупрежденъ Ольгой Сократовной,—онъ подумалъ бы, что въ сосѣдней комнатѣ читается лекція исторіи даровитымъ учителемъ. По словамъ врача, бредъ Н. Г. былъ настолько интересенъ по содержанію и красотѣ слога, что только обязанность доктора—немедленно приступить къ осмотру больного заставила его войти въ кабинетъ.

Н. Г. лежалъ на своемъ любимомъ туренкомъ диванѣ, лицомъ къ стѣнѣ, по временамъ производилъ какіе-то жесты приподнятой лѣвой рукой. Больной продолжалъ бредить; при громкомъ окликѣ, переставалъ говорить, но не надолго, на нѣсколько секундъ. Пользуясь положеніемъ Н. Г—ча, докторъ начинаетъ изслѣдованіе и находитъ—температура—около 39°, легкія въ порядкѣ, пульсъ—полный, нечастый, тоны сердца—чисты, лучевыя артеріи склеризированы, печень и селезенка увеличены; запора нѣтъ; отправленія желудочно-кишечнаго канала—нормальны; зрачки реагируютъ на свѣтъ.

Хотя состояніе сердца было и не изъ важныхъ,—все же, Н. Г—чъ могъ бы прожить имъ лѣтъ десять.

Заболѣлъ Н. Г. въ этотъ день (14 окт.); причина—почти та же самая, что и въ первый разъ. Ясно было, что съ Н. Г—чемъ опять былъ пароксизмъ той же болотной лихорадки. Ея ядъ можетъ производить возбуждающее дѣйствіе на мозговыя оболочки; въ данную минуту у Н. Г—ча и было такое именно состояніе, а отнюдь не воспаленіе мозга. Бредъ его указывалъ на разстройство нервовъ (послѣднее произошло отъ непріятностей) и вообще на слабость нервной системы. Надо замѣтить, что въ Саратовѣ очень часто люди нервные, особенно, много работающіе головнымъ мозгомъ, при температурѣ 39° страдаютъ бредомъ.

Было дано опять десять гранъ хинина въ растворѣ вечеромъ этого дня и столько же утромъ слѣдующаго.

Пятнадцатаго октября, въ восемь часовъ утра, когда пришелъ докторъ, Н. Г. сидѣлъ. Оказалось, что ночью онъ потѣлъ, температура упала до нормы, пульсъ былъ хорошій. Онъ любезно говорилъ съ докторомъ, былъ веселъ и шутилъ, при этомъ, онъ передалъ, что помнитъ, какъ приходилъ вчера докторъ. Когда тотъ предложилъ произвести осмотръ больного, Николай Гавриловичъ безпрекословно позволилъ сдѣлать это. „Такимъ образомъ, онъ въ первый разъ высказалъ желаніе видѣться и совѣтоваться со мной“, говоритъ г. Брюзгинъ въ запискахъ Ф. В. Духовникова, „именно какъ съ врачомъ“.

При изслѣдованіи, Н. Г. жаловался на боль въ спинныхъ и поясничныхъ мышцахъ и просилъ прописать ему какую-нибудь мазь. „Я ослабѣлъ; дайте отдохнуть мнѣ“, сказалъ онъ, и всѣ вышли изъ его комнаты. Пароксизмъ уже прошелъ, и Н. Г—чу необходимо было дать покой.

— „Какъ вы нашли его? Опасно онъ боленъ? Съ нимъ воспаленіе мозга?“ забрасывала Ольга Сократовна вопросами доктора, на которые онъ едва успѣвалъ отвѣчать.

На его отвѣтъ, что съ Николаемъ Гавриловичемъ нѣтъ воспаленія мозга, а его прежняя болѣзнь, малярія, О. С—на разсердилась, даже не повѣрила и стала возражать. Она стала спрашивать доктора, чѣмъ кормить больного. Брюзгинъ отвѣтилъ ей: „Давайте то, что онъ самъ спроситъ; онъ не будетъ ѣсть, что для него вредно“.

— „Онъ только молоко пьетъ“, возразила О. С.

— „Ну, и пусть пьетъ“, отвѣтилъ докторъ.

— „Я не даю ему много, онъ слишкомъ много пьетъ, иногда по цѣлой крынкѣ въ сутки, а то и болѣе“, возражаетъ она опять.

Г. Брюзгинъ высказываетъ удовольствіе по поводу хорошаго аппетита Н. Г—ча. О. С. опять волнуется. Докторъ посовѣтовалъ ей не волноваться и успокоиться, а, главное, дать полнѣйшій покой Н. Г—чу и предоставить ему самому распоряжаться всѣмъ и отнюдь ничѣмъ не раздражать его.

А. А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXVII[1]).

Итакъ, мечта погибла, иллюзіи казались разрушенными, а въ недалекомъ будущемъ насъ ожидала вѣчная разлука...

Однако, властный голосъ сердца рѣшилъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе, и лучъ надежды снова озарилъ мой потемнѣвшій горизонтъ.

— Не оставляй меня, дорогой, безконечно любимый!—задыхаясь, въ слезахъ умоляла я: скажи,—что ты вѣришь мнѣ, скажи только слово, и я послѣдую за тобой хоть на край свѣта...

— Нѣтъ! что-нибудь да было, вѣроятно!—отвѣтилъ онъ, загораясь опять ревнивымъ подозрѣніемъ:—слишкомъ ужъ громкіе слухи долетали ко мнѣ о твоихъ якобы удивительныхъ тріумфахъ на берегахъ Нила!.. Вотъ что значитъ неправильный путь, по которому ты шла, не оглядываясь, руководимая лишь инстинктомъ женскаго коварства и, такимъ образомъ, свою жизнь исковеркала и мою загубила навсегда...

— Ты самъ теперь прекрасно знаешь, что это легенда, злая, скверная легенда и все-таки продолжаешь упорствовать!—перебила я съ негодованіемъ.

— Всѣми фибрами моего существа хочу вѣрить тебѣ!—былъ его отвѣтъ:—только не здѣсь еще весь ужасъ нашей судьбы... но ты меня не понимаешь, ты никогда не поймешь меня, христіанка!—горячимъ, трепетнымъ шепотомъ договорилъ онъ.

Тогда его затаенная мысль, его колебанія и сомнѣнія откры-

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1912 г.

лись передо мной: „все написано въ книгѣ судебъ раньше начала временъ“, гласитъ Коранъ или другими словами: дѣяніе каждаго человѣка опредѣлено заранѣе, а потому люди ничего не могутъ измѣнить вокругъ себя.

Тафти, хотя и просвѣщенный до нѣкоторой степени западной цивилизаціей, тѣмъ не менѣе сохранялъ въ душѣ наивную вѣру въ предопредѣленіе. Зато мнѣ, свободной отъ гнета мусульманскаго Кесмета, было несравненно легче выбраться изъ лабиринта противорѣчій, куда мы зашли оба, гонимые силой исключительныхъ условій, окружавшихъ нашу жизнь магическимъ кольцомъ, и подойти ближе къ рѣшенію сложной для него задачи.

— Нѣтъ, милый, дорогой! ты заблуждаешься, называя судьбу жестокой, неумолимой,—съ увѣренностью любви возразила я:—нѣтъ! она выше, разумнѣе, чѣмъ кажется тебѣ, воспитанному на предразсудкахъ Ислама. Но станемъ въ данный моментъ на точку зрѣнія вашей религіи, которая учитъ, что даже мышленіемъ человѣка управляетъ Кесметъ. Не такъ ли? Вспомни, ты говорилъ и убѣжденно повторялъ вотъ эти слова: „могуществомъ предопредѣленія мы созданы одинъ для другого, и никакая сила на землѣ не разъединитъ насъ, а иначе судьба не привела бы тебя изъ далекаго, чуждаго края на мой жизненный путь“. Тафти, будемъ вѣрить ей—развѣ не ясно, какъ Божій день, что именно такова ея непреложная воля? Я не оставлю тебя даже подъ огнемъ пушекъ—уйдемъ туда вмѣстѣ, мой прелестный другъ! Все равно, здѣсь мы никогда не избавились бы отъ цѣпей фанатизма и надзора дипломатіи—увези меня отсюда или я умру!—страстной мольбой вырвалось изъ груди и проникло въ его сердце. Онъ вздрогнулъ, какъ будто побѣжденный внезапно хлынувшей на него волною:

— О, милая, свѣтлая звѣздочка, ты разбудила меня отъ кошмара!—уже не скрывая горячаго порыва, отозвался онъ, точно захваченный экстазомъ необъятной радости.—Я благословляю тебя, какъ даръ небесъ! Пусть волнуются дипломаты и бряцаютъ оружіемъ; но мы не разстанемся. Послѣ бури солнце ярче свѣтитъ, и если ты рѣшаешься довѣриться мнѣ, то я клянусь тебѣ всѣми священными завѣтами Ислама окружить твою жизнь такимъ обожаніемъ, какое не грезилось еще ни одной женщинѣ даже во снѣ...

Какъ опьяненная жаркимъ дыханіемъ весны и ароматомъ ея розъ, слушала я волшебную сказку, которую разсказывалъ онъ, и съ невольнымъ чувствомъ безграничнаго восхищенія любовалась его идеальной красотой: мнѣ казалось, что душа моя, покинувъ земную оболочку, парила въ облакахъ надъ цвѣтущимъ садомъ, гдѣ каждый лепестокъ и травка пѣли гимнъ нашей любви. Прошлое, настоя-

щее, люди, вещи, доводы разсудка—все это сразу отодвинулось передо мною куда-то въ туманную даль, словно для того, чтобы я видѣла только дивные, черные, какъ южная ночь, глаза, въ которыхъ горѣло пламя непреодолимой страсти.

Вдругъ на порогѣ дверей изъ коридора обрисовалась фигура секретаря: онъ вошелъ и мимикой напомнилъ своему другу о времени. А между тѣмъ на протяженіи не болѣе часа мы пережили вдвоемъ цѣлую эпоху за гранью внѣшняго міра.

Я хотѣла отойти въ сторону; но Тафти, не стѣснясь присутствіемъ Вафиръ-бея, еще крѣпче обвился руками вокругъ моихъ плечъ и, даже не понижая голоса, сказалъ:

— Условимся такъ: въ четвергъ не позже двухъ часовъ приходи къ Фатимѣ: она пока у меня, я задержу окончательный разводъ съ нею еще на нѣсколько дней и, такимъ образомъ, раньше, чѣмъ уѣхать отсюда, мы будемъ встрѣчаться безъ всякаго риска для нашего дѣла. Но теперь, милая, дорогая, вернемся къ обществу, а если тетушка спроситъ, то объясни ей, что была все время на хорахъ—она, конечно, повѣритъ...

— Несказанно счастливъ успокоить васъ, mademoiselle,—вмѣшался неожиданно Вафиръ-бей:—madame Darivo именно такъ и полагаетъ—я только что имѣлъ честь обмѣняться съ ней привѣтствіемъ.

— А! благодарю тебя, товарищъ!—отвѣтилъ ему Тафти и, наклоняясь опять къ моему лицу, продолжалъ; но въ тонѣ его вдругъ задрожала нотка другого настроенія.—Объ одномъ убѣдительно прошу тебя: не танцуй тамъ ни съ кѣмъ, рѣшительно ни съ кѣмъ! Ваши танцы—самая безнравственная вещь на свѣтѣ: я не могу безъ содроганія ужаса представить себѣ, какъ другой мужчина обниметъ талію, которую сжимали мои руки. А если ты заставишь меня созерцать это возмутительное зрѣлище, то:.. берегись!..

Такъ говорилъ питомецъ гаремовъ, ослѣпленный ревностью и не знавшій ея предѣловъ.

Жуткая минута снова омрачила всѣ мои иллюзіи; я рѣшилась тогда въ послѣдній разъ прислушаться къ голосу, который нерѣдко спрашивалъ меня: „хватитъ ли у тебя настолько душевныхъ силъ, чтобы оторваться навсегда отъ привычныхъ условій жизни европейской расы? Какъ подойдешь ты къ психикѣ азіата и къ его идеаламъ—развѣ это не загадка?“... Но когда наши глаза встрѣтились, и я прочла нѣмой вопросъ въ огненныхъ зрачкахъ, то отвѣтила своему прекрасному другу:

— Тафти, мое счастіе и божество, ничего подобнаго не будетъ: я ухожу наверхъ къ Элиме и остаюсь тамъ до конца:—твоя воля—законъ для меня...

Такимъ образомъ, неотразимая логика любви оказалась убѣдительнѣй протестующихъ доводовъ разума...

На хорахъ, забронированныхъ деревянными рѣшетками, царилъ полумракъ. Я не успѣла еще перешагнуть туда черезъ порогъ, какъ навстрѣчу мнѣ хлынулъ бурный потокъ шумныхъ восклицаній и со всѣхъ сторонъ меня принялись тормошить:

— А! золотая рыбка, въ какихъ моряхъ плавала и ныряла? Ну, да! знаемъ, знаемъ все! Почему не танцовали сегодня? А съ кѣмъ проводили часы блаженства?.. Да! да! и это намъ извѣстно!.. кричали вокругъ расшалившіяся плѣнницы гаремовъ.

— Однако,—думалось мнѣ въ тревогѣ за будущее,—даже каменныя стѣны не охраняютъ секретовъ отъ проницательныхъ глазокъ турецкихъ дамъ... А безтолковые, нелѣпые вопросы и комментаріи такъ и сыпались, какъ барабанная дробь на военномъ плацу.

— Кто шилъ вамъ платье? гдѣ покупали ленты? Когда же, наконецъ, вы обвѣнчаетесь съ нашимъ адъютантомъ? Покажите вѣеръ! Говорятъ, что новый падишахъ терпѣть не можетъ русскихъ! Разскажите намъ что-нибудь смѣшное о вашихъ ученыхъ! Приходите завтра къ намъ въ баню! Правда ли, что хедивъ подарилъ вамъ какое-то волшебное кольцо?..

Послѣ ярко освѣщенныхъ комнатъ внизу я все еще продолжала не различать отдѣльныхъ фигуръ въ темнотѣ, наполнявшей хоры, какъ вдругъ чья-то рука сжала мою и увлекла меня въ сторону, а вкрадчивый голосъ тихо сказалъ:

— Вотъ здѣсь намъ будетъ удобно,—и мы притаились за выступомъ стѣны въ концѣ галлереи.

— Ягненочекъ мой *невинный*,—заговорила Элиме, симулируя искренній тонъ, что совершенно не отвѣчало ея природнымъ качествамъ, и украшая свою рѣчь колоритными добавленіями въ турецкомъ стилѣ:—объясните мнѣ, кто устроилъ вамъ свиданіе въ кабинетѣ отца, и почему вы не обратились за этимъ къ моему содѣйствію? Ну, бѣленькій цвѣточекъ, разскажите, о чемъ толковали вы съ беемъ?

Я слушала ее съ недобрымъ чувствомъ, убѣжденная заранѣе, что она сдѣлаетъ все, лишь бы испортить мое радужное, торжествующее настроеніе; но внезапно мнѣ блеснула идея перехитрить турчанку:

— А-а!—протянула я съ дѣланнымъ равнодушіемъ:—онъ здѣсь, на раутѣ? Да?.. Удивительно, какъ мы не встрѣтились тамъ?..

— Ну, возможно ли такъ безсовѣстно врать!—вспыхнула она, уже теряя послѣднюю силу, которая сдерживала порывы ея дикаго нрава:—а глаза почему у васъ красные? Отсюда не трудно узнать, что вамъ хорошо влетѣло за Египетъ, и вы плакали.

— Нѣтъ, у меня насморкъ!—получила моя любознательная собесѣдница въ отвѣтъ.

— Странно и даже очень странно, разсердилась она, сверкнувъ зрачками, точно озлобленная кошка:—всѣ люди, какъ люди—только съ вами творится что-то неладное: обмороки, припадки и разныя необычайныя болѣзни! Впрочемъ, такъ оно и должно быть: вы родились на круглой землѣ, ходили по ней вверхъ ногами, а головой внизъ—слѣдовательнно, у васъ тамъ рѣшительно все другое... Но, моя жемчужина,—съ быстротой хамелеона мѣняя свой обликъ, прибавила Элиме, какъ бы вдругъ осѣненная чудеснымъ даромъ пророчества: откройте мнѣ душу и сердце—развѣ я—не единственный вамъ другъ на свѣтѣ? и да совершится то, что назначено Аллахомъ по Его божественному опредѣленію...

— Увѣряю васъ, милая Элиме,—возразила я, не смущаясь:—намъ съ Тафти еще ни разу не приходилось видѣться наединѣ, да и зачѣмъ?..

— А! когда такъ, вотъ же вамъ!—и въ бѣшеномъ ожесточеніи она принялась щипать меня за бока—излюбленный пріемъ дикой расправы у турецкихъ женщинъ. Я закричала не своимъ голосомъ, размахнулась; но ударъ не попалъ въ цѣль, а скользнулъ вдоль ея плеча.

— Не смѣй драться, гяурка!—шипѣла моя пріятельница.—Я отомщу! Я знаю чѣмъ и устрою все иначе, по-своему!..

— А я устрою еще лучше,—былъ мой отвѣтъ: Тафти обѣщалъ вамъ бриліантовыя серьги и кольцо? Ну.... вы ихъ не получите!..

Къ счастію, шумъ наверху и снизу, а также оркестръ заглушали наши голоса, благодаря чему скандалъ не пошелъ далѣе того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Однако, угроза все-таки воздѣйствовала, и я увидѣла собственными глазами *перевоплощеніе* фуріи въ кроткую овечку по способу Овидія Назона. Недаромъ и Шекспиръ сказалъ: „Драгоцѣнные, нѣмые камни въ своемъ молчаніи больше трогаютъ женскую душу, чѣмъ живыя слова“. А потому ничего нѣтъ удивительнаго, если, напримѣръ, гаремная нравственность также оказалась безсильной передъ неотразимымъ очарованіемъ ювелирной игрушки.

— Что съ вами, розовый бутончикъ? Ахъ, какая вы мнительная, и пошутить нельзя? Что-о? больно? развѣ?—съ неподражаемой наивностью спрашивала турчанка:—да нѣтъ же, нѣтъ! я только хотѣла слегка прощупать вашъ корсетъ, чтобы купить себѣ такой—мнѣ нравится его форма, а вы подняли цѣлую исторію! Не хорошо! не хорошо!—въ примирительномъ тонѣ закончила она, нѣжно прикасаясь губами къ моей щекѣ.

Было, надо сознаться, и очень глупо и смѣшно; но я вспомнила тутъ же, что якобы „худой миръ лучше доброй ссоры“, и отвѣтила ей также поцѣлуемъ, а затѣмъ рука объ руку мы направились съ ней къ нетерпѣливо ожидавшей нашего возвращенія компаніи турецкихъ дамъ.

Глава XXVIII.

Да не посѣтуетъ на меня благосклонный читатель, если я опять задержу его въ области, населенной земными гуріями. Утонченная фантазія нашей литературы окружаетъ ихъ то прелестью волшебной сказки, то мрачной легендой, и мы читаемъ все это съ громаднымъ интересомъ, тогда какъ правда находится здѣсь почти всегда очень далеко отъ дѣйствительности. Понятно также безъ всякихъ комментаріевъ, что европеянка, имѣвшая доступъ въ запретную часть магометанскаго жилища, невольно привлекаетъ къ себѣ любопытное вниманіе общества.

Для иллюстраціи сказаннаго предлагаю въ настоящей главѣ другую сценку, которая будетъ служить продолженіемъ описанной выше, и кстати надо еще объяснить, почему дѣйствіе моего разсказа я должна вести въ полумракѣ.

Рѣшеніе этого вопроса слѣдующее: въ ложахъ или въ галлереяхъ на хорахъ, гдѣ размѣщаютъ, какъ въ данномъ случаѣ, мусульманокъ, не полагается никакого освѣщенія для того, чтобы всюду якобы проникающее око гяура не могло бы различать даже силуэтовъ на фонѣ деревянныхъ рѣшетокъ, которыми всегда маскируютъ восточныхъ красавицъ въ публичныхъ собраніяхъ.

Такъ придумала ревность и таковы нравы. А вотъ и опять устремилась ко мнѣ шумная толпа затворницъ, словно я пришла къ нимъ вѣстникомъ чего-то новаго и очень интереснаго. Да оно, пожалуй, сравненіе это какъ нельзя лучше идетъ сюда: развѣ не заманчивой казалась идея перекинуть черезъ меня хотя бы одну ниточку по ту сторону барьера, гдѣ двигался живой калейдоскопъ, и куда обращались взоры плѣнницъ Ислама!

Тѣмъ временемъ глаза мои уже приспособились къ полутьмѣ, и я увидѣла картинку, своимъ необычайнымъ видомъ поразившую меня: вѣроятно для того, чтобы окружить себя иллюзіями бала, турецкія щеголихи наперекоръ священнымъ традиціямъ и закону явились въ тотъ знаменательный вечеръ на хоры въ шикарномъ, но чрезвычайно рискованномъ декольте парижскаго фасона, предупреждая, такимъ образомъ, либеральныя реформы, обѣщанныя Мидхатъ-пашою.

А тамъ, внизу, мужьямъ и властелинамъ прекрасныхъ одалисокъ даже не снилось, что Конституція — хотя, правда, еще не подписанная къ данному моменту Абдулъ-Хамидомъ — стала уже несомнѣннымъ фактомъ въ житейскомъ обиходѣ Полумѣсяца...

— Вотъ какія онѣ, турчанки! вотъ какой онъ, рай Магомета!— формулируя свои впечатлѣнія, сказалъ бы непремѣнно иностранецъ, если бы волею капризнаго случая его перебросило бы туда, наверхъ: — развѣ небесныя гуріи одѣваются въ бальные туалеты съ открытыми лифами и носятъ французскіе каблуки? развѣ лучезарныя существа въ обители Пророка гримируются, какъ у насъ въ балаганахъ? Нѣтъ! здѣсь что-то не ладно, или Шехерезада обманула меня?..

И дѣйствительно, гаремныя франтихи въ погонѣ за европейскими образцами не выдержали стиля на этотъ разъ. Но въ параллель чужеземному облику, мѣстный колоритъ оставался незатемненнымъ: физіономіи, заштукатуренныя густыми слоями бѣлилъ и яркихъ румянъ, изображали собой картонныя маски; губы алѣли отъ кармина, а вѣки, обведенныя широкими полосками черной туши, несоразмѣрно увеличивали глаза, придавая имъ выраженіе хищныхъ птицъ.

Даже въ банѣ или на вечеринкахъ Рамазана не приходилось мнѣ наблюдать ихъ въ такомъ разрисованномъ видѣ—я не смогла преодолѣть себя и громко расхохоталась.

— Машалла! [1])—вскрикнули озадаченныя гуріи:—что случилось? чему смѣетесь?.. Ну, золотые глазки, коралловый ротикъ [2]), разскажите намъ!..

— Удовольствіе сердца [3]), ягненочекъ!—шепнула мнѣ рыженькая Мануся, жена Вафиръ-бея:—кажется, у васъ болитъ что-то, вы плачете даже?

— Ахъ, нѣтъ! — говорила я, смахивая набѣгавшія слезы въ отчаянной борьбѣ съ приливомъ бѣшенаго хохота, потрясавшаго мои развинченные нервы: — это у меня отъ радости за Николая Маркополи: благодаря турецкимъ дамамъ его дѣла идутъ прекрасно...

Однако, моя иронія не попала въ цѣль: едва лишь популярное въ гаремахъ имъ торговца косметиками было произнесено, какъ настроеніе умовъ вокругъ меня тотчасъ же измѣнилось:

---

[1]) Восклицаніе, по-нашему: „Господи“!

[2]) Ласкательныя прозвища.

[3]) Метафора.

— Какъ! Маркополи вашъ другъ?! Валлахъ! [1]) дается же человѣку такъ много отъ судьбы! А вотъ почему не намъ, бѣднымъ женщинамъ?!—возмущенныя несправедливымъ порядкомъ вещей на бѣломъ свѣтѣ, жаловались мои собесѣдницы.

— Значитъ, „Кесметъ“ и больше ничего: кому что назначено,— авторитетно подтвердила Харикля, сирійская арабка. Ея родители, какъ и она, были православными; но по всѣмъ привычкамъ жизни онѣ стояли ближе къ мусульманамъ, чѣмъ къ христіанамъ.

— Наслажденіе очей, свѣтъ утренней зари [2])!—окликнула меня Зера, любимая невольница коменданта цитадели: — будьте намъ родной сестрой, попросите господина Маркополи, чтобы онъ дешевле продавалъ бѣлила—вы сами должны понять, что вещь эта необходима въ хозяйскомъ обиходѣ, а у него за крошечную баночку меньше кофейнаго финджана берутъ 10 піастровъ! Развѣ можно такъ обижать людей?!..

— А румяна, духи, помада, карандаши? Откуда намъ взять столько денегъ?!—подхватили остальныя.

— Утѣшеніе больныхъ и несчастныхъ, красавица наша! истинную правду сказала ворожея, когда мы гадали о вашей судьбѣ, что даже ясный мѣсяцъ въ небесахъ любуется вами и говоритъ: никогда не видалъ я такой прекрасной женщины на землѣ! — безъ всякаго стѣсненія врали хитрыя созданія. Но не суждено было мнѣ выдержать роль до конца, и не по моимъ силамъ оказалось это послѣ тяжелой драмы съ Тафти: нервная спазма перехватила дыханіе, горячая волна подкатила къ сердцу, мелькнули, точно въ туманѣ, фигуры одалисокъ, и я опрокинулась кому-то на руки въ припадкѣ жестокой истерики.

Тревога поднялась великая: дикіе вопли: „Аллахъ! Аллахъ! злой духъ пришелъ къ намъ!“—огласили своды зданія, и турчанки, какъ стадо овецъ, гонимыхъ внезапно налетѣвшимъ циклономъ, разбѣгались по галлереямъ; но рѣзкіе окрики евнуховъ, стороживших входы и выходы, заставляли ихъ оставаться на своихъ мѣстахъ за рѣшетками.

Наконецъ, позвали снизу мою тетушку; она успокоила меня, а затѣмъ мы отправились домой.

Такимъ образомъ, воля Тафти была исполнена: въ тотъ вечеръ я не танцовала ни съ кѣмъ...

---

[1]) Клянусь!

[2]) Метафоры.

Глава XXIX.

Въ концѣ сентября политическій горизонтъ уже туманился призракомъ кровавой борьбы Россіи съ Турціей, и въ нашу сторону безъ всякихъ прелюдій очень даже откровенно бряцали оружіемъ. А въ полосѣ военныхъ дѣйствій Черняевъ наступалъ и терпѣлъ одно пораженіе за другимъ.

Я не намѣрена увлекать за собой читателя въ область точной хронологіи турецко-сербской кампаніи по тѣмъ соображеніямъ, что все это уже давно извѣстно каждому, а буду держаться фактовъ, за правдивость которыхъ ручаюсь. Итакъ, надъ Босфоромъ собирались грозовыя тучи. Взоры народовъ съ глубочайшимъ вниманіемъ обращались къ сѣверу; но усилія европейскихъ державъ клонились лишь къ тому, чтобы не своими, понятно, а нашими собственными руками загребать жаръ изъ костровъ, пылавшихъ на Балканахъ: „ахъ, ты, мудреная, безтолковая птица, хотя у тебя и двойная башка, а вотъ прозѣвала Абдулъ-Азиса!“ — таково было летучее словечко Мидхатъ-паши въ честь русскаго герба.

Конечно, дѣло не въ томъ, что мы оказались безсильны и не поддержали султана, лично къ намъ расположеннаго: ни Бисмарка и Гладстона, ни даже Биконсфильда или Эренталя у насъ, какъ гласитъ исторія, еще никогда и не было—слѣдовательно, произошло то, что находилось въ обычномъ порядкѣ вещей для самолюбія Россіи. Такимъ образомъ рѣшеніе этого вопроса лежитъ именно здѣсь, и Мидхатъ-паша, какъ нельзя точнѣе, опредѣлилъ хроническій дальтонизмъ нашей политики. Къ сожалѣнію, а приходится волей-неволей отмѣтить характерный фактъ изъ жизни русскаго представительства, чтобы нагляднѣе иллюстрировать мои доводы.

На зарѣ утра 30 мая передъ окнами лѣтняго дворца нашего посольства въ Буюкдере остановился турецкій фрегатъ и, бросивъ якорь, открылъ свои люки, чтобы показать намъ жерла громадныхъ пушекъ такъ же британскаго издѣлія, какъ и ножницы Адулъ-Азиса.

Разбуженные дипломаты никакъ не могли объяснить себѣ этого зрѣлища, а картина была внушительная!.. Бросились къ телеграфу; но у входа стоялъ караулъ съ примкнутыми штыками... Тогда оказалось, что всѣ пути сообщеній между городомъ и окрестностью были закрыты по распоряженію изъ Высокой Порты.

Наконецъ, въ 10 часовъ дворцовый катеръ привезъ генералу Игнатьеву оффиціальное увѣдомленіе о восшествіи на тронъ Полумѣсяца Мурада V.

Не анекдотъ ли разсказала я сейчасъ? О, нѣтъ! еще здравствуютъ, благодареніе Богу, очень многіе изъ тѣхъ, проспавшихъ самый фатальный для нашей восточной политики моментъ, на протяженіи котораго Англія однимъ только взмахомъ пера („стального", конечно, а не гусинаго и собственной фабрикаціи) вычеркнула насъ изъ „книги судебъ" турецкаго государства и вписала туда новую страницу...

Впрочемъ, оставимъ это, чтобы не нарушать порядка въ историческомъ ходѣ событій, и послѣдуемъ за Абдулъ-Хамидомъ.

Въ массахъ народа о его существованіи даже не знали, а въ сферахъ, окружавшихъ Абдулъ-Азиса, на него просто не обращали вниманія.

Наша дипломатія, по своимъ роднымъ традиціямъ, пребывая, какъ обыкновенно, въ области туманныхъ заблужденій, не учла также его шансовъ, а потому онъ и спуталъ ей карты, на которыхъ она гадала Юсуфъ-Иззедину...

— Что изображалъ собою этотъ новый повелитель оттомановъ? Какая держава увлечетъ его въ орбиту своего исключительнаго „вліянія" и придетъ ли когда-нибудь часъ избавленія отъ европейскихъ кандаловъ?—вотъ что наполняло душевной тревогой непосвященныхъ въ босфорскія тайны.

И дѣйствительно, говоря откровенно, слишкомъ ужь нахальное вмѣшательство Европы въ домашніе порядки турецкаго государства жестоко оскорбляло самолюбіе націи, разжигая въ ней фанатизмъ и пламенную ненависть къ христіанамъ.

Переворотъ 31 августа не былъ ни политическимъ эффектомъ, ни сюрпризомъ дипломатіи: его ожидали всѣ, и онъ являлся по логикѣ вещей только неизбѣжнымъ, какъ судьба. Не было также восторговъ и преувеличенныхъ надеждъ знаменательнаго дня 30 мая, а столичная пресса, отвѣчая настроенію Мидхатъ-паши, встрѣтила Абдулъ-Хамида довольно кислой гримасой, за которой пряталось горькое разочарованіе, такъ какъ мечты о „диктатурѣ" уже мѣняли вопросъ по существу дѣла.

Изъ Константинополя намъ привезли иллюстраціи съ фотографическими снимками новаго пади-шаха, и въ моей памяти воскресалъ живой обликъ принца Хамида, какимъ я видѣла его на церемоніи селямлика нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: худощавая фигура въ черномъ стамбулинѣ безъ всякихъ украшеній или орденскихъ знаковъ, горѣвшихъ брильянтами на мундирахъ сановниковъ, матовая блѣдность лица, армянскій профиль матери—рабыни, купленной въ Эрзерумѣ; нѣжный, задумчивый взглядъ; коротко подстриженная бородка и чуть замѣтно отвисшая нижняя челюсть.

Мнѣ указалъ на него дядя и объяснилъ: „а тотъ, что рядомъ съ Авни-пашою—младшій братъ султана".

Не знаю почему, но его болѣе чѣмъ скромная вмѣшность привлекла тогда къ себѣ мое особенное вниманіе. Онъ еще живъ, этотъ монархъ, но развѣнчанъ своимъ народомъ или, лучше сказать, предательствомъ друзей, обиравшихъ его достояніе, а міровая печать и сейчасъ толкуетъ о немъ вкривь и вкось.

Характеристика Абдулъ-Хамида, какъ государя Востока, будетъ грѣшить у меня, вѣроятно, нѣкоторой субъективностью въ опредѣленіи его дѣяній и, пожалуй, неточностью историческихъ данныхъ, такъ какъ я не всегда находилась въ центрѣ событій: мои воспоминанія по преимуществу касаются быта народностей Турецкаго Архипелага, жизнь котораго проходила въ сторонѣ отъ европейскаго материка, а границами для него были всегда Эгейскія синія волны. И вотъ однажды, минуя газетныхъ репортеровъ изъ канцеляріи Великобританскаго посольства, онѣ разсказали намъ удивительную исторію, мрачную, какъ адъ, и невѣроятную, какъ сказка.

Чтобы не казаться таинственной, приходится опять сказать нѣсколько словъ о нравственныхъ качествахъ турецкой прессы, руководимой иностранцами.

Дѣло въ томъ, что мнѣ и до настоящей минуты пока еще не извѣстно, записанъ ли фактъ, который я передамъ ниже, въ исторію, мемуары или вообще куда-нибудь? Даже за границей въ мірѣ печатнаго слова, находившагося за предѣлами цензуры Генри Элліота, также его не отмѣтили нигдѣ. О турецкихъ газетахъ и говорить не стоитъ: имъ внушено было затемнить безъ всякихъ церемоній правду и людскую молву скверными анекдотами по нашему адресу—только и всего!

Несказанно поражала меня этика прессы: бывало, мои собственные глаза видѣли, напримѣръ, осязаемые предметы въ томъ или иномъ соотношеніи другъ къ другу, или еще, мои уши правильно воспринимали такіе-то звуки и рѣчи, а затѣмъ читаешь объ этомъ и не вѣришь себѣ: такъ все выходило наизнанку, такъ все извращалось до бреда! Впрочемъ, и теперь развѣ не наблюдается аналогичное явленіе?.. Но продолжаю.

Эгейскія волны дѣйствительно принесли къ намъ въ домъ очень интереснаго гостя, уже знакомаго читателю Н. Н. Макѣева, старшаго драгомана посольства. Изъ интимныхъ бесѣдъ его въ нашей семьѣ и узнала я ту страшную сказку или, вѣроятно, быль, которую обѣщала разсказать.

Однако, раньше, чѣмъ судить Абдулъ-Хамида, разберемся хотя отчасти въ инвентарѣ полученнаго имъ наслѣдства: финансо-

вое банкротство страны, война съ балканскими вассалами, ежедневныя вспышки мусульманскаго фанатизма, рѣзня въ Болгаріи, жалкое состояніе администраціи въ провинціяхъ, броженіе племенъ, подвластныхъ коронѣ султановъ, хищенія и взятки чиновниковъ, полнѣйшій разгромъ народнаго хозяйства—вотъ иллюстрація, но далеко еще не зарисованная, послѣднихъ годовъ царствованія Абдулъ-Азиса!...

Майскій переворотъ окончательно устранилъ наше „вліяніе“ отъ престола имперіи пади-шаховъ; но если бы даже существовала физическая возможность передѣлать событіе иначе или вычеркнуть изъ него злодѣяніе 4 іюня, то истина обязываетъ сказать, что по отношенію къ турецкому народу сама государственная необходимость потребовала бы сверженія монарха, безумная расточительность котораго привела его къ гибели.

Такимъ образомъ, Абдулъ-Хамидъ, еще тогда совершенно молодой человѣкъ, волею могущественнаго „предопредѣленія“ былъ поставленъ управлять большимъ государственнымъ кораблемъ съ развинченнымъ по всѣмъ швамъ механизмомъ. Онъ никому не могъ довѣриться, и ему было ясно, какъ день, что со всѣхъ сторонъ его окружали люди наживы и карьеры, только носившіе маску благородныхъ идей ради прекрасныхъ глазъ Европы.

Диктаторскія замашки Мидхатъ-паши раздражали его самолюбіе, оскорбляя въ немъ достоинство государя, еще не растерявшаго подобно Мураду своихъ душевныхъ силъ. Реформаторъ этотъ игралъ тогда хитроумную комедію на два фронта, и честолюбіе его не знало границъ: ему снилось уже президентское кресло въ „Турецкой республикѣ“, а Генри Элліотъ пока еще требовалъ отъ него конституцію согласно девизу Англіи—насаждать ее вездѣ, отъ странъ экватора до высшей точки полюса сѣвернаго или южнаго, безразлично, куда она непремѣнно заберется, чтобы открыть и тамъ парламентъ для обитателей царства вѣчнаго льда: моржей, тюленей и бѣлыхъ медвѣдей.

Такъ игралъ Мидхатъ-паша въ сторону Биконсфильда, а на другомъ фронтѣ пламенные софты, эти воины пророка Магомета, съ дикими воплями и угрозами правительству носились ураганомъ по всѣмъ кварталамъ столицы. Такова общая картина медоваго мѣсяца Абдулъ-Хамида II на тронѣ завоевателей древней Византіи.

Въ ночь на 12 октября за каменной оградой великолѣпной мечети Сулеймана происходило вавилонское столпотвореніе: на его обширныхъ дворахъ, украшенныхъ мраморной колоннадой, собрались тогда всѣ до одного школьники стамбульскихъ медресе для разрѣшенія вопросовъ, касавшихся новаго калифа и властелина право-

вѣрныхъ. Правда, что бѣготня софтъ по улицамъ Константинополя, ихъ шумныя выступленія на защиту Ислама отъ гяуровъ становились уже хроническимъ явленіемъ за послѣдніе годы печальной эпохи Абдулъ-Азиса и затѣмъ его преемниковъ.

Но въ ту роковую ночь судьба обманула ихъ надежды: пока они спорили, кричали, волновались, требуя и обсуждая реформы, неумолимый „Кесметъ“ въ образѣ дворцоваго агента докладывалъ султану программу собранія. Но *тайны*, какъ извѣстно, терпѣть не могутъ долго оставаться подъ замками, вслѣдствіе чего нашъ собесѣдникъ передалъ намъ буквально интимную бесѣду Абдулъ-Хамида съ шейхомъ, нѣкто Сурей-эфенди, который пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ:

— Мой вѣрный другъ; да благословитъ Аллахъ твою тѣнь!— обращаясь къ послѣднему, говорилъ султанъ;—не теряя драгоцѣнныхъ минутъ, бери лучшаго скакуна изъ нашей конюшни и лети въ Топхане. Оттуда моимъ именемъ ты поведешь батальонъ солдатъ къ мечети Сулеймана; но запомни прежде всего, что шелковая петля обовьется на утро вокругъ твоей шеи, если хотя одинъ мальчишка-софтъ увидитъ разсвѣтъ наступающаго дня—такъ опредѣлено „Кесметомъ“, и воды Золотого Рога пусть узнаютъ о томъ еще до перваго луча солнца...

Затѣмъ, уже народная молва добавила къ этой, быть можетъ, и легендѣ слѣдующую подробность, а именно, что якобы одинъ европеецъ попалъ тогда волею случая въ раіонъ мечети: безумные вопли привлекли его къ стѣнамъ ограды, гдѣ онъ, незамѣченный никѣмъ, притаился между деревьями и видѣлъ собственными глазами, какъ перевозили къ берегу на фурахъ и арбахъ сотни убитыхъ и какъ бросали ихъ въ темныя струи Золотого Рога...

Не знаю, характеризуетъ ли мой разсказъ жестокаго султана, котораго Гладстонъ называлъ „великимъ убійцей“; но въ моей памяти и до настоящихъ дней рисуется образъ молодого человѣка съ нѣжной, привѣтливой улыбкой и задумчивымъ взглядомъ—ну, развѣ не удивительная аномалія здѣсь?!..

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1887 [1]).

Благослови Боже новый годъ! Встрѣтилъ я его грустно. Затрудненій въ моихъ дѣлахъ много. Уповаю на Господа, что все устроится. Всего менѣе разсчитываю на мои силы безъ помощи Божьей.

4 января. Опять та же исторія съ моими записками, что и всегда. Было много интереснаго эти дни, но тутъ же по случаю суматохи не было времени записывать.

Встрѣтили новый годъ всѣ родные у Мордвинова. 1-го января былъ на выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Завтракалъ потомъ у В. К. Павла Александровича. На выходѣ и до сихъ поръ le lion du jour Вышнеградскій, назначенный 1 января министромъ финансовъ.

У Государя была большая борьба эти дни. Онъ долго колебался! И есть изъ-за чего! Знамя нынѣшняго царствованія была честность: всякое нечестное прикосновеніе къ денежнымъ дѣламъ хотѣли считать непростительнымъ порокомъ. И вотъ назначаютъ гешефтмахера на самый важный постъ. В. былъ очень любезенъ со мной 1 января и вообще очень скроменъ. Я его поздравилъ съ выборомъ Тернера товарищемъ М. Ф. Я сказалъ (не ему), что Т. лампада передъ образомъ, которая постоянно горѣла у государственнаго преступника Гартмана передъ тѣмъ, какъ онъ подложилъ мину подъ поѣздъ!

Нѣтъ человѣка, который бы не былъ возмущенъ назначеніемъ В.,

---

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

а это высказывается такъ громко. Еще болѣе возмущены назначеніемъ Бунге предсѣдателемъ комитета министровъ. Послѣднее доказываетъ, что нѣтъ никого, и таково положеніе около Государя.

Всѣ въ унынiи, всѣхъ страшно поражаетъ ходъ дѣлъ.

Вчера вечеромъ я много и задушевно говорилъ съ Сольскимъ. Я пораженъ, какъ мрачно онъ смотритъ на вещи. Онъ говоритъ, что впалъ въ полный скептицизмъ и апатію, и удивляется, что я еще одушевленъ надеждами на будущее! Государственные люди, ни во что не вѣрующіе! Хуже этого ничего не можетъ быть! Зачѣмъ же они остаются на своихъ мѣстахъ?

Вчера по обычаю (день рожденія) завтракали В. К. Сергій и Павелъ, Константинъ и Дмитрій К. Было не весело, можетъ быть, такъ мнѣ казалось, потому что я былъ въ очень мрачномъ настроеніи.

Сегодня было у меня много гостей; удивляюсь, что ко мнѣ такъ много ѣздятъ quand je suis si negligé en hauts lieux, т. е. въ смыслѣ неупотребленія меня для государственныхъ должностей. Хотя мнѣ показываютъ дружбу Великіе Князья, Г. положительно ко мнѣ нерасположенъ и только меня терпитъ.

6 января. Обѣдалъ у В. К. Александры Іосифовны. Всѣ эти дни Г. очень веселъ и доволенъ, потому что покончилъ съ назначеніями, и что улаживаются болгарскія дѣла.

15 января. Вчерашній экономическій обѣдъ былъ одинъ изъ блестящихъ и интереснѣйшихъ. Былъ и В., Грейгъ (предсѣд.) предложилъ тостъ за него и Тернера. В. былъ очень любезенъ. Явившись на обѣдъ по моему настоянію, онъ еще разъ показалъ, что умный человѣкъ. Какъ Министръ Финансовъ онъ будетъ все-таки умнѣе Бунге.

17 января. Третьяго дня былъ большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ; послѣ бала оставался у В. К. Павла А. въ маленькой комнатѣ и очень утомился.

Кромѣ множества личныхъ и домашнихъ затрудненій меня очень заботятъ дѣла Академіи Наукъ. При моей нейтральности между партіями гр. Толстой и Веселовскій возлагаютъ на меня роль посредника, которая для меня тяжка. Дѣло идетъ теперь о выборѣ въ академики Дубровина. Въ моей перепискѣ по этому предмету найдется не мало курьезнаго.

18 января. Сегодня у меня было не мало. Посѣтилъ Раевъ. Онъ назначенъ членомъ совѣта М. Ф. Тутъ моя незначительная заслуга.

24 января. 20 января было плачевное засѣданіе I отд. Академіи Наукъ. Съ величайшими затрудненіями я устроилъ compromis съ оппонентами противъ выбора Дубровина; обѣщалъ имъ то, что они

желали (выборъ Куника въ ординарные и проф. Васильевскаго въ адъюнкты). Акад. Васильевъ, увлеченный Р—вымъ въ свою интригу противъ Веселовскаго, обѣщалъ мнѣ это. И вотъ онъ, и другіе не пришли въ засѣданіе и сдѣлали выборы невозможными, вслѣдствіе малочисленности.

Было очень тяжко и не вижу конца раздорамъ. Это чисто личныя партіи Веселовскаго и его враговъ. Хотятъ только насолить другъ другу, а дѣло отъ этого терпитъ. В. несомнѣнно виноватъ своими прежними дѣйствіями, возбудивъ противъ себя столько вражды. Но теперь виноваты его противники, которые, чтобъ ему досадить, портятъ дѣло. Партіи въ Академіи чисто личныя: когда говорятъ нѣмцы и русскіе, это чистый вздоръ. Положеніе Академіи вообще крайне печальное. Все маленькіе умы, находящіе для себя жизнь въ мелкихъ дрязгахъ. Р. злой человѣкъ и крайне безпокойный характеръ.

21 января, завтракалъ у В. К. С. А. Были очень сердечные разговоры съ нимъ.

Въ этотъ день спустилъ тяжкое для меня дѣло: просилъ мин. юстиціи объ арендѣ. Манасеинъ обѣщалъ содѣйствовать, былъ correct, учтивъ, по Kurz u. bündig. „Я не судья надъ сенаторами, а передаточное мѣсто, обязанъ о всѣхъ ихъ заявленіяхъ писать мин. госуд. имущ. и т. д.“. Никакихъ, кажется, больше разговоровъ со мной не желаетъ, никакого сближенія.

Вчера обѣдалъ въ Конногвард. полку съ В. К. Д. К. Люблю я этотъ полкъ съ молодости, самый благородный. Отличный духъ—аристократическій въ лучшемъ смыслѣ (безъ всякой придворности, чванства).

28 января. 24 января провелъ съ Олей вечеръ до 9 ч. у измайловскаго офицера Мерказина. В. К. Конст. Конст. игралъ на фортепіано, и Лешетицкая пѣла; было очень пріятно. Обѣдалъ въ этотъ день у Стояновскихъ. Отличные они люди. Ст. съ замѣчательной стойкостью стоитъ за основныя начала реформы Александра II противъ нынѣшней реакціи. Онъ разсказывалъ любопытныя вещи для характеристики времени. Были соедин. Деп-ты Госуд. Совѣта подъ его предсѣдательствомъ для разслѣдованія проекта министра юстиціи объ ограниченіи гласности въ судахъ (чему многіе либеральные люди сочувствуютъ, а также я,—судъ у насъ превратился въ театральное представленіе). Но кромѣ законодательныхъ нормъ для закрытія дверей предполагалась въ проектѣ дискреціонная власть мин. юстиціи *предписывать* судамъ закрытіе дверей *безъ мотивовъ*. Это противно основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ. Манасеинъ готовъ былъ уступить возражавшимъ противъ

этого, но его интимидировалъ Побѣдоносцевъ, тутъ бывшій. Оказывается, что М. не имѣетъ характера. Да и кто же, кто рѣшается выступить подъ протекціей шайки N., можетъ имѣть характеръ? Въ общемъ собраніи Г. С. большинство (30) противъ упомянутаго проекта. Меньшинство предложило по иниціативѣ Стоянова и гр. Палена, чтобъ вопросъ о закрытіи дверей безъ законныхъ основаній былъ всякій разъ представленъ на обсужденіе Сената—соедин. присут. I Д-та и Касс. д-овъ. Теперь всѣ старые люди либеральнѣе молодыхъ; таково нынѣшнее время. Неизвѣстно съ чѣмъ согласится Т. и тутъ будетъ проба, стоитъ ли онъ лично за обуревающую его гадкую реакцію?

Вчера былъ у Островскаго и просилъ объ арендѣ. Былъ очень любезенъ и обѣщалъ.

Былъ у гр. Толстого и много говорилъ о дѣлахъ Академіи. Онъ ужасно раздраженъ по праву противъ смутчиковъ, выступающихъ подъ главенствомъ Р.

31 января. Третьяго дня былъ концертный балъ, Государя не видѣлъ, Великіе Князья были любезны. Вчера много говорилъ съ Веліо. Онъ разсказывалъ много интереснаго о времени своего начальства въ III отд., между прочимъ, что я былъ очень дурно тамъ записанъ. Думаю, что онъ преувеличиваетъ для пущей своей важности. Никогда никакихъ дѣлъ за мной не было, но меня всегда считали либеральнымъ человѣкомъ—независимымъ, и это всегда вредило моей чиновничьей карьерѣ.

Въ этомъ я всегда былъ убѣжденъ, и слова Веліо лишь подтверждаютъ мое мнѣніе. Курьезно то, что В. теперь, какъ недовольный, либеральнѣе меня—Веліо? Вотъ такъ всегда у насъ при отсутствіи убѣжденій. В. теперь кричитъ противъ реакціи, прославляетъ реформы Александра II (его отношенія къ реформамъ были реакціонерными) и предсказываетъ преувеличенно бѣдствія для Россіи отъ реакціи. И все это потому, что его не дѣлаютъ членомъ Госуд. Совѣта. А за что не дѣлаютъ? И чѣмъ онъ себя компрометировалъ?

При его начальствѣ III отд. была катастрофа 1-го марта. Онъ оказался вполнѣ несостоятельнымъ, не обративъ вниманіе на Кобозевыхъ. И вотъ подобные люди у насъ либералы! Провалившіеся инквизиторы!

2 февраля. Вчера у меня утромъ, какъ теперь все время по воскресеньямъ, было много народа. Всего болѣе говорятъ о многочисленныхъ политическихъ арестахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно военныхъ.

Я спрашивалъ Оржевскаго (начальника Д-та полиціи и жандармовъ). Онъ говоритъ, что практически тутъ нѣтъ ничего серьезнаго (ни заговоровъ, ни покушеній и т. д.), но теоретически, т. е. для будущаго это очень важно. Вездѣ въ школахъ пропаганда (собираются на квартирахъ, говорятъ противъ правительства и проч.), и начальство учебныхъ заведеній ничего этого не знало и узнало только отъ полиціи. Я не знаю направленія всѣхъ этихъ движеній, но спрашивается, лучше ли индифферентизмъ молодежи, или умственное движеніе, хотя бы и болѣзненное? Все это молодежь старшаго возраста.

3 февраля. Много эмоцій столпилось для меня эти дни и сегодня.

Сегодня послѣ многихъ тревогъ и усилій съ моей стороны выбранъ Дубровинъ въ адъюнкты III Отд. Академіи. Гр. Толстой, котораго я тотчасъ извѣстилъ, очень доволенъ и шлетъ мнѣ это письмо [1]):

Выборгъ, 6 февраля. Пріѣхалъ сюда вчера, какъ дѣлаю это всегда, чтобъ отдохнуть послѣ всѣхъ треволненій и напряженій послѣднихъ дней. Чудно чувствую себя здѣсь въ одиночествѣ въ чтеніи (Штейна) и въ моихъ мысляхъ.

7 февраля. Чувствую себя очень хорошо. Уединеніе для меня иногда необходимо. Запишу клевету, которая была на-дняхъ распространена на мой счетъ въ П. по случаю академической исторіи: будто бы я хлопоталъ о выборѣ Д., только чтобъ подслужиться гр. Т. (эта клевета, конечно, исходитъ изъ Академіи); этимъ хотятъ бросить на меня все одіозное въ глазахъ столь многочисленнаго общества, враждебнаго политикѣ Т. (которой я всего меньше сочувствую)! Клевета идетъ еще дальше, и меня обвиняютъ въ томъ, что я прислуживаюсь Т., чтобъ получить чрезъ него аренду (въ какой степени это вѣрно, можно видѣть уже изъ вышеописаннаго).

Все это ни мало меня не огорчаетъ, ибо совѣсть у меня чиста. Это не общественное мнѣніе, на которое всякій порядочный человѣкъ обязанъ обращать вниманіе, а клевета, пущенная изъ-за злобы людей, которымъ я помѣшалъ имѣть успѣхъ въ ихъ академической интригѣ. Я работалъ единственно ради мира въ Академіи и въ пользу единственнаго кандидата на кресло, которое бы оставалось къ вреду Академіи празднымъ (какъ было до Калачева) вслѣдствіе

---

[1]) Весьма признателенъ Вамъ, многоуважаемый Владиміръ Павловичъ, за добрую вѣсть и за то горячее участіе, которое вы принимаете въ выборѣ, обезпечивая его успѣхъ.

Искренне преданный

3 февраля 1887 г. Г. Толстой.

борьбы двухъ партій. Я независимъ отъ нихъ обѣихъ, какъ и независимъ отъ Толстого. Я открыто порицаю его реакціонерную политику въ государствѣ и до сихъ поръ солидаренъ съ нимъ только въ Академіи, гдѣ его дѣйствія направлены къ общему благу, безпристрастны и либеральны,

9 февраля. Поздно вечеромъ вернулся въ П.

17 февраля. Первый разъ показался вчера въ свѣтѣ, завтракалъ у В. К. Сергѣя А. Утомленіе ли отъ бѣшеной недѣли (folle journée наканунѣ въ Царскомъ Селѣ), или другая причина, но и онъ, и Великіе Князья показались мнѣ пасмурными.

19 февраля. Былъ сегодня у больного В. К. Павла А., оттуда прошелъ съ принцемъ П. А. Ольденбургскимъ въ Мраморный дворецъ.

23 февраля. Вчера было очень много утромъ, много молодыхъ экономистовъ. Всего болѣе говорили о Катковѣ и, конечно, противъ него. Его сила возмущаетъ всѣхъ порядочныхъ людей.

Вчера вечеромъ былъ у Субботина подъ названіемъ „Экономическій вечерокъ“. Говорятъ уже бывали эти вечерки—меня позвали въ 1-й разъ. Этотъ Субботинъ теперь редакторъ „Экономиста“—прозябающаго изданія, началъ свою карьеру подъ моимъ покровительствомъ. Я долженъ былъ поручиться въ мин. ф., что онъ не нигилистъ. Личность странная: вышелъ своимъ трудомъ изъ низкаго положенія. Умный, очень образованный (хотя и въ русскомъ духѣ), самородокъ (хотя и кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ). Я знаю его давно и все-таки не могу разобрать, что это за человѣкъ. На всѣхъ производитъ впечатлѣніе темнаго и двусмысленнаго, хотя всѣ отзывы о немъ хороши и ничего не извѣстно о немъ дурного. Что-то въ немъ колеблющееся между нигилистомъ и карьеристомъ, очень честнымъ человѣкомъ и плутомъ. Не разберешь!

Меня поразило, какъ много у него народа, преимущественно молодого (вольномыслящаго). Но были и старые высокопоставленные. И все это собираетъ человѣкъ очень низкаго положенія.

На меня пахнуло чѣмъ-то старымъ, давно неиспытаннымъ. Это сборище (сходка, напоминающая конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ). Все недовольное существующимъ порядкомъ: число ихъ возрастаетъ. Потребность высказываться не казеннымъ образомъ объясняетъ, что люди такъ легко собираются у перваго встрѣчнаго въ самой невзрачной, убогой обстановкѣ (столбы дыма, темнота и проч.).

26 февраля. Говорятъ, что Г. былъ доволенъ прошлогодней рѣчью Алексѣева (город. головы) въ Москвѣ на выходѣ объ ожиданіи всей Россіи, что крестъ будетъ водруженъ на Софіи. Г. сказалъ-де, что и онъ со всей Россіей этого желаетъ.

Вчера былъ экономическій обѣдъ—многолюдный; обсуждали табачную монополію, которая теперь проектируется. За болѣзнію Грейга предсѣдательствовалъ Е. И. Ламанскій. Ничего особеннаго не было.

28 февраля. Сегодня было общее собраніе Сената. Проявилось особенно характеристическимъ и рѣзкимъ образомъ общее положеніе вещей, всегда заявляющее себя въ Сенатѣ. Министры, генералъ-губернаторы (особенно), губернаторы хотятъ своевольничать, дѣйствовать въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ не только помимо, но даже прямо противъ закона. Сенатъ обуздываетъ эту беззаконность. Общій духъ Сената, по крайней мѣрѣ большинства и всѣхъ лучшихъ людей таковъ. Но есть многіе, которые хотятъ угождать министрамъ и въ особенности гр. Толстому. А по министерству внутр. дѣлъ всего болѣе самовольныхъ распоряженій. Я всегда по совѣсти былъ среди большинства—невозможно было не быть, но большинство вслѣдствіе подлости иныхъ оказалось слабымъ—не было нужныхъ $^2/_3$ голосовъ, и дѣла перейдутъ на рѣшеніе Госуд. Совѣта, гдѣ, во-первыхъ, духа законности, самостоятельности меньше, чѣмъ въ Сенатѣ и, во-вторыхъ, рѣшаетъ дѣла окончательно одинъ. Сен. Арцимовичъ держитъ себя великолѣпно: онъ олицетворяетъ собой духъ законности въ Государствѣ, достоинства Сената. Люди, которымъ противенъ этотъ духъ, обвиняютъ его въ полячествѣ, въ національной враждѣ противъ Россіи. Это неправда, клевета обычная противъ людей, которые неудобны. Если бы онъ былъ въ душѣ полякъ, т. е. врагъ Россіи,—то онъ не заботился бы столько о достоинствѣ Россіи, охраняя законъ противъ произвола. Роняютъ это достоинство и враги Россіи—тѣ, которые защищаютъ самоволіе администраціи въ духѣ „нонѣшняго“ времени, желая сдѣлать карьеру (изъ личныхъ интересовъ).

Сообщ. М. В. Безобразова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Великій Князь Николай Михаиловичъ.

Императоръ Александръ I.

Опытъ историческаго изслѣдованія [1]).

III.

Борьба съ Наполеономъ 1812—1815.

Въ главѣ, посвященной великой борьбѣ Александра I съ Наполеономъ, мы не находимъ подробнаго описанія хода военныхъ дѣйствій и всѣхъ перипетій, ознаменовавшихъ собою достопамятные 1812—1815 годы; авторъ изслѣдованія задался главнымъ образомъ цѣлью изобразить душевное состояніе, которое привело Александра къ рѣшимости начать войну съ бывшимъ союзникомъ и выяснить, насколько Императоръ имѣлъ вліяніе на самый способъ веденія войны и на ходъ военныхъ событій.

„Александръ Павловичъ настойчиво заявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ ни за что первый не откроетъ враждебныхъ дѣйствій противъ Наполеона; эта настойчивость объясняется вполнѣ созрѣвшимъ у него въ головѣ планомъ борьбы, приготовленія къ которой начались уже съ 1810 г.

„Послѣ заключенія союзнаго договора со Швеціей Александръ сблизился съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадоттомъ, и между ними завязалась оживленная переписка. Именно Бернадоттъ первый указалъ русскому Государю на способъ веденія войны съ Наполеономъ—избѣгать сраженій и стараться втягивать полчища

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

врага все болѣе въ глубь страны". Того же мнѣнія держался нѣмецъ Фуль, перешедшій на русскую службу въ 1806 г.

„Эта идея нашла поддержку въ средѣ многихъ изъ нашихъ генераловъ, въ особенности въ осторожномъ Барклаѣ".

Авторъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что послѣ Тильзита въ характерѣ Императора Александра произошелъ первый замѣтный переломъ, и съ тѣхъ поръ его поступки и рѣшенія стали болѣе обдуманы; переломъ этотъ, „замѣтный для насъ", прибавляетъ авторъ, „былъ скрытъ отъ большинства его современниковъ и скрытъ нарочно, обдуманно, съ замѣчательной послѣдовательностью и настойчивостью".

„Обращаемъ вниманіе на удивительное письмо Государя изъ Эрфурта, отъ 25 августа 1808 г., къ его матушкѣ, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Вотъ тѣ мѣста этого письма, которыя заслуживаютъ быть отмѣченными:

„...Моментъ, выбранный для свиданія, именно таковъ, что налагаетъ на меня обязанность не избѣгать его. *Наши интересы* послѣдняго времени *заставили* насъ заключить тѣсный союзъ съ Франціей; мы *сдѣлаемъ* все, чтобы доказать ей искренность и благородство нашего образа дѣйствій...

„...Мы спокойно увидимъ его паденіе, если на то воля Провидѣнія, и болѣе чѣмъ правдоподобно, что государства Европы, уставъ отъ бѣдствій, которымъ они подвергались такое долгое время, и не подумаютъ начинать борьбы съ Россіей изъ мести за то только, что она была союзницей Наполеона въ то время, когда каждое изъ нихъ стремилось къ тому же... Если Провидѣніе опредѣлило паденіе этого колоссальнаго государства, сомнѣваюсь въ томъ, чтобы оно могло быть внезапнымъ, но даже, если это произойдетъ вдругъ, было бы благоразумнѣе *подождать* этого паденія и тогда только принять мѣры. Таково мое мнѣніе...

„Въ моемъ политическомъ поведеніи я могу только слѣдовать указаніямъ *моей совѣсти*, моему *главному убѣжденію*, моему желанію, которое меня никогда не покидаетъ,—быть полезнымъ отечеству".

„Слѣдовательно, еще осенью 1808 года Александръ совершенно ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ предпринятыхъ имъ дѣйствіяхъ. Нужно было еще разъ укрѣпить, хоть наружно, союзныя отношенія съ Наполеономъ, усыпить его, а самому только готовиться и наблюдать, когда настанетъ та желанная минута, что союзникъ его окажется зрѣлымъ для крушенія своего могущества и славы.

„Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Государь велъ строго обдуманную линію; интересъ, проявленный въ Тильзитѣ къ

личности Наполеона, давно остылъ, тутъ исчезло „любопытство“ видѣть и говорить съ Бонапартомъ, а явилось опредѣленное желаніе обойти и сломать мощь непрошеннаго союзника, и онъ сталъ постепенно готовиться къ борьбѣ съ нимъ“.

Въ то время какъ Императоръ Александръ Павловичъ былъ твердо увѣренъ въ неизбѣжности войны и постепенно готовился къ ней, общественное мнѣніе Россіи критиковало дѣятельность Государя и правительства. Союзъ съ Наполеономъ „никогда не былъ популяренъ; вторичная поѣздка въ Эрфуртъ еще болѣе подверглась нареканіямъ, а когда послѣ 1809 года обнаружились первыя недоразумѣнія между союзными императорами, то критика еще усилилась. Упрекали за мнимое легкомысліе не одного Александра Павловича, но и его ближайшихъ сотрудниковъ“, обвиняли ихъ въ измѣнѣ, въ желаніи болѣе соблюдать интересы Франціи, чѣмъ Россіи.

„1809 годъ далъ блестящія доказательства политики Александра; открылъ глаза Австріи на истинныя намѣренія русскаго Императора и разочаровалъ во многомъ Наполеона, не ждавшаго такой двойной игры. Это разочарованіе шло послѣдовательно отъ Шенбрунскаго мирнаго договора до отказа отъ руки русской Великой Княжны, и только тогда Наполеонъ созналъ свои ошибки и круто перемѣнилъ тактику. Но было уже поздно“.

Готовясь къ войнѣ и стараясь обезпечить себѣ содѣйствіе союзниковъ, Александръ Павловичъ дѣлалъ въ то же время видъ, „что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія затѣвать ее“, и этимъ долго вводилъ въ обманъ французскаго посла.

6/18 мая Наполеонъ отправилъ своего адъютанта Нарбонна къ Александру, чтобы еще разъ склонить его къ миру. „Я никогда первый не подниму меча“, повторилъ посланному Императоръ, „и буду ждать васъ на моей границѣ“; указавъ на лежащую на столѣ карту, Государь сказалъ Нарбонну:

„Если Наполеонъ будетъ воевать, и счастье ему улыбнется вопреки справедливымъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ русскими, ему придется подписывать мирныя условія у Берингова пролива“. Эти слова показываютъ, что въ умѣ Александра уже былъ намѣченъ выполненный впослѣдствіи планъ—завести непріятеля въ глубь страны.

Узнавъ, что императоръ французовъ перешелъ Нѣманъ, Александръ послалъ ему письмо съ г.-ад. Балашовымъ, въ которомъ писалъ, что ежели Наполеонъ согласится увести свои силы съ русской территоріи, то онъ будетъ считать какъ будто ничего этого не было. Въ противномъ случаѣ, „я клянусь честью не вести болѣе мирныхъ переговоровъ до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ окончательно очищена отъ присутствія непріятеля“.

„Въ устахъ Александра первая часть письма звучала фальшиво, такъ какъ онъ отлично зналъ и понималъ, что Наполеону поздно было перемѣнять рѣшеніе; что же касается второй части,— она дышала достоинствомъ и величіемъ".

8 (20) апрѣля Государь выѣхалъ въ Вильну съ многочисленной свитой.

„Онъ былъ окруженъ самой пестрой толпой ненавистниковъ Наполеона... Тутъ были Румянцевъ, Кочубей, Аракчеевъ, Балашовъ, Шишковъ, Армфельдъ; затѣмъ копошились обиженные Бонапартомъ нѣмцы, какъ Штейнъ и Фуль, съ другими нѣмцами, носившими русскіе мундиры, какъ Беннигсенъ, Дибичъ и Толь; потомъ всякіе англичане, шведы, италіанцы, приверженцы разныхъ павшихъ Бурбоновъ, въ родѣ Вильсона, Паулуччи, Мило и Сенъ-При. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ, при помощи *русскихъ* штыковъ, сразить владычество тирана, сына великой революціи, давали совѣты, вмѣшивались во все и только тормозили работу. Истинно русскіе воины скорбѣли и негодовали, чему служитъ наглядымъ доказательствомъ переписка Багратіона, Ермолова, Д. Давыдова, Раевскаго и другихъ".

Проѣхавъ изъ Вильны въ укрѣпленный лагерь у Дриссы, Государь, внявъ совѣту нѣкоторыхъ лицъ, рѣшился покинуть армію и направиться въ Москву.

„Недѣльное пребываніе Государя въ Первопрестольной столицѣ оставило глубокое впечатлѣніе не только на жителяхъ Москвы, но и на самомъ Государѣ, только тогда сознавшемъ всю мощь русскаго народа, на которую онъ часто возлагалъ надежды, но которой не всегда вѣрилъ. Отнынѣ восторженное настроеніе Александра шло, повышаясь съ каждымъ днемъ; послѣдовало что-то въ родѣ божественнаго откровенія, и душа его всецѣло отдалась Провидѣнію, завѣты котораго ему открылись, и сердце повелителя Россіи, его умъ, его помышленія стали какъ бы даромъ небесъ; то, что прежде было покрыто мракомъ, теперь прояснилось, благодаря благословенію Всевышняго. По крайней мѣрѣ, Александръ Павловичъ именно такъ объяснялъ себѣ это настроеніе и впослѣдствіи неоднократно говорилъ и писалъ о душевномъ переворотѣ, происшедшемъ съ нимъ въ Москвѣ лѣтомъ 1812 года. Вотъ когда явились первые зачатки мистицизма и тѣхъ чувствъ, которыя привели къ идеѣ Священнаго союза. Мы особенно настаиваемъ на этомъ выводѣ, такъ какъ онъ намъ кажется правильнымъ и логичнымъ".

Багратіонъ не одобрялъ отступленія: „хорошо ретироваться 100 верстъ, а не 500!", писалъ онъ Аракчееву.

„Я Васъ попрошу непремѣнно наступать на непріятеля, а то

худо будетъ и отъ непріятеля, и, можетъ быть, и дома; шутить не должно, и русскіе не должны бѣжать. Это хуже пруссаковъ мы стали...

„Пожалѣйте Государя и Россію!.. наступайте, ради Бога, войска ободрятся; уже нѣсколько приказовъ дали, чтобы драться, а мы бѣжимъ!“

„Больно, грустно“, писалъ онъ по поводу оставленія непріятелю Смоленска, и вся армія въ отчаяніи. Самое важное напрасно бросили... клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ такомъ *мышкѣ*, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска... это стыдно, и пятно для арміи нашей... Такимъ образомъ воевать не можно, и можемъ непріятеля привести скоро въ Москву...

„Слухи носятся, что вы думаете о мирѣ. Чтобы помириться, Боже сохрани, на сіе все же пожертвовали и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій сдаться?! Вы поставите всю Россію противъ себя и всякій изъ насъ за стыдъ поставитъ мундиръ носить“.

„Итакъ, я пишу вамъ правду, готовьтесь ополченіемъ, ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя“... „Скажите, ради Бога, что намъ Россія, наша мать, скажетъ, что такъ страшимся, и за что такое доброе и усердное отечество отдается сволочамъ и вселяетъ въ каждаго подданнаго ненависть и посрамленіе?. Чего труситъ и кого бояться?.. Охъ, грустно, больно, никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь... Я лучше пойду солдатомъ въ сумѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ и съ Барклаемъ“.

Сердечный вопль, вырвавшійся у Багратіона въ этихъ строкахъ, говоритъ краснорѣчиво о враждѣ, существовавшей между военачальниками. „Нелады между Барклаемъ и Багратіономъ дошли до высшихъ предѣловъ и дѣйствовали особенно пагубно на духъ нашихъ войскъ“. Пора была положить этому конецъ, передавъ командованіе въ другія руки.

Былъ назначенъ Кутузовъ. Это назначеніе „столь давно желанное и необходимое для сосредоточенія управленія войсками въ однѣхъ рукахъ“, „было большой заслугой Александра“, такъ какъ онъ „не любилъ Михаила Илларіоновича, не забывъ ему Аустерлица, и мало уважалъ его какъ человѣка; тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ побороть нехорошія чувства, и въ этомъ заключается его главная заслуга“.

Послѣ взятія Москвы „чаша раздраженія русскаго Императора дошла до высшаго предѣла. Полковнику Мишо приказано было передать Кутузову и войскамъ, что борьба будетъ продолжаться съ новымъ ожесточеніемъ и безъ всякаго милосердія, пока хоть одинъ

французъ останется на русской землѣ. Тому же Мишо была сказана извѣстная фраза: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; *я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня*“.

„Письмо Бонапарта, что не онъ виноватъ въ сожженіи Москвы, осталось безъ отвѣта, а Бернадотту Александръ, между прочимъ, сообщивъ о паденіи Первопрестольной столицы и о письмѣ Наполеона, прибавилъ, говоря о письмѣ: „qu'elle ne contenait d'ailleurs que des fanfaronnades“.

Подъ вліяніемъ тревожныхъ и горестныхъ событій 1812 года отношеніе Императора Александра къ Наполеону совершенно измѣнилось; „истинной дружбы“ (amitié), какъ замѣчаетъ авторъ изслѣдованія, „между ними конечно никогда не было и быть не могло“, но все же Государь несомнѣнно находился одно время подъ обаяніемъ его геніальной личности; 1812 годъ нужно отмѣтить, какъ расцвѣтъ душевныхъ силъ Александра Павловича, когда онъ многое передумалъ и уяснилъ себѣ и вмѣсто колеблющагося, нерѣшительнаго, полнаго сомнѣній юноши явился сознательнымъ и твердымъ исполнителемъ строго продуманнаго имъ плана борьбы съ непріятелемъ, вступившимъ въ предѣлы Россіи.

„Система, принятая Государемъ и княземъ Кутузовымъ, не отвѣчать болѣе на предложенія Наполеона и избѣгать излишнихъ столкновеній въ полѣ, дала вскорѣ благіе результаты“.

„6 (18) октября началось отступленіе великой арміи, и 9 (21) уже всѣ французы покинули Москву. Ихъ бѣдствія не замедлили проявиться. Скоро настали холода, зима обѣщала быть особенно суровой, пошли морозы, дороги испортились, русскія войска тревожили непріятеля со всѣхъ сторонъ, при чемъ болѣе остальныхъ отличались донскіе казаки и партизанскіе отряды“.

Тѣснимый отовсюду, Наполеонъ приближался къ берегамъ Березины съ окончательно разстроенной арміей или, лучше сказать, съ остатками недавно еще блестящаго полчища... Голодъ, болѣзни и морозы доконали непобѣдимыя войска, и въ концѣ ноября Россія очистилась отъ непрошенныхъ гостей.

„Если такой блестящій результатъ отнести къ славѣ русскаго оружія и генію русскаго народа, равно какъ и къ суровому климату Россіи, то главнымъ руководителемъ и организаторомъ состоявшагося погрома былъ Императоръ Александръ I, и эту крупную заслугу помнила Россія и всегда вспомнитъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія Благословеннаго Монарха“.

„Тридцатипятилѣтній Государь оправдалъ надежды своихъ подданныхъ, и это время было лучшимъ изъ всѣхъ годовъ его царствованія“.

Послѣ разгрома непріятельской арміи и удаленія ея изъ предѣловъ Россіи, въ душѣ Императора Александра зародилось новое желаніе, а именно: „окончательно сокрушить владычество Бонапарта, и при помощи не только русскаго, но и чужеземнаго оружія, покончить съ нимъ навсегда. Отнынѣ всѣ стремленія Александра были обращены къ намѣченной цѣли и были такими же упорными до конца освободительныхъ войнъ".

Указавъ на то, что нѣкоторые изъ русскихъ, особенно старики Кутузовъ, Ростопчинъ и Шишковъ, не одобряли Государя за то что, послѣ изгнанія непріятеля изъ Россіи, онъ рѣшилъ продолжать борьбу съ цѣлью освободить Европу, авторъ присовокупляетъ: „намъ кажется, что они были правы, и съ точки зрѣнія интересовъ Россіи казалось выгоднѣе не вмѣшиваться въ дѣла Европы. Будущее показало весьма скоро, что такое мнѣніе имѣло свои основанія, и что Россіи послѣдующія войны принесли мало пользы, а скорѣе даже вредъ", но онѣ дали, по крайней мѣрѣ вначалѣ, Государю большое нравственное удовлетвореніе, льстили его тщеславію, окружили ореоломъ славы и дали ему возможность проявить свое великодушіе.

Прежде всего оно было проявлено Государемъ по отношенію къ Польшѣ. Послѣ неудачи, постигшей Наполеона, Польша очутилась по отношенію къ Россіи въ крайне щекотливомъ положеніи; „какъ только въ Польшѣ увидѣли, что дѣло Наполеона проиграно, что всѣ надежды опять рухнули, уныніе смѣнило восторги, месть Россіи казалась естественной и невѣроятное волненіе овладѣвало всей страной".

Князь Адамъ Чарторыжскій, находившійся въ это время въ Варшавѣ, начиная съ іюня 1812 года, не переставалъ писать Государю, „взывая къ чувствамъ великодушія къ его несчастной родинѣ—Польшѣ", но не получалъ отвѣтовъ; только черезъ полгода, 13 января 1813 г. Александръ Павловичъ отвѣтилъ ему „замѣчательнымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: „Мщеніе—чувство мнѣ незнакомое, самое отрадное для меня (ma plus douce jouissance) платить за зло добромъ. Моимъ генераламъ отданы строжайшія приказанія дѣйствовать сообразно съ этимъ и относиться къ полякамъ, какъ къ друзьямъ и братьямъ.

„Скажу вамъ вполнѣ откровенно: для осуществленія моихъ излюбленныхъ идей относительно Польши, мнѣ придется, невзирая на мое настоящее блестящее положеніе, преодолѣть нѣкоторыя трудности. *Во-первыхъ, общественное мнѣніе въ Россіи*; поведеніе у насъ польскаго войска, разграбленіе Смоленска, Москвы, разграбленіе всей страны воскресило старую ненависть! Во-вторыхъ, если

мои намѣренія относительно Польши станутъ извѣстны въ данный моментъ, *то это всецѣло броситъ Австрію и Пруссію въ объятія Франціи*, а этого весьма важно избѣжать, тѣмъ болѣе, что эти державы выказываютъ мнѣ уже наилучшее расположеніе". Затѣмъ идетъ убѣдительное напоминаніе: „*Не забудьте, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя донынѣ русскими областями*, и что никакой логикой въ мірѣ нельзя убѣдить Россію помириться съ тѣмъ, чтобы онѣ очутились подъ главенствомъ иного государя, кромѣ монарха правящаго Россіей".

„Слѣдовательно, польскій вопросъ былъ отложенъ, чтобы не тревожить Берлинскій и Вѣнскій кабинеты, но въ сущности онъ былъ уже предрѣшенъ, такъ какъ Александръ считалъ герцогство Варшавское собственностью Россіи, пріобрѣтенною мечемъ и кровью".

28 декабря 1812 года главныя силы направились къ Нѣману.

„Съ этого момента началось вполнѣ ненужное для русскихъ интересовъ освобожденіе Германіи отъ ига Наполеона".

Въ февралѣ 1813 года наши войска уже дошли до береговъ Одера; главная квартира находилась въ Калишѣ, куда пріѣхалъ и князь Адамъ Чарторыжскій, „чтобы лично подчеркнуть свою преданность Александру и возобновить его любовныя чувства къ Польшѣ".

Надежды на это, если судить по донесеніямъ австрійскаго посланника Лебцельтерна, было мало. Въ бесѣдѣ съ нимъ по поводу пріѣзда въ Калишъ князя Адама Чарторыжскаго, Императоръ Александръ высказался такъ:

— „Будьте покойны, ничто не заставитъ меня измѣнить ни моихъ взглядовъ, ни моего образа дѣйствій".

— „Увидавъ князя Адама, я подумалъ, Ваше Величество,—сказалъ Лебцельтернъ,—что онъ пріѣхалъ съ цѣлью говорить съ В. В. о герцогствѣ".

— „Я еще не говорилъ съ нимъ обстоятельно. Онъ говоритъ, что поляки успокоились и разочаровались въ императорѣ Наполеонѣ, что они хотѣли бы, чтобы это положеніе вещей прекратилось, но это ничего не означаетъ".

— „Я полагаю, В. В., что Наполеонъ имъ надоѣлъ, но поляки вѣчно въ горячкѣ, и если у нихъ завтра появится хоть малѣйшая надежда, они примутся снова за старое".

— „Я ихъ знаю, возразилъ Императоръ,—у нихъ въ головѣ постоянно ходитъ вѣтеръ, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Я поэтому нарочно не поѣхалъ въ Варшаву".

Какъ видимъ изъ этихъ словъ, у Императора и относительно поляковъ составился совершенно опредѣленный взглядъ.

Переговоры, происходившіе въ Калишѣ о составленіи коалиціи державъ для дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ, затянулись. Особенно много и долго колебался нерѣшительный Фридрихъ-Вильгельмъ, и Императору Александру пришлось лично и письменно увѣщевать его и увѣрять въ чистосердечіи своихъ намѣреній относительно Пруссіи; прусскій король предъявлялъ самыя невѣроятныя и неосуществимыя требованія, какъ, напримѣръ, о желаніи Пруссіи получить цѣликомъ все герцогство Варшавское. „На такого рода требованіе прусскій уполномоченный получилъ рѣзкій отказъ изъ устъ самого Императора Александра, сказавшаго ему, что если желаютъ пріобрѣтеній, то пусть лучше отнимутъ что-либо у Саксоніи, показавшей излишнюю преданность Наполеону".

Наконецъ, 16 февраля въ Калишѣ былъ подписанъ союзный договоръ.

Въ подписанныхъ условіяхъ, скрѣпленныхъ подписями князя Кутузова и Гарденберга, обращаютъ вниманіе слѣдующія строки:

„Ведя свои побѣдоносныя войска за предѣлы Россіи, первое побужденіе Е. В. Императора всея Россіи было пріобщить къ славному дѣлу, которому Провидѣніе такъ явно покровительствовало, своихъ давнихъ и самыхъ любезныхъ союзниковъ, дабы осуществить съ ними судьбы, отъ коихъ зависитъ спокойствіе и счастье народовъ, изнуренныхъ столькими потрясеніями и жертвами. Настанетъ время, когда договоры будутъ не временными, когда ихъ снова можно будетъ соблюдать съ той благочестивой вѣрой, съ той святой ненарушимостью, отъ коихъ зависятъ почетъ, мощь и цѣлость державъ".

„Тутъ впервые мы встрѣчаемъ такое опредѣленное воззваніе къ Провидѣнію и Божьему Промыслу въ оффиціальномъ документѣ, но съ этихъ поръ такого рода порядокъ сталъ пріобрѣтать право гражданства и былъ основаніемъ новыхъ политическихъ вѣяній, сложившихся въ умѣ Александра I и затмившихъ у него вскорѣ чувства къ собственной его родинѣ—къ Россіи, съ которой онъ только-что успѣлъ сродниться въ годину Отечественной войны".

Авторъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что, когда, послѣ кровопролитнаго сраженія подъ Люценомъ, которое было проиграно имъ, Наполеонъ намѣревался послать Коленкура къ Императору Александру и вступить съ нимъ въ переговоры помимо Австріи, то Александръ „не пожелалъ видѣть посланнаго, Коленкуръ не былъ допущенъ, и ему было передано, что Александръ не желаетъ вести какихъ-либо разговоровъ отдѣльно отъ Австріи. Другими словами, восторжествовала опять идея коалиціи, но не прямые интересы Россіи".

Въ теченіе іюня и іюля 1813 г., когда велись нескончаемые споры и переговоры между уполномоченными союзниковъ сперва въ Рейзенбахѣ, а потомъ въ Прагѣ, Государь много работалъ, находя время входить во всѣ мелочи политики и военныхъ комбинацій и ведя обширную переписку съ матерью, супругою, сестрой Екатериной и княземъ А. Н. Голицынымъ. Но, несмотря на всѣ старанія, многое ускользало отъ вниманія Александра, и часто тщеславіе затемняло лучшіе порывы сердца и ума. Къ этому прибавилось еще душевное настроеніе, увлекавшее Государя все больше и больше на пути угадыванія завѣтовъ Провидѣнія и приведшее скоро къ непонятному мистицизму. Изъ переписки съ Великой Княгиней Екатериной Павловной видно, что это настроеніе постоянно росло".

Особенно наглядно оно рисуется въ письмахъ Государя къ князю А. Н. Голицыну. 16 марта, изъ Калиша, Государь писалъ ему:

„Вы видѣли изъ моего письма, писаннаго послѣ причастія, что мои мысли обратились къ Вамъ и что я испыталъ искреннюю потребность выразить вамъ то душевное волненіе, съ какимъ я совершилъ этотъ разъ сію священную обязанность. Письмо Ваше отъ того же числа доставило мнѣ живѣйшее удовольствіе. Мѣсто, выписанное Вами для меня, весьма тронуло меня; я скажу вамъ, что со времени отъѣзда изъ Петербурга не проходитъ дня, чтобы я не читалъ священнаго писанія. Чтеніе это все болѣе и болѣе захватываетъ меня".

17 апрѣля, послѣ въѣзда въ Дрезденъ на Св. Пасху, Александръ писалъ тому же князю Голицыну:

„Въ субботу, 12-го послѣ обѣдни, слѣдовательно, послѣ *Воскресни Боже*, мы вступили въ Дрезденъ, а въ полночь мы пропѣли на берегахъ Эльбы *Христосъ Воскресе!* Трудно передать вамъ волненіе, охватившее меня при воспоминаніи обо всемъ происшедшемъ за этотъ годъ и о томъ, куда насъ вело Божественное Провидѣніе!"...

„Вотъ живые слѣды того возвышеннаго настроенія, въ которомъ пребывалъ человѣкъ, стоявшій во главѣ коалиціи для освобожденія Европы отъ ига того, кого Государь часто называлъ „ce diable d'homme..."

„Вѣра въ Провидѣніе и въ Божій Промыселъ все больше росла и укрѣплялась въ душѣ Александра Павловича".

„Передъ вступленіемъ во Францію, Александръ вспомнилъ своего бывшаго наставника Лагарпа и излилъ въ письмѣ къ нему то, что происходило въ его душѣ".

„Позвольте сказать вамъ, писалъ Государь, что, если, совершая дѣло, указанное Провидѣніемъ, та настойчивость и энергія, которыя

я имѣлъ случай выказать послѣдніе два года, были полезны для дѣла независимости Европы, то я этимъ обязанъ вамъ и вашимъ наставленіямъ. Память о васъ въ трудныя минуты была всегда жива во мнѣ, и желаніе быть достойнымъ вашихъ заботъ и заслужить ваше уваженіе поддерживало меня. Съ береговъ Москвы-рѣки мы пришли на берега Рейна, который мы перейдемъ на-дняхъ. Такъ близко отъ васъ, я утѣшаю себя отрадной мыслію, что я смогу обнять васъ и подтвердить вамъ изустно признательность, которую я буду питать къ вамъ до гроба. Это будетъ однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни".

Передъ тѣмъ, какъ вступить въ предѣлы Франціи, передъ союзными монархами всталъ вопросъ о томъ, кого поставить во главѣ новаго правительства во Франціи. Вокругъ этого вопроса поднялся цѣлый вихрь интригъ. Мысль объ учрежденіи регентства Маріи-Луизы, за которую ухватился Наполеонъ и которой, разумѣется, сочувствовала Австрія, не встрѣтила сочувствія Императора Александра, но онъ ничего не предрѣшалъ. Союзники подозрѣвали русскаго Императора въ симпатіяхъ къ Бернадотту.

„Несмотря на доводы различныхъ историковъ, доказывающихъ серьезность этихъ симпатій со стороны Александра, мы склонны думать, говоритъ авторъ изслѣдованія, что врядъ ли у Государя былъ какой-либо созрѣвшій взглядъ, кого именно возвести на французскій престолъ"; что касается Бурбоновъ—онъ имъ рѣшительно не симпатизировалъ.

Конгрессъ въ Шатильонѣ, на которомъ обсуждался вопросъ о замѣстителѣ Наполеона, ознаменовался всевозможными интригами: „то былъ раздѣлъ добычи между коршунами, пока жертва еще пребывала въ предсмертныхъ судорогахъ. Не даромъ повторялась на всѣ лады фраза Талейрана, что „это начало конца", а Меттернихъ всѣмъ и каждому говорилъ, что не стоитъ жертвовать Наполеономъ, чтобы въ угоду Императору Александру замѣнить его Бернадоттомъ".

Императоръ Александръ не поддавался такого рода интригамъ, желая предоставить выборъ главы правительства самимъ французамъ.

Прибывшій на конгрессъ англичанинъ Касльри доносилъ своему правительству:

„По моему мнѣнію, въ настоящее время намъ всего опаснѣе рыцарское настроеніе Императора Александра. Въ отношеніи къ Парижу его личные взгляды не сходятся ни съ политическими, ни съ военными соображеніями. Русскій Императоръ, кажется, только ищетъ случая вступить во главѣ своей блестящей арміи въ Парижъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы противопоставить свое великодушіе опустошенію собственной его столицы".

„Князь А. Н. Голицынъ сказывалъ, что во время послѣднихъ совѣщаній передъ занятіемъ Парижа Александръ Павловичъ ему говорилъ о тѣхъ чувствахъ, которыя имъ овладѣли въ эту минуту.

„Въ глубинѣ моего сердца затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, говорилъ Императоръ, какое-то непреоборимое желаніе передать это дѣло въ полную волю Божію. Совѣтъ продолжалъ заниматься, а я на время оставилъ засѣданіе и поспѣшилъ въ собственную комнату; тамъ колѣни мои подогнулись сами собою, и я излилъ передъ Господомъ все мое сердце". Послѣ этого Александръ вернулся въ засѣданіе и объявилъ о намѣреніи идти немедленно на Парижъ!

19 марта совершился знаменательный въѣздъ въ столицу Франціи.

„Фигура освободителя Европы привлекла вниманіе парижанъ, и восторги смѣнялись оваціями толпы, взоры которой обращались къ привлекательному образу русскаго Государя. Александръ сіялъ на своемъ сѣромъ конѣ (когда-то подаренномъ ему Наполеономъ), въ ореолѣ блеска и славы.

„Выраженіе его лица и особенно глазъ показывало то настроеніе, въ коемъ онъ пребывалъ, озаренный лучами Божественнаго Провидѣнія и завершенія его завѣтной мечты".

Онъ былъ, дѣйствительно, великолѣпенъ и по простотѣ формы одежды, въ вицъ-мундирѣ кавалергардскаго полка, и по той величавой осанкѣ, которая ему была всегда присуща".

Когда домогательства Наполеона относительно учрежденія регентства были окончательно отвергнуты, и Талейраномъ, при содѣйствіи сената, была ловко инсценирована комедія возвращенія во Францію Бурбоновъ, въ лицѣ Людовика XVIII, на что Александръ Павловичъ далъ свое согласіе, несмотря на свою глубокую антипатію къ нимъ", онъ „потребовалъ посланныхъ Наполеона къ себѣ и объявилъ имъ, что „павшій владыка Франціи остается его другомъ въ несчастіи, что ему будетъ предоставленъ островъ Эльба, какъ мѣсто жительства, и что Наполеонъ можетъ разсчитывать на слово русскаго Императора".

Былъ ли доволенъ первыми результатами отреченія Наполеона владыка земли русской? Намъ кажется, говоритъ авторъ изслѣдованія, что его волновали самыя разнообразныя чувства.

„Не вѣрится, чтобы послѣ удовлетвореннаго самолюбія и паденія соперника у Александра оставалось еще чувство злобы къ Наполеону. Какъ то часто бываетъ вообще съ людьми, послѣ нравственнаго успѣха, а особенно послѣ гибели противника, является что-то въ родѣ сожалѣнія или состраданія къ судьбѣ побѣжденнаго. Такое

чувство долженъ былъ испытывать Александръ, а къ этому примѣшалось великодушіе побѣдителя.

„Кромѣ того, русскій Государь только-что исполнилъ обрядъ христіанина и говѣлъ на страстной недѣлѣ великаго поста.

„Слѣдовательно, большинство разговоровъ происходило именно во время говѣнія. Князь А. Н. Голицынъ свидѣтельствуетъ, что настроеніе Александра въ ту пору было самое возвышенное.

„Александръ Павловичъ ему передавалъ при первой ихъ встрѣчѣ послѣ Парижа, что „...я и здѣсь повторяю то же, что, если кого Милующій Промыселъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ Божественной своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія добровольное отреченіе Наполеона, какъ будто нарочно, поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобы совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь“.

„Начало говѣнія, т. е. 23 марта (4 апрѣля), понедѣльникъ Страстной недѣли, совпало со днемъ измѣны Мармона и съ отреченіемъ Наполеона.

Встрѣча Александра Павловича съ королемъ Людовикомъ XVIII произвела на него „отталкивающее впечатлѣніе“, и послѣ этого онъ „старался показать еще бо́льшее вниманіе всѣмъ тѣмъ, кто былъ связанъ семейными узами съ павшимъ императоромъ“.

„Несмотря на всѣ протесты многихъ изъ союзниковъ онъ настоялъ, чтобы островъ Эльба былъ предоставленъ во владѣніе Наполеона, и командировалъ своего генералъ-адъютанта графа П. А. Шувалова, чтобы сопровождать его при проѣздѣ черезъ Францію“.

Изъ Парижа, послѣ кратковременнаго посѣщенія Англіи, Императоръ возвратился въ Петербургъ со смутнымъ чувствомъ какого-то „недовольства собой и окружающими“. Въ немъ начался „періодъ броженія и внутренней борьбы“.

Лучшимъ свидѣтельствомъ настроенія Императора въ это время служитъ показаніе князя А. Н. Голицына.

Вотъ что онъ говоритъ: „Наконецъ, Государь возвратился къ намъ въ Петербургъ. Я уже давно летѣлъ въ мысляхъ своихъ къ нему навстрѣчу; чаянія и ожиданія мои были велики. Я не ошибся въ нихъ!

... Онъ весь былъ проникнутъ смиреніемъ и самоотверженіемъ; въ пылу неумолкающихъ плесковъ народныхъ, онъ все воздавалъ Господу силъ и Ему только одному усвоивалъ побѣду. Любовность его, столь ему всегда свойственная, взяла характеръ какого-то типичнаго равнодушія, изъ глубины, однако жъ, котораго выказывалась *воля энергичная, воля всепоборающая...*“

Таково было душевное состояніе того, передъ кѣмъ все преклонялось въ ту пору, какъ передъ освободителемъ Европы.

При заключеніи мирнаго договора въ Парижѣ, не было ни слова сказано о судьбѣ Польши, между тѣмъ этотъ вопросъ болѣе всего занималъ Государя.

Еще въ Парижѣ, князь Адамъ Чарторыжскій, прибывшій туда въ свитѣ Императора, всячески старался поддержать въ Императорѣ прежнія чувства къ Польшѣ и, видя благосклонное отношеніе Александра къ Костюшкѣ и къ представителямъ польскихъ войскъ, которыя были обласканы Государемъ, онъ вѣрилъ, что Александръ не измѣнилъ своего взгляда на польскій вопросъ.

И дѣйствительно, „когда Е. В. отправился на Вѣнскій конгрессъ, то рѣшилъ заѣхать на пути въ имѣніе князей Чарторыжскихъ—Пулавы, чтобы этимъ показать незыблемое расположеніе свое къ полякамъ, несмотря на ихъ враждебную роль въ минувшую Отечественную войну".

На Вѣнскомъ конгрессѣ вопросъ о судьбѣ Польши повлекъ къ нескончаемымъ преніямъ. „Самое трудное было Александру столковаться съ своимъ союзникомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, несмотря на всѣ взаимныя любовныя изліянія, выразившіяся въ ихъ перепискѣ и личныхъ разговорахъ. Вожделѣнія Пруссіи не ограничивались только желаніемъ пріобрѣсти Саксонію, но и часть польскихъ земель на Вислѣ".

„Неоднократно переговоры принимали такой острый характеръ, что можно было опасаться разрыва и прекращенія преній, но неожиданная высадка Наполеона на югѣ Франціи, 23 февраля (7 марта) 1810 г. повліяла благотворно, и соглашеніе все-таки было достигнуто. Въ главныхъ чертахъ, то, чего такъ настойчиво добивался русскій Государь, было достигнуто: Россія навсегда присоединила герцогство Варшавское".

„Идея Александра Павловича возсоздать подъ своимъ скипетромъ польское королевство, съ особой конституціей, не встрѣчала никакого сочувствія не только въ средѣ русскихъ людей, но даже и чужеземцевъ". „Знаменательно и то, что графъ Нессельроде, а также В. С. Ланской изъ Варшавы, умоляли Государя не создавать этой роковой ошибки".

„Александръ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ и шелъ къ намѣченной цѣли твердо и опредѣленно. Въ этомъ вопросѣ у него проявилось какое-то рыцарское чувство къ другу дѣтства и юности, князю Чарторыжскому, и вообще къ полякамъ, которымъ онъ не переставалъ вѣрить; онъ надѣялся на полное ихъ сліяніе съ русскими при умѣломъ и самостоятельномъ управленіи Польшей".

„Нѣсколько дней, проведенныхъ въ лонѣ семьи Чарторыжскихъ, наканунѣ конгресса, были не только актомъ вѣжливости, но, очевидно, имѣли и политическій характеръ. Это прекрасно поняли наши сосѣди, австрійцы и пруссаки, и приготовились къ ходамъ борьбы относительно судьбы Польши въ Вѣнѣ".

Относительно Польши Императоръ преслѣдовалъ двѣ цѣли:

1) Соединить всю Польшу, до раздѣловъ ея, въ однѣхъ рукахъ, подъ державной властью Россіи. Этого достигнуть не удалось.

2) Чтобы вездѣ поляки могли свободно пользоваться своими гражданскими правами. И это пожеланіе не получило въ дѣйствительности полнаго примѣненія и осталось скорѣе несбыточной мечтой.

„У Государя сложился зрѣлый планъ образа дѣйствій въ новомъ королевствѣ, планъ, основанный на ложныхъ утопіяхъ. Императоръ продолжалъ смотрѣть глазами либерализма и на Финляндію и на Польшу; то, что не было ему угодно вводить въ Россіи, казалось естественнымъ испытать на ближайшихъ окраинахъ". „Несмотря на совершившійся вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса переломъ въ характерѣ Александра, онъ продолжалъ относиться съ уваженіемъ къ конституціоннымъ началамъ, введеннымъ въ Финляндіи и Польшѣ, и даже, когда въ послѣднія времена жизни реакція свирѣпствовала на Руси, обѣихъ окраинъ не трогали и почти не стѣсняли. Государь произносилъ неоднократно рѣчи въ Варшавѣ при открытіяхъ сейма, подготовлялъ и обдумывалъ заблаговременно эти рѣчи и, видимо, симпатизировалъ такому порядку. Эта подготовка его вовсе не утомляла, а, напротивъ того, развлекала, и онъ со вниманіемъ относился ко всему, что касалось Польши и Финляндіи.

„Такой складъ ума, очевидно, смущалъ современниковъ, затруднялъ работу его сотрудниковъ, но приходилось всѣмъ примѣняться къ характеру Государя. Все всегда принимая открыто на свою отвѣтственность въ дѣлахъ польскихъ и финляндскихъ и предоставляя исключительно себѣ иниціативу дѣйствій, когда вопросъ касался русскихъ дѣлъ, наоборотъ, Государь какъ бы старался прикрыть себя другими лицами".

На Вѣнскомъ конгрессѣ работами русскихъ уполномоченныхъ руководилъ самъ Государь, который „находилъ время, при безконечныхъ празднествахъ, бесѣдовать равно и со своими сотрудниками, и съ иностранцами ... и надо отдать должное работоспособности Монарха, постоянно отвлекаемаго отъ занятій то родственниками, какъ русскими (въ Вѣнѣ находились: Императрица Елисавета, Цесаревичъ Константинъ, Великія Княгини Марія и Екатерина Павловны), такъ и иностранцами, то устраиваемыми развлеченіями.

„Послѣ высадки Наполеона на югѣ Франціи и торжественнаго шествія его до Парижа, Вѣнскій конгрессъ самъ собой распался, страхъ передъ Бонапартомъ затмилъ всѣ прочія чувства и прекратилъ недоразумѣнія и распри. Надо было прежде всего сокрушить окончательно общаго врага. Упреки многихъ, съ княземъ Меттернихомъ во главѣ, посыпались на Императора Александра, считая его виновникомъ возможности бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, такъ какъ это мѣсто жительства было избрано только благодаря великодушію Александра Павловича, но обстоятельства сложились такъ, что было не до упрековъ, а надобна была заручка, что Россія снова станетъ во главѣ коалиціи". Былъ снова возобновленъ договоръ между Россіей, Пруссіей, Австріей и Англіей.

Наполеоновская драма „закончилась на поляхъ Ватерло побѣдой армій Веллингтона и Блюхера. Снова всѣ иностранцы поспѣшили въ Парижъ рѣшать дальнѣйшую судьбу Наполеона и Франціи.

„Императоръ Александръ, покинувъ Вѣну, прибылъ 23 мая въ Гейльброннъ, гдѣ рѣшилъ дождаться прибытія русскихъ войскъ. Здѣсь произошло знаменитое свиданіе съ баронессой Крюденеръ, послѣ котораго въ характерѣ Александра Павловича сталъ замѣтенъ новый переломъ".

„Князь Голицынъ, передавая въ своихъ разсказахъ объ этой встрѣчѣ, говоритъ:

„Многія причины располагали Государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Крюденершу. Съ одной стороны, собственное настроеніе сердца царева къ ощущеніямъ религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божію; съ другой—увидѣть женщину, носившую, такъ сказать, въ себѣ живое слово Божіе, проходящую по юнымъ и невѣжественнымъ поколѣніямъ Европы какъ бы съ званіемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и предупреждала и сопровождала молва народная; наконецъ, знать, что сія женщина есть и русская подданная,—все это, можетъ быть, заставило Государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Крюденершею".

Къ личности баронессы Крюденеръ авторъ изслѣдованія относится весьма критически и высказывается такъ:

„Мы не высоко цѣнимъ достоинства этой особы, говоритъ онъ, а ея убѣжденность болѣе, чѣмъ сомнительны. Побужденія мнимо восторженной баронессы стояли на болѣе реальной почвѣ. Она была стѣснена недостаткомъ денежныхъ средствъ и всегда, во всемъ, испытывала нужду. Кромѣ чувствъ тщеславія, случая сыграть видную роль, дѣйствовала и алчность. Вѣдь и въ наше время встрѣчаются личности, проникнутыя чувствомъ особой набожности, не

рѣдко скрывая подъ этой завѣсой совсѣмъ другія побужденія. Такъ было и съ лифляндской баронессою. Не даромъ выдала она свою дочь, Юлію, за барона Беркгеймъ, братъ котораго былъ министромъ въ Карлсруэ и близокъ къ Баденской велико-герцогской семьѣ, и не даромъ этотъ Беркгеймъ перешелъ на русскую службу. Въ записочкахъ Императора Александра къ князю Голицыну постоянно встрѣчаются анонимныя денежныя вспомоществованія; они разсыпались щедрою рукой и на г-жу Крюденеръ, и на ея родню. Слезливая проповѣдница имѣла способность говорить увлекательно, страстно, съ какой-то жестокой откровенностью, но все это было разсчитано и прикрыто вѣжливой формой въ изысканной манерѣ самой рѣчи.

Въ началѣ своего желаннаго знакомства, т. е. въ Гейдельбергѣ и въ Парижѣ (1815 г.), она, дѣйствительно, обворожила Императора, произвела на него необходимый ей эффектъ, такъ что впечатлительный Александръ оказался подъ ея вліяніемъ и еще больше углубился въ религіозное чтеніе и въ анализъ собственной тревожной души. Но такое исключительное вліяніе продолжалось очень недолго, всего годъ не болѣе".

28 іюня Императоръ въѣхалъ въ Парижъ.

„Настроеніе Государя, во время вторичнаго пребыванія на берегахъ Сены, было крайне нервное, а временами и унылое. Ему были противны вернувшіеся Бурбоны; онъ ихъ презиралъ глубоко; успѣхи и лавры Веллингтона также были ему непріятны; фигура Талейрана опротивѣла болѣе, чѣмъ когда-либо; огорчали денежныя претензіи пруссаковъ и намѣреніе ихъ и англичанъ обездолить французскіе музеи въ пользу собственныхъ; наконецъ, ежедневныя посѣщенія госпожи Крюденеръ едва-ли вліяли успокоительно, даже при усиленномъ чтеніи Библіи на дому, въ минуту отдохновенія".

Александръ Павловичъ пробылъ въ Парижѣ почти три мѣсяца; „чего только не пришлось ему видѣть и испытать за это время!"

„Сперва вернувшійся король Людовикъ XVIII управлялъ при сотрудничествѣ такихъ людей, какъ Фуше и Талейранъ, думая угодить извѣстнымъ слоямъ общества; потомъ пошла расправа съ людьми, наиболѣе замѣшанными при возвращеніи Бонапарта: судили и казнили маршала Нея и полковника Лабедоера, другихъ осуждали и заочно, третьихъ подвергли ссылкѣ, словомъ, свирѣпствовалъ такъ называемый бѣлый терроръ, при безмолвіи иностранныхъ пришельцевъ и даже русскаго самодержца. 29 августа (10 сентября) произошелъ знаменитый смотръ войскамъ у лагеря при Вертю, закончившійся тостомъ Александра на большомъ обѣдѣ за миръ Европы и благоденствіе народовъ.

„Наконецъ, 14 (26) сентября былъ заключенъ Священный Союзъ между тремя монархами: Россіи, Пруссіи и Австріи; къ нимъ примкнула Англія".

„Многіе историки приписали г-жѣ Крюденеръ возрожденіе идеи Священнаго Союза, другіе—вліянію на русскаго Государя Меттерниха. Мы же убѣждены, говоритъ авторъ изслѣдованія, что эта идея—плодъ долгой работы и воображенія, всецѣло принадлежитъ лично Императору Александру. Но тотъ фактъ, что могло произойти недоразумѣніе между историками на этой почвѣ, вполнѣ возможенъ. Пока Александръ еще только соображалъ и намѣчалъ себѣ общую программу такого религіознаго союза, онъ имѣлъ частое общеніе сперва съ Меттернихомъ, на конгрессѣ въ Вѣнѣ, а потомъ, въ 1815 году, въ Парижѣ проводилъ почти всѣ вечера у баронессы Крюденеръ. Поэтому, весьма легко предположить, что идея Священнаго Союза была внушена ему кѣмъ-либо изъ названныхъ лицъ. Но не надо забывать, что всѣ подробности акта новаго союза были набросаны лично Государемъ на бумагѣ, и что онъ читалъ вслухъ свое произведеніе баронессѣ за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Парижа. Это чтеніе могло дать поводъ къ догадкѣ, что г-жа Крюденеръ или продиктовала Государю, или дала мысль объ идеѣ союза".

„Два свидѣтельства въ пользу нашего предположенія заслуживаютъ вниманія; одно исходитъ отъ короля прусскаго, Фридриха-Вильгельма, неоднократно повторявшаго фразу, относящуюся до обожаемаго имъ союзника: „Si le Bon Dieu bénit nos projets, nous pouvrons un jour dans l'avenir glorifier le Seigneur devant tout l'univers" [1]); другое идетъ отъ обычнаго спутника баронессы Крюденеръ, швейцарца Эмпейтазъ: „qu'il était intéressant de voir cet homme (Alexandre), entouré de tant de gloire, de toutes les grandeurs du trône, chercher avec nous ainsi la force et le secours de l'Eternel" [2]).

Эти „силу и помощь Превѣчнаго Бога" именно и искалъ Александръ для своего вдохновенія.

„Кромѣ того, всѣ послѣдующія мѣропріятія свидѣтельствуютъ о непреклонной волѣ Государя провести въ жизнь свою излюбленную идею о религіозномъ союзѣ. Такъ, 25 декабря 1815 г., былъ обнаро-

---

[1]) Ежели Господь благословитъ наши намѣренія, то настанетъ день, когда мы прославимъ Господа передъ лицемъ всего міра.

[2]) Было интересно видѣть этого человѣка (Александра), осѣненнаго такой славою и всѣмъ величіемъ престола, искавшаго съ нами силу и помощь „Превѣчнаго Бога".

дованъ манифестъ, подтверждавшій созданіе Священнаго Союза, и было отдано повелѣніе прочесть этотъ актъ во всѣхъ православныхъ церквахъ".

„Намъ кажется вполнѣ естественнымъ, что развивавшійся въ душѣ Александра мистицизмъ, начиная съ годины Отечественной войны, довелъ его до созданія Священнаго Союза, а потому нечего искать постороннихъ вдохновителей ни въ лицѣ г-жи Крюденеръ, ни въ князѣ Меттернихѣ, или вообще въ комъ-либо другомъ. Вѣдь, право, нельзя же отнять у Александра I иниціативы и силы воли, которыя онъ проявлялъ такъ часто во многихъ случаяхъ своего бурнаго царствованія. Если кто имѣлъ на него постоянное вліяніе, то, несомнѣнно, этими лицами были князь А. Н. Голицынъ и Р. А. Кошелевъ, но современники (или весьма немногіе изъ нихъ) и историки этой эпохи едва-ли знали о перепискѣ его съ княземъ Голицынымъ и не подозрѣвали о корреспонденціи съ Кошелевымъ. Что же касается до переписки Государя съ баронессой Крюденеръ, то о ней знали и въ Россіи, и въ Европѣ, благодаря ей самой, такъ какъ это служило для нея рекламой".

В. Т.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Одепталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

74.

Ноября 1. 1812 г. Пятница.

Съ прошедшею почтою извѣстилъ я уже о постыдномъ бѣгствѣ Бонапартовомъ со всею его сволочью, которой не успѣли подбить ногъ въ Московской губерніи. Въ прилагаемой у сего „Сѣв. Почтѣ“ найдете вы оффиціальныя донесенія о преслѣдованіи улизывающаго по-французски непріятеля. Какіе успѣхи имѣли войска наши за Ереминымъ, мнѣ еще и по слухамъ неизвѣстно. Получены токмо изъ очищенной Вязьмы партикулярныя письма, въ коихъ между прочимъ увѣдомляютъ, что главный злодѣй съ помощникомъ своимъ Мюратомъ проѣхалъ чрезъ тотъ городъ 17-го октября въ каретѣ. Его отъ станціи и до станціи провожали нарочитые конные отряды, разставленные на сей конецъ заблаговременно по всей дорогѣ. Чортъ вѣдаетъ, гдѣ онъ теперь! Многіе хотятъ знать, или, лучше сказать, по своему разсчету угадать, будто бы онъ уже въ Вильнѣ. Тѣмъ огорчительнѣе для русскаго таковая возможность, чѣмъ ожиданія его мало-по-малу исчезаютъ безъ открытія причины спасенію такого изверга, которому непремѣнно надлежало быть повѣшеннымъ, хоть издохшимъ на Сухаревой башнѣ. Сколько-то еще истребятъ погани въ преслѣдованіи? Что-то сдѣлаютъ съ нею гр.

[1]) См. „Русск. Старину“ октябрь 1912 г.

Витгенштейнъ и Чичаговъ? Отъ ихъ соединенія или удачнаго нападенія на обезсиленнаго, разстроеннаго супостата зависитъ прекращеніе или продолженіе войны еще неслыханной. Toute fois le sieur Bonaparte fera une triste figure devant ceux, qui n'osoient le regarder qu'avec admiration. У адмираторовъ не станетъ и людей, хоть бы и желали поддержать идола своего. Этимъ легкомысленнымъ поляченкамъ выйдетъ сокомъ мнимое возстановленіе ихъ отечества! Нѣмцамъ должно, кажется, теперь понакопить духу. Чего зѣваютъ! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ для нихъ спасительнѣе свергнуть несносное иго.—Мы съ гишпанцами—самый благопріятный подали къ тому случай.

Мы теперь, благодаря Всевышняго, остаемся здѣсь спокойными. До удаленія же врага изъ Московской губерніи сидѣли на горячихъ угольяхъ. Какія-то вѣсти получимъ отъ васъ, разоренныхъ людей? Да пособитъ вамъ Господь Богъ найти средство къ безбѣдному житію! Безъ слезъ нельзя о несчастныхъ соотечественникахъ и подумать, а тѣмъ паче о тѣхъ, которые владѣютъ нашимъ сердцемъ.

Статья въ прошедшемъ № „Сѣв. Почты“ изъ Москвы вѣрно умному Александру Яковлевичу понравилась. Это образецъ краснорѣчивой истины. Нельзя лучшей написать картины варварству и неистовствамъ буйнаго врага, и здравѣе, разительнѣе дѣлать сужденій объ источникахъ таковыхъ ужасовъ. Сочинитель—почтенный добродѣтельный госуд. секретарь Шишковъ. Вообще работаетъ теперь много перьевъ въ изображеніи лютостей Бонапарта.

Вотъ акростихъ на злодѣя. Онъ пародированъ съ французскаго, но не такъ-то удачно:

Не ты ль, Калигула, изрыгнутъ паки адомъ?
Аттилы лютые, не вы ль опять возстали?
Простерты ужасы съ свирѣпостью, со гладомъ;
Объятъ весь свѣтъ войной, послѣдни дни настали;
Лишенъ отрады всякъ, лишь вздохи испущаетъ:
Единъ толикія злодѣйства совершаетъ!
О, смертные! и вы его не сокрушите?
На эшафотъ его!—Злодѣя тамъ казните!

Можетъ быть, у васъ нѣтъ французскаго акростиха: такъ и его приписываю, какъ шедевръ:

Nouveau Caligula, vomi par le tartare!
Assassin par calcul et par plaisir barbare!
Poursuis tes noires forfaits, mets l'univers en deuil!
Outrages les mortels jusques dans leurs cercueil!
Le ciel enfin lassé de ta conduite infame,
En te faisant agir, aveuglera ton âme.
On verra tout à coup le vil usurpateur,
Noirçi par l'opinion, finir comme un voleur.

Гр. Аракчеевъ—по военной части въ великой силѣ, а гр. Ник. Петр.—по дипломатической. Большимъ Монаршимъ довѣріемъ пользуется гр. Армфельдъ.

Фуль напечаталъ уже себя въ газетахъ, что онъ отправляется съ семействомъ своимъ за границу.

Александру Яковлевичу Булгакову [1]).

Генералъ Платовъ возведенъ въ графское достоинство за успѣшное преслѣдованіе. Отъ гр. Витгенштейна сію минуту читалъ реляцію отъ 28-го октября изъ Чашниковъ. Отрядомъ его войскъ взятъ 26-го городъ Витебскъ, по упорномъ сопротивленіи, съ губернаторомъ и комендантомъ. Герой сей уже зналъ при донесеніи, что большая французская армія изъ-подъ Москвы ретируется. Первыя ея колонны прибыли до 28-го въ Смоленскъ.

75.

Ноября 5, 1812 г. Вторникъ.

Гр. Ѳ. В. явилъ поступкомъ своимъ въ Вороновѣ [2]) болѣе великаго духа, нежели герои, сражающіеся за избавленіе Россіи.

За вашего Воронцова будемъ, какъ за благодѣтеля человѣчества, молиться Богу. Ему даруетъ всеблагій Отецъ должайшій вѣкъ и всѣ блага земныя. Не оставляйте меня надѣлять сообщеніями по прибытіи въ Москву. Тамъ-то узнаете бездну покрытыхъ доселѣ мракомъ происшествій. Ежели они и содрогательны, то не менѣе того будутъ и восхитительны по рѣдкой приверженности россіянъ

---

[1]) Приписка на конвертѣ.

[2]) Имѣніе гр. Ѳ. В. Ростопчина, гдѣ онъ сжегъ свой домъ при наступленіи французовъ.

къ отечеству своему. Въ такое бѣдственное, страшное время и можно токмо видѣть всю доблесть ихъ.

Преслѣдованіе непріятеля продолжается весьма успѣшно. 27 окт. графъ Платовъ настигнулъ между Дорогобужемъ и Духовщиною 4-й корпусъ подъ командою вице-короля Итальянскаго и разбилъ его, какъ говорится, въ пухъ. Взято при семъ случаѣ 62 пушки, 3.000 человѣкъ въ плѣнъ; знамена еще не представлены побѣдителю, но они должны найтись. Едва-ли спасется и самъ Богарне. Разсѣянный его корпусъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Потеряли совсѣмъ духъ непріятельскіе солдаты и офицеры. Толпами переходятъ къ намъ и просятъ о принятіи ихъ въ службу. Перехвачены ген.-адъютантомъ Кутузовымъ два письма вице-короля Итальянскаго къ принцу Нейшательскому. Изъ нихъ видно отчаянное положеніе его. Кажется, онъ не увернется. Важно истребленіе 4-го корпуса. При немъ находилась большая часть артиллеріи главной фран. арміи. Кромѣ взятыхъ гр. Платовымъ пушекъ множество кинуто въ воду и зарыто въ землю. Между убитыми есть генералы. Казаки нашли на мундирахъ ихъ знаки отличія. Свѣтлѣйшій 28 былъ въ Ельнѣ, откуда и получено послѣднее донесеніе. Милорадовичъ, Шепелевъ и прочія казацкія партіи больше вездѣ наносятъ пораженіе бѣгущему къ Смоленску непріятелю. Взяты: начальникъ главнаго штаба генералъ Сансонъ, довольное число штабъ и оберъ-офицеровъ и множество рядовыхъ на большой Смоленской дорогѣ. Объ убитыхъ и погибающихъ отъ холода, голода и утомленія непріятеляхъ и говорить нечего. Ихъ не успѣваютъ считать, ими покрыты всѣ дороги и мѣста, которыми они спасаются. Вотъ вамъ извлеченіе изъ послѣднихъ реляцій [1]). Надѣялся ихъ приложить вамъ въ оригиналѣ, но мнѣ оныхъ не прислали до сей минуты. Такъ какъ гр. Ѳ. В. уже въ Москвѣ, то на всякій случай пишу къ вамъ и туда, полагая васъ при немъ. Поговариваютъ, будто бы Государь изволитъ ѣхать въ оплакиваемую имъ столицу.

На отдѣльномъ листѣ:

Ноября 5, 1812.

Ежели вы уже въ несчастной, разоренной, опустошенной Москвѣ, то остается мнѣ токмо поздравить васъ съ побѣдами надъ бѣгущимъ супостатомъ, о коихъ узнаете вы прежде меня отъ графа.

---

[1]) При письмѣ извлеченія не оказалось.

76.

Ноября 8, 1812 г. Пятница.

Читалъ вышедшую симъ утромъ реляцію изъ главной нашей арміи отъ 31 октября. Непріятеля продолжаютъ поражать въ преслѣдованіи до Смоленска. Сдался бригадный генералъ Ожеро съ 60-ю штабъ и оберъ-офицерами и 2.000 рядовыхъ: взято 21 пушки, 1 знамя и около 1.500 человѣкъ въ другихъ мѣстахъ, кромѣ фуръ и зарядныхъ ящиковъ. Порядочно достается французамъ! Можно навѣрное сказать, что не достигнувшіе еще Могилева корпусы большой арміи истребятся безъ остатка нашими войсками, или морозомъ и голодомъ. Мы близки уже Смоленска. Нельзя, чтобъ гр. Витгенштейнъ не сдѣлалъ чего-нибудь важнаго при сближеніи съ главн. нашею арміею. Вотъ въ пору коснулся нашего великаго героя! Сію минуту входитъ ко мнѣ въ комнату г. Цирлейнъ съ радостнѣйшимъ извѣстіемъ. Разбилъ новый Суворовъ у Чашниковъ Магдональда, Виктора и еще какого-то генерала. Эти злодѣи хотѣли задавить его, но онъ жестоко наказалъ ихъ за такую продерзость. Государь со всею Высочайшею Фамиліею изволилъ ѣхать въ Казанскій соборъ на молебствіе по случаю сей побѣды. Курьеръ съ симъ извѣстіемъ прискакалъ сегодня утромъ.

Здѣсь учрежденъ комитетъ для вспомоществованія разореннымъ отъ вражескаго нашествія. Онъ составленъ изъ государственнаго секретаря Шишкова, графовъ Ник. Ник. Головина и Ник. Алекс. Толстова и князя Алекс. Ник. Голицына.

Слышалъ также, что сегодня послано къ гр. Витгенштейну повелѣніе принять главное начальство и надъ Чичаговою арміею.

На отдѣльномъ листѣ.

Ноября 8. 1812 г.

Въ преслѣдованіи непріятелю наносится глав. нашею арміею страшное пораженіе, о чемъ вѣрно получите печатныя извѣстія съ нынѣшнею почтою; но важнѣе курьеръ прискакалъ нынѣшнимъ утромъ отъ гр. Витгенштейна, который на голову побилъ Магдональда и Виктора при мѣстечкѣ Чашникахъ. Государь со всею Высочайшею Фамиліею изволилъ быть на благодарственномъ молебнѣ по сему случаю въ Казанскомъ соборѣ. Поздравляю васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, съ таковою радостью. Надобно быть Витгенштейномъ, чтобы вдругъ управляться съ двумя корпусами, зашедшими съ разныхъ сторонъ погубить его.

Въ Шую писалъ дубликатъ и отправилъ газеты на ваше имя. Гдѣ же вы?—Извѣстите меня скорѣе [1]).

[1]) Послѣ этого только письма дошло къ Оденталю письмо Булгакова, отправленное еще 20 октября изъ Москвы. Это—единственное изъ напеча-

Письмо А. Я. Булгакова И. П. Одеталю.

20-го октября 1812 г. Москва.

Я такъ былъ озабоченъ, что съ первымъ нашимъ курьеромъ не успѣлъ къ вамъ написать, любезный Иванъ Петровичъ. Этого не выпущу безъ подробнаго къ вамъ донесенія. Я въ Москвѣ или, лучше сказать, среди развалинъ ея, гласно мщенія требующихъ. Трудно было сюда въѣзжать. Мы оба съ графомъ (Ростопчинымъ), сидя въ дормезѣ, давали свободно теченіе горькимъ слезамъ. Изъ 9.000 слишкомъ домовъ осталось только 2.655, между коими треть маленькіе домики и избы, такъ что надобно полагать $^{9}/_{10}$ сгорѣвшими. Въ Пречистенской части только восемь домовъ, а въ Пятницкой пять; грустно смотрѣть! Теперь вижу я, что Москва не городъ былъ, а мать, которая насъ кормила, тѣшила, покоила, обогащала. Всякій русскій, всякій христіанинъ имѣлъ въ виду въ старости Москву, а послѣ смерти царство небесное! Изъ оставшихся домовъ нѣтъ ни единаго, который не былъ бы разграбленъ. Церкви осквернены, обруганы, обращены въ конюшни. Изъ Чудова выгнали мы лошадей, въ Благовѣщенскомъ соборѣ навалена была бездна бумаги, на которой вамъ пишу, были бутылки, стояла бочка съ пробками, мощи изувѣчены частію, частію же расхищены. Дмитрію Царевичу отрубили руки и голову. Повторены здѣсь ужасныя сцены Робеспіерова времени. Дѣвочки 10 лѣтъ изнасильничены на улицахъ. У женщинъ, которыя имѣли кольца на рукахъ, обрубали пальцы со словами: „cela va plus vite comme cela!“. Въ Богородскѣ по подозрѣнію, что убиты тамъ пять французовъ, взято пять мѣщанъ, двое разстрѣляны, двое повѣшены за ноги, а пятый погруженъ въ масло, а потомъ сожженъ живой на кострѣ. Огнемъ симъ изверги раскуривали трубки свои, пѣвши пѣсни. Ужасно разсказывать, ярость еще болѣе умножалась отъ злости, что не заключается миръ, и отъ недостатка въ хлѣбѣ и въ шубахъ. Офи

танныхъ доселѣ писемъ Булгакова къ Одеталю. Напечатано оно Н. Ѳ. Дубровинымъ въ извѣстномъ его сборникѣ—Отечественная война въ письмахъ современниковъ (Спб. 1882), подъ № 193, безъ имени автора. Попалось оно, по словамъ Н. Ѳ. Дубровина, въ числѣ перлюстрованныхъ писемъ, чѣмъ и объясняется позднее полученіе этого письма адресатомъ. Письмо это очень интересно, какъ свидѣтельство очевидца о положеніи Москвы почти тотчасъ по оставленіи ея французами. Въ виду этого и для связи съ печатаемыми ниже письмами, позволяемъ себѣ перепечатать это письмо.

церы были убиваемы, а генералы обруганы солдатами французскими, кои никого не слушали, что доказывается прокламаціею самого Наполеона, гдѣ сулитъ жесточайшія наказанія.

Покорность, храбрость, любовь къ отечеству, къ Государю московскихъ крестьянъ спасли Россію. Москва стоитъ Наполеону 25 т. человѣкъ; всѣ козни, коварства злодѣя были тщетны. Россіяне остались непреклонны. Его поморили въ Москвѣ съ голоду, а какъ сталъ посылать въ окружности фуражировать, то изъ 100 человѣкъ возвращалось едва 5 или 10. Есть анекдоты, коихъ грѣшно будетъ не передать потомству. Русскіе, сударь, герои. Гордиться долженъ тотъ Государь, который имѣетъ славу ими владычествовать. Вытѣсненъ злодѣй изъ Москвы не арміею, но бородами московскими и калужскими. Бѣжитъ Наполеонъ; въ двое сутокъ сдѣлалъ онъ съ гвардіею 150 верстъ, но такъ не далеко уйдетъ, мужики бѣгутъ за утомленною его армію—ужасны и хладнокровны мщенія нашихъ крестьянъ, они тиранятъ жертвы свои, ловятъ ихъ сами по дорогѣ или покупаютъ ихъ за послѣднія деньги у казаковъ на мученія. Я, право, сердце имѣю доброе, но не пожалѣю ни объ одномъ. Нарышкинъ, мой пріятель, служащій у графа П. А. Толстого, пріѣхалъ изъ арміи; онъ говоритъ, что французовъ мретъ по 1.000 и 1.500 въ день. У всѣхъ мертвыхъ лошадей вырѣзаны языки и пахи, этимъ только питаются. Бонапарте хотѣлъ увѣрить всѣхъ, что Москва зажигалась по приказанію Ростопчина, что онъ же желалъ порядокъ, тогда какъ варваръ подкапывалъ Кремль и взорвалъ его, отъѣзжая. Богъ показалъ чудо: соборы всѣ уцѣлѣли и Ивановская колокольня устояла, представляя образъ Россіи. Половина арсенала взорвана на воздухъ. Грановитая палата, Императорскій дворецъ сожжены, также взорвана часть стѣны Кремлевской къ Москвѣ-рѣкѣ. Чтобы никому я не повѣрилъ, ежели бы не видѣлъ своими глазами, есть то, что несмотря на страшное сіе потрясеніе, отъ коего почти во всѣхъ домахъ въ Москвѣ полопались стекла и кое слышно было за 40 верстъ, чудотворные образа Спаса на Спасскихъ и Николая Чудотворца на Никольскихъ воротахъ не только остались невредимы, но фонари, предъ ними висѣвшіе, и теперь тамъ и даже стекла, образа покрывавшія, не разбились. Il faut pendre tout incrédule qui ne sera pas converti par ce prodige de la puissance divine. Измѣнниковъ всѣхъ было человѣкъ 40 не болѣе, почти всѣ бродяги, мартинисты или извѣстные якобинцы, яко Ключарева сынъ, нѣкоторые купцы изъ раскольниковъ и тому подобные. Большая часть вытребована Императоромъ въ Петербургъ. Они составляли муниципалитетъ Наполеона и имѣли для отличія перевязи бѣлыя и красныя ленты.

Графъ съ сими лестными знаками отличія заставилъ ихъ сгребать подъ карауломъ снѣгъ на улицахъ впредь до повелѣнія. Бѣдный графъ очень огорченъ несчастіемъ Москвы. Грѣшно будетъ Императору не сыпать деньгами, чтобы возстановить свой вѣрный первопрестольный градъ. Неужели будетъ сказано, что пришелъ кровопійца Наполеонъ и уничтожилъ въ мѣсяцъ столицу, столько вѣковъ процвѣтавшую? Какъ скоро присутственныя мѣста возстановятся, а они только разграблены, то народъ валить станетъ со всѣхъ сторонъ. Почта возстановлена со вчерашняго дня. Пишите мнѣ по-прежнему, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ. Умныя ваши и любопытныя письма крайне будутъ меня радовать, адресуйте на имя графское, съ коимъ я живу. Получили ли вы письма мои отъ 23-го сентября и 11 октября изъ деревни графа Воронцова? О васъ давно не знаю я ничего. Августинъ во Владимірѣ и будетъ сюда для освященія вновь оскверненныхъ храмовъ Божіихъ.

77.

Ноября 12. 1812 г., вторникъ.

Я не ошибся, когда полагалъ, что дорогой мой Александръ Яковлевичъ долженъ былъ вмѣстѣ съ великимъ мужемъ прибыть въ оскверненную врагомъ, разоренную имъ, но какъ и прежде святую Москву, что онъ не могъ въ заботливости моей о немъ меня о томъ не увѣдомить. Посланіе его отъ 20-го октября, которымъ возвѣстилъ мнѣ столько лютостей Бонапартовыхъ, и которое заставило меня пролить столько слезъ, дошло однако же до рукъ моихъ поздно, и именно 8-го числа ввечеру. Вскорѣ для возобновленія Москвы, для вспомоществованія разореннымъ россіянамъ откроетъ милосердый Государь обильный источникъ щедротъ своихъ. Здѣсь учрежденъ на сей конецъ комитетъ, о которомъ, кажется, я писалъ вамъ и коего положеніе вѣрно сообщено уже графу оффиціально. Нигдѣ извергъ того не дѣлалъ, что къ содроганію позднѣйшихъ потомствъ произвелъ онъ въ Россіи, а наипаче въ вѣрной непоколебимой Москвѣ. По сему масштабу злодѣйствъ его измѣрить можно приверженность россійскаго народа къ государямъ его. Чѣмъ болѣе находило чудовище это непреклонности въ какомъ городѣ, тѣмъ больше изрыгало оно на него погибель. Москвѣ, послѣ безпрепятственной отдачи, нельзя было не превзойти прочіе города въ таковыхъ несчастіяхъ, и больно помыслить, что этого ни предвидѣть, ни отвратить не хотѣли. Что за оговорка, что за оправданіе въ томъ, чего никогда быть не могло. Отсѣченіе рукъ или ногъ не есть еще отнятіе жизни; но каково же состояніе че-

ловѣка, у котораго нѣтъ лучшихъ, нужнѣйшихъ сихъ членовъ. Могъ-ли обезумѣвшій отъ счастья и киченія покорить все царство, когда въ двухъ коренныхъ губерніяхъ нашелъ преграду всѣмъ своимъ замысламъ? Не о томъ спрашивалось. Удивительно, что отвѣтъ сдѣланъ прежде, нежели вопросъ могъ придти кому-либо въ умъ. Надлежало спасать отъ разоренія, а не отъ порабощенія, котораго ни въ какомъ отношеніи не представлялось въ землѣ толь обширной, въ народѣ толь твердомъ въ вѣрѣ, въ привязанности къ отчизнѣ, въ повиновеніи къ Государю, въ народѣ, смѣю сказать, закоснѣломъ въ обычаяхъ, который гнушался просвѣщеніемъ, дабы токмо жить и поступать точно такъ, какъ дѣлали то его предки. Въ глазахъ его всякій иноземецъ, хоть бы онъ съ неба звѣзды хваталъ, казался басурманомъ, человѣкомъ презрѣннымъ.

Тутъ нечего было опасаться порабощенія. Но ежели, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣры, страшились какой-нибудь внутренней тревоги, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы не впускать врага въ сердце государства; ибо онъ обольщеніями могъ бы воспользоваться расположеніемъ къ мятежу. Возблагодаримъ Бога!

Опытомъ удостовѣрились нынѣ, къ сожалѣнію однако жъ, что трудолюбивый народъ нашъ въ довольствіи своемъ не гоняется ни за какими химерами. Я разумѣю большинство. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода. Есть дурные крестьяне, есть дурные и помѣщики, но они не могутъ въ общей массѣ никакого составить перевѣса. И тѣмъ, и другимъ достанется награда, отъ которой станутъ кричать: ой, не будемъ!—Графъ проникалъ духъ россійскаго народа совершенно. Его посланія—лучшія тому доказательства. Надлежитъ сожалѣть, что онъ не могъ давнѣе и уполномоченнѣе имѣть вліянія не на Московскую губернію, а на всю Россію въ товариществѣ съ другими бездѣйствующими патріотами. Желаю, чтобы онъ ими хотя нынѣ былъ подпертъ. Прошедшій разъ писалъ я вамъ, что кромѣ истребленія въ преслѣдованіи гр. Витгенштейнъ одержалъ побѣду. Оно такъ и есть, но не такую, какъ съ перваго пылу увеличили. Онъ отразилъ при Чашникахъ одного Виктора въ большихъ силахъ, какъ вы то увидите изъ реляціи, которую, вѣрно, увидите у графа. Молебствія не было за сію побѣду, а по случаю манифеста, 3-го ноября изданнаго, въ Казанскомъ соборѣ были всѣ состоянія, безъ Императорскаго Дома однако жъ, и тамъ читанъ былъ помянутый манифестъ.

Чтобъ дать вамъ лучшее понятіе о нашемъ сѣверномъ героѣ, прилагаю мѣста изъ полученнаго мною вчерашняго дня письма отъ того самаго Гласки, котораго копію съ письма въ іюлѣ мѣсяцѣ я вамъ выслалъ о разореніи Полоцка. Онъ—статской службы, коллеж-

скій ассессоръ, родственникъ по женѣ графа Витгенштейна со времени 5-ти или 6-ти мѣсяцевъ. Пріѣхалъ къ нему въ армію 5-го октября для свиданія по сосѣдству изъ деревни своей. Герой собирался идти въ то самое время брать Полоцкъ. Гласко приступилъ къ нему съ просьбою о несчастномъ отцѣ своемъ, который бѣдствовалъ въ Полоцкѣ у французовъ. „Такъ ступай съ нами, отвѣчалъ ему графъ, и отца выручать и намъ помогать. Такихъ живыхъ и проворныхъ молодцовъ намъ надобно больше. Allons je ne vous laisse plus". Закричалъ: „Готовую казацкую лошадь! Montez là-dessus, et soyez mon aide-de-camp". Гласкѣ нечего было дѣлать. Онъ поѣхалъ брать Полоцкъ и выручать отца. Какъ это происходило, вы увидите изъ копіи [1]).

Не удивляйтесь теперь, что онъ взялъ отпускъ, и что онъ колеблется между Витгенштейномъ и отцомъ своимъ. Графъ представилъ его къ аннинскому кресту. Онъ—смѣльчакъ большой руки, знаетъ всѣ мѣста въ Бѣлоруссіи: посему оказалъ графу большія услуги, представилъ въ шпіоны кучу знакомыхъ евреевъ, которые теперь вездѣ ныряютъ.

Меня опять увѣряютъ, что Государь изволитъ напередъ ѣхать къ вамъ, а потомъ въ армію. Великій Князь уже въ четвертокъ 7-го числа ускакалъ къ свѣт. Кутузову. Государь остановленъ, сказываютъ, отъ помянутаго вояжа какими-то чрезвычайными извѣстіями изъ армій и изъ Парижа, хочетъ напередъ принести здѣсь благодареніе за новыя побѣды Господу Богу и выждать дальнѣйшихъ послѣдствій открывшагося въ Парижѣ мятежа, гдѣ будто бы Савари повѣшенъ, правительство настоящее испровергнуто, сама императрица принуждена оттуда спасаться въ Вѣну. Все, по заключенію моему въ комнатѣ, слышалъ весьма глухо и сбивчиво, но есть дѣйствительно что-то весьма важное, для насъ чрезвычайно радостное. Большая наша армія, какъ мнѣ трое посѣтителей говорили, заставила 12 тысячъ непріятеля положить ружье. Хоть больше, тѣмъ лучше, лишь бы не провралось, хоть меньше да правда, такъ и то хорошо. Я уже извѣрился. Всякій день слышу столько успѣховъ нашихъ, что у Бонапарте и войска не станетъ, чтобы брать столько поминутно въ плѣнъ и истреблять на каждомъ шагу такую бездну.

Велика милость Господня, что и по-маленьку ихъ истребляемъ и приводимъ въ такое ослабленіе, что принуждены будутъ наконецъ или сдаться, или погибнуть. Они огрызаются, какъ голодные волки. Ежели сдаются, такъ соглашаются и имущество при ихъ оставлять.

---

[1]) Копіи при письмѣ не оказалось.

Надобно, чтобъ радовались ихъ покорству и, можетъ быть, еще фальшивому, когда своего, ими, мошенниками, награбленнаго добраго не отнимаютъ.

Вотъ эдакія-то статьи меня иногда въ реляціяхъ пріостанавливаютъ подумать объ образѣ преслѣдованія и состоянія непріятеля!

Чернышевъ флигель-адъютантъ отбилъ на партизанской примѣрной экспедиціи Винценгероде, Свѣчина и Нарышкина. Всѣ они уже здѣсь. Алек. Львовичъ выѣзжалъ сыну навстрѣчу въ Гатчину и надѣлалъ пропасть факсовъ какъ на дорогѣ, такъ и здѣсь въ городѣ. Онъ всѣхъ встрѣчныхъ и знакомыхъ, и незнакомыхъ, цѣлуетъ и заставляетъ себя поздравлять съ радостію, отъ которой, говоритъ, задыхается. Государь, по полученіи донесенія отъ графа Витгенштейна объ освобожденіи означенныхъ плѣнныхъ, послалъ къ Алек. Львовичу тотчасъ гофъ-фурьера возвѣстить ему пріѣздъ сына его и съ тѣмъ его поздравить. Это было по-утру. Онъ еще чесался, и токмо до половины головы былъ напудренъ. Въ семъ видѣ и поскакалъ повергнуться къ Монаршимъ стопамъ.

78.

Ноября 15, 1812 г. Пятница.

Плаваю въ восхитительномъ упоеніи. Слишкомъ 20 тысячъ въ двухъ корпусахъ Даву и Нея 5-го и 6-го чиселъ положили ружье послѣ тщетнаго усилія пробиться сквозь наши войска: 97 пушекъ, 3 знамени, маршала Даву жезлъ, обозы и казна достались намъ въ руки. Это побѣда надъ побѣдами! Едва-ли спасутся разбитые маршалы. Они кинулись въ лѣсъ и скачутъ, куда глаза глядятъ. Одинъ изъ нихъ раненъ. Ихъ преслѣдуютъ съ разсѣянными остатками. Таковое пораженіе происходило у Краснаго отъ распоряженія Милорадовича. Самъ Наполеонъ 5-го числа былъ на побоищѣ, и какъ увидѣлъ, что нѣтъ возможности одолѣть нашихъ героевъ, то пустился со своею челядью на попятный дворъ. Смоленскъ непріятелемъ очищенъ и занятъ нашими. И тамъ подорваны по пустякамъ сдѣланныя укрѣпленія. Въ 7 верстахъ отъ города нашли мы 112 оставленныхъ непріятелемъ пушекъ. Можно себѣ представить, какъ торопился онъ унести свои ноги. Гр. Платовъ скачетъ за Смоленскомъ въ догонку за новыми корпусами и кричитъ: „ура!“ Видно, ихъ догоняетъ. Немного же осталось теперь у Наполеона клочковъ отъ великой его арміи! Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ скорѣе истребили Понятовскаго корпусъ. Его бережетъ злодѣй, чтобъ привести въ Польшу для новаго набора. Поляковъ же надобно хорошенько проучить за неистовства, которыя дѣлали они въ Москвѣ.

Генералъ-адъютантъ Кутузовъ поспѣлъ уже со своимъ отрядомъ въ Бабиновичи и взялъ вдобавокъ къ тѣмъ генераламъ, которые достались намъ подъ Краснымъ, еще двухъ, оттуда же спасавшихся съ 400 рядовыхъ. Много же у насъ накопилось теперь Бонапартовыхъ генераловъ, пропасть штабъ- и оберъ-офицеровъ, а рядовыхъ мудрено и сосчитать. Ихъ наберется за 60 тысячъ. А какъ подумаешь о пушкахъ, такъ ротъ разинешь. Слишкомъ 500. Помилосердуйте! Вѣдь послѣ этого надъ французами будутъ и куры смѣяться. На этакую гибель, на этакій срамъ привелъ ихъ непобѣдимый полководецъ въ Россію!

Я бесѣдовалъ съ вами доселѣ о томъ, что читалъ въ печатныхъ реляціяхъ и за что уже въ среду принесено благодареніе Богу въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи Государя и всей его Высочайшей Фамиліи, съ пушечною пальбою, какъ то и слѣдуетъ. Но теперь, увѣряютъ меня, есть новыя донесенія, по которымъ взятъ вице-король Евгеній и истреблены послѣдніе остатки его корпуса, что въ числѣ обоза найденъ весь гардеробъ Наполеоновъ и что онъ сюда присланъ вмѣстѣ съ захваченнымъ камердинеромъ. Множество найдено также червонцевъ во взятыхъ подъ Краснымъ фурахъ и нашихъ драгоцѣнныхъ церковныхъ утварей.

Всѣ наши три арміи открыли уже между собою связи и могутъ стремительнѣе дѣйствовать на вражеское пораженіе. Магдональдъ, сказываютъ, долженъ былъ уйти изъ Курляндіи отъ злости прусскихъ войскъ, которыя были подъ его командою. Ожидаютъ подтвержденія. О революціи во Франціи не перестаютъ говорить съ разными дополненіями. Будто бы вновь избранный король есть герцогъ Ангулемскій, женатый на дочери Людовика XVI-го, что императрица Луиза не взяла съ собою въ Вѣну короля Римскаго, а требовала настоящей своей дочери Анны, которая подмѣнена; что Наполеонъ объявленъ похитителемъ престола Бурбонскаго, и что Талейранъ всю сію революцію по просьбѣ націи произвелъ въ дѣйство весьма покойно.

Въ Вѣну во вторникъ ввечеру посланъ курьеромъ Бутеневъ съ извѣстіемъ о послѣднихъ побѣдахъ. Надѣются весьма скоро видѣть здѣсь австрійскаго посла. Что-то скажетъ Бернадотъ послѣ такой катастрофы для его бывшаго повелителя? Онъ игралъ доселѣ мудреную роль. Не добьются ли развѣ теперь толку. Лордъ Каткартъ досадуетъ, что курьеръ его съ толь важными извѣстіями долженъ объѣзжать чрезъ Швецію. Этого вѣстника повезетъ англійскій народъ на себѣ. Будетъ въ Лондонѣ великое торжество, et cela au moins trois jours de suite, прибавилъ Каткартъ, говоря, какъ

курьеръ его будетъ встрѣченъ и какое ощущеніе произведетъ пораженіе Наполеоново въ Англіи и Гишпаніи.

Винценгероде съ Львомъ Нарышкинымъ много разсказываютъ любопытнаго. Когда ихъ представили подъ Москвою Наполеону, то отъ Винценгероде отворотился онъ съ презрѣніемъ, а Нарышкину, узнавъ, что онъ сынъ того славнаго Н., о которомъ ему duc de Vicence столько наговорилъ хорошаго, потрепалъ плечо и сказалъ: „j'aurai soin de vous, comme m-r votre père. Rien ne doit vous manquer". Тутъ появился Коленкуръ съ распростертыми объятіями и сожалѣлъ о его участи: „mais je vous prie de ne pas vous chagriner, mon cher, ma bourse est en votre disposition". Винценгерода хотѣлъ Наполеонъ тотчасъ разстрѣлять, но Бертье отвелъ тѣмъ, что совѣтовалъ отослать его для поступленія съ нимъ по законамъ въ Вестфальское королевство, откуда онъ родомъ. Ихъ избавили казаки страннымъ образомъ подъ Вильною, когда оборвались тяжи у ихъ повозки, и они стояли на мѣстѣ. Избавитель ихъ Чернышевъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ.

Еще новый открылся комитетъ по части финансовъ подъ предсѣдательствомъ графа Виктора Павловича Кочубея въ товариществѣ съ Вас. Ст. Поповымъ и Гурьевымъ. Производителемъ дѣлъ будетъ иностранецъ, гр. Ниверноа, который подалъ новые прожекты о финансахъ, препорученные разсмотрѣнію сего комитета.

79.

Ноября 19. 1812 г. вторникъ.

Съ мнѣніемъ вашимъ касательно возстановленія Москвы нельзя не согласиться. Кажется, по оному и будетъ все сбываться. Мнѣ сказывали, что назначено выпустить 100 милліоновъ. На долю столицы будто бы ассигновано на первый случай 8 милліоновъ. Въ разсужденіи распоряженій положатся на графа, и какія мѣры будутъ имъ представлены, должны онѣ удостоиться Высочайшаго утвержденія.

Мало же осталось у васъ домовъ, однако жъ, гораздо больше, нежели, какъ здѣсь за двѣ недѣли говорили, и именно всего съ небольшимъ 700.

Незабвеннаго для Россія мужа могутъ токмо обвинять скареды, а за ними безразсудные. Знаютъ ли эти клеветники, что бы безъ графа произошло въ Москвѣ до вступленія еще туда непріятеля? Не умѣй онъ довѣріемъ, которое снискалъ въ толь короткое время, обуздать общаго негодованія, то, упаси Боже! какая бы пошла ломка. Вотъ безсмертная его заслуга. За дѣйствіе же армій онъ отвѣ-

чать не можетъ, и отъ него одного съ дружиною защищеніе города не зависѣло противъ такого ополченія, отъ котораго уклонилось болѣе ста тыс. рег. войска. Я вамъ скажу, чему я свидѣтель, и что изъ другихъ сторонъ отечества нашего подтверждается полученными мною письмами отъ людей достойныхъ. Исключая малаго числа негодяевъ, никто безъ благоговѣнія имя графское не произноситъ. Онъ и графъ Витгенштейнъ сдѣлались предметами обожанія россіянъ. Пострадавшіе даже въ Москвѣ отъ злодѣя съ восхищеніемъ о великомъ духѣ его отзываются. Мѣръ его осуждать никакъ не можно, развѣ захотятъ только взять сторону смердящихъ бюллетеней, которые я всѣ читалъ. Они—лучшій монументъ графскихъ доблестей. Я увѣренъ, что самъ графъ, ежели еще не читалъ ихъ, то будетъ читать со смѣхомъ, наипаче же поддѣланную прокламацію его къ московскимъ французамъ, когда отправлялъ ихъ въ Азію въ какой-то Хароновой баркѣ. Круто насолилъ извергу патріотъ нашъ въ своихъ посланіяхъ!

Меня увѣряютъ, что изъ Вѣны пріѣхалъ австрійскій курьеръ съ дружественными депешами. Наполеона со всѣми остальными его войсками загоняютъ у Толочина въ трущобу. Чичаговъ нажимаетъ на него спереди, гонитъ и истребляетъ кинувшіяся къ нему на помощь войска. Изъ нихъ взялъ уже онъ 11 тысячъ въ плѣнъ, отбилъ 24 пушки, знамена и обозы. Авангардъ Чичагова 9 числа миновалъ Борисовъ и по пятамъ преслѣдуетъ Домбровскаго. Гр. Витгенштейнъ съ праваго фланга идетъ также къ Толочину и поражаетъ на походѣ ретирующихся Виктора и Удино, у которыхъ взялъ въ одинъ день 800 плѣнныхъ. Гр. Платовъ и ген. Милорадовичъ впереди нашей глав. арміи достигаютъ отъ Орши къ Толочину большую французскую армію, которая спѣшитъ соединиться съ корпусами, кои преслѣдуются Чичаговымъ и гр. Витгенштейномъ. Свѣтлѣйшій тянется сзади и часть войскъ засылаетъ на лѣвый флангъ непріятельскій, дабы онъ ни въ которую сторону не могъ прорваться. Около Толочина надѣются кончить дѣло со врагомъ. По вступленіи въ Оршу нашли 27 пушекъ и лазаретъ съ 50 офицерами. Магдональдъ изъ Курляндіи ретируется на соединеніе съ Наполеономъ. Онъ опоздаетъ. Его преслѣдуетъ отъ Риги маркизъ Паулуччи. Вотъ состояніе военныхъ дѣлъ по читаннымъ мною реляціямъ. Сверхъ того увѣряютъ, что главная армія наша заставила еще 18 тысячъ непріятеля близъ Толочина положить ружье. Ожидаю ежеминутно реляціи, которая, сказываютъ, сдана въ типографію еще ночью.

P. S. Узнаю теперь, что свѣтлѣйшій Кутузовъ именованъ Смоленскимъ.

Французская труппа, говорятъ, вся увольняется наконецъ. Жалованье, которое ей производилось изъ дополнительной кабинетской суммы, обращено будетъ на пособіе разореннымъ французами.

Здѣшнее купечество собрало уже 300 тыс. рублей, изъ коихъ одну половину поднесетъ графу Витгенштейну, а другую его корпусу.

Второй часъ по полудни, а новой печатной реляціи еще не выходило.

80.

Ноября 22. 1812 г. пятница.

Все, что вы мнѣ говорите, несравненный Александръ Яковлевичъ, въ послѣднемъ посланіи есть точно и мое мнѣніе. Вы найдете его по клочкамъ въ разныхъ моихъ экспедиціяхъ. Когда мнѣ сдѣлалось въ началѣ сентября лучше, для личнаго объясненія хотѣлъ самъ тащиться къ вамъ. Несчастное происшествіе было тому помѣхою. Торжество недостойныхъ должно, какъ я думаю, скоро кончиться. Ежели токмо прибудетъ сюда извѣстная особа [1]) изъ Ярославля, то представитъ вещи въ истинномъ ихъ видѣ. Да почіетъ во благихъ пр. Платонъ! Онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть отечество свое избавляющимся, разставаясь съ временною жизнію.

Печатная реляція, вышедшая вчерашній день, возвѣстила намъ новую побѣду, одержанную гр. Витгенштейномъ надъ Викторомъ и Удино 14-го числа близъ рѣки Березиной. Оба сіи маршала составляли арьергардъ Наполеоновыхъ остальныхъ войскъ. Самъ злодѣй, направляющійся къ Вильнѣ, будетъ встрѣченъ корпусомъ Чичагова. Герой взялъ болѣе 10-ти тысячъ въ плѣнъ, изъ коихъ до 8 т. положили послѣ тщетнаго сопротивленія ружье. 4 пушки, знамена и штандартъ съ обозами достались намъ того дня въ добычу. Между плѣнными нѣсколько генераловъ и множество офицеровъ. Большая наша армія идетъ сзади за непріятелемъ. Вся Бѣлоруссія уже очищена. Рѣшительное побоище должно произойти въ Минской губерніи.

Говорятъ, что кн. Ипсиланти пріѣхалъ съ извѣстіемъ о взятіи еще 20-ти тысячъ въ плѣнъ, которые также положили ружье. Отбитъ будто бы большой ящикъ съ алмазными вещами въ обозѣ Наполеоновомъ нашими партизанами. Все это требуетъ подтвержденія. Кажется, мудрено спастись извергу, но кто знаетъ, какія изыщетъ онъ средства, чтобы избѣжать неминуемой гибели. Въ нынѣшнее развратное время деньги сдѣлались надежнѣйшею салва-гвардіею.

---

[1]) Великая Княгиня Екатерина Павловна.

О князѣ Александрѣ Борисовичѣ Куракинѣ есть достовѣрныя извѣстія, что онъ, пробывъ почти цѣлое лѣто и часть осени въ Гамбургѣ, поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и теперь долженъ еще находиться.

Изъ „Сѣв. Почты“ узнаете вы дальнѣйшее о парижскомъ заговорѣ.

P. S. Барклай-де-Толли изъ Новгорода прямо проѣхалъ въ Лифляндскіе свои гаки.

81.

Ноября 26. 1812 г.

Графъ Витгенштейнъ, что могъ, то и сдѣлалъ. Онъ дрался цѣлый день съ Наполеономъ 16-го числа у Студенца, сбилъ его съ мѣста, преслѣдовалъ, взялъ 1 пушку и 1.500 плѣнныхъ. 17-го опять напалъ на него, когда онъ переправлялся чрезъ рѣку Березину. 12 пушекъ, 1 знамя, огромный обозъ съ московскими сокровищами и множество плѣнныхъ успѣлъ еще онъ захватить на сей сторонѣ, потопилъ также довольно пушекъ и въ рѣкѣ. За сожженіемъ моста остановился онъ въ преслѣдованіи, доколѣ не наведетъ понтоновъ, присланныхъ уже ему отъ адмирала Чичагова. На той сторонѣ надѣялся онъ дѣйствовать вмѣстѣ съ адмираломъ и гр. Платовымъ. О дальнѣйшихъ успѣхахъ должны ожидать новыхъ донесеній, кои, какъ мнѣ сказывали, и привезъ уже генералъ Сабанѣевъ. Кажется, злодѣй прорвался къ Вильнѣ. Больно о семъ и помыслить, еще прискорбнѣе читать тому въ реляціи подтвержденіе.

24-го праздновали въ церкви Зимняго дворца благодарственнымъ молебствіемъ побѣды надъ персіянами съ пушечною пальбою и освѣщеніемъ ввечеру всего города. Генералу Ртищеву посланъ 1-й степени Анны и разные ордена другимъ генераламъ и офицерамъ, отличившимся противъ персіянъ. Графу Витгенштейну за пораженіе Наполеона пожаловано 50 тысячъ рублей.

Не взыщите на больномъ за краткость. Богъ дастъ, такъ съ будущею намараю больше.

На побѣду гр. Витгенштейна надъ корпусомъ Виктора:

Wer dieses Bülletin gelesen,
Dem ist es ja wohl klar,
Dass Victor victus, hier gewesen,
Und Wittgenstein hier Victor war.

Градеръ.

На возведеніе маршала Нея Наполеономъ на степень Можайскаго принца:

Французскій маршалъ Ней
Можайскимъ принцемъ возвеличенъ:
Всегда Можайскъ и былъ отличенъ
Породою свиней.

Сейчасъ мнѣ прислали эти стишки. Коротки, такъ хотѣлось и вамъ ихъ сообщить, хоть ради смѣху.

82.

Ноября 29. 1812. Пятница.

Изъ Чичаговой реляціи въ прилагаемой газетѣ вы увидите, какъ онъ постарался преградить на послѣдней заставѣ путь бѣгущему непріятелю. Сказываютъ, что свѣтлѣйшій послѣ сего донесенія тотчасъ самъ поскакалъ въ адмиральскую армію, а главную армію поручилъ на время Беннигсену. Меня увѣряютъ, что отъ него уже пріѣхалъ генералъ-адъютантъ кн. Волконскій съ краткимъ донесеніемъ о прибытіи его въ Чичаговскую армію. Онъ надѣялся еще до Вилейки перерѣзать дорогу Наполеону. Между тѣмъ есть реляціи отъ гр. Витгенштейта отъ 22 числа, которую я вчера читалъ. Онъ, преслѣдуя непріятеля за рѣкою Березиною, взялъ 13 тысячъ въ плѣнъ, 7 тысячъ побилъ, завоевалъ, а не нашелъ на дорогѣ нѣсколько пушекъ и одного орла. Съ Чичаговымъ идетъ онъ разными дорогами, дабы не стѣсняться и быстрѣе дѣйствовать на пораженіе врага, котораго настигаетъ онъ справа, а Чичаговъ слѣва. Магдональдъ спускается на соединеніе къ Наполеону, но гр. Витгенштейнъ взялъ мѣры не допускать того до Вилейки. Хоть уйдетъ Бонапартъ самъ, однако жъ изъ 500 тысячъ войска, противъ Россіи приведеннаго, едва-ли уцѣлѣетъ 50 тысячъ. Однихъ плѣнныхъ у насъ до 200 тыс., а побито, умерло отъ ранъ, голода и стужи вѣрно не менѣе 250 тыс. съ открытія кампаніи. Сей счетъ сдѣланъ по донесеніямъ, которыя простираются до 20-го ноября, у гр. Аракчеева. Ошибся же людоѣдъ, полагая расходъ по 30 тыс. на мѣсяцъ. Il a dépensé depuis le mois de juin plus de 70 m. par mois. Чѣмъ разнится такое чудовище отъ посылаемыхъ Провидѣніемъ во гнѣвѣ на родъ человѣческій чумы, голода и другихъ гибелей? Наполеонъ всѣ сіи язвы превосходитъ въ яростяхъ своихъ.—Подлинно, какъ вы пишете, любопытно будетъ читать тѣ бюллетени, которые выдастъ онъ по прибытіи въ герцогство Варшавское. Въ отдаленіи онъ лгалъ, какъ хотѣлъ, а теперь на-

добно же будетъ сказать, куда дѣвалась несмѣтная сила его. Ничего не можетъ быть нелѣпѣе причинъ, предъявленныхъ имъ въ разсужденіи оставленія Москвы. Ихъ бы слѣдовало безъ всякихъ примѣчаній перевести на русскій языкъ и напечатать. Вы должны имѣть всѣ сіи безстыдныя сплетенія, поелику они сполна препровождаются къ графу.

Изъ отставленной французской труппы 16 человѣкъ или семействъ сохранили полное свое жалованье пенсіономъ съ тѣмъ токмо условіемъ, чтобъ эти деньги проживали они въ Россіи. Это можетъ годиться въ сравненіе съ тѣмъ, что вы писали объ угощеніяхъ извѣстной дамы въ Нижнемъ Новгородѣ.

По городу говорятъ другую недѣлю, что фран. суфлеръ хотѣлъ изъ Казанскаго собора похитить жезлъ маршала Даву. Такъ какъ толки о семъ весьма различны, то я и не вдаюсь въ описаніе оныхъ и не ручаюсь за достовѣрность, однако жъ, думаю, что было какое-нибудь похожее приключеніе съ тѣмъ жезломъ. Онъ лежитъ по-прежнему на своемъ мѣстѣ.

Вашимъ сенаторамъ поручено произвести слѣдствіе надъ членами муниципалитета. Таковые были присланный и сюда изъ Витебска графомъ Витгенштейномъ. Они всѣ уже отпущены и должностные сохранили даже и мѣста свои. Кажется, что на этотъ разъ дѣйствуетъ какой-то никому изъ насъ не извѣстный кодексъ. Были извѣстія въ партикулярныхъ письмахъ отъ почтенныхъ людей изъ арміи, что Понятовскій, Константинъ Чарторыжскій, Сапѣга и другіе знатнѣйшіе поляки захвачены, но вотъ уже третьею послѣ того выходящею реляціею не дѣлается тому подтвержденія.

С. О. Долговъ.

Къ дѣлу Мировича.

Въ астраханскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько данныхъ, относящихся къ дѣлу извѣстнаго „бунтовщика и измѣнника, злодѣя“ Мировича, правда, не важныхъ, однако могущихъ подъ-часъ пригодиться историку при описаніи этого интереснаго событія.

Оказывается, что въ числѣ сообщниковъ „измѣнника“ находилось большинство нижнихъ чиновъ Смоленскаго пѣхотнаго полка, квартировавшаго въ Шлиссельбургѣ. Указомъ военной коллегіи на имя астраханскаго губернатора Бекетова, отъ 24 сентября 1764 года, пятеро изъ нихъ: капралы Андрей Кореневъ, Николай Осиповъ и Абакумъ Мироновъ и солдаты Матвѣй Басовъ и Козьма Дитятевъ были приговорены, „по учиненіи сквозь шпицрутенъ наказанія“, къ ссылкѣ въ Астрахань „въ городскую работу вѣчно“. Согласно распоряженія (30 сентября) генералъ-поручика фонъ-Веймарка, ихъ исключили, 15 ноября, изъ списковъ полка и въ казенной солдатской одеждѣ отправили по назначенію. Однако командиръ полка, полковникъ Александръ Римскій-Корсаковъ просилъ астраханскаго губернатора, по прибытіи ихъ туда, отобрать у нихъ военныя вещи и костюмы и, „при первой оказіи“, переслать въ полкъ.

Преступниковъ везли медленно чрезъ Москву, Нижній Новгородъ, Симбирскъ на Саратовъ. Послѣдній путь отъ Нижняго совершили они на судахъ подъ присмотромъ случавшихся военныхъ оказій.

Путь былъ долгій и утомительный! Прибыли они въ Астрахань, спустя восемь мѣсяцевъ, 23 августа 1765 года, и въ тотъ же день

были переданы въ „вѣдомство гауптвахтъ“ для содержанія подъ крѣпкимъ карауломъ скованными. Черезъ день ихъ вытребовали въ инженерную команду, гдѣ опредѣлили въ крѣпостную работу, лишили тутъ воинскаго званія и сняли съ нихъ принадлежащую Смоленскому полку военную одежду.

Что сталось съ ними, къ сожалѣнію, свѣдѣній въ тамошнемъ архивѣ не сохранилось.

П. Юдинъ.

Изъ бумагъ архіепископа воронежскаго Парѳенія, относящихся къ 1812 году.

Въ архивѣ Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго Комитета хранится нѣсколько бумагъ, относящихся къ жизни архіепископа воронежскаго Парѳенія (умершаго въ 1853 году).

Какъ уроженецъ г. Москвы, архіепископъ Парѳеній (Чертковъ) обучался въ Московской академіи, по окончаніи курса которой проходилъ тамъ же должность учителя и префекта. Первые годы его службы въ Москвѣ совпали съ 1812 годомъ; въ это именно время онъ былъ настоятелемъ Московскаго Крестовоздвиженскаго монастыря и префектомъ тогдашней „Славяно-греко-латинской академіи“. Въ 1817 году, когда архіепископъ Парѳеній былъ архимандритомъ Московскаго Заиконоспасскаго „училищнаго“ монастыря, ему поручено было собрать свѣдѣнія касательно того, въ какомъ видѣ были вышепоименованные два монастыря и академія въ 1812 году. Эту задачу архіепископъ Парѳеній выполнилъ, собравъ нужныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ и изъ своихъ личныхъ воспоминаній. Собранныя свѣдѣнія были представлены въ двухъ экземплярахъ „къ Его Высокопреосвященству Августину, архіепископу Дмитровскому и управляющему Московской митрополіей, декабря 4 дня 1817 года“. Черновикъ же этихъ свѣдѣній остался у собирателя-архіепископа Парѳенія, отъ котораго перешли затѣмъ къ архимандриту Геронтію, автору многихъ брошюръ съ описаніемъ монастырей Воронежской и Московской епархій. Архимандритъ же Геронтій передалъ эти свѣдѣнія въ архивъ Воронежскаго комитета чрезъ мѣстнаго историка Н. И. Поликарпова. Изъ даннаго источника мы и заимствуемъ нижеприведенное сообщеніе.

Съ 29 августа настоятель Крестовоздвиженскаго монастыря архимандритъ Парѳеній съ казначеемъ и братіею началъ собираться къ отъѣзду и перваго сентября въ три часа по полуночи уѣхалъ, по назначенію начальства, въ Вологду. Съ собой онъ взялъ монастырскую казну, много церковной утвари и богослужебныхъ книгъ. Лучшая же церковная утварь была положена въ сундукъ, который и поставленъ былъ подъ полъ верхней церкви въ придѣлѣ „Василія Парисскаго“; другія же вещи были скрыты надъ алтаремъ нижней Успенской церкви, куда велъ тайный проходъ, и гдѣ для клажи было особенное мѣсто. Но монастырь не былъ оставленъ всѣми: при немъ осталось нѣсколько монаховъ, которыхъ, впрочемъ, ждало одно лишь горе. Такъ, іеромонахи Иліодоръ и Іона, когда непріятель вступилъ въ Москву, прожили въ монастырѣ три недѣли; скоро отъ страха, несносныхъ побоевъ и голода они удалились изъ монастыря. Но на дорогѣ они были схвачены французами и возвращены въ Москву; здѣсь жестокими побоями они принуждены были носить тяжелыя ноши. Впрочемъ, имъ удалось укрыться отъ такихъ истязаній непріятеля въ подмосковныя селенія.

При вступленіи непріятеля въ Москву, штатные монастырскіе служители засыпали монастырскія ворота землею аршина на два. Непріятель подошелъ къ монастырю и отбилъ ворота, жестоко наказавъ служителей за ихъ сооруженіе. Позванъ былъ послушникъ Григорій, у котораго хранились ключи отъ церковныхъ дверей; послушникъ ключей не давалъ, говоря, что ихъ у него нѣтъ. Тогда непріятель бревнами отбилъ двери какъ въ нижней Успенской церкви, такъ и въ верхней Крестовоздвиженской. По вторженіи въ церковь, французы стали взрывать полы. При этомъ они нещадно били іеромонаховъ Иліодора и Іону за то, что они, когда ихъ допрашивали, гдѣ утварь церковная, отвѣчали, что настоятель увезъ съ собою. Взорвавъ полъ, французы нашли спрятанныя вещи. Ограбивъ монастырь, французы не оставили его: они поселились въ немъ. Въ алтаряхъ нижней и верхней церкви они подѣлали для себя спальни и поставили кровати, вокругъ которыхъ изъ отысканныхъ ризъ сдѣлали завѣсы; въ иконостасахъ были вбиты гвозди для вѣшанія конской сбруи и оружія. Весь монастырь былъ уставленъ фурами съ провіантомъ; вокругъ церкви и въ самой нижней Успенской церкви стояли лошади. Вводили лошадей и въ верхнюю церковь, но по причинѣ высоты крыльца вывели. Въ нижней церкви придѣлъ Григорія Богослова обращенъ былъ въ кладовую и на царскихъ дверяхъ у Евангелистовъ лики были скованы шпалами, а въ иконы были вбиты гвозди. Въ печкахъ церквей готовили ку-

шаніе и жгли парчевыя ризы для отдѣленія серебра и золота, а нѣкоторые изъ французовъ, одѣвшись въ ризы, производили различныя работы. Питались французы, чѣмъ Богъ пошлетъ: стрѣляли голубей и галокъ, гнѣздившихся подъ крышами, коихъ варили и жарили; рѣзали и лошадей для употребленія въ пищу... Во время пожара, объявшаго пламенемъ Москву, разлившимся подобно огненной рѣкѣ, загорѣлись стропила на паперти около верхней церкви и выгорѣло нѣсколько рѣшетника; огонь былъ потушенъ штатными служителями. Самый храмъ уцѣлѣлъ. Въ верхней церкви иконостасы, иконы, престолы и жертвенники остались отъ огня неприкосновенными. Два раза въ верхней церкви загорался деревянный полъ. Въ нижней церкви престолъ, жертвенникъ и нѣсколько иконъ сожжены непріятелемъ вмѣсто дровъ, хотя на монастырѣ много было длинныхъ сосновыхъ бревенъ. Скоро загорѣлись братскія келіи, отъ которыхъ огонь перешелъ и на церковь Никиты Новгородскаго, что подъ колокольнею; въ этой церкви сгорѣла половина пола, другая же, равно какъ и иконостасъ, безъ всякихъ къ потушенію средствъ, остались отъ огня невредимыми. Отъ взрыва непріятелемъ кремлевскихъ зданій стекла въ верхней церкви всѣ были выбиты.

Вотъ что пережилъ Крестовоздвиженскій монастырь въ историческій 1812 годъ.

Не менѣе печальные дни пережилъ и Заиконоспасскій монастырь. Въ это время настоятелемъ этого монастыря былъ архимандритъ Симеонъ, впослѣдствіи епископъ Тульскій. Онъ тоже вмѣстѣ съ другими перваго сентября въ три часа по полуночи уѣхалъ въ Вологду, взявъ съ собой большую часть церковной утвари и большинство монастырской братіи. Когда французы вступили въ Москву и заняли монастырь, то въ трапезѣ нижней церкви они поставили лошадей, которыхъ вмѣсто ковровъ покрыли ризами, въ алтарѣ помѣстили кровати. Къ монастырскимъ воротамъ и на городовой стѣнѣ былъ поставленъ караулъ. Въ настоятельскихъ покояхъ поселился французскій генералъ; въ казначейской кельѣ жили портные и шили мундиры; въ кухнѣ настоятельской и братской трапезѣ пекли хлѣбъ, который отпускался въ полки. Дровяной сарай наполненъ былъ ржаными снопами; во флигелѣ, гдѣ помѣщались книжныя лавки монастыря, француженка торговала виномъ и съѣстнымъ; постель ея, по замѣчанію очевидцевъ, покрыта была св. плащаницею. Передъ выходомъ своимъ изъ Москвы французы до того нуждались пищею, что ѣли одинъ картофель, а иногда стрѣляли воронъ и галокъ; чиновники, которые прежде ѣли пшеничный хлѣбъ, стали съ большимъ трудомъ добывать и ржаной хлѣбъ.

Вступивъ въ монастырь, непріятель выгналъ изъ монастыря всѣхъ оставшихся тамъ монаховъ. Іеромонахъ Иннокентій и іеродіаконы Вонифатій и Владиміръ ночью укрывались въ пещерахъ городской стѣны, а днемъ уходили на „помородокъ", гдѣ, по увѣренію очевидцевъ, скрывалось русскихъ до 500 человѣкъ. Всѣ были ограблены до наготы. Іеромонахъ Викторъ и послушникъ Иванъ, которые служили при Владимірской церкви, жили въ находящейся за церковью башнѣ, гдѣ укрывались многіе обыватели съ семействами. Всѣ питались соленой рыбой, картофелемъ, но хлѣба не имѣли. Скоро непріятель замѣтилъ ихъ и сталъ посылать ихъ на работу, подвергая ихъ часто жестокимъ побоямъ. Такъ, іеромонахъ Викторъ, изнуренный голодомъ и работой, за то, что не могъ болѣе тащить тяжкой ноши, былъ брошенъ въ Москву-рѣку; переплывъ на другой берегъ, онъ, зарывшись въ песокъ, въ такомъ видѣ и ночевалъ. Іеродіаконъ Вонифатій по своей дряхлости и истощенію силъ отъ голода и непосильной работы отказался носить ноши, за что ему хотѣли отсѣчь голову и бросить въ рѣку; самыя рогожи, которыми онъ прикрывалъ свою наготу, были съ него сняты. Іеродіаконъ Владиміръ сильно былъ израненъ саблями и нагой носилъ тяжести; для большаго поруганія онъ былъ покрытъ св. покровомъ. Также жестоко было поступлено и со штатными служителями монастыря.

Покидая Москву и собираясь взорвать Кремль, французы предупреждали объ этомъ всѣхъ. Когда они ушли изъ Москвы, монастырь остался цѣлъ и невредимъ, хотя и былъ загрязненъ соромъ и всякою всячиною. Академія тоже была покинута: ректоръ, префектъ и монашествующіе уѣхали въ Вологду, а учителя разъѣхались по селамъ, незанятымъ непріятелемъ. Осталось въ академіи не болѣе пяти человѣкъ учениковъ, которыхъ французы употребляли въ качествѣ прислуги, конечно безъ всякой платы—за пищу. Комнаты префекта академіи были заняты маіоромъ и офицерами; въ богословскихъ, философскихъ и другихъ классахъ, также въ учительскихъ покояхъ жили портные и шили мундиры; флигель для казеннокоштныхъ занятъ былъ сапожниками; на полу въ библіотекѣ хранилась капуста.

Особаго вреда французы не причинили академіи, и она пострадала лишь немного отъ взрыва Кремля: зданіе дало значительныя трещины, стекла были выбиты... Такъ отнеслись, все-таки жестоко, французы къ нашимъ святынямъ и къ разсаднику просвѣщенія—Славяно-греко-латинской академіи.

Т. М. Олейниковъ.

Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерѣ „Африка"[1]).

7 апрѣля ушли на Тенедосъ, до 10-го числа стояли въ пріятномъ ожиданіи прихода болгарскаго князя, не имѣя сообщенія съ берегомъ, зато ученья шли безостановочно.

Наконецъ, показалась турецкая яхта подъ штандартомъ князя, у насъ послали матросовъ по реямъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, несмотря на порядочный холодъ, командиръ протестовалъ въ видахъ сохраненія здоровья, но адмиралъ сдѣлалъ по-своему, находя, что „такъ красивѣе". Адмиралъ съѣздилъ на яхту, и князь немедленно отдалъ визитъ, вскорѣ оба корабля снялись съ якоря для слѣдованія въ Яффу, куда мы пришли раньше яхты. Съ берега пришла большая баржа, сообразно условіямъ здѣшняго рейда (здѣсь почти постоянно громадная зыбь съ моря, нашъ крейсеръ чуть не черпалъ бортами стоя на якорѣ). На баржу усадили 8 офицеровъ (по жребію) и 32 нижнихъ чина, съ большимъ трудомъ, надо садиться, когда крейсеръ наклоняется къ баржѣ или вѣрнѣе быстро прыгать, такъ какъ въ слѣдующій моментъ трапъ уйдетъ высоко вверхъ при наклоненіи крейсера на другой бокъ.

На берегу размѣстили по шести человѣкъ въ экипажи—телѣги, запряженныя тройкой лошадей, и въ ночь тронулись въ путь; всѣхъ этихъ неудобныхъ экипажей было около 20 вслѣдствіе многочисленной свиты князя, кромѣ того, нашъ длинный кортежъ былъ еще усиленъ конвоемъ около коляски князя. Мы купили на дорогу настоящихъ яффскихъ апельсинъ—за 1 франкъ, засыпавъ ими все дно нашей телѣги.

---

[1]) См. „Русская Старина", октябрь 1912 г.

Всю ночь ѣхали по скверной дорогѣ, продрогли безъ пальто (днемъ очень жарко), и сидѣть было неудобно,--къ утру каждая косточка болѣла, подобную поѣздку можно отнести къ серьезнымъ испытаніямъ.

Утромъ 14 апрѣля собрались всѣ на постояломъ дворѣ, чтобы одновременно въѣхать въ священный градъ Іерусалимъ, конечно остановились около зданій миссіи; въ нихъ помѣщается консульство, храмъ и странноприимные дома 1 и 2 классовъ.

Распредѣливъ команду по помѣщеніямъ, мы всѣ съ адмираломъ и командой пошли въ храмъ Воскресенія смотрѣть омовеніе ногъ (Великій четвергъ). Консульскіе кавасы энергично очищали дорогу съ помощью большихъ жезловъ, и потому мы свободно прошли на террасу храма, откуда хорошо было видно всю церемонію.

Церемонія не отличается ни благолѣпіемъ, ни торжественностью, все дѣлается кое-какъ, къ тому же непріятно видѣть кругомъ турецкихъ солдатъ съ ружьями, слушать крики толпы, продавцовъ и видѣть куреніе табака. Не аппетитно, что даютъ мочить платки въ той водѣ, въ которой моютъ ноги священникамъ, чтобы прикладывать къ глазамъ и лицу. Послѣ этой процедуры мы пошли въ храмъ (церемонія происходила на дворѣ храма), который заперли за нами, чтобы не впускать никого изъ публики на время нашего осмотра. Съ зажженными свѣчами въ предшествіи духовенства и пѣвчихъ мы пошли по святымъ мѣстамъ.

Прежде всего противъ входныхъ дверей приложились къ плитѣ, на которую былъ положенъ Іисусъ Христосъ по снятіи со креста, плита лежитъ подъ балдахиномъ такъ низко, что надо становиться на колѣно, чтобы приложиться. Далѣе пришли къ часовнѣ гроба Господня (Кувукліонъ), она сдѣлана изъ мрамора и состоитъ изъ двухъ отдѣленій, первое или придѣлъ ангелъ—тутъ Марія Магдалина и Пречистая Богоматерь услышали радостную вѣсть о Воскресеніи Христа, въ этомъ же придѣлѣ теперь стоитъ мраморная ваза съ кускомъ камня, который былъ отваленъ отъ гроба. Во второмъ отдѣленіи лежитъ плита, обозначающая мѣсто гроба Господня, входятъ сгибаясь черезъ низкій проходъ. Словами не передашь чувство благоговѣнія и радости, что сподобился приложиться ко гробу Господню, надо испытать.

Снаружи часовня обвѣшана 3.000 лампадъ, принадлежащими разнымъ вѣроисповѣданіямъ, которыя зажигаютъ свои лампады во время своего богослуженія.

Отъ часовни пошли въ католическій придѣлъ Божьей Матери, и въ армянскій—гдѣ хранится животворящій крестъ Господень. Поднявшись на Голгоѳу, гдѣ стояли три креста, обошли всѣ придѣлы

въ память разныхъ событій, въ одномъ изъ придѣловъ намъ показали камень, на которомъ сидѣлъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, когда его били воины. На каждой остановкѣ духовенство читало евангеліе, и пѣвчіе пѣли соотвѣтствующія молитвы.

Благоговѣніе немного разстраивается постоянными поборами въ каждомъ мѣстѣ отдѣльно, не успѣешь разсмотрѣть хорошенько и углубиться, какъ тянутъ къ вамъ тарелку.

Порядокъ въ храмѣ поддерживается турецкими солдатами, безъ которыхъ монахи разныхъ вѣроисповѣданій и націй непремѣнно бы передрались, и спорамъ не было бы конца.

Изъ храма вернулись къ 2 часамъ обѣдать; угощали насъ бараниной несмотря на Великій постъ, во время обѣда пришелъ монахъ сказать, что патріархъ благословляетъ насъ ѣсть скоромную пищу, такъ какъ постнаго здѣсь ничего нѣтъ.

Послѣ обѣда, несмотря на усталость (послѣ ночной дороги не отдыхали и не спали) пошли подъ руководствомъ смотрительницы страннопріимнаго дома по Via dolorosa—путь страданій Спасителя, мы прошли весь путь, останавливаясь на мѣстахъ, гдѣ Спаситель, падалъ подъ тяжестью креста, въ одномъ мѣстѣ лежитъ обломокъ колонны, которую не могутъ поднять—это безмолвная свидѣтельница страданій Христа. Зашли на мѣсто раскопокъ въ имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, вошли въ католическій храмъ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ били Іисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ; далѣе видѣли архіерейскій домъ, гдѣ воинъ ударилъ Христа по ланитѣ, и этотъ ударъ былъ слышенъ по всему дому. Храмъ устроенъ католиками очень хорошо, съ улицы входятъ черезъ небольшой дворъ; въ храмѣ, построенномъ Св. Еленой, раньше еще показывали мѣсто, гдѣ Вероника (жена Пилата) сподобилась отереть полотенцемъ окровавленный ликъ Спасителя.

Далѣе идетъ домъ Пилата, обращенный въ турецкую казарму, внутри показываютъ комнату, гдѣ происходилъ судъ надъ Іисусомъ Христомъ. Здѣсь жена Пилата прислала сказать мужу, сидѣвшему на судилищѣ: „ничто же себѣ и праведнику сему, много бо пострадала днесь во снѣ Его ради“.

Тутъ же показываютъ литостротонъ или каменный помостъ, гдѣ Пилатъ умылъ руки передъ народомъ и сказалъ: „неповиненъ есмь отъ крови Праведника сего, вы узрите“.

Пройдя немного далѣе, мы увидѣли арку, перекинутую черезъ улицу, здѣсь Пилатъ вывелъ Спасителя къ народу и сказалъ: „се человѣкъ“. Невдалекѣ въ стѣну вложенъ камень—тутъ толкнули Божью Матерь воины, когда она хотѣла просить у Пилата за Спасителя.

Пройдя мечеть Омара, бывшій храмъ Соломона, пришли къ овчей купели, гдѣ ангелъ возмущалъ воду, и больные получали исцѣленіе.

Черезъ Синайскія ворота мы вышли изъ Іерусалима, чтобы спуститься съ горы Морія въ Іосафатову долину. Въ началѣ показали золотыя ворота, черезъ которыя Іисусъ Христосъ въѣхалъ въ Іерусалимъ на осляти, здѣсь по преданію Господь будетъ судить во время страшнаго суда. Ворота теперь задѣланы турками, у нихъ существуетъ повѣріе, что придетъ чрезъ нихъ христіанскій царь, который покоритъ мусульманъ.

На серединѣ горы указали мѣсто побіенія камнями мученика Стефана и яму, куда Савлъ спряталъ его одежды, далѣе мѣсто, съ котораго Богородица смотрѣла на побіеніе и молилась за Стефана.

Въ долинѣ Кедроваго потока (теперь высохшаго) стоитъ памятникъ Авессалома на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ повисъ на волосахъ, спасаясь бѣгствомъ; всѣ бросаютъ камни въ памятникъ. За ними лежитъ кладбище странниковъ, земля куплена за тридцать сребренниковъ, брошенныхъ Іудою предателемъ въ храмѣ.

При подъемѣ на Сіонскую гору лежитъ Геѳсиманскій садъ, жалкій остатокъ прежняго вертограда; онъ обнесенъ стѣной; тутъ показываютъ маслину, подъ которой молился І. Христосъ. Внѣ ограды отдѣлено мѣсто молитвы І. Христа, когда Онъ молился до кроваваго пота „о чашѣ“. Тутъ же камни, гдѣ лежали апостолы во время молитвы Спасителя, на камняхъ отпечатокъ очертаній тѣла, рукъ и ногъ апостоловъ.

Наша проводница въ виду нашего отказа идти дальше сказала, что есть турецкая мечеть, въ которой сохранилась та горница, въ которой Господь ночью училъ апостоловъ, тамъ же была Тайная вечеря. Въ этой мечети находится гробница царя Давида и Соломона. Также показываютъ развалины дома Іоанна Богослова, гдѣ было сошествіе Святаго Духа, здѣсь же Пресвятая Богородица жила болѣе 20 лѣтъ послѣ Вознесенія Господа на небо, тутъ же было Ея успеніе.

Налѣво отъ Геѳсиманскаго сада входъ въ пещеру, гдѣ погребена Богородица; пещера украшена готическимъ фронтономъ. Широкая лѣстница ведетъ внизъ въ храмъ Богородицы, при спускѣ направо два престола надъ гробницами Іоакима и Анны, съ лѣвой стороны гробница Іосифа, обручника Св. Дѣвы. Внизу посреди галлереи стоитъ гробница Богородицы каменная, въ видѣ часовни. Съ южной стороны отведено мѣсто для молитвы мусульманъ, которые чтутъ Богородицу.

Изъ этой пещеры мы прошли въ другую рядомъ, въ коей оставались апостолы, когда Господь ушелъ съ тремя изъ нихъ молиться въ Геѳсиманію.

Далѣе по Елеонской горѣ мѣсто, гдѣ Іисусъ Христосъ садился на осла передъ въѣздомъ въ Іерусалимъ—это мѣсто куплено Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ для постройки часовни въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II. Наконецъ поднялись на верхъ, гдѣ было Вознесеніе Господне. Назадъ еле шли отъ усталости, но зато полные впечатлѣній.

Опять кормили насъ обѣдомъ и въ 9 часовъ вечера повели на 12 евангелій, но могли простоять только пять—силъ не хватило, едва дотащились домой спать.

15 апрѣля. Рано утромъ сѣли на лошадей и частью на ословъ, вмѣстѣ съ нашей командой, для поѣздки въ Виѳлеемъ. Дорога идетъ по пескамъ и скаламъ безъ всякой зелени, зато пыли много; остановка была въ монастырѣ Св. Иліи, гдѣ насъ угостили варенъемъ и виномъ. Около монастыря находится колодезь—мѣсто встрѣчи Рахили съ посланнымъ отъ Іакова и гороховое поле.

Разсказываютъ, что Богоматерь, проходя съ апостолами мимо этого мѣста, спросила человѣка, сѣявшаго горохъ, что онъ сѣетъ, тотъ изъ скупости сказалъ: „сѣю камни“, Богородица на это сказала: „будь по слову твоему“ и дѣйствительно, когда выросъ горохъ, то въ стручкахъ оказались камешки, ихъ можно и теперь найти; мы набрали себѣ на память. Съ тѣхъ поръ поле никому не принадлежитъ, и турки не позволяютъ никому прикасаться къ заклятому мѣсту.

Въѣхали въ Виѳлеемъ торжественно, вездѣ вызывали караулы въ ружье для отданія чести, а жители вставали и кланялись. Мы проѣхали прямо къ дому, гдѣ были ясли Спасителя; пройдя дворъ, вошли въ храмъ, алтарь котораго построенъ на самомъ вертепѣ, 15 ступеней внизъ ведутъ въ подземную церковь или вертепъ Рождества—это естественная пещера въ скалѣ, теперь обложенная мраморомъ; мѣсто рожденія обозначено серебряной звѣздой. Немного дальше другая пещера, гдѣ были ясли; здѣсь было поклоненіе волхвовъ.

Отъ Виѳлеемскаго храма недалеко находится пещера Богоматери, гдѣ она, спасаясь отъ Ирода, провела два дня. По преданію у Божьей Матери тогда былъ избытокъ молока, которое стекая обращалось въ мягкій камень—женщины, страдающія грудными болѣзнями, распускаютъ камень въ водѣ, пьютъ эту воду и по вѣрѣ своей получаютъ исцѣленіе.

По окончаніи осмотра мы вернулись въ Іерусалимъ къ 2 часамъ дня; по дорогѣ намъ показали городъ Раму, гдѣ было избіеніе младенцевъ. Позавтракавъ, пошли по городу посмотрѣть магазины, вездѣ торговля издѣліями изъ пальмы, четки и пр. Ходили недолго:

надо было идти на выносъ плащаницы въ соборъ Св. Троицы при миссіи. Въ 10 часовъ вечера съ консуломъ пошли къ гробу Господню на ночную службу—впереди шли кавасы, наша команда, консулъ въ паланкинѣ и мы пѣшкомъ вмѣстѣ со свитой князя. Въ соборѣ прошли въ алтарь и черезъ нѣсколько времени пошли крестнымъ ходомъ съ плащаницей по святымъ мѣстамъ. Въ 1 часъ ночи вернулись домой, хотя служба еще не кончилась.

16 апрѣля. Великая Суббота. Съ утра легкій осмотръ храма Соломона, т. к. у мусульманъ праздникъ, и по храму ходить нельзя. До 2 часовъ насъ водили по менѣе важнымъ мѣстамъ, и наша путеводительница разсказывала подробности про святыя мѣста.

Въ 2 часа дня пошли въ храмъ Воскресенія, насъ помѣстили въ ложу галлереи, окружающей храмъ внутри. Въ храмѣ погасили всѣ огни; въ это время православные арабы начали кричать: „сильна наша вѣра, одна наша вѣра“, бѣсновались, скакали среди массы народа, наполнившей храмъ.

Черезъ нѣсколько времени патріархъ, безъ верхняго одѣянія, прошелъ въ часовню гроба Господня (осмотрѣнную турецкими властями), за нимъ заперли дверь. Прошло немного времени его молитвъ, какъ онъ подалъ зажженную святымъ огнемъ свѣчку въ окошко часовни; человѣкъ, взявшій свѣчу, былъ отнесенъ на рукахъ въ алтарь зажечь неугасаемую лампаду (въ ней огонь не прекращается круглый годъ и тушится только въ Великую Субботу, чтобы вновь зажечь священнымъ огнемъ). Когда лампада была зажжена, стали зажигать свѣчи, большею частью пучки свѣчъ въ 33 свѣчи. По преданію въ давнее время католики подучили турокъ и арабовъ требовать отъ патріарха публичнаго низведенія огня, а сами стали у гроба Господня; черезъ нѣсколько времени огонь сошелъ внѣ часовни къ православному патріарху, ударивъ въ колонну, (которая имѣетъ трещину); тогда арабы стали кричать: „сильна наша вѣра“,—это сохранилось и до сихъ поръ.

Изъ храма вернулись домой, въ это время Болгарскій князь прислалъ къ ротному командиру просить дать ему матроса въ баню. Матросъ вымылъ князя, который далъ ему за работу русскій золотой. Въ виду быстрой посылки матроса, онъ не успѣлъ взять съ собой вещей; князь это замѣтилъ и, когда одѣлся, то принесъ матросу полотенце.

Едва мы успѣли пообѣдать, какъ за нами пришли, чтобы идти къ гробу Господню слушать заутреню и пріобщаться. Насъ провели къ самой часовнѣ, гдѣ мы простояли всю службу, прикладывались ко гробу и пріобщались (исповѣдывались до обѣда).

Въ 6 часовъ утра вышли изъ храма, не замѣтивъ, какъ прошла ночь въ молитвѣ (съ 9 вечера до 6 утра).

Изъ храма Воскресенія насъ повели въ соборъ Св. Троицы, гдѣ стояли еще часъ вмѣстѣ съ консуломъ и Болгарскимъ княземъ, затѣмъ всѣ отправились разговѣться къ генеральному консулу.

Во время спокойнаго сидѣнья у консула усталость дала о себѣ знать, и мы мечтали, какъ бы хорошо лечь спать, но... въ 8 часовъ поднялись и, забравъ вещи, отправились въ обратный мучительный путь по жарѣ.

Пріѣхали въ Яффу голодные; разсчитывая попасть сейчасъ же на судно, не искали, гдѣ бы поѣсть; къ несчастью у матросовъ сломался одинъ экипажъ, вслѣдствіе чего вышла задержка, и они пріѣхали съ большимъ опозданіемъ, а мы голодные бродили по пристани въ пріятномъ ожиданіи.

Наконецъ, къ 7 часамъ вечера съ большимъ трудомъ попали на крейсеръ, гдѣ начальство волновалось, особенно въ виду усиленія вѣтра и качки, вслѣдствіе которой при съемкѣ съ якоря сломался брашпиль, и якорь пришлось поднимать талями въ ручную.

Лейтенантъ Р., пообѣдавъ наскоро, долженъ былъ вступить на вахту въ 8 часовъ вечера, пока снимались съ якоря, усталый лейтенантъ держался, но на мостикѣ чрезмѣрное утомленіе осилило, и онъ сталъ засыпать стоя и даже на ходу. Командиръ, зная причину, приказалъ сигнальщикамъ оберегать вахтеннаго начальника, а самъ стоялъ вахту, пока кризисъ не миновалъ, и лейтенантъ не оправился.

Переходъ былъ бурный, качало ужасно, пока не вошли 20 апрѣля въ гавань города Сира, ночевали тамъ и на другой день вошли въ Пирей при громѣ салютовъ. Тотчасъ по постановкѣ на якорь, на крейсеръ прибыли разныя лица представиться князю и поздравить съ прибытіемъ, по окончаніи пріема онъ отправился на греческой баржѣ подъ штандартомъ на берегъ, гдѣ былъ встрѣченъ греческимъ королемъ и почетнымъ карауломъ.

Бурный переходъ настолько испугалъ князя, что онъ отказался идти въ Адріатическое море вокругъ Греціи, тогда рѣшили послать „Африку“ въ Коринѳъ, куда князь могъ пріѣхать въ коляскѣ; поэтому въ 7 часовъ вечера мы ушли изъ Пирея, 23 апрѣля обогнувъ полуостровъ, пройдя мимо Патраса, пришли въ Коринѳъ, маленькій городъ, стоящій въ пескахъ, но доставляющій большое количество „коринки“.

Если бы каналъ черезъ Коринѳскій перешеекъ былъ готовъ, то „Африкѣ“ не надо бы огибать полуостровъ. Болгарскій князь съ адмираломъ и свитой прибыли въ 5 часовъ дня, такъ что мы успѣли

сняться съ якоря и выйти въ море, направляясь въ Каттаро, откуда Болгарскій князь долженъ былъ сдѣлать визитъ Черногорскому князю въ Цетиньѣ.

Всѣ переходы были для насъ крайне безпокойны, помимо усиленной службы должны были быть гостепріимными хозяевами со свитой князя, которая выселила насъ изъ нашихъ каютъ въ матросскій лазаретъ въ командномъ помѣщеніи, гдѣ ночью подъ часъ былъ очень тяжелый воздухъ. Главное неудобство заключалось еще въ томъ, что намъ было велѣно очистить ящики и забрать всѣ вещи съ собой, пришлось сложить въ корзину и держать подъ кроватью.

Адмиралу досталась каюта старшаго офицера, для услугъ ему назначили вѣстового татарина, и вотъ однажды адмиралъ, выйдя въ каютъ-кампанію пить кофе, обратился къ ротному командиру:

— „Знаете, В. Ф., какъ вашъ вѣстовой со мной разговариваетъ?“

— „Не знаю, Ваше Превосходительство, только если плохо, то я наложу взысканіе“.

— „Напротивъ, очень забавно, и я прошу Васъ его не переучивать, пусть говоритъ какъ умѣетъ; вѣстовой, обращаясь ко мнѣ говоритъ: „Ваше благородіе, пиджакъ надѣть будышь?“, и все въ такомъ родѣ“.

Когда вѣстовому сдѣлали разъясненіе, онъ былъ сконфуженъ и пытался говорить „Ваше Прев.“, но это у него не вышло.

25 апрѣля недалеко отъ входа въ бухту Болгарскій князь обратился къ вахтенному начальнику:

— „Какъ вы думаете, австрійцы насъ пропустятъ?“

— „Я увѣренъ, Ваше Высочество, что австрійцы не посмѣютъ задержать крейсеръ, идущій подъ Вашимъ штандартомъ“.

И какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ князя крѣпость начала салютъ, а разговоръ этотъ возникъ по слѣдующей причинѣ:

Австрійцы не позволяютъ входить въ Каттаро больше одного военнаго судна и дали разрѣшеніе посланнику въ Аѳинахъ отправить одно судно, тогда адмиралъ Чебышевъ послалъ клиперъ „Джигитъ“ въ распоряженіе Черногорскаго князя, надѣясь, что „Африку“ и такъ не задержатъ подъ штандартомъ. Когда же появилась „Африка“ („Джигитъ“ уже былъ въ Каттаро), австрійцы были удивлены и, хотя не посмѣли задержать ее, но возбудили цѣлую исторію, въ результатѣ которой адмиралъ получилъ здоровый выговоръ.

Послѣ салютовъ вошли въ бухту, идущую зигзагами между высокими горами, вѣрнѣе шли озерами, переходя изъ одного въ другое небольшими проливами; благодаря громадной высотѣ горъ,

озера закрыты отъ вѣтровъ, почему поверхность ихъ какъ зеркало, а красота-то кругомъ какая! не хватитъ и умѣнья разсказать нѣтъ силъ.

Естественно при первой возможности мы отправились на берегъ бродить по небольшому Каттаро, его окрестностямъ и добрались до столицы Черногоріи Цетинье. Дорога идетъ по горамъ зигзагами, по камнямъ безъ всякой зелени, подъемъ очень утомительный, но все-таки мы преодолѣли всѣ трудности къ полному одобренію встрѣчавшихся черногорцевъ. Подойдетъ къ тебѣ высокій молодчина въ живописномъ костюмѣ и спроситъ: „русскій?“, получивъ отвѣтъ, непремѣнно похлопаетъ дружески по плечу и скажетъ: „добре“.

Мы пошли, думая немного погулять, но увлеклись подъемомъ и рѣшили идти до конца, на полдорогѣ ужасно захотѣлось ѣсть, зашли въ саклю, гдѣ съѣли весь наличный овечій сыръ, безъ хлѣба и выпили съ горя небольшой запасъ какой-то противной водки.

Въ теченіе трехдневной стоянки былъ обмѣнъ визитовъ и салюты безъ конца, наконецъ, 28 апрѣля ушли въ Анкону, гдѣ Его Высочество отбылъ со свитой на берегъ для слѣдованія въ Россію; передъ отъѣздомъ онъ собственноручно надѣлъ старшимъ чинамъ ордена Св. Александра. Намъ ужасно нравился этотъ бѣленькій крестикъ, полученный изъ рукъ князя, котораго мы очень полюбили и провожали самымъ сердечнымъ образомъ.

Отдохнувъ въ Анконѣ денекъ, пошли дальше. Какъ выше было сказано, что въ Яффѣ при съемкѣ съ якоря сломался брашпиль, починить его можно было только въ военномъ портѣ и потому рѣшено было идти въ Неаполь ко всеобщей радости; мы благословляли судьбу, пославшую намъ поломку брашпиля, очень кстати вышло, только одно обстоятельство нѣсколько омрачило нашъ восторгъ, это отсутствіе денегъ, а въ Неаполѣ-то какъ разъ безъ нихъ хоть не ѣзди на берегъ. Который уже разъ приходится быть въ Неаполѣ и каждый разъ кромѣ восхищенія природой, видами—овладѣваетъ какое-то особенное, необъяснимое чувство. Даже вечеромъ на вахтѣ стоять и то хорошо: чудный, тихій, теплый вечеръ, луна освѣщаетъ рейдъ, а съ нимъ стоящія суда и массу двигающихся шлюпокъ; вотъ одна остановилась, раздались звуки мандолины и гитаръ, аккомпанируя чудному пѣнію, которое заставило матросовъ выйти изъ коекъ на верхъ.

До 21 мая время прошло незамѣтно, на суднѣ чинили брашпиль и другія вещи, а мы не теряли время даромъ—при каждомъ удобномъ случаѣ уѣзжали и просто удирали на берегъ.

Лейтенантъ Р., будучи гардемариномъ на фрегатѣ „Петро-

павловскъ", познакомился въ Неаполѣ съ графиней Сухтеленъ, ея мужъ былъ генералъ-адъютантъ и въ свое время пользовался извѣстностью. Несмотря на несчетное количество лѣтъ, графиня любила принимать гостей и хорошо накормить русскимъ обѣдомъ, послѣ котораго пили кофе въ гостиной: тутъ начинались интересные разсказы про старину, графиня, какъ живая книга, дѣлилась съ нами стариной, она любила разсказывать лейт. Р., который умѣлъ ее слушать и повторялъ послѣднія ея слова, когда она просыпалась (графиня отъ старости засыпала на нѣсколько мгновеній и быстро просыпалась). Еще приманка тутъ была другая, къ графинѣ пріѣзжали очень часто двѣ барышни, маркизы Крези, одна изъ нихъ гостила все время, пока „Африка" была въ Неаполѣ—вѣдь надо было играть въ 4 руки, гулять и кататься съ лейтенантомъ, оба веселились, и время летѣло незамѣтно.

Когда выяснилось время нашего ухода изъ Неаполя, адмиралу устроили прощальный обѣдъ на берегу, съ музыкой и пѣніемъ артистовъ, они увеселяли насъ съ 8 до 12 часовъ ночи, и мы все слушали, слушали, жаль было уходить.

Въ одинъ изъ дней, впрочемъ, это было наканунѣ предполагаемаго ухода, лейт. Р. былъ приглашенъ дочерью графини Сухтеленъ съѣздить за городъ въ церковь посмотрѣть коверъ изъ живыхъ цвѣтовъ, который дѣлаютъ дѣвушки одинъ разъ въ году въ извѣстный праздникъ. Поѣхали вчетверомъ: графиня - дочь, маркиза Крези, лейт. Р. и полковникъ графъ Arsenio d'Horrer, удивительно веселый, живой и разговорчивый италіанецъ.

Кромѣ удовольствія самой прогулки, интересно было посмотрѣть коверъ—получается полная иллюзія, коверъ съ прекраснымъ рисункомъ поражаетъ своей работой, сколько цвѣтовъ ушло на это! прямо ужасъ. При возвращеніи назадъ пошелъ сильнѣйшій дождь, сидѣвшіе на скамеечкѣ, кавалеры наклонились сколько могли внутрь коляски, но спины ихъ совершенно вымокли. Возвратились поздно, лейт. Р. дали маленькій дамскій зонтикъ и клѣтчатый платокъ, въ который онъ завернулся, въ такомъ видѣ онъ явился на судно, его сначала не узнали и не хотѣли пустить, но подошедшій вахтенный начальникъ сразу узналъ и ужасно хохоталъ при видѣ промокшей фигуры съ дамскими вещами, которыя доставили затѣмъ массу хлопотъ. На другой день лейт. Р., желая возвратить вещи, просился на берегъ, но старшій офицеръ не пустилъ, пришлось идти къ командиру, который разсердился и, отпуская лейт. Р., сказалъ, что если онъ опоздаетъ, то ждать его не будутъ, и крейсеръ безъ него уйдетъ въ Россію. Времени мало, что дѣлать? все-таки Р. ѣдетъ на берегъ, по счастью, встрѣчаетъ адмирала на пристани.

— „Куда это вы собрались идти?“ спрашивалъ адмиралъ, три дня не бывшій на суднѣ.

Лейт. Р. разсказываетъ про свое возвращеніе на судно и высказываетъ опасеніе, что можетъ опоздать.

— „Отчего же вы торопитесь?“

— „Какъ же, Ваше Превосходительство, вѣдь мы сегодня уходимъ, пары готовы и только ждутъ Васъ“.

— „А я и забылъ, теперь какъ же мнѣ быть: вѣдь я пригласилъ дамъ на завтракъ“.

— „Это можно поправить, Ваше Превосходительство“.

Лейт. Р. подозвалъ старшину адмиральскаго вельбота и сказалъ:

— „Поѣзжай на крейсеръ, доложи командиру, что адмиралъ приказалъ походъ отложить, пары прекратить, о днѣ ухода будетъ новое приказаніе, за адмираломъ прислать вельботъ... (обращаясь къ адмиралу: когда прикажете, Ваше Превосходительство?..)“.

„Послѣ завтра утромъ“. —„Старшему офицеру доложи, что адмиралъ уволилъ меня на берегъ“.

Чебышевъ слушалъ и смѣялся; когда старшина ушелъ, онъ спросилъ:

— „А все-таки какъ же съ завтракомъ?“

— „Не стоитъ приглашать завтракать на судно: лучше вы идите къ нимъ завтракать“.

— „И то правда, какъ это вы все хорошо придумали!“

Р. немедленно поскакалъ къ Сухтеленъ, тамъ пришлось ждать выхода графинь довольно долго, сидя въ саду въ обществѣ маркизы.

Въ Неаполѣ получили телеграмму о производствѣ командира въ капитаны 2 ранга за отличіе; мы всѣ сердечно радовались и искренне поздравляли.

21-го мая, разставшись съ адмираломъ, ушли изъ Неаполя, хотя было очень жалко уходить изъ такого хорошаго города. Насъ послали въ Ливорно взять кусокъ стѣны съ какими-то особыми фресками; ящикъ громадной величины могла взять только „Африка“ въ свои необъятные трюмы. Пока занимались вопросомъ о погрузкѣ, наша публика разъѣхалась, особенно много въ близъ лежащую Пизу посмотрѣть наклонную башню и музей. Лейт. Р., въ бытность свою на фрегатѣ „Петропавловскъ“ гардемариномъ, пробылъ въ городѣ Спеція около 8 мѣсяцевъ, конечно имѣлъ много знакомыхъ, и теперь захотѣлось ихъ навѣстить, особенно нѣкоторыхъ, оставившихъ болѣе глубокій слѣдъ въ массѣ воспоминаній. Въ компаніи съ Р. поѣхалъ мичманъ баронъ Ф—нъ, который интересовался всѣмъ, относящимся до морской службы, и хотѣлъ осмотрѣть

военный портъ и доки въ Спеціи. Сдѣлавъ маршрутъ по книжкѣ желѣзныхъ дорогъ, Р. съ барономъ выѣхали изъ Ливорно въ Пизу для пересадки въ поѣздъ, идущій изъ Генуи въ Неаполь, но тутъ вышла ошибка изъ-за опечатки въ росписаніи. — Желаемый поѣздъ ушелъ, и надо было ждать до вечера, а это не входило въ финансовые разсчеты, денегъ было въ обрѣзъ; слѣдовательно, завтракать въ Пизѣ не имѣли права, все-таки голодъ заставилъ зайти въ таверну съѣсть ризотто и запить скернымъ краснымъ виномъ; впослѣдствіи эта экономія оказалась роковой. До нашего роскошнаго завтрака мы обошли и осмотрѣли все интересное въ Пизѣ, на падающей башнѣ непріятно быть наверху. Наконецъ мы сѣли въ поѣздъ, прикатили въ Спецію и немедленно отправились къ консулу Лардонъ (въ бытность Р. гардемариномъ, консуломъ былъ Лардонъ-отецъ); встрѣча была сердечная, но увы! всѣ постарѣли, подурнѣли, да и въ самомъ-то много измѣнилось.

Обѣдъ прошелъ съ непріятнымъ случаемъ изъ-за ризотто и нѣсколько испортилъ впечатлѣніе, но вечеромъ и на другой день все вошло въ норму; осмотрѣвъ портъ, вернулись въ Ливорно, по пути въ поѣздѣ встрѣтили двухъ голодныхъ путешественниковъ, подѣлились съ ними скудными остатками денегъ, и сами немного поголодали. Надо разсказать про этихъ путешественниковъ. Вернувшись къ стоянкѣ въ Неаполѣ, гдѣ среди нашихъ знакомыхъ была семья баронессы Т—ау, наши офицеры бывали у нихъ часто, и сами онѣ не забывали „Африку“. Эта семья собралась ѣхать въ Россію и при прощаньѣ въ Неаполѣ сказали:—„мы вамъ протелеграфируемъ день и часъ проѣзда Пизы, пріѣзжайте изъ Ливорно повидаться“.

Наконецъ на крейсеръ привозятъ телеграмму; тутъ нѣкоторые всполошились, но поѣхали двое: мичманъ В—ъ и старшій штурманъ Э—нъ, они набрали денегъ для проѣзда въ Пизу и обратно. По росписанію поѣздовъ они должны были выѣхать вечеромъ, а ожидаемый поѣздъ проходилъ рано утромъ, вотъ эти два ухаживателя остались на вокзалѣ въ III классѣ (1 и 2 запираютъ на ночь), при чемъ была маленькая скамейка, и они спали по-очереди, смѣнявшіеся сторожа при сдачѣ дежурства указывали перстомъ и говорили: due“ (два).

Когда подошло время, В. и Э. вышли встрѣчать, подкатилъ поѣздъ.

Конечно, трогательная встрѣча, сладкія рѣчи и незамѣтно поѣздъ трогается.

— „Оставайтесь съ нами до Генуи!“—восклицаютъ барышни съ умоляющимъ взглядомъ и... кругосвѣтные мореплаватели, не сдававшіеся ни передъ какой опасностью, сдались отъ чарующаго, ласковаго взгляда.

Все это хорошо, а деньги!—у нихъ было на билетъ изъ Пизы

въ Ливорно, на нихъ послали телеграмму старшему офицеру, прося присылки денегъ срочной телеграммой, прислали мало, и потому они были голодные, хотя ѣхали въ III классѣ изъ экономіи. По возвращеніи ихъ на судно, долго надъ ними смѣялись.

28 мая ушли въ Кадиксъ за углемъ.

31 мая пришли на безпокойный, открытый рейдъ, погрузка угля шла съ трудомъ и медленно, это дало намъ возможность побыть на берегу, гдѣ смотрѣли бой быковъ. Зрѣлище безспорно интересное, но тяжелое, особенно, когда быкъ распоролъ животъ у лошади, и его самого закололи.

5 іюня покинули берега Испаніи, страну черныхъ глазъ, живописныхъ костюмовъ и невыразимой граціи. Съ уходомъ изъ Кадикса распростились съ Средиземнымъ моремъ, оставя за собой столько нами видѣннаго и пережитаго. Атлантическій океанъ старался развѣять нашу грусть—болталъ „Африку“ во всѣ стороны, пригласилъ разные вѣтра дуть на насъ, даже и дождь оказался въ числѣ приглашенныхъ, но все безуспѣшно... очень жаль было уходить, хотя и домой пріятно вернуться.

12 іюня пришли и 16 числа ушли изъ Шербурга; тамъ заѣдалъ насъ вице-консулъ Postel со своими сыновьями. Старшій офицеръ Р. Р. Д. заболѣлъ, временно вступилъ въ обязанность старшій лейтенантъ ревизоръ Ш—ъ до первой якорной стоянки, а затѣмъ по просьбѣ старшаго офицера было приказано вступить въ обязанность лейтенанту Р., хотя онъ былъ третій вахтенный начальникъ, но Р. Р. Д. заявилъ, что онъ только и надѣется на Р.

19 іюня пришли на одинъ день въ Копенгагенъ почиститься передъ приходомъ въ Кронштадтъ.

Наконецъ 24 іюня съ ранняго утра всѣ на ногахъ, объявлена награда тому, кто первый увидитъ Толбухинъ маякъ; вдругъ бѣжитъ разсыльный: „маякъ открылся“, и дружное „ура!“ огласило каютъ-кампанію, а затѣмъ передалось въ команду.

Всѣ вышли на верхъ взглянуть на родные берега, которыхъ такъ долго не видѣли, сейчасъ же пошли приготовленія къ постановкѣ на якорь, салюты и проч. Насъ стали посѣщать начальствующія лица разныхъ ранговъ и мѣстосидѣній, мучили насъ смотрами, хотя всѣ высказывали полное одобреніе. Вскорѣ стало извѣстно о предстоящемъ Высочайшемъ смотрѣ къ великой нашей радости, намъ не предстояло особенныхъ приготовленій—мы всегда были готовы и къ смотру и къ бою. За нѣсколько дней до смотра лейт. Р. получилъ частную записку съ сосѣдняго корабля: „Сегодня къ вамъ пріѣдетъ адмиралъ Асламбеговъ и подниметъ флагъ“, затѣмъ прибылъ съ берега хоръ музыкантовъ и, когда пришелъ

пароходъ изъ С.-Петербурга, Р. послалъ адмиральскій катеръ съ офицеромъ за адмираломъ. Встрѣтили съ почестями, торжественно подняли флагъ подъ громъ салютовъ, адмиралъ былъ очень доволенъ и благодарилъ Р. за сдѣланное (командиръ былъ по дѣламъ службы въ С.-Петербургѣ, и для него пріѣздъ адмирала былъ тоже сюрпризъ) по его старымъ привычкамъ.

Немного погодя вызываетъ Р. и говоритъ:

— „Вы будете при мнѣ флагъ-капитаномъ".

— „Есть".

— „Сдѣлайте всѣ распоряженія, примите командировъ, которые явятся съ рапортами, а я сегодня же уѣду обратно въ Петербургъ".

— „Есть",—отвѣчаетъ Р., а самъ думаетъ, не много ли будетъ ему обязанностей—флагъ-капитанъ, командиръ, старшій офицеръ, вахтенный начальникъ (стоялъ ежедневно съ 4 до 8 утра), ротный командиръ, завѣдующій оружіемъ.

Наше недоумѣніе относительно пріѣзда адмирала вскорѣ выяснилось; Государь Императоръ, желая оказать милость адм. Асламбегову, повелѣлъ ему лично представить на смотръ суда тихоокеанской эскадры, стоявшія на рейдѣ.

Наконецъ желанный смотръ состоялся; во время обхода команды и верхней палубы Его Императорское Величество, увидѣвъ привязанную камчатскую собаку, пошелъ ее погладить; мы всѣ замерли, такъ какъ „Камчатка" никого не признавала кромѣ своего хозяина старшаго офицера и Р.; ее всѣ боялись и не подходили къ ней. Къ нашему изумленію, Камчатка сама встала и подошла къ Государю; погладивъ собаку, Его Величество изволилъ пойти дальше, но вернулся еще разъ погладить собаку, и Камчатка опять встала и лизнула руку (такого знака вниманія съ ея стороны еще не бывало). Смотръ прошелъ блестяще, лейт. Р. жутко было командовать авраломъ (общая работа) при постановкѣ парусовъ, хотя въ то же время радовался счастью, выпавшему на его долю, стоять на мостикѣ между Ея Величествомъ Государыней Императрицей и Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ.

При стрѣльбѣ минами командиръ просилъ Его Величество назначить цѣль, мина прошла въ точку, но командиру показалось, что Государь принялъ это за случайность, и потому обратился съ просьбой сдѣлать еще выстрѣлъ по назначенной цѣли, мина, и на этотъ разъ прошла точно по назначенію — тогда Государь изволилъ милостиво благодарить командира и миннаго офицера.

По окончаніи смотра командиръ удостоился получить согласіе Его Величества принять „Камчатку". За собакой изъ Петергофа прислали отъ дворца пароходикъ, на который взвалили часть вещей,

подлежавшихъ пошлинѣ. Офицеръ, сопровождавшій вещи, пошелъ въ паркѣ не той дорогой, по счастью встрѣтилъ Великаго Князя Алексія Александровича.

— „Откуда вещи, съ „Африки“?, не по той дорогѣ идете, тутъ какъ разъ ходятъ таможенные, идите налѣво, а я покараулю“.

Повторять не пришлось, офицеръ быстро скрылся съ вещами по указанной дорогѣ.

Когда послѣ смотра всѣ уѣхали, командиръ призвалъ лейт. Р., горячо благодарилъ его, говоря:

— „Вы двѣ недѣли несли столько обязанностей съ такимъ успѣхомъ, всѣ смотры выдержали на своихъ плечахъ и ни разу не были въ Петербургѣ, тогда какъ всѣ офицеры успѣли перебывать, сдавайте обязанность минному офицеру, а сами сейчасъ отправляйтесь на моемъ вельботѣ на берегъ; вы успѣете еще попасть на пароходъ. Дайте мнѣ адресъ, я самъ сообщу вамъ, когда надо вернуться на судно, можете оставаться дома сколько угодно времени“.

Лейт. Р. вернулся черезъ сутки обратно. Командиръ спрашиваетъ:—„Отчего вы вернулись, вѣдь я не звалъ васъ?“.

— „Я довольно побылъ дома, меня безпокоило, какъ идетъ все на крейсерѣ, и потому я пріѣхалъ“.

Командиръ очень хвалилъ Р. и благодарилъ его за такое ревностное исполненіе обязанностей.

Во время нашего плаванія, вышелъ приказъ, чтобы суда, возвращающіеся изъ-за границы, подвергались самому серьезному осмотру и испытанію цѣлой комиссіи. Къ намъ назначили вице-адмирала Брюммера и членовъ: вице-адмирала Пилкина, контръ-адмирала Сѣркова, генералъ-лейтенанта Пестича (артиллерія), генералъ-маіора Соколова (механическая часть), Елкина (штурманская часть), капитана 1 ранга Шафрова и многихъ другихъ молодыхъ и потому свирѣпыхъ экзаменаторовъ.

Насъ гоняли на пробную милю для провѣрки машины, въ Біэркѣ-Зундѣ стрѣляли минами, въ Ревелѣ разбивали мишени изъ орудій и т. д., однимъ словомъ, рвали на части, пытали на всѣ лады и въ концѣ концовъ составили печатный отчетъ равный цѣлой книгѣ. Ни въ чемъ не могли насъ уязвить, „Африка“ вышла изъ боя величественно и спокойно, получивъ пальму первенства изъ всѣхъ судовъ.

Результатомъ смотра былъ приказъ:

„Смотръ оказался блестящимъ, крейсеръ найденъ комиссіей въ совершенномъ боевомъ порядкѣ и образцовой чистотѣ и исправности по всѣмъ частямъ, въ той высшей мѣрѣ, какой возможно достигнуть при неусыпной заботливости командира и ревностномъ содѣйствіи всѣхъ офицеровъ“.

11 іюля мы кончили кампанію, офицеры получили отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и полугодовой окладъ жалованья, а лейтенантъ Р. кромѣ того получилъ 15 іюля орденъ Св. Станислава 3 степени—единственный изъ всѣхъ офицеровъ [1]).

Такъ закончилось крайне интересное и поучительное плаваніе, при чемъ во многомъ мы были обязаны командиру, крайне строгому, но и умѣвшему благодарить и научить. Авторъ этихъ записокъ считаемъ долгомъ упомянуть, что записки не составляютъ полнаго и подробнаго описанія плаванія, онѣ представляютъ только выдержки изъ дневника, веденнаго авторомъ на крейсерѣ.

В. Ф. Рудневъ.

---

[1]) Лейт. Р., произведенный въ 1882 г. въ лейтенанты, получилъ 1 января 1883 г. благодарность въ приказѣ по флоту отъ генералъ-адмирала, а 6 іюля того же года орденъ.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава II.

Лордъ Сализбери какъ добрый вѣстникъ.

1879 годъ задалъ г-жѣ Новиковой немало усиленной работы. Приводились въ исполненіе постановленія Берлинскаго трактата. Россія уводила войска изъ Болгаріи. Англійскія войска пробирались въ самое сердце Афганистана. Это былъ послѣдній годъ министерства Биконсфильда. Это былъ годъ, въ который лордъ Сализбери провозгласилъ, какъ „радостную вѣсть“, союзъ Германіи съ Австріей. Тогда же г-жа Новикова готовила къ печати свою книгу „Россія и Англія“. Вообще это былъ дѣятельный, хлопотливый, волнующій годъ.

Начался онъ во время мрачной войны въ Азіи и толковъ о войнѣ въ Европѣ. Гладстонъ писалъ (8-го февраля) Стэду:

„Кто могъ поддерживать или оправдывать эту Афганскую войну? Въ ней безразсудство и преступленіе оспариваютъ пальму первенства!“

Положеніе на Балканахъ было не веселое. Цѣною крови и денегъ Австрія успѣла подавить вооруженное сопротивленіе Босніи и Герцоговины. Турція съ большой неохотой уступала Черногоріи приморскій портъ, назначенный ей Берлинскимъ трактатомъ. Но Болгарія, бѣдная, трижды дѣлимая Болгарія, больше всего внушала тревогъ. Въ восточной Румеліи должна была быть дана конституція. Гладстонъ писалъ мнѣ (8-го марта):

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

„Еще не время отчаяваться въ исполненіи трактата въ восточной Румеліи". Гладстонъ былъ правъ. Въ чемъ мы могли отчаяваться,— это въ примѣненіи статьи о реформахъ въ Македоніи и другихъ провинціяхъ.

Ольга Алексѣевна относилась съ ненавистью къ Берлинскому трактату и, когда Гладстонъ сказалъ, что ему нужно подчиниться, она одно время сильно возмущалась, однако продолжала дѣлать все, что могла. Она мнѣ писала 26-го февраля:

„Я продолжаю усиленно работать въ извѣстномъ Вамъ направленіи, желая доказать разницу между двумя Англіями—либеральной и консервативной, но проявляются, несомнѣнно, горькія чувства противъ англичанъ среди военныхъ. Одинъ изъ самыхъ храбрыхъ нашихъ генераловъ сказалъ мнѣ на-дняхъ, на вечерѣ у кн. Долгорукова: „Какъ Вы можете такъ говорить и писать объ Англіи? Можете ли Вы довѣриться доброму расположенію англичанина"?— „Мой братъ Александръ меня поддерживаетъ, онъ—мой лучшій союзникъ во всемъ" —Подлинно мой alter ego!

„О. К."

Посломъ нашимъ въ Петербургѣ былъ, въ то время, лордъ Дёфферинъ. Онъ былъ старымъ другомъ г-жи Новиковой, и, повидимому, они обсуждали положеніе на востокѣ достаточно свободно. Слѣдующія ея два письма отъ 17-го и 27-го марта.

„Лордъ Дёфферинъ два раза былъ у меня. Я была рада видѣть его и его милую жену, но программа его совсѣмъ неутѣшительна. Онъ настаиваетъ на Берлинскомъ трактатѣ, и когда я ему сказала: „Такъ Вы желаете снова поработить несчастную Румелію?"—онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, мы ей добудемъ конституцію лучшую, чѣмъ въ Болгаріи".

Я.—„Вы вѣрите обѣщаніямъ турокъ, хотя Вы знаете, какъ тщетны были Ваши усилія что-нибудь измѣнить въ самой Турціи".

Онъ.—„Турція гораздо больше Румеліи, но въ Ливанѣ административная автономія прекрасно привилась".

Я.—„Какое ручательство даете Вы, что произойдетъ серьезная перемѣна въ пользу восточной Румеліи?"

Онъ.—„Мое слово: можете быть увѣрены, что въ Англіи консерваторы, равно какъ и либералы, стремятся доказать, что они не противъ свободы".

Мы о многомъ говорили, но это была главная тема. Лордъ Дёфферинъ предпочиталъ разговаривать объ американскомъ поэтѣ Ловель. Онъ его зналъ лично, а тогда я знала лишь его прекрасныя стихотворенія, а когда посолъ ко мнѣ вошелъ, засталъ меня именно за чтеніемъ произведенія этого талантливаго американца.

Но я все же старалась придерживаться политики.

„Мы въ Англіи, объявилъ мой гость, такое значеніе придаемъ конституціонному принципу, что насъ не легко удовлетворить, а потому не одобряемъ Болгарскую конституцію, находя ее недостаточно либеральной". Какъ видите, несмотря на все свое обаяніе, лордъ Дёфферинъ намѣренъ поддерживать Берлинскій трактатъ и предлагать слова, а не дѣла. Я ему замѣтила: „Надѣюсь, что Вы не разочаруете всѣхъ, какъ это сдѣлалъ лордъ Сализбери.

—„О, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, я тоже Сализбери".

Передъ отъѣздомъ въ Москву, лордъ Дёфферинъ сдѣлалъ мнѣ продолжительный визитъ вечеромъ. Онъ опять настаивалъ на исполненіи Берлинскаго трактата Россіей; а когда я спросила: „кто же позаботится о славянахъ?",—онъ отвѣчалъ, что Англія не менѣе Россіи озабочена ихъ судьбой. Положительно, опредѣленно отвѣтить на мои вопросы онъ не хотѣлъ, или не могъ. Я убѣждала его не подражать лорду Августу Лофтусу въ его политическомъ антагонизмѣ и обратить бо́льшее вниманіе на неоффиціальную Россію. Съ этимъ онъ, казалось, былъ вполнѣ согласенъ. Я горячо порицала тонъ депешъ лорда Сализбери и предупреждала его, что если продлится эта система самохвальства, то немыслимо никакое дружеское соглашеніе между нашими двумя націями. Я говорила... „ну, Вы знаете, какъ я могу говорить, я всегда откровенна, нравится ли это другимъ или нѣтъ".

Послѣ этихъ разговоровъ съ лордомъ Дёфферином̀ъ и неудачныхъ попытокъ заставить либераловъ идти противъ Берлинскаго трактата, г-жа Новикова потеряла бодрость духа. Она писала мнѣ, продолжаетъ Стэдъ:

„Если либералы такъ же плохи, какъ ихъ противники, а таково уже было убѣжденіе нашей печати, какого соглашенія можемъ ожидать отъ Англіи?"

„Я видѣла кн. Горчакова нѣсколько разъ. Онъ благодарилъ меня за мое откровенное мнѣніе въ пользу англо-русскаго соглашенія, котораго и онъ теперь желаетъ".

Фрудъ ничѣмъ не возстановилъ ея колеблющееся довѣріе къ Англіи. 30-го марта она мнѣ писала:

„Получила милое, длинное письмо отъ Фруда. Онъ говоритъ: мы совсѣмъ забыли о востокѣ. У насъ принято мѣнять политическія игрушки. Мы приходимъ въ экстазъ отъ одной, потомъ отъ другой, а потомъ и совсѣмъ о нихъ забываемъ. Я не думаю, чтобы теперь собралось въ Хайдъ-Паркѣ 500 джинговъ, если бы Вы даже шли въ Константинополь. И Ваши немногіе либеральные друзья—не лучше ихъ противниковъ. Оберонъ Гербертъ съ ума сходитъ надъ какой-то

новой философіей. По его мнѣнію, пусть всякій или всякая поступаетъ, какъ вздумается. Намъ остается вотировать, что нравственность и законы—тираннія, и имѣть ихъ мы не желаемъ. Такимъ образомъ, мы прямо очутимся въ положеніи Адама и Евы до грѣхопаденія!"

Новая философія Оберона Герберта была геройской попыткой—привести противогосударственные принципы Герберта Спенсера къ ихъ логическому развитію. Но его предложенія уничтожить всѣ налоги и замѣнить ихъ добровольными пожертвованіями, для пополненія казны, не понравились практическому Джонъ-Буллю.

Мои старанія ее успокоить увѣреніемъ, что все же въ сердцѣ народномъ существуетъ здравомысліе, пропали даромъ. 14-го апрѣля она пишетъ:

„Англійскій умъ въ общемъ очень причудливъ. Фрудъ стоитъ за войну съ зулусами. Фриманъ взбѣшенъ на Фруда, хотя въ восточномъ вопросѣ они были въ согласіи. Гладстонъ посылаетъ благословеніе въ Румелію, но одновременно вдругъ сталъ мириться съ Берлинскимъ трактатомъ. Дёфферинъ не видитъ разницы между Ливаномъ и Румеліей. Правдивый Кинглекъ поддерживаетъ лживаго посла Лаярда. Просвѣщенный свободомыслящій Джорджъ Люисъ сочувствуетъ туркамъ".

Война въ зулусами поглощала вниманіе Англіи весной 1879 г. Фрудъ писалъ г-жѣ Новиковой:

„Меня заботятъ эти несчастные зулусы, которыхъ мы тысячъ сорокъ убьемъ для того, чтобъ остальныхъ обратить въ христіанство. Я серьезно думаю, что число „избранныхъ" давно ограничилось, а мы, большинство, превратились въ отверженныхъ.

„Карлейль боленъ. Онъ слабѣетъ съ каждымъ днемъ, и, когда ему говорятъ, что, выходя, онъ простудится и повредитъ себѣ, онъ отвѣчаетъ, что этого именно онъ и желаетъ, чтобы умереть и избавиться отъ всего.

„Мой „Цезарь" выйдетъ на-дняхъ. Онъ—язычникъ. Боюсь его Вамъ прислать: пожалуй, Вы имъ возмутитесь.

„Какъ Вамъ извѣстно, я очень привязанъ къ Вамъ и буду всегда Вамъ искренно преданный

А. Фрудъ".

Вскорѣ за этимъ онъ писалъ:

14-е апрѣля.

„Дорогая г-жа Новикова. О Вашихъ письмахъ я могу сказать то, что поэтъ Колриджъ сказалъ, когда ему подали чашку чаю:—„она лучше, чѣмъ я того заслуживаю". Не осуждайте насъ всѣхъ на гибель. Наша бѣдная родина продѣлываетъ странныя выходки, за

которыя ей скоро придется поплатиться. Билль, можетъ быть, будетъ внесенъ на-дняхъ. Между тѣмъ помимо нашей воли, нѣкоторые изъ насъ видятъ ясно положеніе дѣлъ, и мы смѣемся только потому, чтобъ не плакать. Не подозрѣвайте меня виноватымъ въ Зулусской войнѣ. Я ее ненавижу. То немногое добро, что я былъ въ состояніи оказать въ Африкѣ, уничтожено. Два послѣдніе года я протестовалъ, но меня не хотѣли слышать, и вотъ результатъ. Мы убьемъ много тысячъ храбрыхъ людей. Увы, мы, навѣрное, убьемъ почти столько же женщинъ. Разрушая селенія, мы одинаково уничтожаемъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, покрытыхъ лишь дымомъ. Мы опозоримся на весь просвѣщенный міръ!

„Хочется Вамъ послать моего „Цезаря“, хотя боюсь, что Вы не найдете его достойнымъ быть принятымъ. Карлейль говорилъ мнѣ, что онъ не видитъ въ немъ хорошихъ сторонъ, что онъ не ясенъ, не хорошо составленъ, словомъ—неудаченъ. Онъ своей критикой привелъ меня въ состояніе „мокрой курицы“ по выразительному изображенію Вольтера, и я почти вѣрю, что онъ правъ. Но другіе относятся снисходительнѣе къ моей книгѣ, и я начинаю надѣяться, что на этотъ разъ ошибается Карлейль. Онъ могъ не найти того именно, чего онъ желалъ, и поэтому былъ не въ духѣ. Мы скоро узнаемъ, и если вердиктъ публики будетъ благопріятенъ, книга будетъ Вамъ выслана. Карлейль все слабѣетъ и сердится на то, что онъ живъ. Онъ потерялъ интересъ ко всему, что происходитъ на землѣ, и все глубже и глубже занятъ мыслью о будущемъ. Онъ увѣряетъ, что Гёте вѣрилъ въ загробную жизнь, и удивляется—почему. Гёте по-моему смотрѣлъ на это, какъ и Рабле, какъ на великое „можетъ быть“. Цезарь торжественно говорилъ „нѣтъ“, за что я хвалю его искренность и превосходство надъ ханжествомъ. Мнѣ очень пріятны Ваши письма. Пожалуйста, пишите. Вамъ преданный

Фрудъ“.

Въ интересномъ письмѣ отъ 23-го іюня Фрудъ говоритъ:

„Дорогая г-жа Новикова, у меня такая извращенная натура, что, когда я получаю неотложный приказъ что-нибудь сдѣлать, я сейчасъ же возмущаюсь и дѣлаю противное, вслѣдствіе чего я три недѣли не отвѣчалъ на Ваши письма. Времени у меня было много, и я могъ бы написать легко и съ большимъ удовольствіемъ для себя, но Вы мнѣ приказали написать немедленно, и потому я не бралъ пера въ руки всю средину лѣта. Къ тому же, мнѣ нужно было написать длинную статью о знаменитомъ Африканскомъ дѣлѣ по просьбѣ министровъ!! Я, въ вопросѣ о колоніяхъ, на ихъ сторонѣ. Это не измѣна съ моей стороны, правда, за которую всегда стою.

„Карлейль уѣхалъ въ Шотландію. Его племянница выходитъ замужъ черезъ двѣ недѣли, и они будутъ всѣ вмѣстѣ жить; это теперь устроилось.

„Мы глубоко огорчены смертью принца [1]). Намъ неудобно чувствовать, что это событіе привлекаетъ на насъ взоры всего міра, а мы сознаемъ, что, какъ военная нація, мы не увеличили свою славу въ этой войнѣ. Послѣ нашихъ громкихъ словъ, сказанныхъ два года назадъ, въ Россіи, вѣроятно, находятъ забавными наши дѣйствія въ странѣ зулусовъ. Вся наша дѣйствующая армія была послана, чтобъ покорить страну, пространствомъ въ половину Ирландіи, населенную нагими дикарями, и, между тѣмъ, мы не можемъ съ ними справиться. Я не жалѣю объ этомъ. Я зналъ давно, что, какъ нація, мы будемъ падать все ниже и ниже, пока существуетъ великолѣпная британская конституція, и чѣмъ скорѣе этотъ обманъ будетъ разсыпанъ вдребезги, тѣмъ лучше. Если Вашъ Государь увлечется мыслью установить что-нибудь подобное у Васъ, я на другой же день продаю всѣ русскія акціи.

„Вы спрашиваете, вижу ли я Кинглека? Нѣтъ, я никого не вижу. Всю весну я велъ жизнь отшельника, не обѣдалъ ни у кого въ гостяхъ. Я пользуюсь привилегіей моихъ преклонныхъ лѣтъ, и, подъ предлогомъ необходимости рано ложиться спать, я отказываюсь отъ всякихъ приглашеній. Вчера вечеромъ встрѣтилъ Нютона изъ Британскаго музея. Онъ только-что возвратился изъ Кипра и даетъ прелестную картину этого острова.

„Всѣ партіи, повидимому, согласны терпѣть Турцію, даже джинги перестали вѣрить, что, когда зарычитъ британскій левъ, земля должна содрогнуться. А британскій левъ, я думаю, живъ еще въ молчаливыхъ массахъ англійскаго народа, скромно работающихъ и не думающихъ о политикѣ. Но животное, кричащее въ парламентѣ и въ лондонскихъ клубахъ, совсѣмъ другое, съ длинными ушами въ львиной шкурѣ льва, умершаго вѣка назадъ. Если бы онъ молчалъ, его бы еще десятки лѣтъ принимали за то, чѣмъ онъ имѣетъ претензію быть, но онъ реветъ каждое утро въ тысячахъ газетъ. А каждый меньшій оселъ старается попасть въ его тонъ. Нѣтъ угла въ мірѣ, гдѣ бы его настоящій характеръ не проявлялся бы теперь.

Преданный Вамъ А. Фрудъ“.

Нѣсколько мѣсяцевъ въ перепискѣ Ольги Алексѣевны происходитъ перерывъ. Когда она возобновляется, политическій горизонтъ

---

[1]) Сына Наполеона 3-го.

уже просвѣтлѣлъ. Въ августѣ она поѣхала въ Маріенбандъ и писала Гладстону, что заѣдетъ въ Мюнхенъ. Онъ отвѣчалъ:

„Дорогая г-жа Новикова, по странному совпаденію, я тоже долженъ ѣхать въ Мюнхенъ, черезъ недѣлю, по пути въ Венецію. Надѣюсь быть тамъ въ ночь на 16-е, и д-ръ Деллингеръ будетъ знать, гдѣ я остановлюсь. En attendant Вамъ преданный

Гладстонъ".

По не менѣе странному совпаденію ей было суждено познакомиться въ томъ же мѣсяцѣ съ другимъ замѣчательнымъ либераломъ. Она мнѣ пишетъ 15-го сентября:

„Въ Маріенбадѣ у меня были интересные разговоры съ шотландскимъ членомъ парламента Кампбель-Баннерманъ. Онъ очень умный и здравомыслящій человѣкъ. Я показала ему нѣсколько статей „Сѣвернаго Эхо". Отъ „Friends or Foes" онъ въ восхищеньи и очень рекомендовалъ мою книжку своей женѣ".

„Я надѣюсь быть въ Мюнхенѣ сегодня вечеромъ, а завтра надѣюсь повидаться съ д-мъ Деллингеромъ. По счастливой случайности, Гладстонъ долженъ пріѣхать въ Мюнхенъ завтра, или послѣ завтра. 20-го я ѣду во Флоренцію къ моей матери и останусь у нея до 26-го сентября. Пишите туда".

Встрѣча съ Гладстономъ и Деллингеромъ была очень интересна. Говорили о старо-католицизмѣ, о древнемъ Китаѣ и о современной политикѣ. Гладстонъ страшно огорчилъ директора музея, доказавъ, что его драгоцѣннѣйшій экземпляръ китайскаго фарфора былъ поддѣлкой. Тотъ поблѣднѣлъ, услыхавъ это замѣчаніе. Я и не подозрѣвала, что Гладстонъ такой знатокъ фарфора.

Характерны объясненія Фруда на Афганскія бѣдствія. 10-го сентября 1879 года онъ пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Когда Вы пріѣдете, Вы найдете Афганское дѣло въ самомъ разгарѣ. Какъ смѣшно должно быть Вамъ, русскимъ, смотрѣть, какъ наше милое правительство запуталось въ сѣти, имъ самимъ созданныя. Никому страна не нужна. Одна партія торжествуетъ надъ ошибками другой; кровопролитіе въ Кабулѣ, война съ зулусами, гибель урожая отъ дурной погоды въ Индіи, все это—козыри въ рукахъ либераловъ. Чортъ возьми либераловъ и торіевъ и пошли судьба или провидѣніе Цезаря или Кромвеля несчастной Англіи, который вытащилъ бы насъ изъ грязи.

„Карлейль здоровъ и больше чѣмъ когда-нибудь увлекается катаньемъ на омнибусѣ".

Бѣдный маіоръ Каванари былъ убитъ въ Кабулѣ—одна изъ многихъ жертвъ Биконсфильдъ—Литонской политики въ Афгани-

станѣ. Смерть Каванари и неудачи Афганской кампаніи возобновили недоброжелательство между Англіей и Россіей, и послѣ пріятныхъ дней въ Мюнхенѣ г-жа Новикова снова предалась отчаянію. На мои замѣчанія она отвѣчала:

„Вы иногда пишете, какъ будто бы я потеряла всякій интересъ къ великимъ вопросамъ, занимающимъ всѣхъ насъ, тогда какъ въ дѣйствительности они мнѣ очень дороги, дороже, чѣмъ были. Но, говоря откровенно, я чувствую иногда отвращеніе. Читали Вы передовую статью въ „Times“, въ которой стараются доказать, какъ честно соблюдала нейтралитетъ Англія во время нашей войны съ Турціей? Ошеломляетъ такая явная ложь! Не для идіотовъ же пишетъ Таймсъ? Но довольно, я увѣрена, что Вы все это такъ же сознаете, какъ и я“.

Не въ одномъ Мюнхенѣ въ ту осень встрѣтилась Ольга Алексѣевна съ Гладстономъ. M-r de Girardin, знаменитый французскій публицистъ и старый другъ г-жи Новиковой, услыхавъ о пріѣздѣ Гладстона въ Парижъ, просилъ Ольгу Алексѣевну, въ честь которой онъ давалъ обѣдъ, пригласить г-на и г-жу Гладстонъ съ дочерью на этотъ обѣдъ и, если они примутъ приглашеніе, то узнать, кого бы они желали встрѣтить у него. Гладстонъ отвѣтилъ:

Отель Бедфордъ 17 октября 1879 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Совершенно искренно говорю: мы такъ довольны видѣть M-r de Girardin, что не можемъ избирать его гостей. Больше всѣхъ я бы желалъ видѣть Вашего брата генерала Кирѣева и M-r François Le Normand, но я не увѣренъ, въ Парижѣ ли онъ. Въ библіотекахъ мнѣ этого не могли сказать.

(Гладстонъ зашелъ къ г-жѣ Новиковой и сказалъ ей по секрету: „Я бы очень желалъ не встрѣчать Гамбетту у M-r de Girardin. Можно ли избѣжать этой встрѣчи?).

„Нѣтъ ли у Васъ адреса г-на Лойсона „Père Hyacintti“? продолжалъ онъ. Я цѣлую недѣлю безплодно пытаюсь его видѣть, но знаю, что каждое воскресенье къ нему собирается его громадная паства. Такіе города, какъ Лондонъ и Парижъ,—это цѣлый міръ.

Вашъ искренно Гладстонъ“.

„Въ числѣ присутствующихъ на обѣдѣ, говоритъ г-жа Новикова, былъ графъ Лесепсъ, Эдуардъ Шереръ, братъ мой, Александръ Кирѣевъ и г-нъ Барду эксъ-министръ. Нѣсколько неожиданно послѣ обѣда г-нъ Барду всталъ и произнесъ длинную рѣчь по-французски, относя ее къ хозяину дома и къ его гостямъ—англичанамъ.

Эта рѣчь насъ нѣсколько непріятно смутила, потому что мы не были увѣрены, владѣетъ ли достаточно французскимъ языкомъ

Гладстонъ, чтобы ее понять. Представьте себѣ наше удивленіе, когда онъ всталъ и сказалъ блестящій спичъ по-французски, ссылаясь на великія блага, принесенныя просвѣщенію соединенными дѣйствіями Франціи и Англіи".

26-го октября она писала: „Я очень интересно провела время въ Парижѣ".

Изъ Парижа она поѣхала въ Гагу. Любимая ею королева Голландская Софія умерла.

27-го октября она писала: „Здѣшній нашъ посолъ и его жена (Столыпины) даютъ въ честь мою большой обѣдъ въ будущій четвергъ. Ихъ очень забавляетъ глупость англичанъ, называющихъ меня агентомъ Горчакова. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли выдумать что-нибудь глупѣе?"

Когда она вернулась въ Лондонъ, ее встрѣтила рѣчь лорда Сализбери, который вдругъ публично привѣтствовалъ Австро-Германскій союзъ, какъ необыкновенно радостное событіе для Англіи [1]).

По обыкновенію, она прежде всего написала Гладстону, прося его высказаться по этому поводу. Онъ отвѣчалъ:

10-е ноября 1879 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я понимаю Ваши чувства по поводу недавней рѣчи Сализбери, но то, что̀ я могъ сказать по этому поводу ему или либераламъ, давно извѣстно и въ печати. Прежде чѣмъ Вы получите это письмо, Вы увидите, что lord Сализбери уже смягчилъ свой тонъ. Конечно, мнѣ надо коснуться этого предмета въ Мидльтонѣ черезъ двѣ недѣли. Вы знаете мое направленіе, и весь свѣтъ его знаетъ. Вопросъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ Россія окончила свое великое предпріятіе относительно Болгаріи, но справедливость и осторожность всегда однѣ и тѣ же, съ моей стороны. Что касается до генерала Кауфмана, то я думаю, что онъ, насколько мнѣ это извѣстно, не дѣйствовалъ такъ же осторожно, какъ Вы. Я много разъ Вамъ говорилъ, что Ваше правительство не достаточно обращаетъ вниманія на то, чтобы весьма выгодно для себя извѣщать о своемъ дѣлѣ посредствомъ печати главныя столицы Европы—Парижъ, Лондонъ, Вѣну. Возьмите такое заявленіе, какъ статья Ролинсона въ Nineteenth-Century за августъ. Какъ

[1]) Газеты говорятъ, не знаю, правильно ли, что состоялся оборонительный союзъ между Германіей и Австріей. Я долженъ допустить этотъ фактъ, но Вамъ, которые дорожите миромъ въ Европѣ, добавлю, что эта вѣсть до извѣстной степени служитъ гарантіей мира.

бороться съ подробностями этой злобной статьи безъ должныхъ свѣдѣній?

„Сестра моя была очень заинтересована разговоромъ съ Вами о Россіи.

Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ".

Послѣ полученія этого письма, г-жа Новикова написала статью, болѣе всѣхъ другихъ замѣченную и распространенную: „Лордъ Сализбери, какъ „добрый вѣстникъ".

„Vanity fair" напечаталъ длинную статью, доказывающую, что г-жѣ Новиковой, наконецъ, удалось удовлетворить руссофиловъ и туркофиловъ, что видно изъ слѣдующей выдержки: „г-жа Новикова пріѣхала въ Лондонъ, чтобъ вознаградить насъ за ранній отъѣздъ графа Шувалова, быть можетъ, даже замѣстить его нѣкоторымъ образомъ, какъ вѣрнаго совѣтника Гладстона и лорда Дерби. Когда г-жа Новикова пріѣзжаетъ въ Лондонъ, всегда случается что-нибудь интересное. „Сѣверное Эхо" (Northern Echo) очень радикальная и очень руссофильская газета. Гладстонъ, конечно, хвалитъ ее, а г-жа Новикова, конечно, въ ней пишетъ. Это старый способъ русскихъ снабжать мозгами своихъ англійскихъ партизановъ, и г-жа Новикова, какъ очень талантливая писательница, снабжаетъ этотъ листокъ посредствомъ своихъ статей умомъ, вполнѣ отсутствующимъ въ другихъ статьяхъ. Во вторникъ она дѣлаетъ обзоръ положенія въ Европѣ и новаго Австро-Германскаго союза съ такими замѣчаніями, которыя, можно подумать, что взяты изъ „Vanity fair", такъ они одинаковы съ тѣми, что напечатаны по этому предмету въ этой газетѣ... „Установленіе Германской имперіи, говоритъ она, „измѣнило все положеніе Европы. Перемѣна произошла не тогда, когда князь Бисмаркъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Вѣну, но съ объявленія Германіи имперіей въ 1871 г. Неужели неизвѣстно въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, что Россія играла нѣкоторую роль въ этой исторической драмѣ?" Г-жа Новикова продолжаетъ: „мы не желаемъ затѣвать войну съ Германіей, и думаю, что Германія никакого намѣренія ссориться съ нами не имѣетъ". Она заявляетъ, что слухъ, переданный „Soleil" о томъ, что кн. Горчаковъ разсерженъ на Бисмарка—сущая ложь.

„Г-жа Новикова касается также Австро-Германскаго союза и такъ же, какъ мы, смѣется надъ мыслью, что онъ направленъ противъ Россіи. Толкая Австрію на востокъ, говоритъ она, предполагалось ослабленіе Англіи, а такъ какъ Россія принимала самое дѣятельное участіе въ этомъ толчкѣ, нельзя думать, чтобъ она боялась по-

слѣдствій его для себя. Г-жа Новикова утверждаетъ потомъ: „Россія не допуститъ Австрію завладѣть Балканскимъ полуостровомъ". Она говоритъ: „въ Москвѣ замѣчаютъ шутливо: въ Константинополѣ глава Турціи—паціентъ articulo morti, а въ Вѣнѣ въ этой же роли государственной паціентки—старая женщина, совершенно вѣрно. Австрію съ ея старыми и новыми границами раздѣлятъ, какъ раздѣлили Польшу..."

„Надо надѣяться, что это разоблаченіе плановъ Россіи, сдѣланное русскимъ авторомъ и помѣщенное на страницахъ руссофильской газеты, достаточно, чтобы подтвердить то, что мы давно видѣли и заявляли", заключаетъ „Vanity fair".

Но вотъ записка отъ Кинглека г-жѣ Новиковой: „Я прочелъ Вашу статью въ „Сѣверномъ Эхо" съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ. По-моему, она самая интересная изъ всѣхъ написанныхъ Вами; мысли такъ прелестно блестятъ остротами. Вы ставите въ уголъ обѣ Австріи и запрещаете имъ думать, что онѣ существуютъ. Относительно лорда Сализбери Вы сохраняете Ваше милое, лучезарное выраженіе лица, но его Вы наряжаете въ дурацкій колпакъ".

Карлейль написалъ ей: „я прочелъ Вашу статью, она хороша, очень хороша".

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Фрудъ говоритъ въ своемъ письмѣ: „совершенно вѣрно, что былъ возбужденъ проектъ для Австріи захватить Болгарію и окончательно Константинополь. Это были „такъ называемыя, добрыя радостныя вѣсти".

Передъ началомъ выборовъ въ 1880 г., Фрудъ писалъ г-жѣ Новиковой:

„Я серьезно считаю возможнымъ, что теперь лордъ Биконсфильдъ будетъ побитъ, но пока игра въ его рукахъ и вѣроятно, или по крайней мѣрѣ вѣроятно, что если онъ увидитъ, что выборы противъ него, онъ можетъ рѣшиться на смѣлый coup d'état. Пріятель Лаярда, только что возвратившійся изъ Константинополя, сообщилъ мнѣ два дня назадъ, что турецкое правительство близко къ паденію, что Диззи это знаетъ, и что въ эту минуту происходятъ частыя и важныя сообщенія съ Австріей. Я смѣясь говорю: „Я думаю, что Вы наградите Австрію Константинополемъ?" Пріятель мой отвѣтилъ: „Вы могли бы хуже отгадать. Продаю Вамъ, за что самъ купилъ", заключаетъ Фрудъ и прибавляетъ: „Торіи, пожалуй, сдѣлали бы это, если бы власть была въ ихъ рукахъ".

Интересныя письма г-жа Новикова получала отъ каноника Лиддона.

Въ своей статьѣ г-жа Новикова находила репутацію лорда

Сализбери въ палатѣ лордовъ омраченною Шуваловскимъ соглашеніемъ. Посылая эти замѣчанія канонику Лиддону, Ольга Алексѣевна просила его, какъ стараго друга лорда Сализбери, объяснить ей поведеніе послѣдняго. Каноникъ отвѣтилъ ей двумя длинными письмами, восхваляя Сализбери. Онъ началъ съ сожалѣнія „о безразсудной и вредной зависти къ Россіи въ Англіи", которую, къ несчастью, питаетъ нынѣшнее правительство и большая часть англичанъ. „Лордъ Сализбери вынужденъ говорить оффиціальнымъ языкомъ", прибавляетъ каноникъ. „Очень жаль, что, работая съ Биконсфильдомъ, Сализбери вынужденъ примѣнять свои слова къ требованіямъ своего оффиціальнаго положенія. Я его знаю много лѣтъ, лѣтъ тридцать, и я вполнѣ убѣжденъ, что онъ не способенъ сознательно сказать или сдѣлать что бы то ни было, несогласное съ совѣстью. Если въ его публичныхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ я нахожу поступки, которые меня огорчаютъ, я все же чувствую, что настанетъ день, когда ихъ побужденія объяснятся. Поэтому я не могу согласиться съ Вами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи, но я не забываю, что безъ личнаго знакомства съ лордомъ Сализбери и въ виду оцѣнки нѣкоторыхъ общественныхъ событій и рѣчей, Вы могли не оказывать ему снисхожденія, которое съ моей стороны было бы естественно и даже обязательно.

„Живя среди консерваторовъ, я часто слышу жестокія нападки на Гладстона и его управленіе. Я самъ не могъ всегда соглашаться съ Гладстономъ и всей его законодательной системой, напр.: объ университетахъ, предметъ, касающійся, важнѣйшихъ интересовъ и очень мнѣ близкій, тѣмъ не менѣе я всегда цѣню его искренность, на счетъ лорда Сализбери повторяю: отдѣлите его оффиціальную дѣятельность отъ его личнаго характера. Вы скажете, что онъ могъ бы уйти изъ кабинета, но Вамъ достаточно извѣстна политическая жизнь, чтобъ знать, какія бываютъ оковы въ ней и что въ тревогахъ политическаго конфликта героизмъ доступенъ немногимъ.

„Надо помнить, что лордъ Сализбери, своими рѣчами и поступками въ Берлинѣ, которыхъ я не защищаю, въ то же время спасъ насъ въ критическую минуту отъ войны съ Россіей, въ которую лордъ Биконсфильдъ хотѣлъ насъ втянуть.

„Надѣюсь видѣть Васъ по пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ, и прошу Васъ передать мое почтеніе генералу Кирѣеву; остаюсь, дорогая г-жа Новикова,

Вамъ преданный Лиддонъ".

На другой день добросовѣстный каноникъ возвращается къ этой же темѣ:

„Несомнѣнно, я неправильно вчера выразился, но я хотѣлъ сказать, что Вы иначе бы судили о лордѣ Сализбери, если бы знали его лично много лѣтъ. Вы бы знали, что онъ совершенно неспособенъ сознательно сказать неправду или поступить нечестно. Весь свѣтъ знаетъ, что онъ въ 1876 г. предпочелъ выйти изъ правительства, чѣмъ поступить противъ своего долга. Разсуждая объ общественныхъ дѣятеляхъ и ихъ общественныхъ дѣлахъ, надо помнить, что многое отъ публики скрыто. Если бы его знали лично, Вы бы не измѣнили Вашего мнѣнія о достоинствахъ восточнаго вопроса, но Вы бы нѣсколько иначе смотрѣли на его отношеніе къ нему.

„Дорогая г-жа Новикова, могу прибавить, что я съ сожалѣніемъ прочелъ Ваше мнѣніе, что Россія должна бы объявить войну за Берлинскій трактатъ! Мнѣ въ голову никогда не приходило, что Россія уступила угрозѣ. Джингоисты это говорили для того, чтобы возвысить значеніе лорда Биконсфильда въ Берлинѣ, а также, чтобъ выйти изъ смѣшного положенія, въ которомъ они были сами. На мой взглядъ, русскіе государственные люди дѣйствовали, какъ должны дѣйствовать хорошіе люди, убѣжденные въ силѣ и правотѣ дѣла, и слишкомъ разсудительные, чтобы легко затронуть демона войны. Они, конечно, чувствовали, что Берлинскій трактатъ обезпечилъ самые главные результаты ихъ самопожертвованія, а что остальное придетъ со временемъ. Какъ благородные освободители угнетенныхъ христіанъ, они сдѣлали все, что было возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Они бы не могли освободить христіанъ за Балканами или въ Азіи, если бы одновременно пришлось вести войну съ двумя или болѣе европейскими государствами.

„Простите мою откровенность, доказывающую мою увѣренность, что Вы не истолкуете ее въ дурномъ смыслѣ. Остаюсь,

искренно преданный Лиддонъ“.

Фрудъ, говоритъ Стэдъ, всегда отвергалъ все хорошее въ либералахъ. Его пессимизмъ и недовѣріе вліяли на г-жу Новикову въ ея мрачныя минуты. Такъ, 22-го ноября она мнѣ пишетъ:

„Послѣдній разъ, что я видѣла Фруда, онъ мнѣ сказалъ: „Я думаю, что если бы либеральная партія была во главѣ правительства, она бы поступала такъ же, какъ лордъ Биконсфильдъ, и я считаю большимъ счастьемъ для Европы, что консерваторы правили, когда наступило испытаніе. Я не довѣряю какой-нибудь особенной дружбѣ Гладстона къ Россіи. Самое безопасное, чтобъ Ваша родина шла путемъ разумнымъ и осторожнымъ; но твердымъ, надѣясь на свои силы и на правоту своего дѣла“.

Около этого времени г-жа Новикова послала Фруду копію „Nouvelle Revue". Онъ написалъ ей:

„Благодарю за „Revue" письменно, на случай, если не застану Васъ дома. Тамъ говорится то, что я повторяю послѣднюю четверть вѣка, но я убѣдился въ одномъ, что если Вамъ удастся указать простой, благоразумный путь, Вы можете быть увѣрены, что онъ не будетъ принятъ англійскими политиками".

Надо сказать, что Гладстонъ далъ поводъ пессимизму Фруда своимъ замѣчаніемъ о Россіи, какъ о „неподходящемъ орудіи" для освобожденія Болгаріи. Это неудачное выраженіе вызвало со стороны г-жи Новиковой вспышку негодованія въ защиту русской иностранной политики, о которой будетъ говорено подробно въ другой главѣ. Гладстонъ писалъ 27-го ноября свои извиненія по этому поводу:

„Дорогая г-жа Новикова, благодарю Васъ очень за письмо, и могу сдѣлать къ нему только слѣдующую поправку: я никогда не думалъ покидать своихъ взглядовъ. То, что вы указываете, не что иное, какъ парламентскій пріемъ, не легко объяснимый посторонникъ людямъ. Вы имѣете основаніе меня порицать. Заваленъ работой".

Дѣло въ томъ, что въ одной изъ своихъ рѣчей Гладстонъ напалъ на миссію генерала Столѣтова въ Кабулѣ... Г-жа Новикова, пораженная тѣмъ, что Гладстонъ порицалъ то, что Биконсфильдъ прощалъ, снова требовала объясненія.

Ховарденъ 10-е декабря 1879 г.

„Дорогая г-жа Новикова, долженъ отвѣтить наскоро на Вашъ вопросъ, такъ какъ я занятъ чрезмѣрно. Насколько я помню, я сказалъ, что Россія,ославъ свою миссію, поступила непростительно по отношенію къ эмиру. Возможно, что репортеры, вообще работающіе кое-какъ, не замѣтили этого оттѣнка.

„Что касается Англіи, то нахожу, что миссія Столѣтова при данныхъ обстоятельствахъ Англіи не касалась. Вы любите откровенность, и я надѣюсь, что Вы всегда будете примѣнять ее къ намъ. По отношенію ко мнѣ Вы не можете быть достаточно чистосердечны. Я буду также; я скажу, что выраженіе мое было умѣренно и скромно. Я думаю, что никогда не существовало такого бѣднаго слабаго правителя, обиженнаго двумя великими державами изъ-за личнаго антагонизма, какъ несчастный Эмиръ. Послѣ того, что Россія сдѣлала, ей бы слѣдовало, по моему мнѣнію, поддержать его противъ насъ. Я бы сказалъ, что Вы съ нимъ обращались, какъ нельзя хуже, еслибъ мы не поступали съ нимъ еще

хуже. Далъ бы Богъ, чтобы насталъ роспускъ парламента, чтобъ знать окончательно планы правительства.

Шефильдскіе выборы очень важны; въ публикѣ ожидаютъ, что мы побѣдимъ.

Поспѣшно Вамъ преданный Гладстонъ".

Въ концѣ 1879 г. г-жа Новикова познакомилась съ Рудольфомъ Суфильдъ, отказавшимся отъ католичества, послѣ провозглашенія догмата непогрѣшимости. Онъ былъ восторженный руссофилъ и преданный послѣдователь Гладстона. Г-нъ Суфильдъ слышалъ высокіе отзывы Гладстона о г-жѣ Новиковой, и они произвели на него большое впечатлѣніе: онъ говорилъ, что Гладстонъ часто ссылался на ея слова съ величайшимъ довѣріемъ. Однажды г-нъ Суфильдъ сказалъ г-жѣ Новиковой, что Гладстонъ выражалъ ему свои сожалѣнія о томъ, что русскіе не заняли Константинополя въ 1878 г. и тѣмъ не покончили разъ навсегда съ восточнымъ вопросомъ. Если Гладстонъ былъ такого мнѣнія, что весьма вѣроятно, то жалко, что онъ никому этого не высказывалъ, кромѣ г-на Суфильда.

Г-жа Новикова готовила къ печати „Россія и Англія". Фрудъ взялся написать предисловіе. 21-го ноября онъ ей пишетъ:

„Вамъ должно быть пріятно сознавать, что пріѣздомъ къ намъ Вы оказали великую пользу Вашей странѣ и Англіи. Перо перетянуло бы вѣсы въ пользу войны прошлый годъ, если бъ не Ваши усилія".

Въ декабрѣ она напомнила ему его обѣщаніе написать предисловіе къ ея книгѣ. Онъ отвѣчалъ:

11 декабря 1879 г.

„Дорогая г-жа Новикова, Вы меня смущаете, я очень занятъ. Не могу писать или даже думать о Вашемъ предисловіи прежде, чѣмъ кончатся эти шотландскія лекціи. Я не зналъ, что это спѣшно, кромѣ того мнѣ нужны всѣ Ваши статьи и нужно прочесть ихъ прежде, чѣмъ написать что-нибудь, достойное такого блестящаго общества. Церемоніймейстеръ, который вводитъ важную даму на балъ, долженъ быть въ парадномъ мундирѣ.—Страшно спѣшу...

Преданный Вамъ Фрудъ".

Вотъ еще выдержки изъ его декабрьскихъ писемъ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

18-е. „Я вчера забылъ о своей работѣ и соблазнился льдомъ. Я люблю его: онъ такой гладкій и холодный, а когда я надѣваю коньки, я воображаю себя молодымъ. Въ то время, когда мнѣ нужно было быть на Альбмарле-Стриттъ, я скользилъ одинъ въ темнотѣ на пруду частнаго сада въ Regent's Park и былъ совер-

шенно счастливъ. Вчера получилъ цѣлый мѣшокъ рецензій „Цезаря“ изъ Америки. Тамъ я нашелъ, повидимому, сочувствующую публику. Удивительный интересъ нашли въ книгѣ. Я изобразилъ Цезаря, главнымъ образомъ, со стороны его человѣческихъ свойствъ, не обращая большого вниманія на мелкія подробности. Американцы этимъ не такъ дорожатъ, какъ у насъ. Въ общемъ, я доволенъ“.

31-е. „Я не могу сказать, произведутъ ли выборы перемѣну? Будь я республиканецъ, я бы желалъ еще на шесть лѣтъ тройственнаго правленія Викторіи-Биконсфильдъ-Сализбери. Послѣ этого мы были бы готовы къ Culbute générale.

„Прощайте, какъ могу я Васъ забыть?“.

Въ Лондонѣ г-жа Новикова находилась обыкновенно среди своихъ друзей, салонъ ея посѣщали преимущественно люди, раздѣлявшіе ея взгляды на политическіе и религіозные вопросы, хотя, конечно, бывали исключенія. Иногда она бывала in partes infidelium. Въ декабрѣ 1879 г. она посѣтила въ Кембриджѣ сэра Генри Менъ.

По возвращеніи она писала мнѣ, говоритъ Стэдъ:

2-е декабря 1879 г.

„Вы можете себѣ легко представить, съ какимъ интересомъ я провела время въ Кембриджѣ. Лэди Менъ очень внимательна. Сэръ Генри очень уменъ и умѣренныхъ воззрѣній. Я встрѣтилась тамъ съ нѣкоторыми людьми, между прочимъ съ дочерью Гладстона—Еленой, слушательницей одного изъ женскихъ колледжей, и съ г-мъ Оскаръ Браунъ, совсѣмъ русскимъ, какъ онъ себя называетъ. Но здѣсь былъ ужасный человѣкъ—генералъ Стриче, alter ego Литтона. Я никогда еще не видѣла такого экземпляра!“

Сообщено Е. С. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Стендаль въ Москвѣ и въ Смоленскѣ.

Пожаръ Смоленска и Москвы въ описаніи будущаго изысканнѣйшаго писателя 20-хъ и 30-хъ гг.—тема этихъ немногихъ писемъ, предлагаемыхъ въ переводѣ русскому читателю. Писавшій ихъ не былъ новичкомъ въ военномъ дѣлѣ: волею судебъ и вліятельнаго родственника, графа Дарю, впослѣдствіи генералъ-интенданта Анри Бейль (Стендаль—литературный псевдонимъ) со школьной скамьи 17-лѣтнимъ мальчикомъ въ 1800 г. переходитъ Сенъ-Готардъ и получаетъ первое боевое крещеніе въ Италіи, которая отнынѣ становится для него землей обѣтованій. Годы ученія въ Парижѣ потомъ снова смѣняются годами походовъ, измѣнявшихъ карту Европы—недаромъ увѣрялъ Гейне въ „Buch Le Grand“, что, учась въ ту пору, онъ не могъ осилить географіи. Уже въ качествѣ интенданта Бейль вмѣстѣ съ арміей вступаетъ въ Берлинъ и Вѣну, въ Брауншвейгѣ, оставшись безъ гарнизона, защищаетъ лазаретъ отъ мятежной толпы горожанъ, возставшихъ противъ французовъ; наконецъ, становится участникомъ нашествія двунадесяти языковъ на Россію и рокового отступленія великой арміи. Кстати сказать, его энергіи армія была обязана единственной выдачей провіанта на пути къ Березинѣ. Тетради дневника, который велъ Стендаль въ походѣ, къ сожалѣнію, погибли во время отступленія; но и немногія сохранившіяся письма содержатъ очень цѣнный матеріалъ для характеристики настроенія французовъ, которые послѣ пожара Смоленска, находясь уже въ Москвѣ, разсчитывали на придворные спектакли и концерты, собираясь „повидимому“ зимовать въ Россіи. Черезъ два мѣсяца самые счастливые, въ числѣ коихъ былъ и Стендаль, могли сообщить роднымъ, что потеряли все, кромѣ того платья, что на нихъ.

Но всѣ невзгоды 1812 г. не могли помрачить обаянія Наполеона, которому Стендаль остался вѣренъ до конца; въ январѣ 1814г., когда имперія находилась при послѣднемъ издыханіи, онъ сопровождалъ чрезвычайнаго комиссара, сенатора графа С. Валье въ Гренобль, чтобы организовать защиту города и Савойской границы отъ австрійцевъ. Таковъ послужной списокъ будущаго писателя: матеріалъ для своихъ произведеній, для излюбленной имъ „науки о человѣкѣ“ онъ черпалъ не изъ архивной пыли.

Сподвижникъ Наполеона до его паденія, Стендаль послѣ Реставраціи надолго—до іюльской революціи—сошелъ съ общественно-политической сцены. Его захватываетъ творчество, искусство, любовь. Изъ-подъ его пера выходятъ монографіи, посвященныя Гайдну и Россини; „Исторія живописи въ Италіи“, опытъ философіи искусства, къ которой потомъ сводятся всѣ теоріи Тена; остроумный памфлетъ о романтизмѣ; непринужденные очерки Италіи; беллетристическіе этюды; наконецъ, единственный въ своемъ родѣ и, къ сожалѣнію, совершенно у насъ неизвѣстный трактатъ о „наукѣ страсти нѣжной“—„De l'amour“—своеобразная и утонченная метафизика любви и поэма, и докторская диссертація, и дневникъ влюбленнаго. Но этого мало. Родоначальникъ психологическаго романа, въ самыхъ зрѣлыхъ и совершенныхъ своихъ произведеніяхъ въ „Le Rouge et le Noir“ и „La Chartreuse de Parme“ Стендаль не только развиваетъ и иллюстрируетъ положенія своего трактата „О любви“, но становится такимъ же лѣтописцемъ бонапартизма, какъ Беранже, пѣвецъ Наполеона. Не говоря о незаконченномъ жизнеописаніи Наполеона, составленномъ отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, Стендаль на любимыхъ своихъ герояхъ, своемъ alter ego, Жюльенъ Сорелѣ и Фабриціи дель Донго, покорныхъ властителю думъ своего поколѣнія, глубже, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему писателей, не исключая Бальзака, вскрываетъ и анализируетъ тайну обаянія Наполеона для молодой Франціи и культа его имени, запечатлѣваетъ то безпокойное броженіе умовъ, которое не прекратилось, а только спряталось, ушло вглубь послѣ паденія кумира.

Въ Жюльенѣ Сорелѣ романистъ изображаетъ одного изъ тѣхъ тысячъ раннихъ честолюбцевъ изъ народа, которые, родившись вслѣдъ за поколѣніемъ „Маленькаго капрала“ и его сподвижниковъ, вознесенныхъ съ нимъ волной удачи изъ ничтожества къ славѣ и власти, уже не могутъ, разбуженные мощнымъ толчкомъ, оставаться на днѣ, а вступаютъ одинъ на одинъ въ ожесточенный бой съ обществомъ, съ привилегированными классами за свое право на жизнь. Лозунгъ дня—послѣдніе да будутъ первыми! За-

горается самая жестокая изъ войнъ—война соціальная, несущая въ своихъ нѣдрахъ революціи XIX вѣка.

Горящаго энтузіазмомъ передъ именемъ Наполеона Фабриція дель Донго Стендаль заставляетъ въ 16 лѣтъ бѣжать изъ родительскаго дома и присутствовать на Ватерлооскомъ сраженіи, какъ молодую дѣвушку на ея первомъ балу. Этотъ батальный эпизодъ „Chartreuse de Parme“, которую авторъ писалъ уже на склонѣ лѣтъ, съ трепетомъ вспоминая свои юношескія увлеченія, съ привычной суровой правдивостью воспроизводя впечатлѣнія военныхъ лѣтъ, училъ писать, по собственному признанію, творца „Войны и Мира“.

Если, такимъ образомъ, жизнь и творчество Стендаля прошли подъ знакомъ Бонапарта, такъ интимно съ нимъ связаны, то тѣмъ большій интересъ пріобрѣтаютъ письма этого неслучайнаго свидѣтеля и умнаго „наблюдателя человѣческаго рода“, какъ онъ любилъ себя называть. Это же даетъ имъ право на вниманіе русскаго читателя. Разумѣется, ихъ интересъ этимъ не исчерпывается.

Знаменательны не только міровыя событія, нашедшія отраженіе на этихъ разрозненныхъ страницахъ, привлекаетъ вниманіе и авторъ ихъ, этотъ парадоксальный, скептическій, противорѣчивый и многогранный талантъ, солдатъ и дипломатъ, артистъ и писатель для немногихъ, который предсказалъ и угадалъ, что его поймутъ и будутъ читать въ 1880 г. Въ этомъ смыслѣ характерны и экскурсіи въ области „бейлизма“, той нравственной философіи, что выросла на идеяхъ вѣка просвѣщенія, на Гобсѣ, Кабанисѣ и дю Траси, и попытки психолога опредѣлить сущность воздѣйствія музыки, и нотки брезгливо-высокомѣрнаго эстетизма и порыванія въ Италію, въ Миланъ, обѣтованный край, гдѣ прожиты лучшіе годы. Не даромъ въ своей, имъ же сочиненной, эпитафіи онъ завѣщалъ на надгробномъ памятникѣ назвать себя миланцемъ.

Arrigo Beyle, Milanese,
Serisse Amo, Visse.

Съ этой точки зрѣнія эти письма заполнятъ пробѣлы изданнаго вѣрнымъ апостоломъ Бейля, К. Стріенскимъ въ 90-хъ гг. „Дневника“ и автобіографіи (Vie de Henri Bruland), достойной стать наравнѣ съ самыми замѣчательными „книгами признаній“, съ жизнеописаніемъ Бенвенуто Челлини, записками м-мъ Роланъ, „Исповѣдью“ Руссо. Но въ этой части они важны только для того, кто увлеченъ проблемой Стендаля какъ человѣка, и не у мѣста было бы здѣсь дольше останавливаться на этомъ ихъ значеніи.

I. Феликсу Фору въ Гренобль [1]).

Смоленскъ 19 авг. 1812 г.

Пожаръ намъ показался столь красивымъ зрѣлищемъ, что несмотря на боязнь пропустить обѣдъ, единственный въ такомъ городѣ, и на боязнь гранатъ, которыми русскіе черезъ огонь бомбардировали французовъ, могущихъ находиться на берегу Борисфена (Днѣпра), мы спустились черезъ ворота, находящіяся близъ красивой часовни; только что тамъ разорвалась граната, все еще дымилось. Мы храбро пробѣжали шаговъ двадцать, перешли черезъ рѣку по мосту, который на-спѣхъ строилъ генералъ Киргенеръ. Мы подошли совсѣмъ близко къ пожарищу, гдѣ нашли много собакъ и нѣсколько лошадей, выгнанныхъ изъ города распространившимся всюду огнемъ.

Мы любовались столь рѣдкимъ зрѣлищемъ, когда къ К. Марціалу обратился начальникъ батальона, который былъ ему знакомъ лишь, поскольку онъ занялъ вслѣдъ за нимъ его квартиру въ Ростокѣ. Этотъ славный малый разсказалъ намъ подробно о своихъ стычкахъ утромъ и наканунѣ и потомъ началъ безконечно расхваливать съ дюжину ростокскихъ дамъ, которыхъ онъ намъ назвалъ; но одну изъ нихъ расхвалилъ гораздо больше остальныхъ. Опасеніе прервать человѣка, настолько увлеченнаго своей темой, и желаніе смѣяться удержали насъ около него до 10 час., когда ядра посыпались съ новой силой.

Мы стали сокрушаться по поводу утраты обѣда, и я условился съ Марціаломъ, что онъ войдетъ первымъ, чтобы получить выговоръ, который мы заслужили отъ Г. Дарю, когда мы замѣтили въ Вышгородѣ необычайный свѣтъ.

Мы приближаемся, мы находимъ всѣ наши коляски посреди улицы, тогда какъ восемь большихъ домовъ по сосѣдству съ нашимъ бросаютъ снопы пламени вышиной футовъ въ 60 и покрываютъ горящими угольями, величиной съ руку, домъ, гдѣ мы помѣстились нѣсколько часовъ тому назадъ; мы продырявили крышу въ 5 или 6 мѣстахъ и помѣстили тамъ, какъ на церковныхъ амвонахъ, полдюжину гренадеровъ, вооруженныхъ длинными палками, чтобы сбивать и сбрасывать искры; они очень хорошо дѣлали свое дѣло. Г. Дарю распоряжался всѣмъ. Работа, усталость, суета до полуночи.

---

[1]) Correspondance de Stendhal (1800—1842), publiée par Paupe et Cheramy. Paris, 1908, t. I.

Нашъ домъ загорался три раза, а мы тушили огонь. Наша штабъ-квартира была во дворѣ, гдѣ, сидя на соломѣ, мы смотрѣли на крыши дома и службъ, указывая гренадерамъ своими криками мѣста, наиболѣе пораженныя искрами.

Мы всѣ—и Дарю, графъ Дюма, Бенаръ, Жакомино настолько извелись, что засыпали, говоря другъ съ другомъ; не засыпалъ только хозяинъ дома (Дарю).

Наконецъ, появился столь желанный обѣдъ; но какъ мы ни были голодны, ничего не ѣвъ съ 10 час. утра, смѣшно было смотрѣть, какъ каждый засыпалъ на стулѣ съ вилкой въ рукѣ. Боюсь, чтобъ моя длиннѣйшая исторія не произвела того же дѣйствія. Простите мнѣ его, madame [1]), и сожгите письмо, потому что мы условились, что только бюллетени должны разсказывать объ арміи...

Армія отбросила русскихъ еще на 4 лье въ теченіе этой ночи; мы—на разстояніи 96 лье отъ Москвы.

II. Феликсу Фору въ Греноблѣ.

Смоленскъ, въ 80 лье отъ Москвы. 24 авг. 1812 г.

Я получилъ твое письмо черезъ 12 дней, несмотря на то, что оно совершило путь въ 800 лье, какъ все, что мы получаемъ изъ Парижа. Ты очень счастливъ, и я этимъ доволенъ. Я совершенно не помню того своего совѣта, который ты находишь хорошимъ. Или это, быть можетъ, совѣтъ пораньше начать работать надъ изданіемъ Монтескье и сочетать мысль объ этомъ трудѣ съ мыслью о своемъ счастьѣ. Мое счастье здѣсь невелико. Какъ человѣкъ мѣняется! Эта жажда видѣть, которая у меня была нѣкогда, совсѣмъ потухла; съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ Миланъ и Италію, все, что бы я ни видѣлъ, отталкиваетъ меня своею грубостью. Повѣришь ли, что безъ всякой личной причины, безъ чего бы то ни было, что затрагивало бы меня больше другого, я иногда готовъ проливать слезы. Въ этомъ океанѣ варварства ни одинъ звукъ не отвѣчаетъ моей душѣ. Все грубо, грязно, зловонно въ физическомъ и моральномъ отношеніи. Я испыталъ только небольшое удовольствіе, заставилъ играть на маленькомъ разстроенномъ піанино, существо, которое чувствуетъ музыку въ такой же мѣрѣ, какъ я—обѣдню. Честолюбіе потеряло для меня всякую цѣну; самое лучшее отличіе не вознаградило бы меня за грязь, въ которую я влѣзъ. Я представляю себѣ высоты, гдѣ обитаетъ моя душа (когда я пишу

[1]) Шутка или уловка.

книги, слушаю Чиморозу и люблю Анджелу въ прекрасномъ краѣ)—какъ восхитительныя вершины; вдали отъ этихъ вершинъ, въ долинѣ—смрадное болото; я погрузился въ это болото, и ничто на свѣтѣ, кромѣ географической карты, не напоминаетъ мнѣ о моихъ вершинахъ.

Повѣришь ли, что я испытываю живѣйшее удовольствіе, занимаясь оффиціальными дѣлами, которыя имѣютъ отношеніе къ Италіи. У меня ихъ 3 или 4; даже будучи закончены, они занимаютъ мое воображеніе, какъ романъ.

Я испыталъ неудачу близъ Вильны, въ Бойордовискомъ, гдѣ я нагналъ армію, когда этотъ край еще не былъ организованъ. Я испыталъ чрезмѣрныя физическія лишенія. Чтобы добраться, я оставилъ свою коляску позади, и коляска эта все еще меня не нагнала. Возможно, что она ограблена. Лично для меня это еще полбѣды: потерянныхъ вещей тысячи на 4 франковъ, да неудобство, но я везъ вещи всѣмъ и каждому. Съ какимъ глупымъ видомъ придется раскланиваться съ этими господами!

Впрочемъ, это не вліяетъ на настроеніе, о которомъ я тебѣ говорилъ, я старѣю. Отъ меня зависитъ быть болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ кто-либо въ бюро, гдѣ я пишу, съ ушами, оглушенными пошлостями, но я не испытываю никакого удовольствія. Гдѣ-то бюро—въ Брауншвейгѣ или Вѣнѣ. Все это заставляетъ меня страшно добиваться должности супрефекта въ Римѣ. Я не сталъ бы колебаться, если бы былъ увѣренъ, что умру въ 40 лѣтъ. Это грѣшитъ противъ бейлизма. Вотъ слѣдствіе отвратительнаго моральнаго воспитанія, которое мы получили. Мы похожи на апельсины, выросшіе посреди ледяного озера въ Исландіи.

Пиши мнѣ больше; я нашелъ твое письмо слишкомъ короткимъ для 800 лье. Попроси Анджелу написать мнѣ. Я люблю Парижъ только въ Парижѣ; мнѣ этотъ городъ пріѣлся, какъ и тебѣ, кажется, но я люблю ощущенія, которыя мнѣ тамъ доставили Painting и Opera Buffa (живопись и комич. опера).

Прощай; кажется, мы двигаемся.

III. Феликсу Фору въ Гренобль.

Москва, 2 окт. 1812 г.

Позавчера я получилъ въ кровати твое маленькое, но хорошее письмо отъ 12 сент., мой дорогой другъ. Чтобы усилить контрастъ между осенью 1811 и 1812 г., чрезмѣрная физическая усталость и питаніе исключительно мясомъ вызвали у меня здоровую желчную лихорадку, которая сильно разыгралась сначала; мы съ ней все-таки

справились, и я пишу тебѣ, сидя у министра; это мой первый выходъ. Эта болѣзнь была пріятна мнѣ тѣмъ, что доставила 8 дней одиночества. У меня былъ досугъ, чтобы увидѣть, что, въ виду чрезвычайно скучныхъ обстоятельствъ, надо приняться за что-нибудь поглощающее. Поэтому я снова принялся за „Letellier“ [1]). Меня потянуло къ нему воспоминаніе о чистыхъ и порой восхитительныхъ наслажденіяхъ, которыя я испыталъ послѣдней зимой въ теченіе 7 мѣсяцевъ, начиная съ 4 дек. Это занятіе увлекало меня вчера и позавчера. Удовольствіемъ освѣщается способность сужденія, и сегодня я увидѣлъ еще яснѣе, что это очень хорошій исходъ. Ты долженъ чувствовать истину, что счастье освѣщаетъ способность сужденія. О вещахъ, относящихся къ женщинамъ, о способѣ давать и заставлять ихъ чувствовать любезность; ты держался многихъ сужденій, которыя казались мнѣ невѣрными, потому что по причинамъ страннымъ и совершенно не существующимъ въ природѣ, какъ, напр., большой носъ, большой лобъ, ты упорно хотѣлъ видѣть себя на одной чашѣ вѣсовъ. Сейчасъ счастье перебросило тебя на другую чашу и, конечно, должно привести тебя къ принципамъ чистаго „бейлизма“. Недѣлю тому назадъ я читалъ „Исповѣдь“ Руссо. Онъ былъ такъ несчастенъ только потому, что не зналъ двухъ или трехъ принциповъ „бейлизма“. Манія видѣть всюду обязанности и добродѣтель сдѣлала педантическимъ его стиль и составила несчастье его жизни. Онъ сближается съ какимъ-нибудь человѣкомъ въ теченіе 3 недѣль Этотъ человѣкъ не думаетъ о немъ больше черезъ 2 года; онъ ищетъ для этого черное объясненіе „бейлизмъ“. Сказалъ бы ему: „Два тѣла сближаются—рождается теплота и броженіе, но всякое состояніе этого рода—преходяще. Это цвѣтокъ, которымъ надо наслаждаться съ упоеніемъ и т. д.“. Ты схватываешь мою мысль? Самыя прекрасныя вещи у Руссо для меня отзываются эмпиреями и не обладаютъ той Корреджіевой граціей, которую уничтожаетъ малѣйшая тѣнь педантства. Повидимому, я проведу здѣсь зиму; надѣюсь, что у насъ будутъ концерты. При дворѣ будутъ, конечно, спектакли, но каковы будутъ актеры? Между тѣмъ съ нами Таркини, одинъ изъ лучшихъ теноровъ.

Ничто такъ не спасаетъ меня отъ общества дураковъ, какъ музыка; съ каждымъ днемъ она становится мнѣ дороже. Но откуда это удовольствіе? Музыка изображаетъ природу; Руссо говоритъ, что часто она перестаетъ изображать ее непосредственно, когда это становится невозможнымъ, чтобы вмѣсто того привести душу

[1] Комедія, оставшаяся незаконченной.

средствами, ей свойственными,—въ состояніе, похожее на то, въ которое привелъ насъ предметъ, ею описываемый. Вмѣсто того, чтобы изображать тихую ночь,—вещь невозможная,—музыка даетъ душѣ то же ощущеніе, зарождаетъ въ ней тѣ же чувства, которыя внушаетъ тихая ночь.

Ты понимаешь въ этомъ что-нибудь? Я пишу тебѣ въ маленькой комнаткѣ, гдѣ двое молодыхъ дураковъ, прибывшихъ изъ Парижа, высказываютъ свое мнѣніе по поводу того, что надо было сдѣлать въ Москвѣ, и не даютъ мнѣ возможности связать двухъ мыслей; мнѣ надо было много высказать тебѣ, а теперь я выдохся.

Что касается музыки, мнѣ кажется, что я предпочитаю хорошія комическія оперы, потому что онѣ вызываютъ ощущенія идеальнаго совершенства комедіи. Лучшей комедіей для меня была бы та, которая вызывала бы ощущенія, похожія на тѣ, что вызываетъ у меня Matrimonio Secreto; это въ душѣ мнѣ кажется яснымъ.

Запечатай письмо для моего дорогого дѣда.

IV. Феликсу Фору въ Гренобль.

Москва, 4 окт. 1812.

Я оставилъ своего генерала (графа Дарю, главнаго интенданта арміи) за ужиномъ во дворцѣ Апраксина. Выходя и прощаясь во дворѣ съ г. Z., мы замѣтили, что кромѣ пожара въ Китай-Городѣ, который разгорался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, начался также пожаръ рядомъ съ нами; мы туда пошли. Очагъ былъ очень горячъ. У меня заболѣли зубы во время этой экспедиціи. Мы остановили солдата, который ударилъ два раза штыкомъ человѣка, выпившаго пива; я даже извлекъ шпагу и чуть было не ударилъ ею негодяя. Буржуа отвелъ его къ губернатору, который его выпустилъ.

Мы ушли черезъ часъ, высказавъ много общихъ мѣстъ противъ пожаровъ, что не произвело большого впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ. Вернувшись въ домъ Апраксина, мы попробовали пустить въ ходъ кишку. Я легъ, мучимый зубной болью. Какъ кажется, нѣкоторые изъ этихъ господъ были такъ добры, что обезпокоились и выбѣгали въ 2 и въ 5 час. Что касается меня, я проснулся въ 7 час., велѣлъ запречь свою коляску и поставить ее за колясками г. Дарю.

Коляски отправились на бульваръ противъ клуба. Тамъ я встрѣтилъ м-мъ В...., которая захотѣла броситься мнѣ въ ноги; это была очень смѣшная встрѣча. Я замѣтилъ, что во всемъ, что говорила мнѣ м-мъ В., не было ни тѣни естественности, что, конечно,

меня заморозило. Все-таки я много сдѣлалъ для нея, взявъ ея толстую belle soeur въ свою коляску и предложивъ, чтобы ея дрожки слѣдовали за моей коляской. Она сказала мнѣ, что m-me Sainte Albe много говорила ей обо мнѣ.

Пожаръ быстро приближался къ дому, который мы покинули. Наши коляски оставались 5 и 6 час. на бульварѣ. Наскучивъ этимъ бездѣйствіемъ, я пошелъ посмотрѣть огонь и остановился на часъ или на два у Жуанвиля [1]). Я любовался комфортабельностью обстановки его дома; мы выпили тамъ вмѣстѣ съ Биллье и Буше 3 бутылки вина, которыя возвратили намъ жизнь.

Я прочелъ тамъ нѣсколько строкъ англійскаго перевода „Виргиніи“, которыя среди общей грубости вернули мнѣ нѣсколько душевную жизнь.

Я пошелъ съ Луи смотрѣть на пожаръ. Мы увидѣли нѣкоего Савуа, коннаго капонира, который въ пьяномъ видѣ наносилъ сабельные удары офицеру гвардіи и приставалъ къ нему съ глупостями. Онъ былъ неправъ и въ концѣ концовъ былъ принужденъ попросить прощенія. Одинъ изъ его товарищей по грабежу углубился въ улицу, охваченную огнемъ, гдѣ онъ, вѣроятно, изжарился. Я увидѣлъ новое доказательство недостатка характера у французовъ вообще. Луи пожелалъ успокаивать этого человѣка ради офицера-гвардейца, который подвелъ бы его при первомъ соперничествѣ, вмѣсто того, чтобы питать ко всему этому безпорядку заслуженное презрѣніе, онъ рисковалъ выслушать глупости на свой счетъ. Что касается меня, я восхищался терпѣніемъ офицера гвардіи; я бы ударилъ саблей Савуа по носу, изъ-за чего могъ бы имѣть столкновеніе съ полковникомъ. Офицеръ дѣйствовалъ осторожно.

Въ 3 часа я вернулся къ вереницѣ нашихъ колясокъ и грустныхъ товарищей. Только что въ сосѣднихъ деревянныхъ домахъ открыли складъ муки и складъ овса, я велѣлъ своей прислугѣ взять того и другого. Они засуетились, сдѣлали видъ, что взяли много, а на самомъ дѣлѣ все ограничилось немногимъ. Такъ они въ арміи поступаютъ всегда и во всемъ; это вызываетъ раздраженіе. Какъ ни хочется не обращать вниманія, въ концѣ концовъ беретъ нетерпѣніе, такъ какъ ко мнѣ всегда приходятъ съ жалобой, и я провожу несчастные дни. Впрочемъ, я проявляю еще меньшее нетерпѣніе, чѣмъ другіе, но зато имѣю несчастье выходить изъ себя. Я завидую нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей, которыхъ, кажется, можно всячески обругать, не разсердивъ ихъ по-настоя-

[1]) Бар. Ж.—военный интендантъ.

щему; они повышаютъ голосъ и только. Они отряхаютъ уши, какъ говорила мнѣ графиня Пальфина. „Пришлось бы быть очень несчастнымъ, если этого не дѣлать“, добавляла она. Она права; но какъ давать доказательства подобнаго смиренія, обладая чувствительной душой?

Около $3^1/_2$ час. мы вмѣстѣ съ Биллье пошли осматривать дома графа Петра Салтыкова. Они показались намъ подходящими для S. E. Мы пошли въ Кремль, чтобы предупредить его; мы остановились у генерала Дюма, который стоитъ на перекресткѣ.

Генералъ Киргенеръ сказалъ Луи при мнѣ: „Если бы мнѣ дали 4 тыс. человѣкъ, я въ теченіе 6 час. остановлю огонь“. Эти слова меня поразили. (Сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Ростопчинъ непрерывно поджигалъ снова; будь огонь остановленъ направо, онъ оказался бы налѣво въ 20 мѣстахъ). Мы увидѣли Марціала, который шелъ изъ Кремля, и провели его въ домъ Салтыкова, который былъ осмотрѣнъ всѣми подробно. Г. Дарю нашелъ въ немъ неудобства; ему предложили осмотрѣть другіе дома по направленію къ клубу. Мы увидѣли клубъ, украшенный во французскомъ стилѣ, величественный и дымящійся. Въ Парижѣ въ этомъ родѣ нѣтъ ничего похожаго. Послѣ клуба мы осмотрѣли сосѣдній домъ, огромный и великолѣпный, наконецъ, красивый бѣлый четыреугольный домъ, который рѣшили занять.

Мы всѣ очень устали, я больше другихъ. Начиная отъ Смоленска, я чувствую себя совсѣмъ обезсиленнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ ребячество внести оживленіе и интересъ въ эти поиски дома. Интересъ—слишкомъ много сказано, но много оживленія.

Мы, наконецъ, располагаемся въ этомъ домѣ, гдѣ, повидимому, жилъ человѣкъ богатый и любящій искусство. Онъ былъ удобно расположенъ, полонъ статуэтокъ и картинъ. Были и прекрасныя книги, въ частности Бюффонъ, Вольтеръ, котораго здѣсь можно найти всюду, и Galerie du Palais Royal.

Сильные поносы заставляли всѣхъ бояться недостатка вина. Намъ сообщили пріятную новость, что можно было его достать изъ погреба прекраснаго клуба, о которомъ я говорилъ. Я уговорилъ отца Биллье идти туда. Мы проникли въ погребъ черезъ великолѣпную конюшню и черезъ садъ, который былъ бы красивъ, если бы деревья этого края не казались мнѣ неизмѣнно убогими.

Мы отправили нашихъ слугъ въ этотъ погребъ; они прислали намъ много сквернаго бѣлаго вина, камчатныхъ скатертей, такихъ же салфетокъ, но очень поношенныхъ. Мы все это взяли, чтобы сдѣлать изъ этого простыни.

Маленькій М. I, отъ главнаго интенданта, пришедшій грабить,

какъ и мы, принялся дарить все, что мы брали. Онъ говорилъ, что хочетъ завладѣть домомъ для главнаго интенданта, и на этомъ основаніи морализировалъ; я призвалъ его нѣсколько къ порядку.

Мой слуга былъ совсѣмъ пьянъ; онъ натаскалъ въ коляску скатертей, вина, скрипку, которыя стащилъ для себя, и тысячу другихъ вещей. Мы съ двумя или тремя товарищами пообѣдали и выпили вина.

Прислуга устраивалась въ домѣ, пожаръ былъ далеко отъ насъ и заполнялъ всю атмосферу до значительной высоты дымомъ; мы устроились и, наконецъ, собирались отдохнуть, когда г. Дарю, вернувшись, объявилъ намъ, что нужно уходить. Я мужественно отнесся къ этой новости, но почувствовалъ себя безъ рукъ и безъ ногъ.

Моя коляска была полна до верху. Я помѣстилъ къ себѣ еще этого надоѣдливаго бѣднягу В., котораго подобралъ изъ жалости, чтобы оказать другому доброе дѣло—Биліотти. Это самое глупое и скучное балованное дитя, которое я когда-либо зналъ.

Я утащилъ изъ дому, прежде чѣмъ уйти оттуда, томъ Вольтера подъ заглавіемъ „Facéties“.

Мои коляски съ Франсуа заставили себя ждать. Мы отправились въ путь только около 7 час. Мы встрѣтили г. Дарю, взбѣшеннаго. Мы двигались прямо по направленію къ пожару, слѣдуя вдоль бульвара. Мало-по-малу мы попали въ домъ, становилось трудно дышать; наконецъ, очутились между горящими домами. Всѣ наши предпріятія становятся опасны только благодаря полному отсутствію порядка и осторожности. Такъ, здѣсь довольно длинная вереница колясокъ углублялась въ огонь, чтобы избѣгнуть его. Этотъ маневръ имѣлъ бы смыслъ, лишь поскольку какой-либо кварталъ города былъ бы окруженъ огненнымъ кольцомъ. Но положеніе совсѣмъ не было таково; огонь охватилъ городъ съ одной стороны, надо было оттуда выйти; но совершенно не было необходимости проникать черезъ огонь; надо было обойти его.

Невозможность остановила насъ, наконецъ. Мы сдѣлали полоборота. Тогда какъ я думалъ о грандіозномъ зрѣлищѣ, которое созерцалъ, я на мгновеніе забылъ, что повернулъ мою коляску раньше другихъ. Я усталъ, шелъ пѣшкомъ, потому что моя коляска была наполнена добромъ, награбленнымъ прислугой, и въ ней уже расположился В. Мнѣ показалось, что коляска моя потерялась въ огнѣ; она не подверглась бы никакой опасности, но мой слуга, какъ и остальные, былъ пьянъ и могъ заснуть посреди горящей улицы.

Возвращаясь, мы встрѣтили на бульварѣ генерала Киргенера, которымъ я былъ очень доволенъ въ этотъ день. Онъ вернулъ

насъ къ мужеству, т. е. къ здравому смыслу, и показалъ, что имѣлось 3 или 4 пути для выхода.

Мы послѣдовали однимъ изъ путей около 11 час., пересѣкая вереницу повозокъ и ссорясь съ возницами короля Неаполитанскаго. Потомъ я замѣтилъ, что мы двигались по Тверской. Мы вышли изъ города, освѣщеннаго самымъ великолѣпнымъ пожаромъ, который образовалъ громадную пирамиду; какъ молитвы вѣрныхъ, ея основаніе было на землѣ, а вершина на небѣ. Луна показалась надъ этой атмосферой пламени и дыма. Это было грандіозное зрѣлище, но надо было бы быть одному или въ обществѣ людей неглупыхъ, чтобы насладиться имъ.

Русскую кампанію испортило для меня то, что ее пришлось совершить съ людьми, которые уменьшили бы Колизей и Неаполитанскій заливъ.

Мы двигались великолѣпной дорогой къ дворцу, называемому Петровскимъ, гдѣ Е. В. остановился. Трахъ! посреди дороги я вижу изъ своей коляски, гдѣ изъ милости нашлось мѣстечко для меня, что коляска г. Дарю наклоняется и наконецъ падаетъ въ канаву. Дорога была шириной футовъ въ 80. Проклятія, раздраженіе: очень трудно было поднять коляску.

Наконецъ, мы подошли къ бивуаку; онъ былъ напротивъ города. Мы очень хорошо видѣли громадную пирамиду изъ московскихъ піанино и диванов, которые доставили бы намъ столько радостей безъ этой маніи поджоговъ. Этотъ Ростопчинъ—негодяй или римлянинъ; увидимъ, какъ посмотрятъ на этотъ поступокъ. Сегодня въ одномъ изъ дворцовъ Ростопчина нашли записку; онъ говоритъ, что во дворцѣ мебели на милліонъ, кажется, и т. д., но онъ поджигаетъ его, чтобы имъ не могли воспользоваться разбойники. На самомъ дѣлѣ, его прекрасный московскій дворецъ не подожженъ.

Добравшись до бивуака, мы поужинали сырой рыбой, фигами и виномъ. Таковъ былъ конецъ этого труднаго дня, въ теченіе котораго мы двигались съ 7 час. утра до 11 час. вечера. Еще хуже то, что въ 11 час., садясь въ свою коляску, рядомъ съ надоѣдливымъ В. и сидя на бутылкахъ, покрытыхъ вещами и салфетками, я почувствовалъ опьяненіе изъ-за этого сквернаго бѣлаго вина, награбленнаго въ клубѣ. Сохрани эту болтовню; надо, чтобъ я, по крайней мѣрѣ, воспользовался этими лишеніями и вспомнилъ бы ихъ. Мнѣ очень надоѣли мои товарищи по походу. Прощай. Пиши мнѣ и веселись; жизнь коротка.

V. Сестрѣ Полинѣ въ Гренобльѣ.

Вильна. 7 декабря 1812 г.

Я здоровъ, дорогой другъ. Я очень часто думалъ о тебѣ на протяженіи долгаго пути изъ Москвы сюда, который длился 50 дней. Я все потерялъ и имѣю только платье, которое на мнѣ. Еще лучше то, что я похудѣлъ. Я испыталъ много физическихъ лишеній, никакого нравственнаго удовлетворенія; но все забыто, и я готовъ начать все сызнова на службѣ Его Величества.

Сообщ. А. Хоментовская.

М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа[1]).

Если бы можно было записывать рѣшительно все, что мы слышимъ, видимъ и такимъ образомъ знаемъ,—это было бы идеально; но это невозможно.—Во всякомъ случаѣ старайся записывать какъ можно больше; ничего не пропускай; лишнее записать скорѣй полезно, чѣмъ вредно: все то, что окажется дѣйствительно лишнимъ, потому ли, что оно невѣрно или почему-либо иному,—можно всегда впослѣдствіи исправить; но то, что изъ видѣннаго, слышаннаго и вообще извѣстнаго не занесешь, того не увидишь и не будешь имѣть случая исправить,—такъ оно и пропадетъ".

Часто случалось мнѣ, ведя съ М. И. Драгомировымъ разговоры о веденіи записокъ, слышать эти слова; твердо ихъ запомнивъ, я стараюсь ихъ не забывать и нерѣдко ими руководствуюсь.—Когда такимъ образомъ записываешь годъ, другой,—какое широкое поле получается для извлеченій самыхъ разнообразныхъ, интересныхъ и полезныхъ.

Предлагаемая замѣтка вся, отъ начала до конца, явилась именно плодомъ руководства этимъ драгомировскимъ правиломъ.

* * *

Съ самаго вступленія своего въ должность командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, М. И. Драгомировъ завелъ порядокъ, по которому всякое его замѣчаніе, приказаніе и вообще распоряженіе, сдѣланное или отданное при какомъ бы то ни было соприкосновеніи съ частями войскъ и случайномъ или же очередномъ инспекторскомъ посѣщеніи ихъ,—тщательно записывалось въ особую тетрадь. Отъ времени до времени эти записи сводились въ общій сборникъ и разсылались въ войска. За все время составилось до

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1912 г.

двадцати сборниковъ, которые вообще принимались къ руководств и исполненію, а кромѣ того, помимо всякаго къ тому призыва и напоминанія, постоянно перечитывались командирами, начальниками отдѣльныхъ частей, а также офицерами и даже нижними чинами, какъ не только назидательно поучительные—это главное,—но и интересные.—Въ нихъ съ математическою вѣрностью и точностью отражалось все высказанное, предписанное и вмѣненное въ обязанность въ теченіе всего времени командованія войсками и наблюденія за ними такого изъ ряду вонъ выходившаго командира, начальника, попечителя и учителя, какимъ являлся Михаилъ Ивановичъ.

Нѣкоторыя изъ занесенныхъ въ сборникъ статей были снабжены краткой помѣткой, гласящей, что онѣ „оглашенію не подлежатъ“; къ инымъ кромѣ того было добавлено: „только для офицеровъ“.

Трудно и даже невозможно было разобраться въ томъ, какія у статьи должны были имѣться особенности и примѣты для того, чтобы она заслужила такую отмѣтку: были ли то описанія нововведеній, выходившихъ изъ ряда обыденныхъ—по части военно-административной, строевой, технической или же какія-либо, дѣлавшіяся начальникамъ отдѣльныхъ частей, замѣчанія, которыхъ распространеніе могло казаться дискредитированіемъ этихъ начальниковъ.

Смѣшно сказать, что, въ первое время, статьи съ такими отмѣтками являлись предметомъ спеціальнаго вниманія и особаго разбора со стороны офицеровъ, въ особенности молодыхъ; они, по словамъ одного близкаго въ то время къ М. И. Драгомирому лица, относились къ этому такъ же, какъ въ доброе старое время читающая публика относилась къ статьямъ, которыя, на страницахъ газетъ и журналовъ, вычеркивались цензурой или были указываемы министромъ внутреннихъ дѣлъ въ „распоряженіяхъ“, неизмѣнно начинавшихся словами: „принимая во вниманіе, что газета (или журналъ) такая-то въ статьѣ“... и т. д.

Когда кто-то, на досугѣ, между прочимъ, разсказалъ объ этомъ курьезѣ М. И. Драгомирову, онъ разсмѣялся и сказалъ, полушутя: „ишь, вѣдь, и въ голову не придетъ; а вотъ, чтобы отучить охотниковъ доискиваться чего-либо пикантнаго, зачитываться и разбираться въ серьезномъ лишь для того, чтобы обратить во вздоръ, надо будетъ нѣсколько разъ нарочно дать такую запретную отмѣтку самымъ мелкимъ статьямъ,—ну, хотя бы о замѣчаніяхъ моихъ относительно невѣрной пригонки барашковыхъ шапокъ или относительно болѣе правильной подвязки мѣшковъ, замѣнившихъ ранцы, а что-нибудь серьезное, стоющее заботы, пустить безъ отмѣтки;—вотъ эти дѣти въ офицерскихъ мундирахъ отвыкнутъ давать себѣ трудъ по пустякамъ терять время и создавать такую игрушку!“

Шутка эта живо распространилась; посмѣялись ей, да и забыли про нее; никто не могъ себѣ представить, что она можетъ вызвать серьезное дѣло или быть причиной чего-либо выходящаго изъ ряда.

* * *

По поводу неправильнаго примѣненія дисциплинарнаго устава въ одномъ изъ полковъ N корпуса или, можетъ быть, несвоевременнаго занесенія въ подлежащія книги записей о пріемѣ и выдачѣ солдатскихъ денежныхъ писемъ,—командиру корпуса генералу О. было сдѣлано и пропечатано своевременно въ сборникѣ указаніе съ предложеніемъ наблюдать впредь внимательно и подобныхъ упущеній не допускать; при этомъ статья, которою то указаніе объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, не была снабжена „отмѣткой“ о нежелательности оглашенія указанія, явившагося какъ бы взысканіемъ, наложеннымъ на командира корпуса.—Послѣдній, что называется, взъѣлся; былъ онъ изъ числа людей крайне обидчивыхъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно представлялось очень жестокимъ такое выставленіе его общему вниманію чиновъ не только его корпуса и округа, но и всей арміи; кромѣ того онъ уже и раньше возъимѣлъ зубъ противъ командующаго за нѣсколько неловкостей, которыя онъ, генералъ О., считалъ со стороны М. И. Драгомирова продѣлками противъ него.

Въ „продѣлкахъ“ этихъ, можетъ быть, виновнымъ былъ больше самъ генералъ О., но на всякое дѣло онъ смотрѣлъ по-своему, въ особенности на это.

Знакомъ генералъ О. былъ съ М. И. Драгомировымъ давно, и знали они другъ друга съ давнихъ лѣтъ по службѣ въ Петербургѣ въ частяхъ войскъ гвардіи.—Въ Кіевѣ, съ первыхъ дней встрѣчи съ командующимъ войсками, генералъ О., на правахъ стараго знакомаго, сразу наладился, докладывая о дѣлахъ служебныхъ, разсказывать и о разныхъ мелочахъ, происходившихъ въ его корпусѣ, къ службѣ вовсе не относившихся и съ нею ровно ничего общаго не имѣвшихъ.—М. И. терпѣливо выслушивалъ анекдоты сплетническаго характера относительно происходившихъ въ семьяхъ командировъ и офицеровъ семейныхъ дрязгъ; онъ думалъ, что если будетъ молчать, игнорируя разсказы о тайнахъ корпусной жизни, и не показывая никакого интереса къ нимъ, будетъ переходить къ разговору по дѣламъ службы, то мало-по-малу, это посвященіе его въ частности жизни семей генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ прекратится.—Но, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;—генералъ О., не унимаясь, продолжалъ свое, вѣроятно, не понимая, какъ можно не подѣлиться со своимъ прямымъ начальникомъ тѣми пикантными свѣдѣніями, которыя доходятъ до него, а можетъ быть даже старательно имъ вылавливаются.

Видя это, М. И. рѣшился прекратить ненужный наплывъ праздныхъ извѣстій и новостей. Не имѣя привычкѣ остановить кого-либо въ чемъ бы то ни было мягко, онъ во время одного изъ посѣщеній генерала О., прямо такъ остановилъ потокъ его рѣчей:

„Знаете ли, я давно собираюсь вамъ сказать, что я мало цѣню ваши разсказы и совсѣмъ не понимаю соли ихъ; а съ другой стороны, не могу успѣвать толково набраться нужныхъ мнѣ новостей, прямо идущихъ къ дѣлу моей службы, не могу ихъ всецѣло обсудить; избавьте меня, пожалуйста, отъ этого балласта, будемъ говорить обо всемъ, что касается полковъ, бригадъ, батарей, эскадроновъ, ротъ, а также чиновъ корпуса въ служебномъ отношеніи, а эту дребедень оставимъ разъ навсегда“...

Генералъ О., повидимому, привыкшій въ прежнихъ должностяхъ своихъ забавляться частными новостями и дѣлиться ими со своимъ начальствомъ, усыпляя его,—не имѣлъ ни привычки, ни умѣнья оставлять ихъ лично при себѣ или хотя бы брать сноровку разсказывать вздорныя новости за картами, за чаемъ, за ужиномъ, а не въ минуты дѣлового разговора,—счелъ остановку, учиненную М. И. Драгомировымъ, за поступокъ рѣзкій, за выходку, показавшую въ немъ отсутствіе деликатности. Незамѣтно для самого себя, онъ началъ будировать, затаивъ противъ „командующаго“ чувство неудовольствія, похожаго на злобу.

* *
*

Тутъ же, какъ на зло, подоспѣла исторія, вошедшая всецѣло въ ненавистный сборникъ; О., потерпѣвъ очень недолго, сталъ, съ полнымъ отсутствіемъ выдержки, рѣзко говорить о ней на всѣхъ перекресткахъ и высказывать неудовольствіе дѣйствіями „командующаго“ и его сотрудниковъ.

„Этого недоставало, говорилъ онъ, чтобы выговоръ, сдѣланный командиру корпуса, заносили въ сборникъ, имѣющій повсемѣстное распространеніе; изъ-за шутокъ командующаго войсками сняли съ этого факта выговора и послѣднюю, хотя бы отчасти и фиктивную, замычку о томъ, что онъ огласкѣ не подлежитъ; нѣтъ, объявили во всеуслышаніе, какъ замѣчаніе сдѣланное прапорщику или подпоручику“.—Дальше, больше, въ конецъ огорченный генералъ, какъ выразился М. И., потерялъ умственное и душевное равновѣсіе, забылся и однажды явился, какъ будто бы невзначай, въ праздничный день, чтобы не было похоже на явку въ часы служебныхъ докладовъ, и почти съ первыхъ словъ, началъ передъ командующимъ изливать свое горе по поводу нанесенной ему обиды.

Еще генералъ О. не началъ говорить, какъ уже генералъ Драгомировъ понялъ, съ какимъ дѣломъ онъ явился; надо было пора-

жаться, какъ М. И., въ высшей степени строгій человѣкъ, спокойно и сдержанно принялся за разговоръ корпуснымъ командиромъ, который не сумѣлъ или не захотѣлъ ни на секунду сдержать себя, а потому началъ сразу захлебываться и какъ-то словно раскудахтался.

Пригласивъ его сѣсть, М. И. сказалъ: „Хотя дѣло это, какъ совершенно праздное, не стоитъ выѣденнаго яйца, но, видя, какъ вы имъ взволновались, разберусь въ немъ вмѣстѣ съ вами". Тутъ онъ, какъ будто отступивъ отъ выдержки, пустилъ полушутя свою, не вполнѣ приличную и шедшую къ моменту фразу—„умъ хорошо, а полтора лучше" а затѣмъ сталъ ясно, спокойно, логично доказывать, что ничего особеннаго, а тѣмъ болѣе обиднаго онъ въ отданномъ приказѣ по округу не видитъ.

— Вами и вашими сотрудниками пропущено очень многозначительное дѣло, говорилъ М. И., а въ сдѣланномъ за это указаніи необыденнаго, такого, т. е. что могло бы кого либо поразить, очень немного:— лишьбольшое уменьшеніе соотвѣтствовавшаго винѣ упустившихъ взысканія, если желать въ томъ указаніи видѣть взысканіе. Всякое упущеніе оцѣнивается по послѣдствіямъ, которыя оно можетъ вызвать, оставаясь незамѣченнымъ, во-время неразоблаченнымъ и неуказаннымъ.—Ваше упущеніе было замѣчено, для разоблаченія подчеркнуто и указано тѣмъ порядкомъ, какимъ цѣль можетъ быть легче достигнута, т. е. чтобы и въ другихъ частяхъ возможность такихъ упущеній была вѣрнѣе и скорѣе пресѣчена, а потому сдѣланное указаніе объявлено во всеобщее свѣдѣніе.

Видя, что обиженный генералъ продолжаетъ кипятиться, нисколько не думая о томъ, насколько было бы и лучше и благоразумнѣе успокоиться, М. И. сказалъ ему:

„Изъ всей бесѣды нашей я вижу:

во 1-хъ, что вы въ замѣчаніи или выговорѣ, сдѣланномъ мною тѣмъ же порядкомъ командиру —скаго полка, не захотѣли увидѣть себя, какъ въ зеркалѣ; командиръ полка получилъ строгій выговоръ за данный имъ мнѣ лично отвѣтъ на сдѣланное ему мною лично же замѣчаніе; отвѣтъ состоялъ въ томъ, что замѣченный мною недочетъ явился результатомъ порядка, заведеннаго въ полку еще до него; я нашелъ нужнымъ, при объявленіи строгаго выговора, указать ему, что это не оправданіе, а простая отговорка, и что онъ уже почти четыре года командуетъ полкомъ, стало быть, имѣлъ много времени измѣнить заведенный не при немъ противный закону порядокъ, обративъ его на иной, совершенно согласный съ закономъ, путь.—Но вѣдь такой самый отвѣтъ за день до того или наканунѣ я получилъ отъ васъ; если я сорвался выговоромъ за это не на васъ, а на полковомъ командирѣ,—неужели же вы могли

хоть одну секунду полагать, что вашъ такой же промахъ, представляющій собою такую же простую и неумѣстную отговорку, мною не былъ по достоинству и въ достаточной мѣрѣ оцѣненъ? или вы подумали, что онъ не былъ мною замѣченъ? Я не сдѣлалъ вамъ за это отдѣльнаго замѣчанія не потому, что не замѣтилъ его или не нашелъ нужнымъ указать;—вышла лишь такая случайность, что пока я приготовлялъ для указанія вамъ вполнѣ подходящую форму, полковой командиръ выручилъ меня, а можетъ быть также и васъ поступкомъ, сфотографировавшимъ вашъ. Я считалъ для васъ вполнѣ яснымъ то соображеніе, что для корпуснаго командира замѣчаніе или указаніе по поводу такого промаха является во сто разъ серьезнѣе и конфузнѣе, чѣмъ для командира полка; то самое, что въ этомъ дѣлѣ для полкового командира явилось промахомъ, будучи содѣяно корпуснымъ командиромъ, выходило серьезной, почти криминальной, продѣлкой. Вамъ неугодно было въ этомъ разобраться, и вы пришли къ командующему войсками,—своему прямому и непосредственному начальнику, съ указаніемъ на мелкое взысканіе, сочтенное вами за обиду, не чувствуя себя достойнымъ или обязаннымъ явиться отвѣтственнымъ по болѣе крупному служебному пропуску;

— во 2-хъ, что вы признали возможнымъ увидѣть явку къ командующему войсками съ объясненіемъ дѣломъ совершенно простымъ; означаетъ ли это то, что у себя, во ввѣренномъ вамъ корпусѣ, вы это позволяете практиковать, давъ разъ навсегда вашимъ подчиненнымъ разрѣшеніе являться къ вамъ съ подобными мало серьезными и еще того менѣе необходимыми объясненіями? Если да, то неужели же вы, корпусный командиръ, не усвоили себѣ того, что это, въ сущности, криминалъ и что за это отвѣтственность уже не можетъ быть ограничена полученіемъ указанія?

Услышавъ и на это отъ генерала О. возраженія, похожія на тѣ, которыя носятъ характеръ запальчивыхъ, М. И. сказалъ:

— Снисхожу къ происшедшему, такъ какъ не вижу возможности слишкомъ строго осудить ваше возбужденное состояніе; оно очевидно вызвано родомъ нѣкотораго заболѣванія и нервнаго разстройства. Съ другой стороны, зная твердо вообще васъ, а также ваши взгляды на службу и заслуги по ней, я, имѣвъ случай дать о васъ высшей власти на данный мнѣ запросъ отзывъ, составилъ его въ совершенно опредѣленной формѣ о томъ, можете ли вы быть назначеннымъ, съ успѣхомъ для дѣла, къ болѣе высокой дѣятельности; сомнѣнія въ правильности посланнаго мною отвѣта во мнѣ никогда не появлялось, сегодняшній же нашъ разговоръ или вѣрнѣе сегодняшнія ваши реплики укрѣпили меня въ томъ, что мой отзывъ находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, чего вы заслуживаете...

Разговоръ прекратился; генералъ О., посидѣвъ нѣсколько минутъ въ очень печальномъ положеніи и настроеніи, всталъ и, пробормотавъ что-то похожее на то, будто отъ его высокопревосходительства иныхъ отзывовъ онъ никогда и не ожидалъ, добавилъ: „О нихъ я уже освѣдомленъ“.

Прощаясь съ нимъ, М. И. сказалъ: „а если освѣдомлены, то тѣмъ лучше: не будетъ для васъ впереди ничего непредвидѣннаго, похожаго на сюрпризъ“.

Этотъ, происшедшій въ четырехъ стѣнахъ дома командующаго войсками, разговоръ сдѣлался извѣстнымъ двумъ-тремъ болѣе приближеннымъ къ М. И. лицамъ; но вообще стало извѣстно, что генералъ О. выставлялъ передъ командующимъ свою обиду.

Съ теченіемъ времени слухи объ этомъ, разростаясь болѣе и, болѣе, дошли до того, что подъ сурдинку кое-гдѣ, кое-кто добавлялъ свѣдѣнія объ истинныхъ причинахъ обиды, всплывшей со стороны генерала О.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Развѣ онъ обидится на такую мелочь: ему давно изъ Петербурга стало отъ друзей извѣстно, что возбужденное имъ самимъ, подъ рукой, совершенно секретно, ходатайство о назначеніи его въ члены Военнаго Совѣта, потерпѣло фіаско, потому что генералъ Драгомировъ на сдѣланный ему военнымъ министромъ или начальникомъ главнаго штаба, запросъ о томъ, не явится ли съ его стороны какихъ-либо препятствій къ назначенію генерала О. членомъ Военнаго Совѣта,—отвѣтилъ очень коротко:

„Генералъ О. можетъ быть назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, но никакихъ совѣтовъ тамъ давать не сможетъ“...

Ставшее черезъ петербургскихъ друзей извѣстнымъ генералу О. ядовитое опредѣленіе это, заставило его уже давно затаить въ себѣ злобу; все дальнѣйшее ее увеличивало, какъ комъ снѣга; при разстроенныхъ въ конецъ нервахъ, онъ дѣйствительно потерялъ подъ собой почву и равновѣсіе, а затѣмъ уже не было удержа въ томъ, что онъ совсѣмъ уронилъ себя недостойными объясненіями...

Не долго послѣ того прокомандовалъ N. корпусомъ,—онъ получилъ назначеніе, кажется, въ члены Александровскаго комитета о раненыхъ, гдѣ, какъ человѣкъ въ основѣ добрый, приносилъ не мало пользы.

* * *

Возвращаясь къ сборникамъ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ этой замѣтки, не могу пропустить, что впослѣдствіи всѣ сборники эти вышли вторымъ изданіемъ, такъ какъ спросъ на нихъ былъ довольно большой. Надо полагать, что въ отмѣткахъ о нежелатель-

ности оглашенія нѣкоторыхъ статей надобность миновала; статьи, потерявши интересъ минуты, становились, мало-по-малу, достояніемъ историческимъ. Въ настоящее время со дня напечатанія и выхода въ свѣтъ хотя бы пресловутаго указанія генералу О. прошло болѣе двадцати лѣтъ; теперь и онъ посмотрѣлъ бы на него спокойно и, можетъ быть, съ доброй улыбкой; но когда онъ видѣлъ перепечатку статей сборника въ нѣкоторыхъ частныхъ журналахъ, а, можетъ быть, и газетахъ, то невольно разстраивался, а печень, посылавшая его изъ года въ годъ въ Карлсбадъ и въ концѣ концовъ уложившая его въ могилу, болѣе и болѣе разросталась, заставляя страдать,—все изъ-за проявленнаго имъ упущенія, поставленнаго ему въ укоръ.

* * *

Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что болгарское военное министерство, чуткое ко всему, что могло доставлять молодой арміи братушекъ движеніе впередъ въ дѣлѣ образованія и совершенствованія и не упускавшее къ тому ни малѣйшей возможности,—распорядилось переводомъ на болгарскій языкъ поучительныхъ сборниковъ нашего талантливаго „командующаго“, отъ котораго въ свое время было дано разрѣшеніе на то.

Въ дни пребыванія въ Кіевѣ короля (тогда еще князя) Фердинанда, кажется, въ 1900-мъ году, прибывшій вмѣстѣ съ его высочествомъ достойный генералъ Петровъ (или Петковъ), бывшій раньше или впослѣдствіи военнымъ министромъ, говорилъ въ частной бесѣдѣ, что самымъ дорогимъ матеріаломъ для юной болгарской арміи являются тѣ мелкія замѣчанія, которыя, талантомъ генерала Драгомирова, были выставлены при разборѣ отвѣтовъ, получавшихся имъ отъ офицеровъ, нижнихъ чиновъ, а главное отъ новобранцевъ на задававшіеся имъ при смотрахъ во время объѣздовъ искусно составленные вопросы о караульной службѣ, о различныхъ служебныхъ сноровкахъ, а также по провѣркѣ знанія Закона Божія [1]) и другіе, самые разнообразные, разсѣянные по книжкамъ сборника, вопросы; они, говорилъ Петковъ, такъ цѣликомъ и вошли въ различныя иструкціи, изданныя для обученія

[1]) Сохранился разсказъ о томъ, будто бы въ одномъ полку солдатъ, давшій на всѣ вопросы очень бойкіе и вѣрные отвѣты, также бойко, безъ запинки отвѣтилъ заповѣдь; когда же генералъ Драгомировъ сказалъ ему, что онъ произнесъ заповѣдь Моисееву вмѣсто Христовой, то эскадронный командиръ доложилъ: „в. в-во, онъ мусульманинъ, татаринъ Казанской губерніи: его обыкновенно не спрашиваютъ; откуда онъ набрался сегодня отвѣчать, не понятно“.. Вотъ такъ надо было бы нашихъ турокъ мало помалу приводить къ христіанству, шутили братушки.

нашихъ юнаковъ-дружинниковъ; составился изъ нихъ цѣлый кодексъ „обученія болгарскихъ солдатъ по Драгомирову".

Нельзя было не внять этимъ отзывамъ, которые давалъ молодой генералъ, руководитель юной арміи родного намъ народа, освобожденнаго нами по волѣ блаженной памяти Царя-Освободителя.

Вы вполнѣ поймете, говорилъ тотъ же генералъ Петковъ, съ какимъ реальнымъ интересомъ нашъ болгарскій солдатикъ, много слышавшій о Драгомировѣ, могъ отнестись къ такому случаю, что солдатъ, стоявшій на часахъ, при требованіи этого популярнѣйшаго генерала отдать ему ружье,—не отдалъ его, а главное, что генералъ-Драгомировъ, отмѣчая это обстоятельство въ своемъ приказѣ, говоритъ: „Не только не отдалъ, но даже наершился и при этомъ взялъ на руку" [1]). Добавленное же къ этому со стороны генерала Драгомирова въ приказѣ, по адресу часового, слово „молодецъ" прямо приводитъ юныхъ служакъ юной болгарской арміи въ восторгъ.

* * *

Разсказываютъ, что не только на болгарскій яз. переведены драгомировскіе сборники, но и на румынскій и что объ этомъ больше всего радѣлъ лично самъ король румынскій Карлъ, всегда почитавшій М. И. Драгомирова, очень высоко ставившій и теперь ставящій его школу и жаждавшій введенія въ дѣло обученія румынской арміи всего исходящаго отъ такого учителя.

Король Карлъ румынскій, нѣмецъ по происхожденію, хорошо зналъ, что нелюбовь М. И. Драгомирова къ нѣмцамъ граничила съ ненавистью. Въ высокой степени благородный монархъ этотъ, умѣлъ, съ твердостью, свойственной Гогенцоллернамъ, сглаживать въ себѣ неловкость непріятнаго чувства, напоминавшаго ему о непріязни Мих. Ивановича къ его происхожденію и рожденію; отдаливъ отъ себя разъ навсегда эти ощущенія, король отдавалъ полную справедливость знаніямъ, способностямъ и талантамъ генерала Драгомирова.

Въ 1900-мъ или 1901-мъ году король также провелъ нѣсколько дней въ Кіевѣ въ качествѣ гостя войскъ Кіевскаго военнаго округа и ихъ командующаго. Надо было видѣть, съ какой дружеской простотой Его Румынское Величество принималъ отъ Мих. Ив. все то, что онъ находилъ нужнымъ доставлять ему, какъ военному

---

[1]) Взять па руку значитъ сдѣлать ружейный пріемъ, который обозначаетъ изготовку къ оборонѣ или къ атакѣ.

гостю, державному шефу арміи сосѣдняго намъ народа, освобожденнаго когда-то также волею царя Россіи и по мѣрѣ силъ своихъ братски раздѣлившаго съ нами успѣхи борьбы въ дѣлѣ освобожденія нами славянскихъ братушекъ въ 1877—78 гг.

Нынѣ, когда достойнѣйшій вождь братской арміи только-что получилъ отъ Царя чинъ фельдмаршала славной арміи Россійской,— будетъ очень кстати разсказать на страницахъ „Русской Старины“ обстоятельства, при которыхъ король Карлъ, въ свое время, сорокъ семь лѣтъ тому назадъ, сдѣлался владѣтельнымъ княземъ Молдаволахскимъ, т. е. вступилъ на Румынскій престолъ.

Разсказъ этотъ мнѣ довелось услышать отъ Мих. Ив. Драгомирова тогда же, когда король Карлъ былъ въ Кіевѣ его дорогимъ и во всѣхъ отношеніяхъ пріятнымъ гостемъ.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лунное явленіе, видѣнное въ Москвѣ 1812 года, ноября 28-го дня.

Статья эта сообщена редакціи Е. Н. Клетновой, получившей ее отъ генерала Пестича. Эта небольшая книжечка 13×20 сент. въ 16 стр, изданная въ Москвѣ, въ 1813 г., въ тип. Селивановскаго и подписанная цензоромъ ордин. проф. Алексѣемъ Мерзляковымъ. 1 стр. изображаетъ рисунокъ луннаго явленія въ краскахъ [1]).

Предувѣдомленіе.

Причины, побудившія къ изданію описанія метеорологическаго явленія, видѣннаго около луны многими жителями Москвы въ прошломъ 1812 году: во-первыхъ, дабы сей значительный феноменъ, какъ по случившимся въ памятномъ году происшествіямъ между Россіею и Франціею, такъ и для исторіи времени не остался въ забвеніи, и при томъ безъ поясненія отъ разныхъ толковъ; ибо разсказы о немъ отъ многихъ слышаны или съ подлиннымъ мало схожіе, или недостаточные, или и совсѣмъ противные; во-вторыхъ, что никто и нигдѣ до сихъ поръ о семъ явленіи еще не написалъ ни слова; въ третьихъ, потому, что любопытные, занимающіеся и немаловажные люди сего изданія требуютъ; то трудившійся, выпуская оное въ свѣтъ, посвящаетъ благомыслящей публикѣ съ надеждою, что оная удостоитъ сіе своего вниманія и приметъ его благосклонно.

Лунное явленіе.

1812 года мѣсяца ноября съ 28 на 29 число, въ 6 часовъ по полудни видно было метеорологическое или воздушное явленіе около

[1]) Рисунокъ не воспроизведенъ.

луны и продолжавшееся до закату ея подъ горизонтъ; что было въ $10^1/_2$ часовъ, при ясномъ небѣ и не маломъ морозѣ, въ первой четверти луны.

Жители Москвы видѣли въ означенное время на западѣ луну въ кругу, оранжеваго цвѣта, который былъ въ діаметрѣ градусовъ 30, сквозь который проходилъ діаметрально другой, но гораздо большій кругъ, параллельный горизонту, коего внутренняя полоса была оранжеваго, средняя палеваго, а внѣшняя синяго цвѣта; въ тѣхъ частяхъ, гдѣ оный кругъ пересѣкалъ дугу малаго круга, видны были два бѣлыя и ярко-сіяющія пятна, съ продолговатыми на сѣверную и южную сторону, какъ у кометы, хвостами. На окружности же большаго круга къ востоку также были два пятна, подобныя первымъ, но гораздо темнѣе и безъ хвостовъ кои одинъ отъ другого отстояли съ восточной стороны градусовъ на 30. Отъ луны же самой крестообразно отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку широкіе лучи, продолжающіеся до самой окружности малаго круга; предъ симъ малымъ кругомъ въ большомъ кругу почти при центрѣ былъ секторъ дуги блѣдно-палеваго цвѣта, длиною градусовъ 18, а шириною $1^1/_2$. Воздухъ же, занимаемый кругами, былъ темнѣе, нежели ихъ окружающій.

Сіи подобія луны (Parasaeleni) или, лучше сказать, свѣтящіяся пятна, простой народъ называетъ ложными лунами или побочными мѣсяцами.

Подобное явленіе было въ Римѣ, въ 1629 году марта 29 дня; но не лунное, а солнечное, и ложныхъ солнцевъ было четыре же, но не одинаковой величины и неодинаково ярко сіяющими, и выше упомянутаго сектора, какой былъ въ нынѣшнемъ лунномъ явленіи, не находилось и крестообразныхъ лучей отъ солнца не было.

Философы говорятъ, что малый кругъ около луны и другой, проходящій сквозь его большой, происходятъ въ лунныхъ и солнечныхъ явленіяхъ лѣтомъ отъ преломленія лучей въ туманахъ, а зимой отъ отраженія ихъ отъ маленькихъ, плавающихъ въ воздухѣ частицъ снѣга или льда, на той самой высотѣ, гдѣ конецъ земной атмосферы. По сему луна или солнце, отражая лучи свои въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи отъ снѣжинокъ, дѣлаетъ изображенія нѣсколько себѣ подобныя, но не столь свѣтлыя, какъ сама луна или солнце, а сіи изображенія, также отбрасывая лучи отъ себя, кои, отражаясь о упомянутыя снѣжинки, производятъ также себѣ подобныя пятна, но гораздо себя еще темнѣе. Итакъ, изъ сего заключить можно, что таковыхъ пятенъ можетъ быть болѣе и менѣе четырехъ, каково будетъ отраженіе, но цвѣтъ ихъ и яркость

будетъ по кругу отъ луны по обѣ стороны вдоль въ прогрессіи умаляться, и при томъ, говорятъ они, что сихъ явленій въ дождливое время видѣть нельзя, а только въ морозное и туманное.

Что же таковыя явленія предзнаменуютъ, никто изъ философовъ о томъ ни слова. Таинства природы велики; дѣла Творца непостижимы, куда бренный и кичливый человѣческій умъ хотя старается проникнуть, но все еще остается ничтожнымъ, не только въ познаніи естества, но еще и самого себя.

Впрочемъ явленіе сіе есть задача физикамъ и бытописателямъ. Физики должны доказать дѣйствіе сихъ явленій, а особенно показать причину видѣнной дуги въ нынѣшнемъ явленіи и крестообразнаго сіянія луны.

А бытописатели или исторіографы должны заглянуть въ исторію 1629 года и поискать, не было ли тогда какого-либо политическаго на земномъ шарѣ происшествія отъ помянутаго солнечнаго явленія, видѣннаго въ Римѣ, и сравнивъ его съ нынѣшнимъ луннымъ, вывесть о томъ свои заключенія; потомъ внесть его въ исторію времени, какъ великій памятникъ нынѣшняго военнаго обстоятельства между Россіи и Франціи, и стремительнаго бѣгства изъ предѣловъ россійскихъ Наполеона съ малымъ остаткомъ войскъ его.

Но имѣютъ ли таковыя воздушныя явленія вліяніе на землю или нѣтъ, мыслить о семъ всякому отдается на волю.

Для любопытства же помѣщаются здѣсь видѣнныя разныя воздушныя явленія многихъ прошедшихъ годовъ, какъ-то:

Въ 993 году, передъ рожденіемъ св. великомученика Стефана, въ ночи, въ 1 часу былъ великій свѣтъ [1]).

Въ 1606 году, за день крещенія Людвига. XIII и двухъ его сестеръ, въ Фонтенебло виденъ былъ на небѣ огонь со многими лучами и разъѣзжающія колесницы; о чемъ пишетъ историкъ Іовъ Лудольфъ [2]), что явленіе сіе подобно было игрѣ духовъ, въ воздухѣ обитающихъ.

Въ 1628 году въ исторіяхъ написано [3]): въ Помераніи на небѣ показалось, будто бы оное отверзлось; потомъ отъ сѣвера вышло сильное войско, такъ что сперва пѣхота съ копьями и ружьями, послѣ пушки и телѣги съ народомъ, а потомъ конница явилась и пошла къ югу, гдѣ оное войско съ другимъ, которое отъ юга пришло, великое сраженье возымѣло, и оное, какъ казалось, побѣдило.

---

[1]) Chronographus Saxo apud Leibnizium in muscell. Berlin. Tom I, pag. 137.

[2]) Общее зрѣлище XVII Сепула. Томъ I, стр. 210.

[3]) Театръ Европы, стр. 260.

1630 году, при Штетинѣ въ Помераніи же по утру въ 5 часу, незадолго до бывшей тамо между цесарскими и шведскими войсками баталіи, на небѣ виденъ былъ огненный мечъ [1]), который внизъ далеко протязался и испускалъ пламень, и, по непрестанномъ движеніи, напослѣдокъ подобенъ сталъ турецкой или польской саблѣ.

Въ 1633 году, 20 сентября, въ Мединѣ въ Аравіи, по смерти Магомета, въ полночь возстала страшная погода и жестокій громъ, такъ что небо отъ того все помрачено было [2]); но какъ погода перемѣнилась и небо стало ясно, то на ономъ видны были аравійскія слова, объясняющія: Ахъ, почто вѣруете лжѣ? А потомъ въ 3 часу по полуночи явилась отъ сѣвера женщина въ бѣломъ одѣяніи, окруженная солнцемъ, и имѣющая въ рукѣ книгу, противъ которой было видно войско, похожее на турокъ, персіанъ, аравитянъ и прочихъ магометанъ, въ боевомъ порядкѣ, повидимому, на оную нападающее; но женщина стояла неподвижно, и какъ скоро имѣющуюся у нея въ рукѣ книгу раскрыла, то всѣ сіи войска въ бѣгство обратились.

Въ 1651 году, 22 декабря, при устьѣ рѣки Масы корабельщиками примѣчено было воздушное явленіе, состоящее изъ двухъ корабельныхъ флотовъ въ наступательномъ видѣ одного на другой и послѣ въ видѣ сраженія, и что будто видны были ясно блоки и канаты оныхъ кораблей [3]). И многія другія явленія въ разныхъ мѣстахъ и въ теченіе прошедшихъ годовъ видимы были, которыя исчислить здѣсь было бы много.

Мнѣнія древнихъ и новѣйшихъ физиковъ о происхожденіи сихъ явленій, какъ-то: Аристотеля, Сенеки, Роста, Кульмуса, Вольфа, Вагнера, Стрейбеля, Кеплера, Вейдлера, Мейера, Картезія, Кункеля и многихъ другихъ, были различны.

Еще помѣщается здѣсь одно видѣнное въ Силезіи въ Либавѣ священникомъ Стрейбелемъ, жившимъ въ 1721 году, съ $^1/_4$ часа явленіе, за 4 недѣли до преставленія римскаго цесаря Іосифа. Къ сѣверу видна была литера C, съ цифирнымъ числомъ 3, который и вывелъ изъ сего явленія мнѣніе такое, что на мѣстѣ Іосифа долженъ быть наслѣдникомъ въ Гишпаніи Карлъ III.

Въ Либавѣ же въ Силезіи магистратскій членъ, Христіанъ Траутъ-Манъ, даже вѣрилъ такимъ явленіямъ, что они добрыя ли

---

[1]) Театръ Европы, стр. 260.

[2]) Театръ Европы. Томъ III, стр. 92.

Лудольфа зрѣлище. Томъ III, стр. 143, гдѣ гравированная картина сего явленія приложена.

были предсказанія, или злыя, по соединенію планетъ, когда таковыя явленія бываютъ. И сіе дня [1]) нынѣшняго луннаго явленія есть задача.

Мое мнѣніе о семъ явленіи слѣдующее:

Когда праведный Ной по претерпѣніи отъ потопа вышелъ изъ ковчега и отдалъ Богу благодареніе, за спасеніе, съ семействомъ своимъ, и принесъ Ему чистосердечную жертву, то Всемогущій, въ знакъ къ нему любви Своей и въ знакъ, что уже впредь не будетъ такого наводненія, какое было тогда, поставилъ на небѣ радугу. Такъ точно и нынѣ видѣннымъ явленіемъ ознаменовалъ Всемогущій, что Россія уже впредь не увидитъ въ предѣлахъ своихъ въ такомъ множествѣ непріятельскаго скопища, какое въ помянутомъ году было, и никогда не будетъ терпѣть такого разоренія, какое учинено нынѣ надменными, развратными и безбожными французами съ ихъ сообщниками, а особенно отъ ихъ пронырливаго, злонамѣреннаго и желающаго поглотить владычество царей земныхъ, мирное правленіе ихъ и спокойствіе смертныхъ, рожденнаго въ подлости и коварствомъ похитившаго престомъ порфирородныхъ Франціи—Наполеона.

П. П. Веніаминовъ.

---

[1]) Бреславскія собранія 1722, мѣсяцъ мартъ стр. 270

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи [1]).

ГЛАВА II.

Митава.—Митавскій замокъ.—Ночной форспрованный маршъ.—Первое впечатлѣніе страны.—Восемь пожаровъ.—Прибытіе къ мѣсту назначенія.—Слухи о повстанцахъ.

Митава (по-латышски Ielgawa), считая въ себѣ всего лишь 35 тыс. жителей, чистый и благоустроенный городъ. Какъ далеки отъ него въ этомъ отношеніи значительно бо́льшіе по населенію русскіе губернскіе города! Впечатлѣніе она оставляетъ преотрадное; забота о благоустройствѣ проглядываетъ на каждомъ шагу. Нѣмецкій элементъ здѣсь составляетъ половину всего населенія; латыши, русскіе, поляки—четверть; остальные—евреи. Такимъ образомъ нѣмцы и евреи преобладаютъ. Городъ стоитъ на р. Аа и при желѣзной дорогѣ, соединяющей его съ Ригою и Либавою. Изъ всѣхъ рѣкъ, а ихъ въ Курляндіи насчитывается до ста, кромѣ многочисленныхъ ручейковъ, судоходныхъ только три, изъ нихъ таковою ниже Митавы дѣлается и Аа. Рѣкъ и притоковъ съ такимъ названіемъ много въ Зап. Европѣ и въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ; оно есть сокращеніе латинскаго aqua—вода.

Въ Митавѣ много растительности (прекрасный дворцовый паркъ и великолѣпный садъ Villa Medem, принадлежащій Латышскому литературному обществу); много хорошихъ и большихъ домовъ;

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

лучшимъ ея украшеніемъ служитъ дворецъ—одно изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ Россіи, и мужская гимназія.

Въ 1226 г. гроссмейстеръ Конрадъ Медемъ построилъ на р. Аа, гдѣ въ нее вливается Дрикса, замокъ. Во времена орденскаго владычества въ немъ жилъ ландмаршалъ, второе лицо послѣ великаго магистра. Замокъ не разъ горѣлъ и снова возрождался. Много пережилъ онъ превратностей. Около него къ 1345 г. образовался большой поселокъ, послужившій началомъ городу. Такъ какъ замокъ и онъ расположились на низменной долинѣ, то это и послужило поводомъ для названія города—Mitte in der Aue. Когда орденъ палъ и Курляндія обратилась въ герцогство, Митава сдѣлалась резиденціей его правителей. Эрнестъ Биронъ на мѣстѣ стараго, взорваннаго для этой цѣли, построилъ новый замокъ по плану, а вначалѣ и подъ руководствомъ—Растрелли въ стилѣ итальянскаго барокко. Это громадное зданіе, вмѣщающее въ себѣ болѣе 300 комнатъ. Постройка длилась очень долго. Въ царствованіе Елизаветы (1741 г.) она на время была пріостановлена, а чудной работы двери и оконныя рамы Митавскаго дворца пошли (1743) на отдѣлку дома гр. Разумовскаго (Аничковъ дворецъ).

Въ построенномъ замкѣ Биронъ прожилъ всего лишь 20 дней, уже послѣ отреченія въ пользу сына (1769 г.).

Много видовъ видѣлъ замокъ, много историческихъ лицъ въ немъ перебывало. Три раза его занимали шведы. Были здѣсь Густавъ Адольфъ, Карлъ XII. Въ 1697 году Митава пышно встрѣчала русское посольство, въ составъ котораго входилъ и „волонтеръ Петръ Михайловъ“ (Петръ Великій). Чрезъ два года Петръ Великій снова посѣтилъ Митаву, проѣхалъ Курляндію, въ Либавскомъ портѣ сѣлъ на корабль и уѣхалъ за море.

„Очаровала Петра Курляндія. Понялъ онъ, почему Польша и особенно Пруссія жадно смотрѣли на Прибалтійскій уголокъ. Омываемая моремъ на протяженіи болѣе трехсотъ верстъ, обладающая такими природными гаванями, какъ Либава и Виндава, орошаемая глубокой Двиной, покрытая вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, Курляндія естественно возбуждала въ Петрѣ В. политическій аппетитъ, который онъ стремился утолить то ссудою денегъ подъ залогъ герцогскихъ земель, то бракомъ племянницы съ герцогомъ Курляндскимъ, и умеръ, только бросивъ мысль о важномъ значеніи Курляндіи для прочности Россіи на Балтійскомъ морѣ“.

Екатерина II, понявшая мысль Петра и спустя сто лѣтъ ее осуществившая, во время своего болѣе чѣмъ мѣсячнаго пребыванія въ Прибалтійскомъ краѣ (1763 г.), на нѣсколько часовъ пріѣзжала изъ Риги въ Митаву къ „своему герцогу“. Не менѣе чѣмъ Петра

и ее очаровалъ цвѣтущій видъ страны—богатѣйшія мызы, величественные замки. Бароны, пышно принимавшіе русскую Императрицу, умѣли показать только то, что было хорошаго въ ихъ странѣ.

Въ Митавскомъ замкѣ дважды жилъ и „графъ Провансскій“ (Людовикъ XVIII), терпѣливо выжидая, пока „союзники“ не посадили его на тронъ Франціи. Посѣтилъ замокъ Императоръ Александръ I.

Въ 1812 году маршалъ Макдональдъ имѣлъ въ немъ главную квартиру. Приходилось замку служить и лазаретомъ для пруссаковъ.

Послѣ всего этого здѣсь водворился на жительство рядъ русскихъ губернаторовъ. Послѣднее же время отсюда страной правилъ генералъ-губернаторъ, выставивъ на устрашеніе мятежныхъ латышей предъ входомъ пушки. Давно уже замокъ не принималъ такого воинственнаго вида!

Повидимому, въ городѣ все было спокойно. Жизнь какъ будто шла своимъ обычнымъ порядкомъ—ни усиленныхъ нарядовъ полиціи, ни военныхъ патрулей. Было воскресенье, стояла чудная погода, на улицахъ много гуляющихъ, но все чинно, мирно. И по первому впечатлѣнію казалось, что тревога начальствомъ забита напрасно. Къ сожалѣнію, это только казалось! Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ скрывалось сильное броженіе, сдерживаемое только значительнымъ числомъ войскъ въ городѣ. Но были уже и бурныя демонстраціи, сопровождавшіяся убійствами и разгромами. Почти на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ шла общая забастовка. Многіе рабочіе уходили изъ города въ уѣздъ, подбивали батраковъ бросать работы въ имѣніяхъ и, соединивъ ихъ въ шайки, поджигали, грабили, а подчасъ, и убивали ненавистныхъ имъ нѣмцевъ-владѣльцевъ и членовъ полиціи (тоже нѣмцевъ).

Не успѣли прибывшіе на усмиреніе, что называется, осмотрѣться и устроиться, какъ часовъ въ 5 въ расположеніе эскадрона въ Паульсгнаде прискакалъ „вѣстовой“ съ приказаніемъ спѣшить на сборный пунктъ, чтобы, получивъ тамъ инструкціи, итти куда-то далеко. Пришлось выступить по тревогѣ, бросивъ даже кой-какое имущество. На сборномъ пунктѣ узнали, зачѣмъ и куда посылали. Отъ командира полусотни казаковъ, расположенной въ им. Гофцумберге, получено было донесеніе, что многочисленная партія повстанцевъ заняла окружающіе лѣса, ведетъ съ казаками неустанную перестрѣлку и что послѣднимъ, въ виду ихъ слабыхъ силъ и недостатка патроновъ, угрожаетъ серьезная опасность. Узнавъ объ этомъ еще наканунѣ вечеромъ (о чемъ говорилось на „совѣтѣ“), на-

чальство тогда еще выслало туда на подводахъ роту пѣхоты [1]). Не получая болѣе никакихъ изъ Гофцумберге извѣстій и думая, что повстанцы отрѣзали сообщеніе съ Митавой, что рота въ свою очередь подверглась нападенію, допуская вообще всѣ ужасы, рѣшили послать на выручку казаковъ и пѣхоты прибывшіе наканунѣ два эскадрона.

На сборномъ пунктѣ насъ продержали часа два. Къ этому, впрочемъ, военные привыкли. Кто-то на досугѣ высчиталъ, что половина службы солдата проходитъ именно въ ожиданіи начальства, приказа и пр.

Наконецъ, послѣдовало распоряженіе спѣшить въ Гофцумберге. Сѣли на коней и начали спѣшить, наверстывая безцѣльно (можетъ быть, и была причина, кто ихъ тамъ знаетъ!) потраченное время въ ущербъ лошадямъ. Солнце давно уже сѣло. Начинало смеркаться. Съ отрядомъ слѣдовалъ бравый уѣздный начальникъ, отставной кавалеристъ, мѣстный уроженецъ, баронъ.

Шоссированная дорога, по которой шли, содержались въ образцовомъ порядкѣ. При частыхъ разъѣздахъ по Курляндіи намъ послѣ пришлось убѣдиться, что эта часть ничего не оставляетъ желать лучшаго. Всѣ, даже незначительные, тракты превосходно-гладки, безъ выбоевъ; верхній ихъ слой—крупный гравій и утрамбованъ на рѣдкость. Мосты, а ихъ множество, вполнѣ исправны. Эскадронный командиръ, памятуя россійскія дороги, въ трепетѣ за цѣлость своихъ лошадей, спросилъ, надежны ли мосты.

Уѣздный начальникъ снисходительно отвѣтилъ: „Не безпокойтесь, наши мосты не проваливаются“! Всѣ дороги въ Курляндіи по сторонамъ обведены глубокими дренажными канавами, а самое полотно значительно возвышено, поэтому въ дождливое время и грязи на нихъ не бываетъ. Да, дороги хороши. Но во что обходится это дорожное благополучіе населенію! По сторонамъ дорогъ вездѣ вкопаны столбики, на нихъ написаны имена и фамиліи тѣхъ латышей, которые должны содержать въ полной исправности назначенные имъ участки.

На ихъ обязанности по этой части лежитъ все—подвозъ песку, гравія, чистка канавъ и пр. Повинность эта тяжелая и всецѣло лежитъ на крестьянахъ. Помѣщики совершенно свободны отъ нея,

---

[1]) Въ виду выдѣленія изъ пѣхотныхъ полковъ на Дальній Востокъ чуть не половины состава людей, всѣ роты были далеко не въ комплектѣ, въ нихъ насчитывалось уже только около 60 человѣкъ; къ декабрю 1905 г., когда всѣхъ выслужившихъ срокъ постепенно уволили въ запасъ, роты свелись до 30—35 чел.

хотя-бы дороги и пролегали на много верстъ по ихъ владѣніямъ. Уставъ о дорожной повинности 1865 г. За его исполненіемъ строго слѣдитъ полиція и сами бароны. Обязанность—много легче латышской!

Но возвратимся къ разсказу.

Эскадроны быстро двигались впередъ. Это былъ форсированный маршъ съ мѣрами охраненія, какъ въ военное время. Говорили, что повстанцы стрѣляютъ изъ-за кустовъ, что они уже разгромили 32 волостныхъ правленія, сожгли нѣсколько мызъ и пр. Поэтому осторожность не была излишня. Около стояли телефонные столбы съ висѣвшею какъ-то безпомощно и уныло порванною проволокою; мѣстами столбы были спилены и лежали въ канавѣ. Все это напоминало о дѣятельности повстанцевъ. Проѣхали около часа, не встрѣтивъ рѣшительно никого и ничего. За все время попалась одна корчма, старательно запертая. Только въ сторонѣ иногда кое-гдѣ что-то чернѣло, похожее на строенія. Казалось, что двигались въ пустынной, безлюдной странѣ. Это было наше первое впечатлѣніе края. Днемъ, конечно, все это выглядитъ иначе. Курляндія въ общемъ холмиста, въ серединѣ ея тянется низменность, извѣстная подъ именемъ „Митавской равнины“. Именно этой безлѣсной равниной и шли теперь эскадроны.

Ночь была восхитительная, тихая, теплая. Луна уже начинала выходить изъ-за темнаго горизонта, но слабые ея лучи не могли побороть сразу сгустившагося надъ землею мрака.

Въ противоположной сторонѣ, прямо по дорогѣ обрисовалась неясная полоска свѣта, какой-то далекій отблескъ чего-то; казалось, оттуда собирается выйти другая луна, чтобы помочь первой въ борьбѣ съ темнотою. Эта полоска быстро начала увеличиваться, шириться и принимать все болѣе красный оттѣнокъ. Въ короткое время небо озарилось заревомъ все увеличивавшагося далекаго пожара. Между тѣмъ луна поднималась все выше; звѣзды начали меркнуть, мракъ разсѣиваться, и скоро окрестности залились ея серебристыми лучами. Зарево поблѣднѣло, и пожаръ сталъ горѣть большимъ, но не такимъ уже яркимъ костромъ.

Смотря на все болѣе разгорающійся огонь, эскадроны понеслись быстрѣе впередъ, подстрекаемые желаніемъ скорѣе доѣхать туда, подать помощь. Воображеніе рисовало ужасы разгрома, насилій.

Но вотъ нѣсколько въ сторонѣ какъ-то сразу вспыхнулъ еще огонекъ, быстро обратившійся также въ громадный пожаръ. Ясно уже свѣтившая луна ослабляла впечатлѣніе. Наше напряженное вниманіе сосредоточено было на этихъ двухъ свѣтящихся впереди пожарахъ.

— Смотрите, третій пожаръ!—крикнулъ кто-то изъ насъ. А чрезъ нѣкоторое время снова:—Смотрите, четвертый!—и скоро широкимъ полукругомъ впереди одновременно сильнымъ блескомъ сверкало восемь пожаровъ.

А кругомъ полнѣйшая тишина—ни малѣйшаго звука; только ритмическій топотъ копытъ нарушалъ это гробовое молчаніе. Кавалерійское ухо, впрочемъ, не слышитъ этого топота—съ нимъ оно свыклось. Эти зловѣщіе восемь пожаровъ, ночь, тишина, вполнѣ незнакомая мѣстность, сознаніе, что въ странѣ что-то вершится, ожиданіе засадъ, нападеній, дѣлало обстановку таинственной и грозной. Проѣхали еще нѣсколько верстъ, показавшихся намъ безконечными. Пожары все пылали, а тишина по-прежнему не нарушалась ничѣмъ.

Впереди послышался какой-то отдаленный, неясный вначалѣ шумъ. Всѣ насторожились, безъ команды перешли въ шагъ. Шумъ усиливался. Эскадроны остановились. Уѣздный начальникъ, взявъ съ собой взводъ, поѣхалъ на развѣдки. Чрезъ нѣсколько минутъ показался быстро катившійся по дорогѣ экипажъ. Замѣтивъ драгунъ, онъ юркнулъ въ сторону и во всю прыть началъ уходить. Его догнали, окружили. На бричкѣ сидѣли двѣ женщины, тряслись отъ страха и плакали... Оказалось, онѣ, крестьянки, гдѣ-то были на крестинахъ и теперь возвращались домой. Бабъ послѣ допроса отпустили. Пришлось разочароваться, приключенія воинственнаго не случилось! Когда воображеніе напряжено, оно рисуетъ Богъ вѣсть что! Ожидали засадъ, чуть не сраженія, по меньшей мѣрѣ поимки вооруженныхъ повстанцевъ, и вдругъ двѣ трепещущія бабы, такъ храбро плѣненныя уѣзднымъ начальникомъ.

Послѣ этого забавнаго эпизода тронулись дальше. Опять вниманіе устремилось на пожары. Одинъ изъ нихъ уже былъ не далеко, нѣкоторые замѣтно уменьшались. Подъѣзжали къ какому-то лѣсу, какъ-то сразу выдвинувшемуся предъ нами. Это было имѣніе Грингофъ и его огромный паркъ; его мы послѣ осматривали. Это рѣдкій по красотѣ паркъ, содержимый въ большомъ порядкѣ; его не болѣе, не менѣе, какъ сто десятинъ! Наконецъ, доѣхали и до самаго пожарища. Нигдѣ не было видно ни души. Огромный сарай съ десятками тысячъ бывшаго въ немъ клевера догоралъ себѣ въ полномъ одиночествѣ.

Было 11 часовъ вечера. Остановились, слѣзли съ лошадей. Половина дороги была пройдена. Рѣшили сдѣлать привалъ и накормить людей ужиномъ. Безтолковый выходъ по тревогѣ не далъ возможности сдѣлать этого въ Митавѣ. Теперь выручили походныя кухни. Уѣздный начальникъ предложилъ зайти въ замокъ—„Дабутъ—

закусить". Но никакого замка не было видно. Мы свернули вправо и пошли по тѣнистой аллеѣ внизъ. Она скоро окончилась, и предъ нашими глазами предсталъ на полянѣ бѣлый, какъ молоко, большой замокъ, залитый свѣтомъ луны. Онъ отчетливо выдѣлялся на темномъ фонѣ раскинувшагося сзади парка. Картина была великолѣпная, какая-то сказочная. Даже обычный видъ днемъ инымъ представляется при таинственномъ свѣтѣ царицы-ночи, когда скрадываются детали, когда перспектива обманчива. До полной иллюзіи рыцарскаго замка недоставало только старинныхъ башенъ да зубчатыхъ стѣнъ. Грингофъ и днемъ пріятно ласкаетъ глазъ своимъ красивымъ видомъ, хотя собственно архитектура его и не затѣйлива. Много намъ пришлось видѣть въ Курляндіи „замковъ", но такой симпатичный — рѣдко. Пришлось послѣ осматривать его внутри. Прекрасная обстановка, драгоцѣнныя вещи и на всемъ отпечатокъ вкуса и заботливой женской руки; большая библіотека и рѣдкое собраніе старинныхъ библій.

Невольно мы, утомленные монотонностью дороги, пріостановились, чтобы полюбоваться красивой картиной. Впечатлѣніе портилъ, по крайней мѣрѣ у пищущаго эти строки, пѣхотный солдатъ, неуклюже какъ-то торчавшій у подъѣзда съ винтовкой на плечѣ (въ Грингофѣ на время безпорядковъ расположена была рота). Этотъ часовой разсѣивалъ настроенное воображеніе и возвращалъ къ реальной дѣйствительности. Онъ напоминалъ, что творилось въ краѣ, что, можетъ быть, и этому чудному уголку, подобно другимъ, суждено скоро обратиться въ груды мусора съ отвратительно торчащими почернѣвшими трубами. Спустя два мѣсяца много пришлось видѣть такихъ печальныхъ видовъ.

Вошли въ домъ. Въ громадномъ вестибюлѣ съ красивымъ сводчатымъ потолкомъ стоялъ посрединѣ столъ, уставленный закусками и бутылками. За столомъ сидѣлъ немолодой уже пѣхотный капитанъ, командиръ роты, въ полномъ вооруженіи, какъ бы готовый въ бой съ кѣмъ-то. Подъ стѣною, тѣсною группою, буквально прижимаясь другъ къ другу, сидѣло съ испуганными лицами нѣсколько дамъ. Было также трое мужчинъ, разстроенныхъ и измученныхъ безсонными ночами. Прислуга разошлась; кто ушелъ, сочувствуя возстанію, въ банды, кого туда же погналъ терроръ. Весь многочисленный обыкновенно штатъ служащихъ въ имѣніяхъ состоитъ исключительно изъ латышей. Добрая половина бароновъ и баронессъ вскормлены латышскою же грудью... Всѣ нѣмцы говорятъ свободно по-латышски, тогда какъ очень немногіе латыши—по-нѣмецки. Послѣднее время и знающіе этотъ языкъ какъ-то сразу забыли его...

Въ Грингофѣ было сожжено уже нѣсколько сараевъ чуть ли не на глазахъ пѣхотныхъ патрулей. Понятна паника оставшихся въ замкѣ людей. Имъ казалось, что слабая рота не можетъ обезпечить даже ихъ личной безопасности. Управляющій, встрѣтившій эскадроны, какъ избавителей, и опечаленный извѣстіемъ, что чрезъ полчаса они уйдутъ дальше, умолялъ эскадроннаго командира оставить ему „хотя шесть драгунъ“.—„Но у васъ же цѣлая рота!“—„Что эта пѣхота!“ и управляющій безнадежно махнулъ рукою; отказъ исполнить просьбу его сильно огорчилъ.

Порядочно проголодавшись, мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе выпить знаменитой померанцевой и закусить чудной ветчиной. Курляндія, по справедливости, славится умѣніемъ приготовлять послѣднюю, а ея сладкія водки извѣстны на всю Россію. Заводы Гроссъ-Эккаускій и Штокмансгофскій отличаются на этомъ поприщѣ. Но въ баронскихъ имѣніяхъ умудряются домашнимъ путемъ дѣлать ихъ еще лучше. Утолили голодъ, стали собираться въ дорогу, хотя, признаться, не хотѣлось уходить даже изъ вестибюля... „Надо подождать—люди не успѣли еще поужинать“, сказалъ командиръ эскадрона. Одна изъ дамъ спросила, какъ же они теперь ужинаютъ.—„Ужинаютъ и горячимъ“. Узнавъ изъ дальнѣйшихъ объясненій, что мы возимъ за собою такія кухни, которыя, несмотря на быстроту движенія, не отстаютъ и преисправно готовятъ пищу, какъ на мѣстѣ, дамы очень заинтересовались и, забывъ свои страхи, просили показать имъ эти диковинныя кухни на колесахъ. Осматривать ихъ онѣ шли подъ охраною офицеровъ, назадъ же, по нашемъ уходѣ, пришлось возвращаться только со своими мужьями. Что это было—женское любопытство или нѣмецкая хозяйственная жилка, погнавшая ихъ ночью довольно далеко отъ замка?!

Остальная часть дороги представлялась болѣе опасной. Недалеко отъ Грингофа лежитъ не особенно большой, но довольно густой лѣсъ. Въ немъ часто шатались повстанцы, стрѣляли по казачьимъ разъѣздамъ, въ судебнаго слѣдователя, но стрѣляли плохо. Не доѣзжая 3-хъ верстъ до Гофцумберге, начинается болѣе значительный уже лѣсъ. Уѣздный начальникъ поднялъ вопросъ,—идти прямо или обойти опасныя мѣста, что значительно удлиняло бы путь. Рѣшили идти кратчайшею дорогою.

И эскадроны, не пославъ даже предварительно обрекогносцировать лѣсъ, какъ того требуетъ уставъ, длинною кишкою вытянулись въ дефиле. Если бы повстанцы вздумали устроить засаду, то, оставаясь безнаказанными, могли бы поставить отрядъ въ непріятное положеніе. Густой, незнакомый лѣсъ, узкая дорога и при всемъ томъ ночь. Но латыши, если они и шатались въ лѣсу, на

этотъ разъ не рискнули—ни одного выстрѣла не послѣдовало, хотя о нашемъ движеніи было извѣстно. Слухъ о немъ распространился въ Гофцумберге между рабочими очень задолго еще до прибытія туда эскадроновъ. Во всѣхъ имѣніяхъ рабочіе-латыши, во всѣхъ учрежденіяхъ, правительственныхъ и частныхъ, низшія должности обыкновенно занимаютъ они же. Поэтому отъ ихъ вниманія не ускользаетъ ни одно распоряженіе, ни одна канцелярская тайна. Но какъ они умудрялись быстро обо всемъ давать знать? Распоряженіемъ губернатора ѣзда на велосипедахъ была запрещена. Ими для быстрыхъ передвиженій, чему такъ способствуютъ чудныя дороги, широко раньше пользовались агитаторы. Но, несмотря на запрещеніе, революціонеры все-таки и послѣ рисковали ѣздить; ихъ старательно ловили и арестовывали, въ неисполнявшихъ приказаніе остановиться—стрѣляли. Весьма вѣроятно, что и въ данномъ случаѣ какой-нибудь смѣльчакъ, счастливо проскользнувъ мимо поста въ Грингофѣ,—распространилъ извѣстіе о движеніи эскадроновъ. Позднѣе намъ пришлось убѣдиться, что у революціонеровъ развѣдывательная служба поставлена несравненно лучше, чѣмъ у насъ, а равно и сигнализація. Вожди возстанія позаботились обучить этому „народъ“, широко распространивъ книжонку (приходилось ее видѣть), гдѣ обстоятельно изложены фортификаціонный, развѣдывательный отдѣлы и вообще всѣ способы веденія революціонной войны съ войсками. Этотъ своего рода „уставъ“ заканчивается приказомъ „народу“ хорошо усвоить его содержимое. И, надо полагать, въ ихъ арміи не процвѣтаетъ такая халатность въ этомъ отношеніи, какъ у насъ. Ближайшій примѣръ:

Осенью 1904 г. (во время войны!) послѣдовало приказаніе обучить къ веснѣ унтеръ-офицеровъ, учебную команду и всѣхъ развѣдчиковъ умѣнію на большомъ разстояніи переговариваться съ помощью флаговъ („семафорная азбука“). Знаніе этой сигнализаціи требовалось основательное, отчетливое. Но пришла весна, попробовали сдѣлать испытаніе. Ровно ничего не вышло. Сигнализировать сколько-нибудь сносно не умѣли ни ученики-солдаты, ни учителя-офицеры, ни сами повѣрявшіе „успѣхъ зимнихъ занятій“. И дѣло „такъ и оставили“.

Первый лѣсъ миновали; втянулись, благополучно прошли и второй—большой и густой. Выѣхавъ на поляну, увидѣли, какъ и въ Грингофѣ, догоравшимъ огромный сарай. Было около 3 часовъ ночи. Маршъ былъ оконченъ, мы въѣзжали уже въ самую мызу Гофцумберге. Во дворѣ привязанными къ заборамъ стояли казачьи лошади, сами же казаки, кромѣ наряда, преспокойно спали. Спѣшивъ людей, мы ожидали встрѣтить иную обстановку. Присланной

пѣхоты на выручку все тѣхъ же казаковъ и совсѣмъ не было видно. Призванный къ начальнику отряда также безмятежно спавшій въ „замкѣ“ казачій офицеръ доложилъ, что въ ближайшихъ лѣсахъ шатаются „огромными толпами“ повстанцы, подходятъ къ самой мызѣ, стрѣляютъ, что казаки выдержали съ ними бой, измучены и т. д.; что, наконецъ, лошадей онъ держитъ подъ открытымъ небомъ (хотя есть много прекрасныхъ сараевъ) изъ опасенія поджога.

При первомъ впечатлѣніи мѣстность показалась до крайности угрюмой: мыза лежитъ въ глубокой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ на нее надвигаются солидныя обрывистыя горы, поросшія лѣсомъ. Только въ одномъ мѣстѣ, на вершинѣ высокаго холма отчетливо вырисовывались эффектно освѣщенныя луной развалины настоящаго древняго замка.

„Позиція для боя“ была не изъ выгодныхъ, по крайней мѣрѣ такъ казалось ночью, особенно подъ вліяніемъ слышанныхъ ужасовъ, въ которыхъ, впрочемъ, начинало брать сомнѣніе.

И мы, въ свою очередь, боясь поджога, расположили свои эскадроны среди двора бивакомъ. На другой день одинъ изъ нихъ ушелъ въ г. Баускъ, пѣхота и „выручeнные“ казаки обратно въ Митаву. Въ мызѣ остался одинъ эскадронъ, чрезъ нѣсколько дней выдѣлившій половину въ м. Добеленъ.

Е. А. Альбовскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына[1]).

Глава II.

Перейду теперь къ внутренней жизни студентовъ. Какъ я уже сказалъ, мы жили въ номерахъ по 4 чел. въ каждомъ. На первый курсъ мы были размѣщены по номерамъ по усмотрѣнію инспекціи. При этомъ, такъ какъ число студентовъ польскаго происхожденія было почти равно числу студентовъ—русскихъ, то въ каждомъ номерѣ помѣщено было по 2 поляка и по 2 русскихъ. Мѣра эта имѣла въ виду, вѣроятно, разобщеніе поляковъ, чтобы они не жили, такъ сказать, обособленными группами, но она имѣла послѣдствія, которыхъ, по всей вѣроятности, не ожидала инспекція. Никакой политической розни тогда между студентами не было, и мы очень охотно сближались съ поляками. Тогдашніе русскіе студенты, большею частью изъ семинаристовъ, были малоразвиты въ обще-образовательномъ смыслѣ: сама русская жизнь того времени не содержала въ себѣ ничего, что могло бы способствовать этому развитію. Люди западной культуры—поляки были гораздо выше насъ во всѣхъ отношеніяхъ: у нихъ были опредѣленные политическіе взгляды, они были болѣе знакомы съ западной литературой, о которой мы имѣли самыя смутныя понятія, благодаря слабому знанію иностранныхъ языковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, поляки имѣли большое вліяніе на наше развитіе. Они открыли намъ новый міръ идей, о которомъ мы не имѣли никакого понятія. У нихъ была превосходная собственная библіотека, въ которой, кромѣ польскихъ авторовъ, было много сочиненій на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

По мѣрѣ сближенія съ ними, мы, естественно, стали пользоваться и этой библіотекой: сначала французскими и нѣмецкими книгами, а потомъ и польскими, такъ что къ концу курса нѣкоторые изъ насъ хорошо владѣли польскимъ языкомъ. Въ библіотекѣ было немало книгъ, запрещенныхъ тогдашней цензурой, и онѣ, какъ запрещенный плодъ, всего больше тянули насъ къ себѣ. Какъ доставались эти книги, я сказать не могу, но ихъ было немало!

У насъ, русскихъ, своей библіотеки не было: случайно попадались намъ книжки журналовъ 40-хъ годовъ, въ которыхъ мы съ жадностью читали статьи Бѣлинскаго и Герцена („Письма объ изученіи природы“, „Дилеттантизмъ въ наукѣ“, первую часть романа „Кто виноватъ“ и др.). Кромѣ того нѣкоторые изъ насъ абонировались въ публичной библіотекѣ книгопродавца Смирдина. Затѣмъ, разумѣется, читали новыхъ народившихся писателей: Тургенева, Гончарова и Григоровича. Наибольшею любовью пользовался между нами Тургеневъ, талантъ котораго начиналъ развиваться во всемъ своемъ блескѣ. Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь были также любимымъ нашимъ чтеніемъ. Пушкинъ и Лермонтовъ часто были причиною самыхъ горячихъ споровъ о томъ, кто изъ нихъ выше. Спорили часто далеко за полночь, при чемъ, какъ обыкновенно бываетъ, стороны оставались каждая при своемъ мнѣніи. Вообще сначала, какъ въ нашемъ чтеніи, такъ и въ спорахъ преобладалъ элементъ литературно-философскій.

Новое міровоззрѣніе, какъ результатъ изученія естественныхъ наукъ, мало-по-малу овладѣвало нами, часто незамѣтно для насъ самихъ. Но и старыя традиціи, результатъ нашего воспитанія, не вдругъ уступали ему свое мѣсто, а поэтому многіе изъ насъ переживали тяжелую эпоху колебаній и сомнѣній, почти незнакомую нынѣшнимъ поколѣніямъ. Понятно, что все это возбуждало споры между нами.

Изъ иностранныхъ авторовъ всего болѣе читали Евг. Сю, Жоржъ-Занда, Диккенса и Тэккерэя. Двухъ послѣднихъ мы читали въ превосходныхъ переводахъ Введенскаго. Я часто бродилъ на толкучку покупать книги и, такимъ образомъ, составилъ себѣ порядочную библіотеку преимущественно изъ англійскихъ писателей, разумѣется, во французскомъ переводѣ. Напр., у меня былъ весь Байронъ, Свифтъ и другіе. Большую часть сочиненій Гёте я прочелъ также во французскомъ переводѣ, вслѣдствіе плохого знанія нѣмецкаго языка.

Занимались ли мы тогда политикой? Нѣтъ, или почти—нѣтъ, да и въ самомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ кружкахъ, которые мы посѣщали, мало были развиты политическіе интересы.

Время было глухое, сѣрое. Хотя гнетъ, наложенный послѣ 1848 г. на русскую мысль и русскую литературу, давилъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, но недовольство, вызываемое имъ, было какое-то вялое, унылое, пришибленное и не высказывалось открыто; всѣ боялись говорить объ этомъ. Очень рѣдко, почти шепотомъ, передавали мы другъ другу кое-какія свѣдѣнія о новыхъ дѣйствіяхъ правительства, все больше клонившихся къ стѣсненію русской мысли и преподаванія, да и сами свѣдѣнія эти проникали къ намъ какъ-то случайно, урывками.

О заграничномъ литературномъ и политическомъ движеніи мы ничего не знали, такъ какъ политическаго отдѣла въ русскихъ журналахъ и газетахъ тогда не было.

Итакъ, въ первые 2 года, какъ я уже сказалъ, наши бесѣды и споры не выходили изъ круга чисто-литературныхъ и отчасти философскихъ вопросовъ. Но мало-по-малу кругъ этотъ расширялся и сталъ захватывать и политическіе интересы. Первый толчокъ въ этомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, тому кружку, къ которому я принадлежалъ, былъ данъ чтеніемъ знаменитаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями“. Пелена, покрывавшая наши глаза, разорвалась, и передъ нами явился цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся прямо общественныхъ интересовъ, и изъ нихъ на первый планъ выступилъ, конечно, вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Хотя многіе изъ насъ, особенно уроженцы селъ и деревень, имѣли понятіе о немъ, но до этого времени мало обращали на него вниманія. А теперь оно стало главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, а уничтоженіе его—предметомъ самыхъ горячихъ мечтаній нашихъ. Арестъ и высылка Тургенева по поводу его статьи о смерти Гоголя также открыли намъ глаза, показавъ, что правительство далеко не на сторонѣ прогресса. Затѣмъ, совершенно случайно проникли къ намъ кое-какія С.-Симонистскія брошюры, „Paroles d'un croyant“, Lamenais и кое-что изъ запрещенныхъ русскихъ изданій, вышедшихъ за границей. Все это, конечно, способствовало развитію въ насъ интереса къ политикѣ и къ соціальнымъ вопросамъ, но интересъ этотъ былъ чисто теоретическій. Мы толковали и мечтали о лучшихъ идеалахъ общественнаго устройства и о передѣлкѣ общественныхъ отношеній сообразно съ этими идеалами, но непосредственнаго отношенія къ нашей русской дѣйствительности въ этихъ мечтахъ не было, и онѣ не выходили изъ предѣловъ нашего тѣснаго кружка: мы не только не пропагандировали нашихъ идей въ обществѣ, но даже и не говорили о нихъ нигдѣ. Да и слушателей, пожалуй, мы бы не нашли въ тѣхъ домахъ и обществахъ, которые мы посѣщали.

Тамъ играли въ карты, толковали о производствахъ и назна-

ченіяхъ и занимались сплетнями. Даже литературные интересы исчезли въ то время изъ общественнаго обихода.

Журналы наши, даже лучшіе, пробавлялись тогда легкими повѣстями да пустыми безсодержательными фельетонами, вродѣ, путешествія какого-нибудь Ивана Чернокнижникова. Всякая живая общественная мысль была изъ нихъ изгнана. Литературная критика, въ лицѣ Дудышкина и др., занималась только эстетическими вопросами.

Въ 1853 году начали циркулировать въ обществѣ слухи о войнѣ, и общество нѣсколько оживилось. По поводу этого высказывались различные взгляды: люди съ шовинистскимъ характеромъ, квасные патріоты проповѣдовали, что Европѣ не справиться съ нами, что мы шапками закидаемъ европейцевъ; другіе же, нѣсколько лучше знакомые съ положеніемъ дѣлъ, крѣпко призадумались и сомнительно качали головой, слушая задорныя рѣчи шовинистовъ. Зная недостатки нашей арміи, не имѣвшей даже хорошаго современнаго вооруженія, зная всю неурядицу нашего управленія, они сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ войны. Были и такіе, которые сомнѣвались даже въ самой возможности войны. Каюсь, и я былъ въ числѣ этихъ скептиковъ. Намъ казалось, что Европа уже переросла вѣкъ кулачнаго права и что, при современномъ состояніи культуры, народы и правительства найдутъ мирный исходъ для разрѣшенія возникшихъ между ними споровъ, тѣмъ болѣе, что самый поводъ къ этимъ спорамъ казался намъ не важнымъ. Мы не понимали, что дѣло идетъ не о гробѣ Господнемъ, а о болѣе существенныхъ интересахъ цивилизаціи и культуры, не понимали, что буржуазная Европа составила коалицію противъ насъ въ защиту своихъ учрежденій противъ нашего абсолютизма. Громъ синопскихъ пушекъ скоро отрезвилъ насъ и разбилъ наши миролюбивыя мечты, не имѣвшія никакой почвы подъ собой и никакой связи съ дѣйствительностью.

Жизнь наша въ Академіи шла довольно тихо и мирно: въ 7 часовъ мы вставали, собирались на утренній казенный чай, затѣмъ отправлялись на лекціи и въ клиники, а въ 3 часа обѣдали. Обѣдъ былъ простой, но довольно питательный и всегда изъ свѣжихъ продуктовъ. Въ 7 полагался ужинъ, но на него мало кто ходилъ изъ казенныхъ студентовъ. Имъ пользовались, большею частью, бѣдные своекоштные студенты, которыхъ у насъ было немало Это дѣлалось, конечно, съ разрѣшенія начальства. Кутежей и попоекъ у насъ не было, что вѣроятно зависѣло въ значительной степени отъ

нашей общей недостаточности. Рѣдко кто получалъ кое-какія пособія изъ дома. Нѣкоторые изъ насъ пріобрѣтали на мелкіе расходы уроками, хотя заработокъ этотъ былъ очень тяжелый: ходить за полтинникъ съ Выборгской стороны куда-нибудь въ Коломну, или Измайловскій полкъ, и терять на это 3—4 часа, отрывая это время отъ занятій, было скорѣй невыгодно. Приходилось для того, чтобы наверстать это потерянное время, заниматься иногда до 2 или 3 часовъ ночи, что было не особенно полезно для здоровья. Я одно время зарабатывалъ рублей до 10-ти въ мѣсяцъ переводами мелкихъ статеекъ изъ французскихъ журналовъ для „Репертуара и Пантеона русскихъ театровъ“, издававшагося тогда Кони, отцомъ теперешняго знаменитаго юриста. Хотя заработокъ этотъ былъ и невеликъ, но, по крайней мѣрѣ, можно было работать дома и во всякое время.

Изрѣдка ходили мы въ театръ, особенно на пьесы Островскаго. Александринскій театръ блисталъ тогда такими звѣздами 1-ой величины, какъ Мартыновъ, Максимовъ, сестры Самойловы, самъ Самойловъ и др. За неимѣніемъ капиталовъ ходили большею частью въ раекъ.

Была у насъ кучка меломановъ, любителей итальянской оперы, тоже посѣщавшихъ главнымъ образомъ раекъ. Въ раекъ Большого театра можно было ходить въ форменномъ платьѣ, а въ раекъ Александринскаго—только въ штатскомъ, а такъ какъ ношеніе штатскаго платья составляло преступленіе, преслѣдуемое академическими правилами, то изъ этого возникали нерѣдко непріятныя столкновенія съ инспекціей, кончавшіяся иногда заключеніемъ въ карцеръ, что я разъ испыталъ и на себѣ.

Любимымъ отдыхомъ студентовъ была послѣобѣденная прогулка по Невскому отъ Пассажа до Адмиралтейской площади.

Въ нашемъ кружкѣ было еще одно любимое развлеченіе: раза 2 въ мѣсяцъ мы ходили въ кондитерскую Иванова, находившуюся на углу Моховой и Пантелеймоновской, заказывали по стакану ананаснаго пунша, что стоило 30 коп., и просиживали за нимъ цѣлый вечеръ, просматривая иностранные иллюстрированные журналы.

Съ начальствомъ и инспекціей мы жили довольно мирно, хотя, конечно, бывали иногда столкновенія, возникавшія, главн. обр., изъ-за ношенія фуражки, внѣ разрѣшеннаго района, т. е. Выборгской и Петербургской сторонъ.

Президентомъ Академіи былъ тогда В. Пеликанъ, бывшій когда-то ректоромъ Виленской медицинской академіи. Впрочемъ, мы имѣли съ нимъ мало дѣла. Вице-президентомъ былъ Балобіани. Этотъ старый, хитрый италіанецъ всячески избѣгалъ столкновеній

со студентами и старался, большею частью, улаживать недоразумѣнія съ ними мирнымъ путемъ, вѣроятно, ради избѣжанія какихъ-либо рѣзкихъ выходокъ съ ихъ стороны. Всего ближе къ намъ былъ инспекторъ полковникъ Шёнрокъ. Это былъ тоже человѣкъ уклончивый и вкрадчивый и для избѣжанія какихъ-либо столкновеній даже не входилъ по вечерамъ въ Академію. Нужно сказать, что въ Академіи была тогда сильно развита картежная игра: играли въ преферансъ, ералашъ, конечно болѣе всего насчетъ графа Шереметева, но иногда составлялась грандіозная партія въ ландскнехтъ, въ которой участвовало чел. 10—15. Послѣдняя игра, какъ азартная, преслѣдовалась, и нерѣдко играющихъ накрывалъ дежурный субъ-инспекторъ, при чемъ, обыкновенно, отбирались карты, и этимъ, по большей части, и кончалось дѣло.

Субъ-инспектора были также изъ военныхъ. Они жили со студентами въ ладу. Былъ, правда, въ 1852 году назначенъ какой-то молодой поручикъ Михайловъ, вообразившій, что онъ имѣетъ дѣло не со студентами, а съ кадетами, но, получивши отъ студентовъ 2—3 энергическихъ отпора, а разъ даже хорошій пинокъ, онъ также пришелъ въ разумъ и съ тѣхъ поръ старался быть всегда въ хорошихъ отношеніяхъ со студентами.

Въ концѣ 50-хъ годовъ новымъ духомъ повѣяло въ Академіи: на мѣсто Пеликана, назначеннаго предсѣдателемъ Медицинскаго Совѣта, президентомъ Академіи былъ назначенъ бывшій профессоръ теоретической хирургіи Дубовицкій, человѣкъ богатый и самостоятельный, окончившій свое медицинское образованіе въ Парижѣ, а вице-президентомъ—профессоръ физіологіи Московскаго Университета Глѣбовъ. При ихъ управленіи въ Академіи закипѣла научная дѣятельность, и начался блестящій періодъ ея жизни: были перестроены всѣ старыя клиники, учреждены клиники: офтальмологіи, женская и психіатрическая, устроенъ естественно-историческій институтъ съ хорошей, просторной химической лабораторіей, устроенъ отдѣльный анатомическій институтъ съ кабинетами для физіологическихъ работъ, и для работъ по гистологіи и патологической анатоміи. Молодыхъ врачей, оставляемыхъ при Академіи, стали посылать для усовершенствованія за границу. Изъ нихъ вышло потомъ нѣсколько дѣльныхъ профессоровъ, поставившихъ академическое преподаваніе на уровень современной науки. Изъ учениковъ послѣднихъ вышло немало профессоровъ для другихъ русскихъ университетовъ.

13-го марта 1855-го года я былъ выпущенъ изъ Академіи со званіемъ лѣкаря. Не обширны были тѣ познанія, съ которыми мы вышли изъ Академіи, но зато мы вынесли изъ нея уваженіе къ наукѣ и любовь къ труду; дальнѣйшее наше развитіе всецѣло уже зависѣло отъ нашей личной энергіи.

Немало изъ моихъ сотоварищей погибло въ первые 2 года службы во время восточной войны отъ инфекціонныхъ болѣзней, но оставшіеся въ живыхъ, сколько мнѣ извѣстно, свято хранили академическіе завѣты и пронесли ихъ черезъ всю свою медицинскую дѣятельность.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Волшебство противъ мельницы (1613 г.).

„Списокъ съ явки слово въ слово. Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всея Руси бьютъ челомъ и являютъ богомольцы твои государевы Жывоначальные Троицы Сергиева монастыря архимандритъ Дионисей да кѣларь старецъ Аврамей Палицынъ з братьею—Спаса Прилуцкаго монастыря на игумена Кирила да на кѣларя старца Іосиѳа з братьею. По твоему, государь, царьскому жалованью дано въ домъ Жывоначалной Троицы въ Сергиевъ монастырь на рекѣ на Вологдѣ подъ посадомъ въ Еремиевѣ слоботкѣ мѣсто—поставить мелница и грамота твоя царьская на то мѣсто дана, и мы, богомольцы твои, по твоей царьской грамотѣ мелницу строили, людей наймовали и лѣсъ купали дорогою цѣною. И въ нынѣшнемъ, государь, во 122 (т. е. 1613)-мъ году октября въ 18 день почали на той мелницѣ ворота займовать, и Прилуцкого монастыря игуменъ Кирилъ и кѣларь старецъ Иосифъ прислали на мелницу съ волшебствомъ старца крылошанина, а имени ему не вѣдаемъ, да мостовщика Тренку и почали они мелницу волшебствомъ портить, и Троецкие, государь, служки, которые у мелничного дѣла, почали ихъ имать, и старецъ съ мелницы ушелъ, а мостовщика Тренку поимали и отвели его къ твоимъ государевымъ воеводамъ ко князю Михаилу Григорьевичю Темкину-Ростовскому да къ Григорью Григорьевичю Пушкину да къ твоему государеву дьяку к-Ывану Еѳанову. И тово-жь, государь, числа Прилуцкаго монастыря игуменъ Кирилъ да кѣларь старецъ Іосиѳъ з братьею на своей мелницѣ велѣли выбрать всѣ прѣсти и испустити воду на Троецкую мелницу и тою, государь, ихъ испускною водою на Троецкой мелницѣ вырвало ворота, а стали, государь, намъ тѣ ворота съ лѣсомъ и съ каменьемъ и со всякимъ запасомъ и съ наемными людми сорокъ восемь рублевъ дватцать четыре алтына три денги. И впредь, государь, Прилуцкаго монастыря игу-

менъ Кирилъ да кѣларь старецъ Иосиѳъ похваляются на Троецкую мелницу, воду копивъ на своей мелницѣ, спустить хотятъ, чтобъ воротъ занять не дать, и волхвовъ на нее насылаютъ, чтобъ вражьею силою мелницу испортили и служекъ, которые живутъ у мельничново дѣла, побить хотятъ и что, государь, надъ тою мелницею въ ихъ умышленье учинитца какая поруха, или служекъ побьютъ, и тебѣ бы, государю, было вѣдомо.

Милосердый государь, царь и великии князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русиі пожалуй насъ, богомольцовъ, вели наше челобитье и явку записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй. А на явкѣ подпись: 122-го году октября въ 9 день Вологоцкимъ посадцкимъ земскимъ целовальникомъ Василью Досадину съ товарыщи подалъ явку Троецкой слуга Рахманинъ Волковъ".

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Примѣчанія. Упоминаемая въ явкѣ Еремiева слободка нынѣ находится въ чертѣ города Вологды; Прилуцкій монастырь стоитъ выше по теченію рѣки Вологды, чѣмъ Еремiева слободка, версты на четыре.

Андрей, Денисьевичъ Виніусъ.

(Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ)[1].

1646 г.

Акемою на допросѣ (8 іюня г.) записка была предъявлена. Виніусъ, осмотрѣвъ ее, жаловался, что здѣсь всего полтора столбца, а у него ихъ было три, и просилъ снять показаніе съ рабочихъ Акемы, Гаврилы и Мартына которымъ извѣстно объ остальной части письма. Въ свое оправданіе Акема говорилъ, что записку нашелъ не онъ самъ, а на нее набрели его дѣти, что не находилъ никакого письма, съ своей стороны утверждалъ и Марселисъ, хотя и признался, что „лаять Виніуса—лаялъ", называлъ его „бездушникомъ и бездѣльникомъ", потому что его, „Андреевы, объявились многія неправды". У нихъ, иноземцевъ, ужъ такой обычай, кто „объявился неправдою", того они „добрымъ человѣкомъ не называютъ, ни въ чемъ его не почитаютъ и добрыхъ словъ про него не говорятъ. Такой неправды Андреевой къ нему, Петру, много, о ней онъ принесетъ Государю челобитную. О брани же Акема заперся совсѣмъ: Андрея-де онъ не лаялъ, не безчестилъ и ничѣмъ не оглашалъ, тѣмъ Андрей поклепалъ его напрасно. „Они оба, Петръ и Филимонъ, утверждалъ на это Виніусъ, вмѣстѣ называли его бездушникомъ и шельмомъ, говорили, что не будутъ съ нимъ ни ѣсть, ни пить, потому что онъ хочетъ креститься". Какъ на свидѣтелей, при которыхъ они безчестили его, онъ ссылался на голландскихъ торговыхъ людей. На нихъ сослались и его противники: Акема—отрицая за собой всякую

[1]) См. „Русская Старины", сентябрь 1910 г.

вину, Марселисъ—въ подтвержденіе, что онъ не бранилъ Виніуса за его намѣреніе креститься; напротивъ, при тѣхъ же голландцахъ самъ-де Виніусъ поносилъ ихъ различными позорными словами. Если бы это было правда, отозвался Виніусъ, то они не преминули бы тогда же подать жалобу на него.

Дьяки, производившіе судъ, думный Григорій Львовъ и Алмазъ Ивановъ, распорядившись, чтобы разспросныя рѣчи были записаны и Филимоновы люди Мартынъ и Гаврило были найдены и приведены въ Посольскій приказъ, велѣли Виніусу представить списокъ тѣхъ голландцевъ, на которыхъ онъ ссылался. Съ „росписью ссылочнымъ людямъ“ онъ подалъ (11 іюня) новую челобитную. Въ росписи сообщалось: Филимонъ Акема называлъ его за письмо шельмою во время завтрака у Марселиса при Яковѣ Антоновѣ; по Филимонову наученію, родной его братъ, Елисѣй Филимоновъ, заочно „лаялъ“ его на похоронахъ при женѣ Томаса Швана, Еленѣ Ивановой, и сказалъ ей, чтобы отецъ ея прислалъ къ нему Виніусовыхъ дочерей, „потому что какъ Андрей по-русски крестится, въ тѣ поры и дѣтей его возьмутъ“; по наученію Петра и Филимона, Давидъ Николаевъ Рутцъ бранилъ его за письмо многими неподобными словами въ самомъ Посольскомъ приказѣ и говорилъ: „за то, что Андрюшка хочетъ по-русски креститься, не достоинъ съ нами ни пить, ни ѣсть“,—это слышали государевы переводчики Василій Александровъ и Вильгельмъ Фикъ; за письмо и за желаніе креститься поносили его и, что не достоинъ съ ними ни пить ни ѣсть, говорили Петръ и Мартынъ предъ пасторомъ и при 14 иноземцахъ: Яковѣ фанъ-деръ Гульстѣ, лѣкарѣ Касперѣ, Рутцѣ и другихъ. Челобитною дополнялось извѣстное уже изъ письма. Именно, Виніусъ долженъ былъ уступить изъ своей привилегіи потому, что „Петра Марселиса опасался, видя до него неизреченную царскую милость“, самъ Марселисъ писалъ ему, что можно было ему, Петру, „всѣ заводы и промыслы за себя справить“ или „надѣясь на свое вельможество“, обѣщалъ, что и на старые заводы продлится срокъ урочныхъ годовъ. Филимонъ Акема обманомъ выманилъ у казны деньги, составлявшія долю Марселиса, задержанныя за казенный долгъ послѣдняго владѣтелями новыхъ заводовъ; они оба постоянно стараются выдать предъ правительственными лицами себя однихъ, хотя сами приняли его участникомъ изъ шестой доли. Повторивъ, какъ съ нарушеніемъ обязательства скрывается отъ русскихъ мастерство, Виніусъ снова просилъ допросить о томъ Христіана и Якова, по ихъ вѣрѣ [1]).

[1]) Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 399.

1646 г.

Не замедлили съ своей челобитной (12 іюня) и Марселисъ съ Акемою. Обвиняя Виніуса въ томъ, что онъ ложно билъ челомъ на нихъ, будто они хулили православную вѣру и говорили, что когда онъ крестится, недостоинъ будетъ съ ними ни пить, ни ѣсть, и тѣмъ своимъ челобитьемъ хочетъ укрыть и очистить свои бездѣльныя дѣла, а на нихъ навесть государевъ гнѣвъ, они просили подвергнуть допросу тѣхъ лицъ, на кого онъ ссылался, какъ на свидѣтелей.

„Послухи были допрошены въ тотъ же день. Такъ какъ обвиненія Виніуса были неудобны для иноземцевъ, особенно указанія на отношеніе ихъ къ его намѣренію принять православіе, то свидѣтели всѣ встали на противоположную ему сторону. По ихъ словамъ, Акема началъ бранить Виніуса „воромъ, бездушникомъ и шельмою“ только послѣ того, какъ найдено было письмо; брани Марселиса и Акемы по поводу намѣренія его креститься не слыхивали; Петръ Деладалъ и Давидъ Рутцъ присоединили, что нежеланіе пить и ѣсть съ Виніусомъ Марселисъ и Акема объясняли многими его неправдами. О нахожденіи письма Филимоновы люди, Мартынъ Алферьевъ и Гаврила Карповъ, сообщили, что полтора листа нашли малолѣтнія дѣти Гавриловы и отдали ихъ своей матери, а Гаврила передалъ ихъ своему хозяину; кромѣ этихъ листовъ, они ничего не находили [1]).

1646 г.

Среди свидѣтелей почему-то не было троихъ: Ѳомы Швана, Захарія Горцена и Ивана Фалька; ихъ допрашивали отдѣльно (13 іюня). За недѣлю или дней за 10 предъ тѣмъ, показывалъ Шванъ, встрѣтился съ нимъ на Покровкѣ Виніусъ и сообщилъ ему о своей утратѣ на дворѣ Акемы русскаго его руки письма, листъ отъ котораго найденъ Акемой, и о своемъ опасеніи, что если этотъ покажетъ письмо Марселису, у нихъ пойдетъ иное дѣло. Андрей просилъ его передать соображенія Филимону, что и было имъ исполнено въ Посольскомъ приказѣ въ присутствіи Петра Марселиса. Филимонъ и Петръ пригласили его затѣмъ къ себѣ, обѣщая разсказать про все „шельмовство“ Виніуса. Когда онъ прибылъ къ Акемѣ, Марселисъ передалъ ему слѣдующее: Предъ Троицынымъ днемъ пріѣхалъ съ Тульскаго завода русскій ученикъ Кирюшка съ жалобой на мастера Христіана, который билъ его за то, что онъ лазилъ въ плавильную печь измѣрять ее. Они втроемъ—Акема, Марселисъ и

[1]) Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос. ст. 400.

Виніусъ—стали совѣщаться, какой отвѣтъ дать Христіану. Виніусъ въ присланномъ имъ послѣ того письмѣ совѣтовалъ написать Христіану ученика не бить, а стараться, насколько возможно, скрывать отъ него ремесло. А они, Марселисъ и Акема, разсуждали между собой, что скрывать ремесла не стоитъ, такъ какъ имъ же будетъ выгоднѣе, если въ лицѣ Кирюшки имъ прибавится новый работникъ. Однако, чтобы утѣшить мастера, они отписали, какъ предлагалъ Виніусъ. Доставить грамотку поручено было Кирюшкѣ, но Кирюшка въ Тулу не поѣхалъ, а письмо передалъ Виніусу. Разсказавъ ему объ этомъ, Марселисъ и Филимонъ Виніуса не бранили, кромѣ какъ „шельмой и обманщикомъ"; затѣмъ послали его къ нему убѣдить его не заводить противъ нихъ никакого дѣла. На это Виніусъ замѣтилъ ему: „мнѣ нужно себя беречь и за свое стоять". Преканій по поводу желанія Виніуса креститься онъ, Ѳома, никакихъ не слыхалъ и о крещеніи при немъ никакого слова отъ Марселиса и Акемы не бывало. Виніусова письма, въ которомъ указывалось, какъ отвѣчать Христіану, на судъ не доставили.

Захарій Горценъ по всѣмъ пунктамъ отозвался незнаніемъ, за исключеніемъ того, что слышалъ, какъ Акема, найдя письмо Виніуса, называлъ поступки его шельмовскими; Иванъ Фалькъ, пушечныхъ дѣлъ мастеръ, утверждалъ, что о спорѣ онъ ничего не знаетъ и съ тяжущимися рѣдко сходится, потому что онъ человѣкъ недосужный.

Слѣдствіе было перенесено на заводы. Заводскіе рабочіе показали на допросѣ, что „русскихъ людей нѣмецкіе люди ремеслу никакому не учили; а которые русскіе люди у нихъ, иноземцевъ, видя какое ремесло, и станутъ учиться, и нѣмецкіе мастеровые люди за то ихъ бивали и отъ тѣхъ дѣлъ отъ себя прочь отбивали". Относительно издѣлій Виніусъ сообщилъ, что они ставятся въ казну несравненно дороже, чѣмъ стоятъ хозяевамъ. О такихъ и иныхъ „многихъ неправдахъ" Марселиса и Акемы правительство велѣло послѣ Ив. Дан. Милославскому даже объявить Нидерландскимъ Генеральнымъ Штатамъ, которые однако отвѣтили, что обвиняемыя лица—не голландцы и что потому въ данное дѣло они входить не могутъ. Тогда, подъ предлогомъ, что десятилѣтній срокъ на владѣніе Городищенскими заводами, назначенный въ грамотѣ, пожалованной Виніусу, кончился, у насъ рѣшили взять въ казну [1]).

---

[1]) Цвѣт., Прот. и прот. въ Рос., ст. 401.

1646 г.

Думный дьякъ Григорій Львовъ производилъ въ 1646 г. судъ по дѣлу Виніуса и Акемы. См. Д. Цвѣтаевъ, стр. 398 [1]).

1646 г.

Виніусъ принялъ и греческое вѣроисповѣданіе. Уже въ 1646 году онъ писалъ, что „хочетъ христится по-Русски". Я нашелъ много бумагъ, его рукою на русскомъ языкѣ писанныхъ. Впослѣдствіи онъ, или сынъ его, употребляемъ былъ для разныхъ миссій въ Англію, Францію и другія государства [2]).

1646 г.

Виніусъ Андрей Денисов. въ 1646 г. представлялъ соображенія объ укрѣпленіи Архангельска [3]).

1646 г.

Виніусъ (Виніюсъ) Андрей Андреевичъ, иноземецъ-гость, представилъ соображенія свои объ укрѣпленіи Архангельска отъ вторженія непріятелей и отъ тайнаго прохода по р. Двинѣ иностр. кораблей [4]).

1646 г. между 14 іюня и 1 сентября.

Выписка изъ дѣла Посольскаго приказа о постройкѣ башенъ и замкнутіи желѣзными цѣпями Березовскаго устья Двины для воспрепятствованія тайному проходу иностранныхъ кораблей.

Въ Государевѣ Царевѣ и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи наказѣ каковъ данъ воеводѣ Ильѣ Безобразову да дьяку Калистрату Жохову 154 году, написано...

И у выписки Ондрѣй Виніюсъ сказалъ: что писалъ де отъ города воевода сказку всякихъ людей, и стрѣльцы де хотя и вѣдаютъ, что мочно крѣпости сдѣлать, и они де скажутъ, опасаяся лишнихъ карауловъ, а посадцкіе и иные тутошніе жилцы потомужъ не учнутъ сказывать, опасаясь отъ того строенія болшіе тягости и работы; а про то де мочно знать что ото лду помѣшки не будетъ, потому, писалось въ сказкѣ, что на немъ Третьяковѣ островѣ стоитъ лѣсъ мелкій, и будетъ ледъ того мелкаго лѣсу не издеретъ, стоя на болотѣ, ино мочно знать, что и крѣпости такожъ помѣшки не будетъ; а на то надобно дозоръ земляной или каменной устроить а то де онъ знаетъ, что и нынѣ каменные крѣпости устроить мочно, что ото лду и отъ прибылой и морской воды помѣшки не будетъ,

---

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ. т. CXVI, ст. 130.

[2]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав., стр. 9 въ Приб.

[3]) Сборн. Рус. Ист. Об. 1888, 60 с. 600.

[4]) Указ. къ Доп. Акт. Ист., с 22.

какъ онъ тѣ статьи въ своей землѣ и въ иныхъ государствахъ много видалъ.

4 статья.

Нынѣ торговые люди, пріѣхавъ къ Архангельскому городу, столко товаровъ своихъ явятъ, сколко похотятъ, не какъ въ иныхъ государствахъ, и въ корабляхъ николи досмотру нѣтъ, и въ томъ государевѣ казнѣ самой болшой убытокъ чинится, что они пошлину таятъ, а дозоръ ни въ которыхъ государствахъ такой плохой, какъ у Архангельскаго города; и естьлибы такіе крѣпости на рѣкахъ были, и имъ бы нелзя товаровъ своихъ таить, и въ пошлинѣ бы такая поруха не была. И толко государь изволитъ ему, Андрею, указать уставить дозоръ, какъ въ иныхъ земляхъ, и онъ бы вѣдалъ, какъ то дѣло уставить; а за моремъ того, чьи товары будутъ хозяйскіе, и тѣмъ будетъ недосадно, потому что въ пошлинахъ они таятся, и тѣми пошлинами они приказщики сами корыстуются, а хозяевамъ своимъ полную пошлину считаютъ [1]).

1647 г.

Изъ разныхъ отысканныхъ мною бумагъ, въ доказательство, что построенные Виніусомъ первые чугунно-желѣзные заводы назывались Городищенскими и были въ Тульскомъ уѣздѣ.

Въ бумагахъ бывшаго Пушкарскаго Приказа нашелъ я три описи заводамъ, первоначально Виніусомъ построеннымъ. Первая опись сдѣлана была Дьякомъ ствольнаго Приказа, Меркуріемъ Крыловымъ, въ 1647 году, т. е. тогда, когда заводы сіи были отняты у Виніуса, Акемы и Марселіуса [2]).

1647 г., марта 14.

Его Царское Величество находится въ Москвѣ и изволитъ тѣшиться травлею и охотою, поручивъ правленіе бывшему своему наставнику Морозову, великому канцлеру Назарію Чистову и князю Роману Никитичу Трубецкому: Назарій Чистой, бывшій прежде купцомъ Ярославскимъ, князь Романъ Никитичъ Трубецкой, управляющій Сибирскими заводами и Приказомъ, и братъ Назарія Чистого, также бывшій прежде купцомъ Ярославскимъ, который имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи монетный дворъ и всѣ расходы, они-то располагаютъ всѣмъ правленіемъ, пользуясь совѣтами голландца Андрея Дениса, коему прежнимъ Великимъ Княземъ пожалованы пять сотъ душъ крестьянъ, и который первый открылъ желѣзные рудники и преданъ болѣе русскимъ, нежели нѣмцамъ [3]).

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист., т. 3, с. 64—65.

[2]) Гамель. Оп. Тул. Оруж. Зав., ст. 19, Приб.

[3]) Сѣв. Арх. 1822, № 2, стр. 151.

1648 г.

Находчивые Марселисъ и Акема примѣнили постороннюю помощь: обратились въ Голландію и Данію за ходатайствомъ и намѣренно послали длинное письмо на имя своего городищевскаго приказчика Христофа Бюса. Въ разсчетѣ, что письмо попадетъ въ руки слѣдователей, они, предупреждая въ немъ о возможности ходатайства за нихъ датскаго и голландскаго правительствъ и о благосклонномъ отношеніи къ нимъ нѣкоторыхъ изъ сильныхъ тогда бояръ, тенденціозно чернили Виніуса и утверждали, что „николи жесточае того дѣла не наживали, какъ это, и всѣ, которые слышатъ, тому дивятся, что у нихъ безъ вины отнимаютъ“. Ходатайства изъ Даніи и Голландіи не замедлили; вмѣшался и находившійся въ Москвѣ шведскій резидентъ Поммерингъ, но съ другою цѣлью. Въ затѣявшейся распрѣ между заводскими компаніонами онъ видѣлъ удобное средство помѣшать развитію у насъ горнаго дѣла. Пособивши получить деньги и заграничный отпускъ шведскимъ мастерамъ, явившимся съ Тульскихъ заводовъ въ Москву, онъ доносилъ (18 октября 1648 г.) своему правительству: „Можно думать навѣрное, что послѣ того, какъ они при первомъ удобномъ случаѣ отсюда уѣдутъ, заводъ въ Тулѣ и вообще русское горное дѣло едва-ли въ состояніи будутъ принести ущербъ вашему королевскому величеству или шведскому горному дѣлу, тѣмъ болѣе, что я доставилъ Петру Марселису одного негоднаго кузнеца отъ Андрея Дениса (Виніуса), и самъ Марселисъ успѣлъ отстранить отъ завода Дениса, который привелъ его въ дѣйствіе на деньги великаго князя“. Поддержанные сильнымъ ходатайствомъ и сбавивъ цѣну, Марселисъ и Акема, дѣйствительно, выхлопотали себѣ предъ тѣмъ (1 сентября 1648 г.) на 20 лѣтъ монополію желѣзнаго промысла. Виніусъ былъ отчасти вознагражденъ правомъ безпошлинной торговли на 6 лѣтъ. Около этого же времени онъ вступилъ въ бракъ (10 февраля) съ Гертрудою Мейеръ, по лютеранскому обряду [1]).

1651 г.

При измѣненіи обстоятельствъ тяжба о безчестіи замялась. Лѣтъ восемь спустя послѣ ея начала Виніусъ просилъ (10 января 1651 г.) о вершеніи ея. Къ ней присоединился новый вопросъ. Марселисъ предъявилъ искъ на Виніуса въ 400 рублей, Виніусъ съ своей стороны встрѣчный искъ на 200 рублей. Челобитныя ихъ были приняты, и опять не видно, чтобы тяжба была рѣшена. Виніуса затѣмъ встрѣчаемъ уже выполнившимъ прежнее намѣреніе относительно принятія православія, на какой шагъ сильнѣе всего

[1]) Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 402.

могли окончательно склонить его именно непрерывающаяся ссора съ одноземцами и испытываемыя отъ нихъ оскорбленія, какъ это случалось тогда и съ другими иностранцами [1]).

1648 г. 17 іюня. Гага.

Письмо Генеральныхъ Штатовъ къ Кунраду Бурху, Нидерландскому посланнику въ Москвѣ, съ порученіемъ оказать содѣйствіе голландцу Тилеману Акема, лишенному желѣзныхъ заводовъ въ Тулѣ и обиженному своимъ компаніономъ Андреемъ Виніусомъ. По голл.

Челобитная, поданная царю Алексѣю Михайловичу отъ основателя перваго чугуно-желѣзнаго завода въ Россіи Андрея Виніуса, въ 7156/1648 году, когда сей Царь велѣлъ оный у него отнять; къ челобитной приложена записка о заслугахъ Виніуса.

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Андрюшка Виніюсъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 156 году, какъ урочные безоброчные годы Тульскихъ желѣзныхъ заводовъ противъ жалованной грамоты вышли мнѣ холопу твоему, и потому указалъ ты, Государь, тѣ Тульскіе желѣзные заводы переписать на себя Государю въ декабрѣ мѣсяцѣ и въ нынѣшнемъ, Государь, во 156 году, били челомъ тебѣ, Государь, Амбургской гость Петръ Марселисъ да Галанецъ Филимонъ Аккама, чтобы ты, Государь, ихъ пожаловалъ тѣми Тульскими желѣзными заводы, выгородя меня холопа твоего отъ того заводу и промыслу, мимо записи и не противъ Вашей Государевой жалованной грамоты, потому что въ вашей Государевой грамотѣ написано: послѣ тѣхъ урочныхъ лѣтъ, тѣми желѣзными промыслы владѣть мнѣжъ холопу твоему, а бьютъ челомъ они тебѣ Государю, чтобъ имъ ставить пудъ въ желѣзныхъ пушкахъ въ твою Государеву казну погодно по двадцать тысячь пудъ, а за пудъ по осми алтынъ по двѣ денги, да по дватцети тысячь пудъ ядеръ, а за пудъ по пяти алтынъ да по десяти тысячь пудъ связново желѣза, а за пудъ по десяти алтынъ, да они били челомъ тебѣ Государю о многихъ денгахъ на тотъ желѣзный промыслъ въ запросъ, а поруки въ тѣхъ запросныхъ денгахъ и въ томъ, что желѣза ставить по себѣ они никово не сыскали, а я холопъ твой бью челомъ тебѣ Государю, чтобъ ты Государь, меня холопа своего пожаловалъ, тотъ заводъ велѣлъ промышлять на себя Государя, безъ отдачи мнѣ холопу своему Андрюшкѣ твоихъ Государевыхъ денегъ, а въ пушкахъ, Государь, я поставлю желѣза пудъ по пяти алтынъ, а ядра пудъ по гривнѣ, а связного желѣза нѣколѣ учнутъ работать нѣ-

[1]) Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 403.

мецкіе мастера, по десяти алтынъ, а какъ Государь къ тому желѣзному заводу навычны будутъ рускіе люди, и я холопъ твой въ тѣ поры поставлю связнова желѣза пудъ по осми алтынъ, а въ пушкахъ пудъ по четыре алтына, а въ ядрахъ въ четыре гривенки и свыше каковы ты, Государь, укажешъ, по шестнатцати денегъ пудъ, а работалъ я холопъ твой и служилъ отцу твоему Государеву, блаженные памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и тебѣ Государю во многихъ великихъ статьяхъ вѣрою и правдою противъ Вашей гостинные грамоты безпоручно и вѣриванъ во стѣ тысячехъ рублехъ и больше и прибыль тебѣ Государю большую чинилъ какъ подъ сею челобитною роспись подклеена, а я холопъ твой обзапрося твоихъ Государевыхъ денегъ на тотъ желѣзной промыслъ не челобитчикъ а бью челомъ тебѣ Государю, чтобъ ты, Государь, меня холопа своево пожаловалъ, велѣлъ къ тому Тульскому желѣзному промыслу дать изъ торговыхъ людей для денежные роздачи мастерамъ всякихъ роздачей, ково ты, Государь, укажешь, и вели, Государь, ему записывать всякіе росходы и закрѣпить моею рукою, а за хлѣбной кормъ и за платьишко мнѣ холопу своему и за службу и людишкамъ моимъ за прокормъ что ты, Государь, укажешь, а будешъ, ты Государь, того желѣзнова дѣла держать за собою Государемъ не изволишъ и вели, Государь, то желѣзное Тульское дѣло держать мнѣ холопу своему противъ ихъ челобитья и упросу, а желѣза, Государь, я холопъ твой поставлю противъ ихъ росписи въ пушкахъ по пяти алтынъ, а въ ядрахъ пудъ по гривнѣ, а связнова желѣза пудъ по десяти алтынъ и въ томъ противъ сево моево челобитья будетъ тебѣ Государю противъ ихъ челобитья прибыль большая по три тысячи рублевъ погодно, а на тотъ расходъ вели, Государь, денги роздавать противъ моего челобитья вѣрному человѣку, кому ты, Государь, укажешъ, а въ одной, Государь, мельницѣ кузничной, что связное желѣзо дѣлаютъ, какова у того завода нынѣ есть, больше пяти тысячь пудъ связнова желѣза на годъ дѣлать не мочно, а будетъ противъ уговору по десяти тысячь пудъ ставить и намъ, Государь, надобно устроить другую мельницу, а какъ, Государь, рускіе люди выучатца тому желѣзному ремеслу всякому и въ тѣ поры передъ ихъ челобитьемъ будетъ и по пяти тысячь рублевъ погодно прибыль, а рускіе, Государь, люди вскорѣ тому дѣлу будутъ навычны, а что, Государь, рускіе люди по сю пору тому дѣлу не навычны и то отъ нихъ же Петра и Филимона по заказу, чтобъ тѣ нѣмецкіе мастеры отъ нихъ то дѣло скрывали вѣдаючи, что блиско урочные годы и тѣмъ бы тебя Государя неволить чтобъ тотъ желѣзный заводъ отъ нихъ не отшелъ, а какъ,

Государь, будетъ моею работишкою желѣза всякого залишкомъ сверхъ твоего Государева обиходу и то желѣзо мочно послать за море въ продажу и въ томъ тебѣ Государю будетъ честь и прибыль большая. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всеа Русіи пожалуй меня холопа своего вели, Государь, въ томъ желѣзномъ промыслу свой Царскій указъ учинить, чтобъ тотъ желѣзной промыслъ и заводъ стоя въ пустѣ и достоль не былъ разоренъ. Царь Государь, смилуйся, пожалуй!

Къ сей челобитной Андрѣй Виниюсъ руку приложилъ. На оборотѣ челобитной помѣта: 156 іюля въ 17 подалъ Ондрѣй Виниюсъ [1]).

Къ челобитной сей приклеена была слѣдующая записка Виніуса о заслугахъ его:

Въ прошломъ во 139 году блаженные памяти при Государѣ Царѣ Великомъ Князѣ Михайлѣ Федоровичѣ, всеа Русіи, какъ были на Москвѣ Галанскіе послы пріѣзжали упрашивать Царевыхъ хлѣбныхъ запасовъ по малой цѣнѣ какъ и до тѣхъ мѣстъ по упрошенію розныхъ Государей упросили и много тысячи хлѣбныхъ запасовъ по наученью здѣшнихъ торговыхъ иноземцевъ, будто въ ихъ землѣ хлѣбнымъ запасамъ большая скудость и по упрошенію розныхъ государей поволено имъ въ розныхъ городѣхъ покупать самою малою ценою всякихъ хлѣбныхъ запасовъ много тысячъ чети и тѣ, Государь, хлѣбные запасы всѣ повезены въ Галанскую землю и тѣмъ корыстовалися тѣ торговые люди, и сверхъ тѣхъ запасовъ, что позволено купить и свозить по Государевой грамотѣ, тѣ торговые люди еще много кораблей хлѣба въ тайнѣ вывозили, а я Андрюшка, не хотя тѣхъ запасовъ лукавымъ обычаемъ отлучить, билъ челомъ Государю и просилъ тѣхъ Государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ ценою цена какъ была за моремъ прямо и въ томъ я Государю служилъ. Во 139 году при Галанскихъ послахъ договорился принять у Архангельскова города сто тысячь чети ржи самою большою ценою безо всякой хитрости и безъ прибыли, а за всякую четь въ Московскую мѣру платилъ я въ приказъ Государевы большіе казны по сороку по шести алтынъ по четыре денги, а платилъ тѣ денги всѣ ефимками и въ той хлѣбной покупкѣ и въ ефимкахъ учинилъ я Государю прибыль больше ста тысячь рублевъ а въ записи было написано: будетъ мнѣ гость тово хлѣба на срокъ не учнетъ отдавать и мнѣ было взяти на немъ зарядъ пятдесять тысячь рублевъ и гость Томило Тараканов не успѣлъ тово хлѣба отдать, и ждалъ послѣ договорново сроку десять дней со всѣми кораблями пятдесять кораблей и тѣмъ тотъ зарядъ пятдесять тысячъ былъ лишенъ а

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав., стр. 6.

мнѣ въ томъ жданьѣ стали великіе убытки, потому, что я корабельщикамъ далъ простой а о зарядѣ Государю не билъ челомъ, хотя Государскія милости къ себѣ впередъ.

Да въ томъ же году были Государевы послы Григорей Олабьевъ за моремъ въ Галанской землѣ и я подъ нево Григорья и подъ людей ево и подъ запасъ далъ корабль самой лутчей со многимъ нарядомъ, что у города былъ и перевезъ ево въ Галанскую землю и та перевоска стала мнѣ больше трехъ сотъ рублевъ, тѣмъ я Государь служилъ а повороту ничего не было.

Въ прошломъ въ 140 году посланъ былъ я Андрюшка въ Галанскую землю съ наказомъ продавать еще сто тысячь чети ржи, чтобъ мнѣ тотъ хлѣбъ продавать при послахъ при Григорьѣ Алабьевѣ да при Григорьѣ Ларіоновѣ и я въ томъ дѣлѣ радѣлъ и жилъ за тѣмъ дѣлѣмъ въ Галанской землѣ и торговый свой промыслъ за тѣмъ отставилъ что на ярмонкѣ у города не былъ, только мнѣ тово хлѣба за тѣмъ продавать было нельзя потому что въ наказѣ цена была высока за моремъ хлѣбъ сталъ дешевъ и ѣдучи за тѣмъ дѣломъ съ Москвы и пріѣхавъ во Фрисланскую землю мало не потонулъ потому что судно въ рѣкѣ подо мною подвернулося и я былъ въ большомъ страху.

Да въ томъ же во 140 году какъ Галанскій гость Карпъ Демулинъ посылалъ къ Государю продавать четыре каменья изумруду самые дорогіе похвальные каменье онъ Карпъ тѣхъ каменья не велѣлъ продавать меньше семи тысячь рублевъ и я Андрюшка боярину Князю Ивану Борисовичу Черкаскому говорилъ будетъ тово Карповъ прикащикъ откажетъ, что будто тѣ каменья не надобно и я тѣ каменья поставлю въ Государеву казну за три тысячи тристо шестдесять рублевъ по заморской цѣнѣ какъ онъ Карпъ тѣ каменья самъ купилъ и тому Государь ево Карпову прикащику отказано а тѣ каменья велѣно купить мнѣ и поставить въ Государеву казну за ту цену какъ я самъ купилъ безъ прибыли и тѣмъ Государю служилъ и прибыль Государевѣ казнѣ учинилъ не малую.

Да во 140 году хотя я Андрюшка Государю служить и себѣ вѣчную славу учинить, выискалъ своею головою въ россійскомъ Государствѣ всякое угодье и самую добрую желѣзную руду въ одномъ уѣздѣ безъ чево желѣзнымъ заводамъ быть не умѣть и билъ челомъ блаженные памяти Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи чтобъ мнѣ заводить всякіе желѣзные заводы чтобъ впредь за моря большою цѣною ни для кого желѣза не посылать, только заводя тѣ заводы самому за моря посылать и противъ моево челобитья такія заводы заводить мнѣ поволено и я

отставя всѣ свои торги и торговые промыслы заводилъ въ Тульскомъ уѣздѣ такія желѣзные заводы своимъ умомъ, что прежде сево желѣзные пушки покупали въ Государеву казну пудъ по рублю и по полтора рубли и тѣмъ пушкамъ лутчи привозныхъ, нынѣ пудъ ставитца по пяти алтынъ, а въ ядрахъ пудъ что прежъ сево покупали по двадцати алтынъ и больши и тѣ, Государь, ядра нынѣ пудъ ставитца только по гривнѣ да связнова желѣза что покупали въ Государеву казну по семи гривенъ и тово пудъ ставитца по десяти алтынъ и въ томъ заводѣ животы свои и именья всѣ свои положилъ и пятнадцать лѣтъ у тово дѣла труды свои положилъ и тѣмъ я Государю служилъ и прибыль и честь учинилъ большую, и самъ отъ тово оскудалъ.

Да я жъ Андрюшка во 155 году ѣхалъ въ дальную землю черезъ Литовскую землю и какъ я пріѣхалъ въ Королевскій городъ Варшаву и видѣлъ что на Краковской горѣ за городомъ въ слободѣ на большой улицѣ гдѣ всякіе послы мимо ѣдутъ стоитъ нарочная большая каменная хоромина, а надъ дверьми тое хоромины было написано золотыми вырѣзы латынскими словами въ черномъ каменьѣ, что будто мощи Государя Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всеа Русіи и брата ево Князь Дмитрея Ивановича еще лежатъ въ той хороминѣ въ большой славѣ Короля Литовскава и я то письмо списалъ по латыни и какъ пріѣхалъ я къ Москвѣ и про то извѣщалъ думному дьяку Назарю Чистого и далъ ему то писмо своею рукою и то писмо онъ велѣлъ перевесть переводчику Ивану Фанделвину изъ латынскова языка въ цесарской языкъ, а съ цесарскаго языка перевелъ въ руской языкъ переводчикъ Борисъ Борисовъ и по тому моему извѣту велѣно про тое недостойную статью отписать къ литовскому королю и король тотъ камень съ нарочнымъ гонцомъ послалъ къ Москвѣ и тѣмъ я Государь служилъ и за то ничемъ не пожалованъ и въ оныхъ во многихъ статьяхъ радѣлъ и служилъ и впредь Государю вѣрою и правдою радъ служить и прибыли искать хочю и для того я Государю въ вѣчное подданство дался [1]).

1649 г.

Виніусъ пользовался безпошлинной торговлей смолы, въ теченіе 6 лѣтъ [2]).

---

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 4 Прилож.
[2]) Указ. Доп. Ист. с. 22.

1649 г.

Наказы и памяти гостю Василью Ѳедотову и головамъ Ивану Мѣльцову и Денису Петрову, о сборѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ въ Архангельскѣ и на Колмогорахъ, и проч.

Да память гостю Василью Ѳедотьеву и головамъ Иванову и Денису съ товарыщи. Въ прошломъ во 156 году, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Руси наказу, на Двинѣ у Архангельскаго города въ корабелную пристань таможенные головы и цѣловальники покупали смолу у торговыхъ и у всякихъ людей, и продавали иноземцамъ пріѣзжимъ гостемъ и торговымъ всякимъ людемъ изъ прибыли; а въ нынѣшнемъ во 157 г. по Государеву указу велѣно тѣмъ смолянымъ промысломъ промышлять иноземцу гостю Ондрѣю Виніусу безпошлинно, и у Архангельского города смолу купить и задатчить и на мѣстѣ жечь и продавать торговымъ и всякимъ людемъ и иноземцомъ, а Агличаномъ смолу покупать для ихъ темнаго дѣла у него Ондрѣя явя въ таможнѣ [1]).

1649 г.

Да память гостю Ивану и головѣ Гаврилу съ товарыщи. Въ прошломъ во 156 году, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, на Двинѣ у Архангельского города, въ корабелную пристань таможенные головы и цѣловальники покупали смолу у торговыхъ и всякихъ людей, и продавали иноземцомъ пріѣзжимъ гостемъ и торговымъ всякимъ людемъ изъ прибыли: а въ прошломъ во 157 году по Государеву указу, велѣно тѣмъ смолянымъ промысломъ промышлять иноземцу гостю Андрею Виніусу безпошлинно шесть лѣтъ, со 157 года по 163 годъ, въ тѣхъ же мѣстахъ гдѣ промышляли откупщики и вѣрные головы на Вологдѣ, на Тотьмѣ, на Устюгѣ-Великомъ, на Вагѣ, на Холмогорахъ и у Архангельска города смолу купить и задатчить, и на мѣстѣ жечь, и продавать торговымъ и всякимъ людемъ иноземцомъ; а Агличаномъ смолу покупать для темнаго дѣла у него, явя въ таможнѣ [2]).

1659 г.

Портретъ А. Д. Виніуса. Андрей Денисьевичъ Виніусъ, родомъ голландецъ, былъ однимъ изъ иноземцевъ, усвоенныхъ Россіею въ XVII столѣтіи. Одаренный обширнымъ умомъ и многими свѣдѣніями, онъ при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ находился въ качествѣ посла

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. т. III с. 199.

[2]) Приб. къ Акт. Ист. т. III с. 422.

или повѣреннаго, въ Голландіи, по дѣламъ дипломатическимъ и торговымъ, съ именемъ гостя и коммисара (Въ 11-мъ № „Москвитянина“ 1843 г., с. 144, я нашелъ извѣстіе, что онъ еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ употребленъ начальствовать надъ рудокопнымъ и пушечнымъ дѣломъ: это было въ 1642 г.

Сынъ этого важнаго дѣльца былъ первымъ Московскимъ почтъ-директоромъ, въ царствованіе И. Петра Великаго).

Во время этого посольства въ Гагу, въ 1650, съ него былъ срисованъ и выгравированъ знаменитымъ граверомъ, Корнеліемъ Фишеромъ (Vischer) портретъ, почитаемый еще съ начала XVIII столѣтія рѣдчайшимъ эстампомъ, и извѣстный подъ именемъ l'homme au pistolet. Эта гравюра едва-ли находится въ трехъ или четырехъ партикулярныхъ коллекціяхъ. Наши русскіе старинные охотники: Олсуфьевъ, Масловъ, Хитровъ, гр. Головкинъ, Бекетовъ и другіе, не щадившіе ничего для подобныхъ пріобрѣтеній, утомились въ напрасныхъ розысканіяхъ. Кстати, приведу охотничій анекдотъ; покойному канцлеру, гр. Ник. Петр. Румянцеву кто-то сказалъ, что этотъ рѣдкій портретъ изображаетъ его прапрадѣда по женскому колѣну, Артамона Сергѣевича Матвѣева.

Канцлеръ вручаетъ одному изъ своихъ дипломатическихъ сослуживцевъ (покойному же Л. А. Яковлеву) 3.000 рублей, прося его, отправлявшагося по дѣламъ службы, купить гдѣ-нибудь этотъ портретъ царскаго друга и его предка. Яковлевъ искалъ его въ Германіи, Франціи, Италіи, гдѣ продавались тогда значительныя коллекціи, искалъ его и во всѣхъ магазинахъ эстамповъ,—и кончилось тѣмъ, что привезъ деньги и возвратилъ ихъ канцлеру. Впослѣдствіи канцлеръ и его коммиссіонеръ были успокоены достовѣрнымъ извѣстіемъ, что этотъ портретъ изображаетъ не Матвѣева.

Первые отпечатки особенно признаются ненаходимыми. Я получилъ свой изъ коллекціи покойнаго А. С. Власова, вмѣстѣ съ большею частью его рѣдкихъ эстамповъ, а онъ купилъ его въ Парижѣ, послѣ смерти знаменитаго охотника Дюрана, за 1.200 франковъ. Извѣстный своими свѣдѣніями по исторической части художествъ, г. Дюшенъ нашелъ равный ему только въ Голландіи въ Королевской коллекціи эстамповъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ Voyage d'un iconophile.

Вотъ описаніе портрета:

Мѣра эстампа въ вышину 17, въ ширину 10 дюймовъ и 2 линіи, англ. мѣры. Онъ гравированъ чистымъ рѣзцомъ, безъ помощи крѣпкой водки, которую Фишеръ употреблялъ иногда, для эффекта, во многихъ своихъ произведеніяхъ.

Виніусъ изображенъ въ одеждѣ тогдашняго русскаго сановника;

умныя черты, въ которыхъ отражаются правота и усердіе, украшены длинною окладистою бородою. Онъ сидитъ у стола, покрытаго богатымъ наметомъ, на которомъ лежитъ царская грамота съ большою государственною печатью. Онъ держитъ въ рукѣ столбецъ съ строками тогдашней нашей скорописи, содержащими въ себѣ начало царскаго указа: „Лѣта 7160 (кажется мѣсяца марта), Царь и Великій Князь Алексій Михайловичь всея Руссіи указалъ“... На колоннѣ, подлѣ него, висятъ шлемы, латы и мечи; за нимъ на стѣнѣ, карабинъ и пистолетъ, что было поводомъ къ названію портрета. Кой-гдѣ видны томы фоліантовъ и бочки полныя ефимковъ съ означеніемъ на нихъ суммъ. Подъ эстампомъ голландская подпись: „D. H. Andreas Deonyszoon Vinius, Sine Zaerse Majsstetets van Ruslants Commissarius, en Mosk Olderman“. Подъ нею 10 стиховъ тогдашняго голландскаго поэта Вонделя (котораго портретъ, гравированный имъ же, Фишеромъ, находится также у меня).

Но вотъ что замѣчательно, а при томъ и нѣсколько забавно: между портретомъ и голландскою надписью, красуется нѣчто узорочное. Въ нѣкоторыхъ каталогахъ и мануэляхъ сказано, что подъ самымъ эстампомъ видна красивая уборочка, виньетка (Vignette, ornement). Но что значитъ эта виньетка?—Это подпись высокимъ вязанымъ письмомъ или великою вязью: „Его Царскаго Величества Россійскаго Государства Комисаръ и Московскій гость Андрей Денисовъ сынъ Виніусъ“. Простительно было скорому, неустрашимому французу назвать эту надпись виньеткой; но хотя и стыдно, скажу, что многіе русскіе англо-галломаны соглашались, при мнѣ, въ томъ, что это уборочка, виньетка.

Н. И. Писаревъ [1]).

1651 г.

Приказныя дѣла 1651 г. 3—10 генваря, св. 225, № 1: „Двѣ челобитныя иноземцовъ Петра Марселіуса и Андрея Виніуса о взысканіи заемныхъ между собою долговъ“ [2]).

1651 г.

Въ 1651 году присланъ былъ отъ Нидерландскихъ Штатовъ посломъ Александръ Гольстъ нарочно для исходатайствованія у царя Алексѣя Михайловича милостиваго вниманія къ Филимону Акемѣ, который не мало пострадалъ отъ того, что черезъ бывшаго товарища Виніуса принужденъ былъ сдѣлать весьма значительную

[1]) „Москвитянинъ“ 1844 г. № 4, с. 389.

[2]) Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 395.

убавку въ цѣнахъ, особливо за желѣзо Городищенскихъ заводовъ. Сіе представленіе имѣло желанное дѣйствіе [1]).

1652 г.

Виніусъ крестился съ своей семьей и былъ записанъ въ московскіе дворяне. Вскорѣ послѣ крещенія онъ снаряженъ былъ (1652 г.) въ Голландію съ дипломатическимъ порученіемъ; сынъ его Андрей Андреевичъ былъ потомъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени и съ успѣхомъ и пользой служилъ въ приказахъ Посольскомъ (съ 1663 г.), Ямскомъ, Аптекарскомъ, Пушкарскомъ и Сибирскомъ [2]).

1654 г.

Выписка заморскихъ деревьевъ въ 1654 году.

Доставили къ Архангельску на Голландскомъ кораблѣ, гость Андрей Виніусъ да Ив. Марсовъ [3]).

1654 г.

Московскими нѣмцами во времена Михаила Ѳедоровича привезенъ изъ-за границы салатъ; Марселисъ досталъ изъ Готтофскаго сада голштинскаго герцога первыя садовыя розы, и они принялись какъ нельзя лучше. Для дворцовыхъ садовъ Алексѣя Михайловича, устраиваемыхъ по европейскимъ образцамъ, иноземцы, гость Андрей Виніусъ и Иванъ Марсовъ, вывезли (1654 г.) чрезъ Архангельскъ экземпляры садовыхъ и оранжерейныхъ деревьевъ (Это были „2 дерева оранжереевыхъ яблокъ, 2 дерева винныхъ ягодъ, 4 дерева перзиковыхъ сливъ, 2 дерева априкозовыхъ яблокъ, 3 дерева шпанскихъ вишенъ морелланъ, 2 дерева миндальныхъ ядеръ, 2 дерева большихъ сливы“) [4]). Андрей Виніусъ однако совѣтовалъ соорудить катарги, болѣе удобныя для плаванія по Каспійскому морю, нежели большія суда, ссылаясь на то, что „какъ голштинскіе послы въ прошлыхъ лѣтахъ поѣхали на кораблѣ въ Персиду и тогда на морѣ корабль ихъ разбило“. Доп. къ Акт. Ист. V, № 80 [5]).

1654 г.

Выписка заморскихъ деревьевъ въ 1654 году.

Въ 1654 году августа 22 пришли къ Архангельскому городу на галанскомъ кораблѣ иноземцы гость Андрей Виніюсъ да Иванъ

---

[1]) Гамель. Оп. Тул. Оруж. Зав., ст. 19.

[2]) Цвѣтаевъ, Порт. и порт. въ Рос., с. 403.

[3]) Журн. Садов. т. VII, № 1, с. 52—53.

[4]) Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 718.

[5]) Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 724.

Марсовъ и сказали воеводѣ Борису Пушкину, что-де по царскому указу „купили они на государевъ обиходъ заморемъ въ голандіи свинцу да лотъ рейтарскихъ и пѣхотныхъ и ружья и пистолей и шпагъ... да суконъ разныхъ цвѣтовъ 84 кипы... да купили девятнадцать деревъ садовыхъ заморскихъ овощей, да четыре птицы попугаевъ... и тѣ де ихъ покупки привезены нынѣ къ архангельскому городу на галанскихъ и на анбурскихъ корабляхъ, а сукна на аглинскихъ корабляхъ“... Покупки были приняты и вскорѣ отправлены къ Москвѣ, а деревья и птицъ гость Андрей Виніюсъ и Иванъ Марсовъ, 6 сентября, повезли въ Москву сами [1]).

Е. Вильчинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Забѣлинъ, И. Журналъ Садоводства 1859 г., с. 53.

Мужикъ на царскомъ дворѣ ночью (1686 г.).

Изъ архивныхъ документовъ.

194 года іюня въ 11 день стольника и полковника Семенова полку Огибалова стрѣльцы Сенка Рычокъ съ товарыщи, которые стояли на караулѣ на дворцѣ у сушилъ, поимали мужика и привели на стѣнной караулъ къ полковнику къ Семену Огибалову, а сказали: тотъ-де мужикъ взошелъ на дворецъ вверхъ къ сушиламъ іюня противъ 12 числа въ 3-мъ часу ночи, и полковникъ того мужика объявилъ боярину Алексѣю Семеновичу Шеину съ товарыщи.

И іюня жъ въ 12 день тотъ мужикъ передъ бояриномъ А. С-чемъ съ товарыщи роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказался уроженецъ Романова городища [1]) посадцкого человѣка сынъ, Алексѣемъ зовутъ Меркульевъ, а онъ-де въ томъ городѣ былъ у церкви Архангела Михаила во дьячкахъ, а къ Москвѣ-де онъ пришелъ тому 4-й день съ товарыщи своими съ Ельчаны дѣтьми боярскими съ Алексѣемъ Савостьяновымъ сыномъ Перцовымъ да съ братомъ его двоюроднымъ съ Аѳанасьемъ, а чей сынъ—того не вѣдаетъ, да съ Воронежцомъ сыномъ боярскимъ жъ съ Иваномъ Савостьяновымъ, а чей прозвищемъ—того сказать не упомнитъ, да съ Бѣлоколодцемъ съ Викулкою Ивановымъ сыномъ Ѳетрѣнинымъ, а какого чину—того не вѣдаетъ; а сошелся-де онъ съ ними въ Романовѣ городищѣ и въ Елецкомъ уѣздѣ въ деревнѣ Гнилушѣ, и пошли къ Москвѣ вмѣстѣ тому недѣли съ двѣ; а пришедъ къ Москвѣ, стали за Москвою рѣкою у церкви Покрова Пресвятые Богородицы въ Стрѣлецкой слободѣ на дворѣ у дьячка Максимка, а чей сынъ и какъ словетъ и котораго приказу слобода—того онъ не вѣдаетъ, а дворъ его знаетъ; а къ Москвѣ-де пришли онъ, Алешка, помо-

[1]) Нынѣ село Романово, Тамбов. губ., Липецкаго уѣзда.

литца, а товарыщи его для своихъ дѣлъ; а на дворѣ-де поставилъ ихъ Алексѣй Перцовъ по знакомству, что ему тотъ дьячокъ братъ двоюродной, и Алексѣй-де Перцовъ съ того двора съѣхалъ того жъ числа, а куда—того не вѣдаетъ; а онъ-де, Алешка, и товарыщи его и нынѣ стоятъ у того жъ дьячка. И іюня-де въ 11 день ввечеру товарыщи его легли спать, а онъ-де, Алешка, не сказався имъ, пошелъ въ городъ часъ ночи, и вошедъ въ Кремль, въ Спасскія ворота шелъ возлѣ городовыя стѣны и мимо Вознесенскаго и Чудова монастырей и Троицкаго подворья, и прошедъ къ Курятнымъ воротамъ, взошелъ на дворецъ и пошелъ направо лѣстницею вверхъ, а хотѣлъ бить челомъ великимъ государемъ въ конюшенной чинъ и его-де поимали стрѣльцы, которые стояли на караулѣ, и отвели къ полковнику; а иныхъ рѣчей онъ, Алешка, ничего не сказалъ.

Помѣта: 194 г. іюня въ 12 день великіе государи и великая государыня благородная царевна указали: мужику Алешкѣ Меркульеву за его воровство, что онъ безстрашіемъ и наглостію своею взошелъ на ихъ государской дворъ, гдѣ ходить такимъ простыхъ чиновъ людемъ не велѣно, учинить жестокое наказаніе—бить вмѣсто кнута батоги и освободить и велѣть ему сказать, чтобъ шелъ съ Москвы тотчасъ въ тотъ городъ, гдѣ родился, а на Москвѣ не шатался.

На оборотѣ: 194 г. іюня въ 13 день по сему великихъ государей указу наказанье ему учинено.—Записать въ книгу.

И іюня въ 14 числѣ Алешка Меркульевъ изъ Разряду посланъ за Серпуховскія ворота съ разряднымъ сыномъ боярскимъ съ Петромъ Меньшимъ Булатовымъ и велѣно ему, Алешкѣ, идтить на Романовъ, гдѣ онъ родился, а буде онъ на Романовъ не пойдетъ и станетъ на Москвѣ шататься, и ему быть въ жестокомъ наказаньѣ и въ ссылкѣ.

(Москов. Архивъ Мин. Юстиціи. Приказн. стола столб. № 935, л.л. 854—857).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 8 сентября по 6 октября 1911 г.

Маляревскій, А., прот. Святитель Іоасафъ, епископъ Бѣлгородскій. Краткое сказаніе о его жизни и чудесахъ. Для дѣтей и народа. Спб. 1911. Изд. Кружка почитателей святителя, 3-е. Тип. „Родникъ“ (Невскій пр., 88). 8⁰ (15×20). 64 стр. Съ портр. Ц. 7 к. Вѣсъ 4 л. 20.000 экз.

Меликсетъ-Бековъ, Л. М. Родство грузинъ съ испанцами по древнимъ источникамъ. Тифлисъ. 1911. Изд. кн. маг. Гутенбергъ. Тип. Н. І. Агапянъ (Полицейская, 7). 16⁰ (13×19). 38 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Парійскій, С. М. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Къ 300-лѣтію Нижегородскаго подвига (1611—1911). Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Нижегор. Губ. Учен. Архивн. Комис. Тип. Нижегор. Печ. Дѣло. 32⁰ (7×10). 29 стр. Вѣсъ 1 л. 30.000 экз.

Парійскій, С. Участіе Нижегородцевъ въ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова и присяга ихъ Царю. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Нижегор. Губ. Учен. Архивн. Комис. Тип. З. А. Остафьевой. 4⁰ (34×45). 1 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 30.000 экз.

Поликарповъ, Н. Великій и преславный чудотворецъ. Къ 50-лѣтію прославленія Святителя Тихона Задонскаго и всея Россіи Чудотворца. (1861—13 августа—1911). Воронежъ. 1911. Тип. т-ва Н. Кравцовъ и К⁰ (Б. Дворянская, д. Столль). 8⁰ (17×24). 15 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Порфирьевъ, И. Я. Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Казань. 1911. Изд. автора (2-я Солдатская, 2). Тип. университета. 8⁰ (17×25). 417+3 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 2.400 экз.

Романовъ, В., свящ. Древнія святыни Преображенской церкви мѣстечка Смѣлаго, Роменскаго уѣзда. Полтава. 1911. Тип. Г. И. Маркевича (ул. Котляревскаго). 16⁰ (13×17). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Спиовскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть II. (Исторія литературы съ эпохи Петра В. до Пушкина). Примѣнительно къ Исторической христоматіи, т. II, вып. 1, 2 и 3. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова и К⁰, 4-е. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8⁰ (17×23). XVIII+331 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 10.000 экз.

Тургеневъ, И. С. Записки Охотника. Спб. 1911. Изд. 14-е и тип. Глазунова (Казанская, 8). 8⁰ (17×25). 385 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 15.000 экз.

Юнгеровъ, П. Книга Пророка Іезекіиля въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ введеніемъ и примѣчаніями. Казань. 1911. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8⁰ (17×25). 156 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 400 экз.

Ѳемелиди, А. М. Г. Сенкевичъ, его литературная эпоха, жизнь, труды и мысли. „Мыслители XIX в.“ Польша. Спб. 1911. Изд. 2-ое доп. и тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5—7). 8⁰ (25×17). 409 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 1.500 экз.

Бальмонтъ, К. Д. Полное собраніе стиховъ. Томъ 6. Фейныя сказки. Злыя чары. М. 1911. Изд. книгоизд. Скорпіонъ, 2-е. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8⁰ (18×23). 136+12 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 23 л. 2.050 экз.

Бирюковъ, Т. Къ вопросу о старообрядческихъ общинахъ. М. 1911. Тип. Старообрядческая (Покровка, Лялинъ пер., 6). 16⁰ (11×19). 13 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Боршевскій, С. Русская литература XIX вѣка въ разработанныхъ темахъ. Выпускъ II (Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Л. Толстой). Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Владикавказъ. 1911. Изд. кн. маг. Ѳ. Т. Марѣева. Тип. Терскаго обл. правл. 8⁰ (15×22). 284+III стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 1 ф. 3.000 экз.

Бѣлявскій, Е. Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ. М. 1911. Изд. кн. маг. В. В. Думнова (Мясницкая. д. Обидиной). 14-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8⁰ (15×22). VIII+119 стр. Ц. 65 к. Вѣсъ 9 л. 2.500 экз.

Валишевскій, К. Петръ Великій. Переводъ съ 7 французскаго изданія Т. Леонтьевой. (Происхожденіе современной Россіи Т. III). М. 1912. Изд. книгоизд. Современ. проблемы. Тип. Копѣйка (Б. Дмитровка, 26). 8⁰ (16×24). VIII+620 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ. Собраніе сочиненій. Томъ четвертый. Вып. 2-й. Спб. 1911. Изд. Отд. Русскаго языка и Словес. Имп. Акад. Наукъ. Тип. Имп. Академіи Наукъ (Вас. О., 9-я лин., 12). 8⁰ (16×24). VI+336 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 512 экз.

Войцеховскій. Евг. Памятка Новотрокца 1811 27/III 1911 гг. (Выборка для нижнихъ чиновъ изъ „Краткой исторіи 169 пѣх. Ново-Трокскаго полка“). Вильна. 1911. Тип. Л. Г. Сыркина (Больш., соб. д.). 16⁰ (12×19). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 2.100 экз.

Волконскій, М. С., князь. Стихотворенія. На правахъ рукописи. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8⁰ (16×21). 80 стр. Съ порт. Вѣсъ 14 л. 300 экз.

Изъ родной литературы. Хрестоматія для городскихъ училищъ, торговыхъ школъ, женскихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій. Городецкій, Н. Н., Дворниковъ, П. Ѳ., Дмитріевъ, С. А., Заборскій А. П., Касаткинъ, Н. В., Корольковъ, А. Е. Крестовъ, В. К., Семеновъ, М. С., Толстой, А. С. и Тулуповъ, Н. В. М. 1912. Изд. 8-е. Тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8⁰ (18×26). 812+IV стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 2 ф. 19 л. 10.000 экз.

Короленко, Владиміръ. Огоньки. Мгновеніе. Спб. 1911. Изд. М. А. Коломенкиной. Тип. 1-й Спб. Труд. Артели (Лиговская, 34). 8⁰ (14×21). 16 стр. Складъ: Спб. Кн. складъ Просвѣщенія, Стремянная, 6. Ц. 4 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. Книга первая. Спб. 1911. Изд. ред. журн. „Русское Богатство“, 13-е. Тип. Первой Спб. Трудовой Артели (Лиговская, 34). 8⁰ (15×19). 403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 6.000 экз.

Короленко, Владиміръ. Послѣдній лучъ. Спб. 1911. Изд. М. А. Коломенкиной. Тип. 1-й Спб. Труд. Артели (Лиговская, 34). 8⁰ (14×21). 16 стр. Адр. склада и издателя: Спб. Кн. складъ Просвѣщенія, Стремянная, 6. Ц. 4 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Краевскій, М. А. Бюрократизмъ и революція. Очерки жизни Черноморскаго побережья Кавказа. Соч. М. 1911. Тип. А. А. Левенсонъ, (Трехпрудный пер.). 8⁰ (17×25). 80 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 2.100 экз.

Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день Львомъ Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. Т. II (Апрѣль, Май, Іюнь). Библіотека Л. Н. Толстого подъ ред. П. И. Бирюкова, № 6. М. 1912. Изд. 2-е. Тип. Т-ва М. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (14×21). 344 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Майковъ, Б. А. Николай Васильевичъ Гоголь. Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся. Спб. и Варшава. 1911. Изд. Тов. Оросъ (Новый Свѣтъ, 70). 2-е. Тип. П. Лясковуера и К⁰. 8⁰ (16×23) 223 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Марковъ, Д. А. Записки по методикѣ исторіи и географіи. М. 1912. Тип. И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, с. д.). 8⁰ (15 × 23) IV+121 стр. Цѣна 1 руб. Вѣсъ 19 л. 1.000 экз.

Мартыновскій, В. „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ“. Т. I. Безъ удареній. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова и К⁰ (Спб. Итальянская, 40). Тип. „Трудъ“ (Кавалергардская, 40). 8⁰ (16×24). XI+469 стр Съ 14 рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 3.000 экз.

Ткачъ, В. Очерки Холмщины и Подляшья. Говоры, обычаи, обряды, типы, нравы, пѣсни, хозяйственный бытъ, домашняя обстановка, народное образованіе, разныя нужды и проч. Холмъ. 1911. Изд. Холмск. св. Богородиц. Бр. Тип. Вайнштейновъ (Люблинская, 14). 8⁰ (17×23). 113+1 нен. стр. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Толстой, Л. Н. Новая азбука. М. 1912. Изд. и тип. И. Д. Сытина Пятницкая, с. д.). 8⁰ (15×23). 108 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 9 л. 10.000 экз.

Толстой, Л. Н. Осада Севастополя. (Сокращено по „разсказамъ о Севастопольской оборонѣ“). М. 1911. Изд. Посредника (Петровскія линіи) 9-е. Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольск., 21). 32⁰ (10×13). 96 стр. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 24.000 экз.

Щегловъ. Иванъ. Народъ и Театръ. Очерки и изслѣдованія современнаго народнаго театра. Въ шести частяхъ, съ литературно-критическимъ очеркомъ объ И. Л. Щеглове А. А. Измайлова. Спб. 1911. Изд. и тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8⁰ (16×23). XXVI+424 стр Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 1.000 экз.

Адріанъ, архим. Памяти Кочубея и Искры, героевъ объединенія Руси Православной, Кіевской и Московской. Вѣнокъ къ памятнику имъ по поводу двухсотлѣтія со дня ихъ мученической кончины (14-го іюля 1708 г.—14-го іюля 1908 г.). Кіевъ. 1911. Тип. акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8⁰ (17×25). 38 стр.+8 рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Аксаковъ, С. Т. Дѣтскіе годы Багрова-внука, служащіе продолженіемъ „Семейной хроники“. Универсальная библіотека. № 534—536. М.

1911. Изд. к-ва Польза В. Антикъ и К° (Козицкій 2). Тип. т-ва А. А. Левенсонъ. 16° (10×14). 390+1 нен. стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 7.200 экз.

Бородкинъ, М. М. Краткая исторія Финляндіи. Спб. 1911. Тип. т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (14×20). VI+198+1 нен. стр. Съ карт. Финляндіи. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Воскресенскій, Константинъ. Краткая отечественная исторія въ очеркахъ и біографіяхъ (Примѣнительно къ курсу народныхъ училищъ). Рига. 1911. Изд. К. Г. Зихмана, 15-е (Театральная, 9). Тип. Мюллера (Гердерова пл., 1). 8° (15×23). 96 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 20.000 экз.

Гнѣдичъ, П. П. Сочиненія. Томъ VI. Черный туманъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1912. Изд. и тип. тов. А. Ф. Маркса (Изм. пр., 29). 8° (14×21). 344 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 30 л. 3.150 экз.

Е. К. Жизнь и подвиги преподобнаго Антонія Столпника, Чудотворца Мартенкопскаго. Тифлисъ. 1911. Изд. Книшидзе, 9-е. Тип. К. Н. Козловскаго (Головин. пр., 12). 18° (14×20). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Историческая панорама Санктпетербурга и его окрестностей. Ч. I. Отъ основанія Петербурга до Екатерининской эпохи. М. 1911. Тип. рус. т-ва (Мыльниковъ пер.). 4° (23×30). 28 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Козловъ, П. Всеволодъ Ивановичъ Роборовскій. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 линія, 28). 8° (17×24). 11 стр. Съ портр. Вѣсъ 3 л. 120 экз.

Козьминъ, К. и Покровскій, В. Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей. Для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. М. 1912. Изд. М. Д. Наумова, 12-е (Б. Лубянка, д. Стр. О. Россія). Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., с. д.). 8° (15×23). 103 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Купринъ, А. Разсказы. Т. III. Собраніе сочиненій. М. 1911. Изд. Моск. книгоизд., 4-е (Мясницкая, 34). Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8° (15×21). 346+17 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 5.200 экз.

Максъ, принцъ Саксонскій. Мысли по вопросу объ уніи церквей. Переводъ и послѣсловіе свящ. Н. Сахарова. Сергіевъ Посадъ. 1911. Тип. Св. Троицк. Сергіев. Лавры. 8° (17×24). 26 стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Малышевскій, И. И., проф. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Часть 2-я. Редакція В. И. Шемякина. Приходская библіотека. Спб. 1911. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8° (14×20). 160 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 2.800 экз.

Сергѣенко, П. Толстой и его современники. Очерки. Герценъ, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Лѣсковъ, Чеховъ, Брайанъ, І. Кронштадтскій, Толстой и дѣти. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 16° (15×19). 281+1 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 3.000 экз.

Сиповскій, В. В. проф. Сокращенный курсъ исторіи русской словесности въ двухъ частяхъ. Часть первая. Народная словесность. Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в. Спб. 1911. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (17×23). VII+203 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л. 5.100 экз.

Страховъ, П. С. Антисоціалистическая религіозность. (По поводу книги С. Б. Булгакова „Два града“). Сергіевъ Посадъ. 1911. Тип. Св.-Тр. Сергіев. Лавры. 8° (17×24). 41 стр. Вѣсъ 4 л. 30 экз.

Терликовъ, Е. Отечественная война 1812 года и войны 1813 и 1814 годовъ (Стѣнная таблица). Спб. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигор., 11). f° (72×102). 1 стр. Вѣсъ 11 л. 1.000 экз.

Толстой, Левъ Николаевичъ. Полное собраніе сочиненій. 11 выпусковъ. Спб. 1911. Изд. книг-ства „Ясная Поляна“ (Спб., Каравайная, 7). Тип. К. А. Четверикова (Каравайная, 7). 8⁰ (16×22). 736 стр. Ц. каждаго выпуска 8 к. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 1.000 экз.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Вторая ступень въ литературу. Хрестоматія для младшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и домашняго обученія. М. 1912. Изд. и тип. И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (18×27). 309 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 10.000 экз.

Шлосбергъ, А. Н. Начало періодической печати въ Россіи. (Историко-литературное изслѣдованіе). Спб. 1911. Тип. Сенатская. 8⁰ (16×24). 75 стр. Вѣсъ 7 л. 350 экз.

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы. (Курсъ средней школы). М. 1911. Изд. 8-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., 9). 8⁰ (15×23). XVI+87 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 6.020 экз.

Богородскій, А. Димитрій Ивановичъ Менделѣевъ, какъ ученый (Опытъ характеристики). Рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи Техническаго Отдѣленія Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества, посвященномъ памяти Д. И. Менделѣева, 27 января 1911 года. Казань. 1911. Тип. И. Н. Харитонова (уг. Воскресен. и Казан., соб. д.). 8⁰ (15×22). 20 стр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Двадцать восемь портретовъ главнѣйшихъ русскихъ полководцевъ Отечественной войны. Спб. 1911. Тип. Спб. тюрьмы (Арсен. набер., 5). 8⁰ (14×21). 52 стр. Съ 28 портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Народныя каррикатуры-картинки, вышедшія въ Отечественную войну. Съ ихъ общей характеристикой. Спб. 1911. Изд. Д. Г. Булгаковскаго (Измайловскій пр., 5). Тип. Спб. тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8⁰ (14×21). 25 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Булгаковскій Д. Г. Наши ополченцы и партизаны въ Отечественную войну. Спб. 1911. Изд. Булгаковскаго (Спб., Измайл. просп., 5). Тип. Спб. тюрьмы (Арсен. набер., 5). 8⁰ (14×21). 31 стр. Съ рис. Ц. 12 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Отголоски старины объ Отечественной войнѣ. Спб. 1911. Изд. Д. Г. Булгаковскаго (Измайловскій пр., 5). Тип. Спб. одиночной тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8⁰ (14×21). 84 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Поэтическія произведенія, вышедшія въ Двѣнадцатомъ году и въ новѣйшее время съ подробной характеристикой. Спб. 1911. Изд. Д. Г. Булгаковскаго (Измайловскій пр., 5). Тип. Спб. одиночной тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8⁰ (14 × 21). 83 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

200-лѣтіе Кабинета Его Императорскаго Величества 1704—1904. Историческое изслѣдованіе. Спб. 1911. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, № 11). 8⁰ (20×28). 1—XX+1—526+1—146 стр. Съ 59 рис. Вѣсъ 9 ф. 1.000 экз.

Двѣнадцатый годъ. М. 1911. Изд. М. Н. Шалимова (Солянка, Б. Ивановскій пер., д. Бабурина). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистые пруды, 14). 18⁰ (12×17). 17 стр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Дувинъ, И. П. Памятка о полувѣковомъ юбилеѣ освобожденія кре-

стянь отъ крѣпостной зависимости 19-го февраля 1861—1911 г.г. Симферополь. 1911. Тип. Губернская. 8⁰ (17×22). 34 стр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Е. В. Государственная дѣятельность предсѣдателя Совѣта Министровъ статсъ-секретаря Петра Аркадьевача Столыпина. Въ двухъ частяхъ. Окончаніе сборника „Предсѣдатель Совѣта Министровъ Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ“, сост. Е. В. въ 1909 г. Ч. I. 1909 и 1910 г.г. Отвѣтств. ред. Д. Н. З.—Д. Спб. 1911. Изд. Составителя. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13), 8⁰ (16×24). XIV+377 стр. Съ портр. Складъ: въ книжн. маг. „Новое Время“. Невскій, 40. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 1.210 экз.

Ермаковская, О. Н. Императоръ Петръ Великій и всемірно-историческое значеніе Полтавской побѣды. Рѣчь, произнесенная преподавательницей исторіи въ залѣ женской гимназіи 12 апрѣля 1909 года. Спб. 1911. Тип. В. Я. Мильштейна (Нижегородская, 14). 8⁰ (16×25). 28 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Корчинскій, І., прот. Что такое баптизмъ? Историческій очеркъ и характеристика этого религіознаго движенія. Штундо-Баптизмъ въ Россіи. Гродна. 1911. Тип. губернская. 8⁰ (16×22). 38 стр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Красновъ, П. Годъ войны. 14 мѣсяцевъ на войнѣ. Очерки русско-японской войны съ Февраля 1904 года по Апрѣль 1905 года. Томъ второй. Спб. 1911. Изд. газеты „Русское Чтеніе“ (Спб., Надеждинская, 19). Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигород., 11). 8⁰ (20 × 28). 257 стр. Съ 55 рис. 7 картъ. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Красновъ, П. Русско-Японская война. Восточный отрядъ на р. Ялу. Бой подъ Тюренченомъ. Спб. 1911. Изд. Всероссійск. національн. клуба. Тип. А. С. Суворина (Эртел. пер., 13). 8⁰ (14×20). 55 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 25.000 экз.

Левитовъ, А. И. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова. Томъ четвертый. Спб. 1911. Изд. книг-ства Просвѣщеніе. Тип. акц. о-ва Самообразованіе (Забалканскій пр., 75), 8⁰ (14×20). 285 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Демонъ. Поэма. Иллюстрированная Лермонтовская библіотека. № 1. Спб. 1911. Изд. 8-е. Ф. Павленкова. Тип. Меркушева (Невскій, 8). 16⁰ (10×15). 56 стр. Съ 1 портр. и 8 рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 3 л. 10 000 экз.

Ольшевскій, П. Краткій обзоръ исторіи университетовъ. Вып. I. Одесса. 1911. Тип. М. Прищепова. 8⁰ (16×23). 58 стр. Вѣсъ 10 л. 300 экз.

Острогорскій, Викторъ. Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Спб. 1911. Изд. 12-е Н. В. Ельманова. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8⁰ (13×20). 250 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 21 л 6.000 экз.

Петровъ, Г. С. Литература и жизнь. (Лекція, читанная въ 1911 г.). Харьковъ. 1911. Тип. Р. Радомышильскаго (Кузнечная, 8). 8⁰ (13×21). 24 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Поливановъ, Д. М. Конспектъ русской Исторіи. Сост. по учебнику проф. С. Ѳ. Платонова. Вып. 1-й. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Ч. I. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. Порядокъ С. К. Цессерскаго. 32⁰ (10×13). 302 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Пругавинъ, А., Давыдовъ, Н., Тимковскій, Н., Гинцбургъ, И., Блюменталь, Оскаръ, Хирьяковъ, А., Бертенсонъ, Л., Шульгинъ, С., Пархоменко, И., Наживинъ, И., Малахіева-Мировичъ, В. Сборникъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ. М.

1911. Изд. Книгоизд. Златоцвѣтъ. Тип. Печатное дѣло (Газетный пер., 9). 8⁰ (16×24). 2 нен.+176 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 4.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Пиковая дама. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библіотека. № 30. Спб. 1911. Изд. 7-е, Ф. Павленкова (Лештуковъ пер., 2). Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 16⁰ (10×15). 48 стр. Съ 1 портр. и 2 рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 6.100 экз.

Пушкинъ, А. С. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ. Книжки для чтенія на первомъ году обученія. Библіотека новой школы. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 25. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина. 16⁰ (13×17). 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Иллюстрированная Пушкинская библіотека. № 12. Спб. 1911. Изд. 7-е, Ф. Павленкова (Лештуковъ пер. 2). Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 16⁰ (10×15). 14 стр. Съ порт. Ц. 2 к. Вѣсъ 1 л. 6.100 экз.

Романовскій, В. Е. Отечественная война 1812 года. М. 1912. Изд. Кн-ства К. И. Тихомирова (Кузнецкій мостъ, д. Захарьина). Тип. Гросманъ и Вендельштейнъ. 8⁰ (15×23). 144 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 15 л., 5.000 экз.

Толстой, Л. Н. Живой трупъ. Драма въ 6-ти дѣйствіяхъ и 12-ти картинахъ. Подъ ред. В. Г. Черткова. М. 1912. Изд. А. Л. Толстой. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д). 16⁰ (11 × 16). 68 стр. + 1 портр. Ц 10 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Толстой, Л. Н. Не могу молчать! Избранныя произведенія. Книгоиздательство „Ясная Поляна“ (Спб., Караванная, 7). Содержаніе: По поводу присоединенія Босніи и Герцеговины. О веснѣ жизни. Разговоръ съ революціонеромъ. О порнографіи. О безсмертіи души. Любите другъ друга. Легенда объ Александрѣ I. Письма. Бесѣда съ епископомъ Парѳеніемъ. Государственная Дума. Письмо И. М. Трегубову. Предисловіе къ роману Поленца—„Крестьянинъ“. Уголокъ избранныхъ мыслей. Свобода и насиліе въ школѣ. О справедливости и покаяніи. Воспитаніе и гармоническое развитіе человѣческой личности. Изъ мыслей объ обученіи и образованіи. О нравственномъ воспитаніи. Отвѣтъ М. С. Д—кну. Бесѣды съ дѣтьми по нравственнымъ вопросамъ. О вѣхахъ. О самоусовершенствованіи. О сознаніи духовнаго начала. О Мечниковѣ. Письмо православному священнику. Предисловіе къ сочиненіямъ Эртеля. Законъ насилія и законъ любви. О женскомъ равноправіи. Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ и работникъ. Власть тьмы. Письма. Плоды просвѣщенія. Спб. 1911. Тип. К. А. Четверикова (Караванная, 7). 8⁰ (17×24). 736 стр. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 1.000 экз.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

ъ яркой плеяды героевъ 1812 года. Въ 1815 году онъ былъ поставленъ во главѣ арміи, торая предназначалась дѣйствовать противъ Наполеона, бѣжавшаго съ острова Эльбы. омолова прочили затѣмъ военнымъ министромъ. Но судьба судила иначе. Въ 1816 году омоловъ стоялъ во главѣ нашего знаменитаго посольства въ Персіи, послѣ чего до 27 года онъ управлялъ Кавказомъ. Его десятилѣтнее управленіе этимъ краемъ счи-ется и по настоящее время во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. Гнусная придворная трига въ 1827 году заставила Ермолова просить объ отчисленіи отъ должности. Его ужебная карьера кончилась въ этомъ году въ полномъ расцвѣтѣ его умственныхъ, фи-ческихъ и нравственныхъ силъ и затѣмъ, въ теченіе 34 лѣтъ до его смерти (1861), его енныя дарованія не понадобились родинѣ, несмотря на безпрерывныя войны, веден-ія въ это время Россіей.

Съ невыразимой грустью читается глава V о томъ времени, когда А. П. Ермоловъ лъ заживо погребенъ для родины.

Очень интересна глава VI. Общая характеристика Ермолова.

Появленіе въ свѣтъ этой прекрасной книги вполнѣ умѣстно въ годъ столѣтія свя-енной памяти войны 1812 года, въ которой такъ доблестно отличился А. П. Ермоловъ.

Вл. Череванскій. Творчество русской силы. Части I и II. Историческая моно-афія.

Въ своей обширной монографіи авторъ талантливо и поучительно разсматриваетъ слѣдовательное, историческое строеніе родины творчествомъ русской силы, выходив-имъ во всѣхъ случаяхъ борьбы за существованіе съ обновленными силами на великій торическій путь Россіи.

Попутно разсматриваются, съ особой тщательностью, окраинные и инородческіе во-росы. Рекомендуемъ каждому, интересующемуся судьбой своей родины прочесть эту тересную и назидательную книгу.

Казачьи войска. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Подъ едакціей В. К. Шенкъ. Составилъ В. Х. Казинъ.

Эта прекрасная книга является первымъ справочнымъ изданіемъ о казакахъ какъ нѣ существующихъ войскъ, такъ и старыхъ, отошедшихъ въ область исторіи, при чемъ роники гвардейскихъ казачьихъ частей помѣщены въ книгѣ—Императорская гвардія.

Съ особой тщательностью и искусствомъ изложены хроники казачьихъ войскъ по дующему общему для каждаго войска плану:

Краткая хроника войска, войсковыя регаліи, хроника отдѣльныхъ частей каждаго йска и перечень службы и походовъ войска, при чемъ обращено особое вниманіе на из-женіе преемственности строевыхъ казачьихъ частей.

Въ началѣ книги приложены изящные портреты пяти Августѣйшихъ Атамановъ ѣхъ казачьихъ войскъ, формы одежды и обмундированія существующихъ казаковъ, а ъ концѣ напечатаны прекрасно составленныя біографіи выдающихся военныхъ дѣятелей, мена коихъ „въ вѣчное сохраненіе и напоминаніе“ присвоены казачьимъ частямъ.

Этотъ обширный, въ 462 страницы, трудъ представляетъ высокоцѣнное пособіе для торіи всего казачества.

Исторія 13-го Драгунскаго военнаго ордена, генералъ-фельдмаршала Миниха олка. Томъ II. Составилъ полковникъ А. Григоровичъ. С.-Петербургъ 1912 г.

Эта образцово-составленная полковая исторія читается съ живѣйшимъ интересомъ, собенно VII, VIII и IX главы, касающіяся жизни полка при Императорѣ Николаѣ I. Из-аніе снабжено изящными портретами, рисунками и планами. Повсюду обстоятельныя сылки на источники.

Въ особую заслугу надо поставить автору, что онъ украсилъ свой прекрасный рудъ многими интересными воспоминаніями прежде служившихъ въ полку и въ особен-ости воспоминаніями извѣстнаго поэта А. А. Фета (Шеншина), поступившаго въ полкъ ъ 1845 году и переведеннаго въ гвардію въ 1854 году.

И. С. Симоновъ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣ-омство. С.-Петербургъ 1912 г.

Авторъ излагаетъ интересныя данныя о выдающейся дѣятельности Д. А. Милютина о военно-учебному вѣдомству.

Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназіи (1811—1911). Составили Н. К. Кизель и В. И. Мазюкевичъ. Архангельскъ. 1912 г.

Всѣ подобныя историческія записки, одна въ одну, совершенно одинаковыми скуд-ными красками, заимствованными изъ оффиціальныхъ документовъ, рисуютъ тотъ или ной уголокъ учебной жизни, въ которой смѣнялись въ истекшій періодъ господствующія направленія и системы, мощно правившія и воспитателями и воспитываемыми. Въ этомъ смыслѣ ничѣмъ особеннымъ не отличалась и архангельская гимназія, вступившая во второе столѣтіе. Посильное добро она дѣлала и въ сто лѣтъ выпустила 611 учениковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1913 г.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. №-6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.**